СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Владимир БУШИН

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ КЛАССИКИ

Американцы на нашей земле наплодили кучу карликов: Горбачев и Ельцин, Яковлев и Шеварднадзе, Козырев и Швыдкой... Кто они, как не сексоты? Чего стоит один звонок из Беловежской Пущи карлика Ельцина американскому президенту: «Ваше превосходительство, задание выполнено: Советский Союз задушен!» Чего стоит одна телепередача гнома Швыдкого «Русский фашизм хуже немецкого». Сукин сын Карл Английский по сравнению с этой бандой предателей младенец.

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Владимир БУШИН

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ КЛАССИКИ

МОСКВА
АЛГОРИТМ
2007

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
Б 90

Оформление серии *П. Ильина*

Бушин В. С.
Б 90 Живые и мертвые классики / Владимир Бушин. – М.: Алгоритм, 2007. – 400 с. – (Старая гвардия).

ISBN 978-5-9265-0479-5

В своей новой книге Владимир Сергеевич Бушин прошелся своим острым пером по творчеству классиков советской и постсоветской литературы. Звание «мэтров» не уберегло Вадима Кожинова и Григория Бакланова, Александра Солженицына и Булата Окуджаву, Александра Проханова и Эльдара Рязанова от критики «в стиле Бушина», беспощадной и остроумной, от которой, по выражению Сергея Михалкова, никакие «адвокаты не спасут».

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9265-0479-5

© Бушин В. С., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

УРОК ВАДИМА КОЖИНОВА

Скорбная весть о смерти Вадима Кожинова настигла меня в тот именно день и час, когда я, листая его книги и последние газетные публикации, готовился писать о нем статью... Мы познакомились в самом конце пятидесятых. Потом, в 1966 году, встречались в кельях Высокопетровского монастыря на заседаниях Общества по охране памятников истории и культуры, куда однажды зимним вечером привел меня Петр Палиевский. Помню, знакомя меня с Вадимом, его жена Лена Ермилова, которую я знал с 1953 года по Дому творчества в Дубултах, язвительно и весело сказала ему: «Это тот самый Бушин, без которого не обходится ни один номер «Литературы и жизнь». Почти так и было. Тогдашние демократы выперли меня из «Литературки», где после ухода моего шефа Михаила Алексеева я оказался белой вороной и где печататься мне с моими убеждениями было крайне затруднительно. Я работал теперь в этой недавно созданной газете. Авторский актив у нее еще не сложился, с материалами было нелегко, а у меня скопилось множество моих статей, которые я лично подозревал в некоторой гениальности. Куда их девать? Не выбрасывать же! И вот, будучи ответственным секретарем газеты, я и забивал ими ее страницы. Ничего, демонстраций протеста не было, окна редакции не били, и милейший Виктор Васильевич Полторацкий, главный редактор, терпел меня... Ах, как давно все это имело быть... Жизнь тому назад... «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку»...

И с тех почти мифических пор наши добрые отношения с Вадимом ничем не омрачались. Мы при встречах и по телефону нередко делились впечатлением о прочитанном, спорили о самых разных разностях, дарили друг другу книги, я, как и другие собратья, порой обращался к нему за справками по вопросам истории и литературы. Кажется, совсем недавно мне понадобилось одно ахматовское стихотворение 1940 года, а оно не оказалось под рукой, и я позвонил ему:

— Вадим, как там дальше?

Когда погребают эпоху,
Прощальный псалом не звучит...

Он перезвонил через десять минут и прочитал:

Когда погребают эпоху.
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет...

— Читать до конца?
И он дочитал:

...И клонятся головы ниже,
Как маятник ходит луна.
Так вот — над погибшем Парижем
Такая теперь тишина.

...Кожинов будил мысль и порой я дополнял, развивал его идею. Так, в одной из недавних статей я перечислил мно-

гие важные деяния, предпринятые нашей страной впервые в мире. Подобный патриотический перечень встретил у него сперва в беседе с В.Кожемяко «Загадка космополитов», потом — во второй книге «Загадочных страниц истории XX века»: «27 июня 1954 года — пуск первой в мире АЭС; 4 октября 1957-го — запуск первого в мире искусственного спутника Земли; 14 октября 1959-го — первое прилунение межпланетной станции; 1 января 1961-го — первый человек в космосе» и т.д. Я лишь поправил некоторые даты (известно, например, что Юрий Гагарин взлетел в космос не 1 января, а 12 апреля 1961-го), расширил этот перечень в обе стороны времени и несколько разнообразил его: «В 1947 году мы первыми из воевавших стран Европы отменили карточки; первыми в мире забросили свой серпастый и молоткастый герб на Луну; первыми в мире огласили Вселенную звуками нашего гимна; первыми, на двадцать лет раньше американцев, создали орбитальную космическую станцию; первыми, на десять лет раньше англичан, клонировали животное; первыми в мире, как недавно поведал Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Сергей Макарович Крамаренко, во время интервенции США в Корее сбили 1309 американских самолетов («Досье» № 8, 2000, с.5)...»

А однажды, тоже недавно, прочитав мою статью в «Завтра», Вадим позвонил и поздравил с «открытием», которое будто бы я сделал в ней, хотя думаю, что всего лишь напомнил нашим суперпатриотам известное, но забытое: Ленин, которого они изображают евреем и антипатриотом, выдвигая лозунг поражения своего правительства в Первой империалистической войне, имел в виду достигнутое перед войной на Бернской конференции «соглашение социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств», «содействие друг другу революционных движений во всех воюющих странах». В связи с чем он писал о выступавшем против этого Троцком, с которым суперпатриоты здесь смы-

каются, как с лучшим другом и учителем: «Вот — образец надутых фраз... Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России значит желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№40 «Социал-демократа») пояснила: во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству». Если бы этого удалось достичь, войны могло вообще не быть или ее задушили бы в самом начале.

Какое же тут открытие? Я просто напомнил, что Ленин перед суперпатриотами, если сказать словами толстовского князя Курагина, «невиновен, как Христос перед жидами». Но правда и то, что ныне народ так неутомимо одурачивают, стремясь духовно разложить, что иной раз простое напоминание истины действительно оказывается открытием. Пожалуй, особенно ясно я понял это, когда в апреле прошлого года один старый друг ошарашил меня: «А знаешь ли ты, что в 1905 году Ленин послал японскому императору поздравительную телеграмму в связи с победой в войне против России?» За эти годы мы наслышались много всякого вздора о Ленине, Сталине и других советских руководителях, но такое я услышал впервые. И от кого! Не от юного пепсикольца... Он это не только принял в смятенную душу без всякого протеста, но и несет дальше. Другое дело, когда этим занимается, допустим, агитпроповец демократии Радзинский. Например, уверяет, что в октябре 1939 года Сталин встречался во Львове с Гитлером. И ведь никаких доказательств, одни домыслы, но тут примечательно не вранье само по себе. Радзинский прекрасно знает, что английский премьер Чемберлен, его министр иностранных дел лорд Галифакс, французский премьер Даладье и другие первые лица западных держав много раз встречались с Гитлером. Да не как-нибудь, а являлись к нему с поклоном, с заискивающими улыбочками и при этом поочередно предавали: Австрию, Чехословакию, Польшу... Тот имел полное основание

презрительно сказать о них: «Я знаю этих господ с зонтиками...» Но Радзинский благоговеет перед галантными премьерами и благородными лордами с эластичными хребтами, у него к ним никаких претензий. В ту пору не было бы ничего странного, необыкновенного, тем паче — позорного, если и Сталин в 40-м году, как лидер страны, встретился бы с Гитлером. Но даже предположение об этом приводит Радзинского в неистовство. А ведь ясно же, если бы встреча действительно была, то скрыть ее никак не удалось бы, и за долгие десятилетия уж непременно какие-то свидетельства о ней как-то вылезли бы на свет божий, и ее без конца использовали бы в своих политических целях и такие мелкотравчатые антисоветчики, как Эдик, и покрупней. А тут вдруг, спустя шестьдесят лет, на тебе — открытие! Так же и с телеграммой Владимира Ильича в адрес микадо.

Я тогда сказал другу:

— Есть вещи, понять истинность коих можно без обращения к архивам, мемуарам, слухам, а посредством просто спокойного размышления. Если бы действительно имело место нечто хотя бы отдаленно похожее на ту телеграммку, то сей факт без конца и уже много-много лет мусолили бы враги Ленина, как мусолят они «пломбированный вагон», — ведь их, врагов-то, у него не счесть, как и у Сталина! С чего бы им молчать и ждать почти сто лет?

А недавно, взяв и этот факт у Кожинова, я в одной статье писал, что Г. Зиновьев в свое время заявил: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя разговаривать — их надо уничтожать». Некоторые авторы, в том числе Владимир Солоухин, приписывают это Ленину. И опять кое-кто из друзей завел музыку... Поразительна легкость, если не жадность, с которой даже старые уже люди на лету хватают и заглатывают антисоветский вздор. Словно начисто отшибло умение размышлять, сопоставлять факты, анализировать, не говоря уж о чувстве брезгливости и простой опрятно-

сти: ведь это клевета то, к чему они сами еще вчера относились с уважением!

Кожинов сокрушил и развеял множество мнимоисторических мифов, скудоумных легенд и просто побрехушек, что вот уже столько лет обрушивают на голову народа невежественные и бесстыдные служители режима. Пожалуй, больше всего, разглагольствуя о действительных трагедиях и жестокостях Гражданской войны, они, во-первых, говорят при этом только о защитниках советской власти, о «красных»; во-вторых, уверяют, что все это возможно было только в этой дикой России. Кожинов, обратившись к событиям Великой французской революции, с цифрами и фактами в руках показал, что тогда в этой распрекрасной цивилизованной стране жестокостей и жертв было уж никак не меньше, если не больше. А вот, например, одна из самых стойких побрехушек о том, что в 1917 году большевики разложил армию. Кожинов опровергает ее словами не кого-нибудь, а генерала Деникина: «Когда говорят на каждом шагу (И ведь до сих пор! — *В.Б.*), что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие. Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Это было сказано в присутствии Керенского, власть которого и ответственна за это законодательство... Владимир Солоухин в книге «При свете дня», изданной на деньги американской фирмы «Belka Trading Corpopation», гневно обличал большевиков за жуткую расправу над министрами Временного правительства: «Не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве». Были такие факты, но не с членами правительства, а со священниками и не в России, а в распрекрасной Франции в дни ее Великой революции. А члены Временного правительства, как документально показал Кожинов, называя конкретные имена, сперва были арестованы, но скоро отпущены на все четыре стороны. Из всех пятнадцати министров восемь остались в России, и работа-

ли на довольно высоких постах вплоть да начальника снабжения Красной Армии, а семь эмигрировали. «Большинство из них прожило долгую и богатую жизнь»... Один высокий церковный иерарх, а за ним и многие суперпатриоты твердили, что почти все пятнадцать членов первого Советского правительства были евреи, а, следовательно и вся Октябрьская революция была затеей еврейской. Кожинов развеял и этот вздор, показав, что еврей там был только один — Троцкий, хотя, конечно, не отрицал самое энергичное и обильное их участие во властных структурах, в том числе, в ЧК-ОГПУ-НКВД... Однажды старый писатель Иосиф Прут, беседуя по телевидению с известным пустозвоном Киселевым, сказал, что во время Гражданской войны служил в Красной Армии. «Как это вас угораздило!» — недоуменно и презрительно воскликнул всероссийский пустозвон, будучи уверен, что в Красной Армии никого, кроме Сталина и Буденного, не было. Так вот, по гулким головам таких болванов Кожинов бил дубиной цифр: «43 процента царских офицеров (включая генералов) предпочли служить в Красной Армии, притом, что особенно значительно, каждый пятый из них сначала находился в Белой армии, а затем перешел в Красную! И еще более существен тот факт, что из военной элиты — офицеров Генерального штаба, которые были наиболее культурными и мыслящими,— в Красной Армии служили 46 процентов, т.е. больше, чем остальных офицеров...» Если коснуться Великой Отечественной, то вспоминается, как бесновалась в сляпанном ею лживом и бездарном телефильме о ней Светлана Сорокина, достойная боевая подруга клеветника Киселева, по поводу того, что наше правительство не подписало известную Женевскую конвенцию 1929 года, и вот из-за этого немецкие фашисты плохо обращались с нашими пленными и плохо кормили их. Кожинов на многочисленных фактах показал, что «наивно уже само предположение, что Германия готова была соблюдать по отношению к нам какие-либо принципы». Речь шла не

о плохом обращении и питании — «пленные просто уничтожались врагом». И приводит приказ от 11 мая 1943 года по 2-й танковой армии, которой командовал известный Гудериан: «При занятии населенных пунктов нужно немедленно захватить мужчин в возрасте от 15 до 65 лет и объявить им, что они впредь будут считаться военнопленными, а при попытке к бегству будут расстреливаться». Это о мирных жителях. Действительных и мнимых военнопленных немцы уничтожили около 4 миллионов...

Этот победный перечень кожиновских погромов скопища идиотов и клеветников можно продолжать долго. Но от молодых лет, от чуждого влияния остались у него и некоторые следы давнего «диссидентства» — такие, как вера в «железный занавес», осуждение девиза Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» (враг же, а не оппонент в ученой дискуссии!), «сказочки о Сталине», по его собственному выражению, и т. д.

...Из недавних разговоров с Кожиновым упомяну еще как раз тот, в котором я, прочитав в его газетной статье о «железном занавесе» в Советском Союзе, сказал ему:

— Какой занавес! Это замшелая и наглая черчиллевская чушь. Такая же, как солженицынские десятки миллионов репрессированных, которые ты не раз высмеивал... Если иметь в виду международную жизнь, то наша страна была здесь одной из самых активных: еще до войны мы имели дипломатические и торговые отношения едва ли не со всеми государствами мира, после войны СССР — один из главных создателей ООН, постоянный член Совета безопасности, непременный участник многих международных конференций. Где же тут занавес, Вадим? Были попытки опустить его, установить «санитарный кордон» на наших границах, но они предпринимались не нами, а руководителями стран Запада. Чего стоит хотя бы один только тот факт, что США официально признали СССР, вспомни-ка, лишь в 1933 году, то есть 16 лет пытались изолировать нас! Если же взять науч-

ные, культурные, спортивные связи, то разве можно забыть, что многие наши ученые, писатели, театральные коллективы, спортивные команды объездили весь мир. Маяковский, как ты знаешь, по его собственному признанию, «земной шар чуть не весь обошел», Эренбург едва ли не полжизни прожил во Франции и тоже исколесил всю планету, дважды Герой Социалистического Труда, нобелевский лауреат академик П.Л.Капица с 1921 по 1934 год находился в командировке в Англии. А кто подсчитает, сколько раз ездили за границу Большой театр, МХАТ, Вахтанговский, хор Пятницкого, Ансамбль красноармейской песни и пляски. И есть ли на земле страна, в которой не побывал бы ансамбль Игоря Моисеева?.. А вспомни, как с самого начала революции обстояло дело с иностранной литературой. Еще в 18-м году Горький создал издательство «Всемирная литература», над входом в которое можно было бы выбить тогда же сказанные слова Блока:

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл
И сумрачный германский гений...

Многотомные издания, не говоря уж об отдельных книгах, иностранных классиков выходили у нас космическими тиражами, невозможными на их родине. Поистине для многих иностранных классиков СССР стал второй родиной.То же самое и с современной литературой. Где в мире так издавались и читались Джек Лондон, Бернард Шоу, Роллан, Уэллс, Олдингтон, Стейнбек, Хемингуэй, Фолкнер...Ну, вот правда, с Кафкой мы поотстали от прогрессивного человечества. И что, это большая потеря?.. А кино! Я помню еще немой фильм «Кольцо нибелунгов», который видел в самом начале тридцатых годов, помню комиков Пата и Паташона из каких-то иностранных комедий... Потом шли «Богиня

джунглей», «Акула Нью-Йорка», «Королева лесов», «Багдадский вор», «Знак Зорро»...Ёще позже — «Огни большого города», «Под крышами Парижа», «Маленькая мама», «Большой вальс»... Чаплин и Дуглас Фербенкс, Мэри Пикфорд и Франческа Гааль, Гарри Пиль и Жан Габен были у нас почти так же популярны, как Игорь Ильинский и Любовь Орлова, Николай Крючков и Марина Ладынина. Помню, даже частушка была:

Не садись со мною рядом,
Не гляди в упор.
Я тебе не Гарри Пиль
И не багдадский вор...

А итальянский неореализм! Кто запрещал нам смотреть все его фильмы сразу, как только они появлялись?

— Возможно, ты прав,— сказал Кожинов.

— «Железный занавес» был со стороны Запада. На материале науки это убедительно показал недавно академик Алферов. А с нашей стороны был не занавес, а фильтр. Разумный, надежный фильтр, который нужен любому народу, желающему остаться самим собой. К нам приезжали Поль Робсон и Рокуэлл Кент, а наслаждаться воплями Майкла Джексона или завываниями Мадонны гражданин Лужков мог поехать в США за свой счет.

Через несколько дней Вадим позвонил мне и сказал: «Я запомнил твой тезис «не занавес, а фильтр» и обязательно напишу об этом, сославшись на тебя». Увы...

Сейчас я мог бы это дополнить еще и тем, о чем пишет Сергей Куняев в последних главах своей содержательной работы о Павле Васильеве, — о множестве джазов у нас в стране еще в середине 30-х годов. Ведь непуганые телеидиоты постоянно твердят, что джазы были запрещены, за них судили, ссылали, сажали. С.Куняев приводит цитату из «Комсомолки» за 27 октября 1934 года с перечнем: «Джазы Утесова, Ренского, Скоморовского, Березовского, джазы (ви-

димо, гастролировавшие) английский, чехословацкий, женский, даже джаз лилипутов...» А джаз Лундстрема! А частный джаз Цфасмана!.. Автор приводит высказывание концертмейстера Вахтанговского театра тех лет Юрия Елагина: «Ездил Цфасман и его ребята только в международных вагонах. Зарабатывали они бешеные деньги. Вероятно, никто в стране так не зарабатывал. Одевались у лучших портных Москвы...Пользуясь своей популярностью, Цфасман позволял себе невероятные вещи. Например, в Тифлисе в пылу пустяковой ссоры избил начальника городской милиции, заявив при этом: «Такой дряни, как ты, у нас тысячи, а Цфасман — один». Начальник милиции на следующий день приехал в отель мириться, прислав предварительно дюжину бутылок кахетинского... Тогда легче было подписать приказ об аресте маршала или члена ЦК, чем арестовать музыканта из джаза Цфасмана...» («Наш современник»№12`2000, с. 198).

...Когда мы разговаривали по телефону последний раз, я сказал Вадиму, что в нашем доме «кожиновские дни»: жена с удовольствием читала его «Тютчева», а я — новые публикации в газетах. Готовился писать о нем статью, в которой собирался кое в чем и поспорить...

Замечательный журналист Виктор Кожемяко, напечатавший в «Правде» и «Советской России» много больших, содержательных, интересных бесед с Кожиновым, сейчас пишет: «Без Вадима Кожинова нам нельзя. Нужно знать его и опираться на него в борьбе за родину!.. Он ведь столько успел сказать! И необходимо в этом сказанном хорошо разобраться. Я буду много писать о его книгах и об этом замечательном человеке». Желаю от души неутомимому Виктору Стефановичу успеха и в этом его очередном благородном намерении. Но хорошо бы, разбираясь в оставленном наследии, поменьше бренчать громкими фразами («Великая, могучая, необоримая сила» и т.п.), а побольше размышлять, анализировать, сопоставлять.

А то ведь что иной раз получается даже не при обращении к наследию, а при живой беседе с широко известным и авторитетным автором. Вот один из них в пушкинские дни взялся по-новому представить нам в стихотворении «Клеветникам России» с детства знакомые строки, обращенные к Западу:

И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы...

Воображение неопушкиниста поразили слова «под кем дрожали вы», и он разъясняет: «Конечно, Пушкин использует здесь, можно сказать, очень грубый образ, на грани пристойности». Вы догадались, на что намек? Да очень просто: великий поэт, по убеждению толкователя, хотел представить здесь покорение Наполеоном Европы в виде изнасилования несчастной дамы. И толкователь в восторге от этого образа на грани пристойности, ибо он «с одной стороны, почти незамечаемый читателем, а с другой — поразительно точный». Но что это значит — почти незамечаемый? И зачем такой образ нужен в политическом стихотворении, где все остальное предельно ясно? Но образ так понравился неопушкинисту, что он берет его на вооружение: «В неприязни Запада к России заметную роль играл стыд немцев, «дрожавших под Наполеоном», и французов, «дрожавших под Гитлером». Словом, перед нами мировая история в виде эротических картинок из «Плейбоя»... И вот вместо недоуменных слов «Да вы, сударь мой, в своем ли уме?!», мы слышим от журналиста вопли восхищения и радости: ах, как ново! ах, как тонко! ах, как глубоко!.. И эта чушь порнографическокого пушкиноведения пошла гулять по святой Руси в пушкин-

ские дни со «знаком качества», поставленным журналистом, награжденном пушкинской медалью...

У В.Кожинова порой встречаются довольно неожиданные и удивительные для человека такого ума и эрудиции суждения о некоторых писателях и фактах литературы. Так, он писал, что Е.Евтушенко только благодаря стихам о Сталине «сразу же обрел статус «ведущего молодого поэта». Разве это так? Или вот рассказывает: однажды «оказался в кафе ЦДЛ за одним столом с давним близким приятелем Евтушенко Евгением Винокуровым, который известен написанным им в 1957 году текстом песни «В полях за Вислой сонной...» — текстом, надо сказать, странноватым». С Винокуровым в 1946 году мы вместе пришли в Литературный институт с фронта, и все студенческие годы были друзьями: состояли в одном творческом семинаре, ходили на литературные вечера и пирушки, ездили в мою деревню Рыльское, что в Тульской области близ Куликова поля, дарили друг другу книги. У меня есть, пожалуй, все его книги с дружескими дарственными надписями. На «Признаньях» он написал: «Дорогому старинному другу, в память нашей молодости, Тулы и Литинститута, с верою в нашу дружбу, долголетнюю и испытанную, от всей души. Женя Винокуров. 30.X1.58.» На книге «Музыка» (1964 г.) добавил: «Надо дорожить старой дружбой»...

Винокуров умер в 1993 году... В одном стихотворении, посвященном жене, он писал, что вот наша жизнь уже давно течет спокойно и тихо, вроде бы смешно говорить о любви, «Но... ты уйдешь — и я умру». Это не было перепевом, допустим, Михаила Кузмина:

Уйдешь — и лягу я на лавку,
И смерть скует уста мои!

Нет, это был не перепев, а такое отношение к поэтическому слову, о котором писал Пастернак:

Искусство это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

...Жена ушла. И он умер. Это случилось 25 января, в Татьянин день. Жену звали Татьяна. Сейчас она в Америке... Как странно, и поэт и не понимавший его критик оба умерли в Татьянин день. «Это было при нас...»

Так вот, не только во имя верности почившему другу я должен сказать следующее. Во-первых, то, о чем говорил Кожинов, это не «текст», Винокуров тексты для песен, как Шаферан или Резник, не строгал,— это стихотворение. И называется оно не «В полях за Вислой сонной», а «Москвичи». И написано не в 1957 году, а в 1953-м. Уже из этих фактов видно, что критик поспешно судил о творчестве поэта. Но главное, сказать о Винокурове, что он стал известен только благодаря названному «тексту», это примерно то же, что, допустим, сказать о Борисе Корнилове, будто он стал известен благодаря «тексту» замечательной «Песни о встречном» Шостаковича или сам Кожинов — благодаря исполнению в дружеском кругу старинных русских романсов.

На мой взгляд, стихотворение «Москвичи» и песня на его текст прекрасны.

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.
Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой

В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой...
Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки их подруги
Все замужем давно.
Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой...
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Критик усмотрел здесь нечто «странноватое». Что же именно? Во-первых, говорит, «Витька с Моховой» — выдумка, ибо на этой улице «давно уже не имелось ни одного жилого дома». Убедительно? Ведь в самом деле по фасаду этой улицы нет жилых домов. Но какое отношение имеет это к поэзии? Во-вторых, по поводу слов «одни в пустой квартире их матери не спят» критик заявил: «В Москве почти не было тогда отдельных квартир». Это не так. И тогда в отдельных квартирах жили не только большие начальники, известные ученые, крупные военные, прославленные писатели — в Лаврушинском, в Фурманном, в проезде МХАТа, в корпусах «А» и «Б» на улице Горького. Сейчас вспоминаю, что в отдельных квартирах жили мои тогда отнюдь не знаменитые однокурсники: Гарольд Регистан на Арбате, Владимир Комиссаров на Никитской, Люда Шлейман в Фурманном, Андрей Марголин на Первой Мещанской в Капельском переулке да и сам Винокуров на улице Веснина...Но какое отношение имеет это к поэзии? Тем более, что в стихотворении не говорится об «отдельной» квартире, а ведь свою и единственную комнату в коммуналке мы называли и квартирой и даже домом. Но критик настаивает: «Одиноких матерей в отдельных квартирах наверняка бы «уплотнили». Нет, в послевоенную пору это уже не делалось. Главный же упрек таков: «Девчонки их подруги все замужем давно»,— спрашивается, каким же об-

разом все, если в поколении, которому было от двадцати до тридцати лет в 1946 году, имелось 15,6 млн. женщин и всего 10,8 млн. мужчин, т.е. на 4,8 млн. меньше?» Поверил гармонию алгеброй... По-моему, это то же самое, что по поводу слов «Выхожу один я на дорогу» сказать, заглянув в справочник: «Спрашивается, почему же один, если в 1841 году, когда это написано, население России составляло согласно статистическим данным (допустим) 63, 7млн.?»... В принятом направлении можно продолжать и дальше: «Их матери не спят который год подряд? Нет, человек не может без сна столь длительное время. И наконец, почему «за Вислой», а не за Одером или даже Шпрее? Разве Красная Армия дошла только до Вислы?» Все это печально...

Дальше читаем, что тогда в кафе ЦДЛ Винокуров высказал о Евтушенко весьма резкое и едкое суждение, и критик уверен, будто сделал он это лишь по той причине, что «выпил лишнего и к тому же был тогда, вероятно, за что-то зол на давнего приятеля». Это предположительное суждение неосновательно. Евтушенко нередко похваливал Винокурова, но тот, человек очень чистый и цельный, никогда не был его приятелем. И говорил он неприязненно о Евтушенке отнюдь не только после выпивки, чем, впрочем, не злоупотреблял, или со зла на какую-то обиду... Был такой случай. В феврале 1991 года в «Советской России» в двух номерах была напечатана моя большая статья о Евтушенке. По мнению многих, статья убойная. Женя позвонил и попросил прислать ее. Видимо, из-за болезни он уже не выходил из дома. Я послал. Через несколько дней он позвонил и сказал: «Слабо ты о нем написал. Надо было гораздо резче».

Винокуров прекрасный поэт. Позволю себе привести здесь очень характерное для него стихотворение, давно любимое мной.

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.

Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.
Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.
...Я не решаю сложную задачу,
Глубинную загадку бытия.
Я ничего не знаю.Только плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.

...И невольно приходит мысль: разбираясь в наследии Кожинова, хватит ли у В. Кожемяки при всем его оптимизме и жизнерадостности еще и мужества, чтобы поспорить хотя бы о фигурах, подобных Евгению Винокурову?..А ведь при этом надо помнить, что сам Кожинов не стеснялся вступать в спор с любым авторитетом, если речь шла о том, чтобы докопаться до истины или отстоять свою часто совершенно неожиданную точку зрения. Иного отношения не потерпел бы он и к себе, поэтому его огорчила бы такая, например, похвала: «Возразить ему, а тем более его оспорить никто не мог». Как после этого поверить, что вот, а Кожемяко сможет!.. Но если оспаривают Сократа и Аристотеля, Гегеля и Маркса, академиков Сахарова (совесть народа № 1), Лихачева (с. н. № 2), Солженицына (с. н. № 3) и Героя Соцтруда Распутина (с. н. №4), то почему же хотя бы не возразить кое в чем и Кожинову, пусть уже и его в порядке серийного производства объявили «совестью русской интеллигенции» («Завтра», № 5)? И, конечно, ему возражали не раз... Вот радостный В.Кожемяко приводит его мысль: «Я могу согласиться, что Россия — некая тюрьма народов, но при условии, что те люди, которые ее так называют, честно и логично скажут: европейские страны и США представляют собой кладбище народов». Журналисту эта уступка нравится,

а я решительно возражаю: для меня «равенство»с Европой и Америкой на таком уровне неприемлемо, я ни при каких условиях не могу согласиться, что моя родина — «тюрьма народов» или «империя зла»,— пусть даже Буш сам объявит Америку зловонным болотом, на дне которого шевелится крокодил. И по этому вопросу я недавно возражал самому президенту нашей страны, который, чтобы угодить Хакамаде, заявил, что прозвище «тюрьмы» Россия получила «не без основания». С другой стороны, думаю, Кожинова не порадовали бы похвалы и такого рода: «В его представлении любовь к родине в оправдании не нуждается... Патриотизм не был для него чувством низменным»... Это так же странно, как если сказать: «Дыхание чистым воздухом Кожинов не считал делом омерзительным и подлым».

В январском номере «Нашего современника», вышедшем за несколько дней до его смерти, Кожинов, член редколлегии журнала, напечатал «Заметки на полях — но об очень важном». Там он писал: «Истина рождается в спорах, и полемика важна, более того, необходима не только между далекими друг от друга, но и близкими по своим убеждениям людьми. Поэтому читатели не должны воспринять как нечто несообразное мой спор с двумя видными авторами и одновременно членами редколлегии нашего журнала». Спорит он с Александром Казинцевым и Сергеем Семановым, «уважаемым ветераном патриотического движения». И, следуя его собственному критическому духу, в спор этот нельзя не вмешаться.

Названный ветеран напечатал в журнале язвительную рецензию на книгу Виктора Топорова «Двойное дело. Признания скандалиста». Кожинов пишет, что Семанов сам «отнюдь не чурается «скандальности», и, возможно, кто-либо даже придет к выводу, что его нападки вызваны своего рода ревностью к Топорову, «превзошедшему» его в этом плане». Ну, во-первых, многовато здесь неопределенности: «возможно»... «кто-либо». И зачем некоторые слова взяты в кавычки

и что это означает? А что такое ревность «особого рода»? Во-вторых, если прибегать к такому доводу, как ревность, то к ней можно свести любую критику. Но Кожинов идет и дальше по той же стезе: «Семанов цитирует и комментирует почти исключительно те фрагменты книги, в которых выразилась «еврейская самокритика». Казалось бы, что плохого в такой самокритике? И может возникнуть такое предположение: С.Семанов недоволен тем, что еврей В.Топоров превзошел русских в национальной самокритике». Значит, там ревность, а здесь — зависть. Небогатый выбор. И опять увертка: «может возникнуть предположение...» У кого? И о какой «самокритике русских» можно и нужно сейчас говорить, когда идет не самокритика, а оплевывание всего русского, причем, больше всего — именно евреями. Непонятно, чем же недоволен Семанов.

Я, как и Кожинов, недоволен рецензией Семанова, но совсем не его ревностью. В.Топоров один из очень немногих евреев-литераторов, который осмеливается ныне говорить правду о своих соплеменниках. Так, в книге «Двойное дело» он решительно утверждает: «Евреи сделали в массе своей капиталистический, «демократический», проельцинский выбор — с великим энтузиазмом! — взяв на себя тем самым часть ответственности за общегосударственные и социально-экономические метаморфозы самого пагубного свойства. Огромную часть ответственнности! И в очередной раз проявили национальную беспечность — хотя бы потому, что эту ответственность рано или поздно возложат только на них». С.Семанов приводит эти слова, но вместо того, чтобы признать их смелость, правдивость и поддержать, он увидел в них лишь встревоженность автора за своих. Не так давно еще достопечальнее встретили ветераны патриотического движения известное письмо писателя Тополя кровососу Березовскому. Оно было честным, мужественным, пронизанным любовью к России, но в нем увидели только хитрость да боязнь за собственную шкуру.

Более важный вопрос составил предмет второго спора. А.Казинцев считает «реформаторов», доведших страну до нынешнего катастрофического положения, не бездарными неумехами, а сознательными врагами, умными и умелыми. В.Кожинов решительно возражает: «Прямых точных доказательств этого нет... Достоверных сведений о вражеских агентах не имеется». Какие еще нужны доказательства, какие сведения, когда полстраны замерзает, горит, тонет, вымирает от недоедания и болезней, а другая половина страны поет и пляшет!.. Тут сказалась давняя приверженность Кожинова к букве, к цитате, к форме. Он поверил бы, что это враги, только в том случае, если ему представили бы, допустим, соответствующие документы заговора, стенограммы тайных заседаний какого-то комитета и т.п. Да, к 1985 году страна давно нуждалась в серьезных переменах. И нельзя было бы подозревать во вражеских замыслах людей, которые взялись их проводить, но видя, что ничего не получается, наоборот, становится все хуже, через год-два, страдая вместе с народом, или изменили бы курс перемен, или ушли бы со сцены. Более того, не было бы оснований сомневаться даже в том, что это честные и любящие родину люди. Но ведь у нас все не так. Да, ни Горбачев, ни Ельцин, ни Гайдар изначально не были врагами. Несомненно, они хотели блага стране. Но, будучи людьми невежественными, самоуверенными, самовлюбленными, презирающими предшественников, они с каждым годом ухудшали положение, однако не меняли курс, не призвали других людей, не ушли, а запутались, обратились за помощью к Западу, попали к нему в полную зависимость и продолжали твердить, что иного пути нет. Наконец, настал день, когда надо было выбирать между благополучием родины и своей шкурой. Они выбрали шкуру. Так из самовлюбленных невежд они стали предателями и врагами. Крайне странно, что Кожинов не понимал этого...

Как у многих из нас, у Вадима были свои пристрастия, заблуждения, ошибки, странности, противоречия, завихрения... Это тем более понятно и простительно, если принять во внимание, с одной стороны, необычайную широту его литературных и исторических интересов, а с другой, то обстоятельство, что писал он о времени, событиях и о людях крайне сложных, неоднозначных, порой и загадочных... Вот, допустим пишет: «Если выразиться модной в свое время фразой «количество переходит в качество...» Это не модная фраза, а закон природы, вовсе не отмененный Ельциным, что можно подтвердить на примере самого исследователя. Он признается: «Я долго считал своего рода дикостью и беспределом переселение народов в целом», имевшее место во время войны. Но углубленное изучение вопроса, привело его к пониманию необходимости этой меры. В самом деле, он узнал, что в феврале 1942 года, т.е. вскоре после нападения японцев на Пирл-Харбор, президент Рузвельт, за которым осталась репутация гуманнейшего политика XX века, приказал совершенно в сталинском духе отправить в специальные концентрационные лагеря 112 тысяч американских японцев: вдруг, мол, самураи десант высадят! Почему же мы не должны были подобным образом поступить с немцами Поволжья, когда их соплеменники напали на нас? Я сказал «в сталинском духе»? Нет, американцы поступили гораздо менее обоснованно и более сурово, чем мы. Во-первых, какой десант, если от берегов Японии до США 3500 километров, а у нас немцы жили внутри страны, в тылу сражающейся Красной Армии. Во-вторых, американцы загнали своих японцев в концлагеря с весьма суровым режимом, а мы лишь переселили немцев в другие районы, где они жили и работали в обычных условиях. Еще более закономерным оказалось переселение некоторых народов Северного Кавказа. Кожинов докопался до такого, например, документа, датированного 6 ноября 1942 года, т.е. временем самых ожесточенных и решительных боев в Сталинграде: «Когда не-

мецкие вооруженные силы вошли в Карачаевскую область, они были встречены всеобщим ликованием. В готовности помочь немцам они превзошли самих себя. Так, айнзацкоманда полиции безопасности, прибывшая в карачаевскую деревню южнее Кисловодска, была принята с воодушевлением. Сотрудников команды обнимали и поднимали на плечи. Предлагали подарки и произносились речи, которые заканчивались здравицей в честь Гитлера... К этим предложениям присоединились также представители балкарцев... Примечательно стремление примерно 60 тысяч балкарцев отделиться от кабардинцев (оставшихся верными советской власти. — *В.Б.*) и присоединиться к карачаевцам, насчитывающим примерно 120 тысяч человек. Обе племенные группы выразили свое единение с «Великой германской империей» и т.д. Что же это за документ — донесение советской разведки, информация тайного агента НКВД? Нет, это аналитическая записка германской службы безопасности «Общее положение в оперативном районе Северного Кавказа», составленная по донесениям с мест.

А как обстояло дело с крымскими татарами? Кожинов узнал, что даже в конце войны, в январе 1945 года 10 тысяч их сражались вместе с немцами против Красной Армии. Что это за цифра, велика ли она? Исследователь пишет, что всего крымских татар было до войны около 200 тысяч, мужчин, естественно, примерно 100 тысяч, из них солдатского возраста — около 50. Значит, каждый пятый татарин, способный носить оружие, был с оккупантами. А всего «численность воевавших на стороне гитлеровских войск национальных формирований из числа народов СССР была свыше 1 миллиона человек». Под влиянием этих и подобных фактов, цифр, обретенных в ходе настойчивого исследования, Кожинов и отказался от своего прежнего взгляда на проблему и обрел совершенно иной. Вот и произошел переход количества штудий вопроса в качество знания о нем, в чем Кожинов не постеснялся признаться. Он умел учиться.

Но есть основание думать, что иные его почитатели не захотят или не решаться последовать собственному примеру исследователя даже там, где необходимость этого совершенно очевидна. Так, в последней прижизненной публикации «Миф о 1941-м годе» («Завтра» №4, 2001) Кожинов писал, что за все время Отечественной войны лишь двум генералам было присвоено звание Маршала Советского Союза — Г.К.Жукову и А.М.Василевскому. Это не так. Во-первых, за Жуковым и Василевским 6 марта 1943 года третьим маршалом военных лет стал Верховный Главнокомандующий. Во-вторых, после этого в 1944 году звание Маршалов Советского Союза получили еще шесть генералов: И.С.Конев — 22 февраля 1944 года, Л.А.Говоров — 18 июня 1944 года, К.К. Рокоссовский — 29 июня 1944 года, Р.Я.Малиновский — 10 сентября 1944 года, Ф.И. Толбухин — 12 сентября 1944 года и К.А.Мерецков — 26 октября 1944 года. Я уж не говорю о том, что в это же время три генерала стали Главными маршалами своих родов войск: Н.Н.Воронов — артиллерии, А.Е.Голованов — авиации, А.А. Новиков — авиации. К тому же еще 12 генералов стали «рядовыми» маршалами родов войск. Ничего удивительного: армия была большая, война — долгая. И были эти маршалы в большинстве своем лет сорока пяти, а то и сорока: А.Е. Голованов, маршал авиации Н.С. Скрипко или маршал войск связи И.Т. Пересыпкин. Таких воспитала «безбожная советская власть», таких выдвигал Сталин... Ошибка Кожинова в этом вопросе представляется мне даже загадочной. Крайне странно, что никто из сотрудников редакции, через чьи руки прошла статья, не знали хотя бы о том, что Рокоссовский стал маршалом во время войны, но вот же — из почтения никто не поправил...

Но вопрос о маршалах, что ж, это частность, хотя и досадная. Дело серьезней, когда Кожинов, рассуждая о том, что-де после каждой революции рано или поздно приходит реставрация, пишет: во Франции после революции 1789 года реставрация наступила довольно скоро, а у нас «нечто по-

добное реставрации началось только в 1991 году, то есть не через четверть века, а через три четверти.» Это не так. У нас было не «нечто подобное реставрации», а отказ от многих революционных крайностей, излишеств, и началось это не в 91-м году, а в июле 1934-го, т.е. через 17 лет — с решительной критики Сталиным статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Первый коммунист страны писал в том же примерно духе, как напомнил Кожинов, что и непротивленец Лев Толстой при чтении «Истории» С.М.Соловьева: сплошь негодяи да прохвосты, а кто же создал великую империю?

Вслед за статьей Сталина разумно и постепенно были возвращены звания маршала (1935), генерала (1940), офицера (1941—1942)... Впрочем, еще в начале двадцатых годов мы напевали: «Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер...» Уже в войну были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского (все три — в 1942 г.), орден Славы на георгиевской ленте (1943), введены погоны (1943), ордена Ушакова, Нахимова (оба — в 1944 г.), была поддержана церковь, избран патриарх, отменен запрет на колокольный благовест (все это в 1943 г.), Красная Армия стала Советской (вскоре после войны) и т. д. вплоть до восстановления новогодней елки (1936), запрещенной, между прочим, не большевиками в 1917-м, а царским правительством в 1914-м как католической затеи. Это стояло в одном ряду с такими суперпатриотическими делами того времени, как переименование Петербурга... А что произошло в 91-м? Обкомовский алкаш в одночасье и самодурно навязал стране ненавидимые народом старый имперский герб, власовский флаг и даже обращение «господин», которого разумные люди до сих пор чураются и при всяком удобном случае стеснительно заменяют его словами «друзья», «коллеги» и т.п.

Но читаем дальше: «Относительно быстрая реставрация во Франции определялась, конечно же, ее военным поражением в 1812—1814 годах, и если бы в 1941—1945-м мы не победили, а потерпели поражение, у нас произошло бы

то же самое». Что — то же самое? Во Франции вернули Бурбонов, и это сделали сами французы. А у нас немцы вернули бы Романовых и весь прежний строй? Примерно так считает и Солженицын: «Подумаешь, что за беда, если бы победили немцы! Справляли елку на Новый год, стали бы, как при царе, на Рождество». Но даже он не думал, что фашисты вернут Романовых, ибо тут же добавлял: «Вешали портрет с усами, стали бы вешать с усиками», то есть портрет того самого, кто еще до нападения на нас изрек: «Россия должна быть уничтожена!» Со всеми ее Романовыми в прошлом и большевиками в настоящем, со всеми орлами и красными знаменами. Тут Кожинов решительно противоречил самому себе...

А что вы скажете, Виктор Стефанович, о таком неожиданном заявлении Вадима Кожинова: «Благодаря общению с Бахтиным я отделался от одного из самых распространенных, вздорных и вредных мифов — мифа о прогрессе. Будто мир все время совершенствуется, и что бы ни происходило — все к лучшему. На самом деле — таков закон и человеческого общества и Вселенной — никакого прогресса нет». Странно, правда? Если это миф и притом такой вздорный, то почему же умный, образованный человек отделался от него и, видимо, с трудом лишь на четвертом десятке жизни да еще с чужой помощью, а не лет в двадцать и самостоятельно? Кроме того, здесь смешаны два вопроса: вера в прогресс и вера в то, что все к лучшему. Адептом второй был, как известно, печально знаменитый персонаж Вольтера — доктор Панглос, у первой сторонников гораздо больше. «Истина в том, — продолжал Кожинов, — что любые приобретения в то же время являются и утратами, все уравновешивается». Но это уже третья идея, против которой едва ли можно возразить. Допустим, когда-то путь из Петербурга в Москву занимал несколько дней. Это было утомительно, тягостно, но и давало возможность многое увидеть, узнать, насладиться красотами природы. Теперь путь даже наземный занимает четыре часа. За это время успеешь лишь просмотреть не-

сколько газет. Явная утрата. Но, во-первых, может быть, мне как раз надо во что бы то ни стало очень быстро прибыть из одного города в другой, это для меня главное. Во-вторых, никто не мешает тебе идти хоть месяц пешком и любоваться пейзажами. А Кожинов в доказательство универсальности закона отсутствия прогресса приводит такой пример: «Когда мне было 15—16 лет, появился пенициллин. Казалось, любые болезни будут побеждены. А оказалось, что более или менее регулярное использование пенициллина приводит к ослаблению иммунной системы, и человек оказывается беззащитен против любой заразы». Тут можно сказать одно: не надо пользоваться пенициллином регулярно, а лишь иногда по мере необходимости. Примерчик уж слишком простецкий. И мы позволим себе не мудрствовать. Вот статья Кожинова «Уроки истории» в журнале «Москва» №11 за 1986 год. В ней автор одобрительно и неоднократно ссылается, как на авторитетные источники, на высказывания не только Е.К.Лигачева, но и Горбачева, Ельцина. В более поздних работах исследователя ничего подобного уже нет. Разве это не прогресс? Причем, безо всякой утраты.

В.Кожемяко согласно-одобрительно пересказывает такое место из статьи Кожинова: «Дух революционизма еще был силен в обществе и заставлял, скажем, такого записного «гуманиста», как Корней Чуковский, писать Сталину письмо с предложением создать специальные лагеря для малолетних, куда надо бы отправлять школьников даже за шалости в классе. Вот вам реальность времени!» Да, было такое письмо с предложением «провести тщательную чистку каждой школы», чтобы «избавиться от заразы — от социально опасных детей» посредством «возможно большего» количества «трудколоний с суровым военным режимом». Во главе колоний или лагерей с обязательным земледельческим трудом детолюбивый автор «Мойдодыра» предлагал поставить почему-то не агрономов или пионервожатых, а военных. Естественно, что «для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство» во главе, надо

полагать, с Бармалеем. Как бы оно называлось? Естественно, Главное управление лагерей для школьников — ГУЛАШ. Письмо было подписано: «С глубоким почтением писатель К.Чуковский». Кожинов писал об этом письме, как о чрезвычайно характерном для «атмосферы времени»: «сравнительно недавно произошла революция и беспощадность была, как говорится, в крови у многих». Но так ли это? Какое отношение, Виктор Стефанович, к революции и ее духу хоть когда-нибудь имел Чуковский? Тот самый, о котором Ленин писал после революции 1905 года: «В наши дни лягание марксизма есть непременное условие популярности в демократических кругах общества. Пример — Чуковский». И дальше: «Чуковские думают, что раз этот (революционный) лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит, «исчезла гегемония»... Потресовы, Базаровы и проч. — для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские». Тут, конечно, невольно приходит мысль: как же при всем этом Корней Иванович не поперхнулся, когда ему вручали ордена Ленина, а потом — Ленинскую премию? Или они тоже не пахнут?.. Но дело сейчас не в этом. Важнее то обстоятельство, что письмо Сталину была написано в мае 1943 года, когда Чуковский возвратился из Ташкента, куда драпанул страшной осенью 41-го, и опять стал жить-поживать да стишки сочинять на роскошной даче в Переделкино, бесплатно построенной ему, Пастернаку и другим писателям по указанию Сталина. В ту пору прошло после Октября уже 26 лет, а самому Чуковскому шел седьмой десяток, и если он был чужим революции даже в молодости, то откуда бы взяться «духу революционизма», жестокости, именно им рожденной, теперь и в такое время? Борис Пастернак тогда писал:

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха...
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо...

Такова была переделкинская атмосфера 1943—1944 годов. Поэтому Кожинов был не прав, сваливая бармалейское письмо Чуковского на революцию и на атмосферу времени. Оно — проявление индивидуальной природы и духовной атмосферы классика детской литературы. Они были чрезвычайно своеобразны и переменчивы, его атмосфера и натура. Взять хотя бы такой пример, оставаясь в круге тех же лиц. 21 апреля 1936 года Чуковский и Пастернак были гостями съезда комсомола и сидели в одном из передних рядов Большого кремлевского дворца. На другой день 53-летний классик зафиксировал в своем дневнике такое восхищение увиденным на съезде Сталиным, что по искренности и пронзительности это можно сравнить в русской литературе разве только с восторгом 19-летнего корнета Николиньки Ростова из «Войны и мира» при виде царя Александра. Помните?

«Когда государь приблизился на расстояние двадцати шагов и Николай ясно, до всех подробностей рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он еще не испытывал. Всякая черта, всякое движение — казалось ему прелестно в государе... Увидев его улыбку, Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государю. Ему хотелось выказать чем-нибудь любовь к своему государю. Он знал, что это невозможно, и ему хотелось плакать... «Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мне обратился государь! — думал Ростов. — Я бы умер от счастия...»

Чуковский: «Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН (Так в тексте.— *В.Б.*) стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех

нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали,— счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали. «Часы, часы, он показал часы» — и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я — ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!»(на минуту). Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...»

Право, и не знаешь, кому тут отдать пальму первенства — юному корнету или старому классику. Пожалуй, оба могли умереть от счастья..И после этого нам говорят, будто Пастернак, Мандельштам или Ахматова слагали оды Сталину по принуждению или по необходимости!

Но вот прошло время, и 2 декабря 1967 года Чуковский записывает в том же дневнике: «Очевидно каждому солдату во время войны выдавалась, кроме ружья и шинели, книга Сталина «Основы ленинизма»»... Предположение совершенно нелепое. Да и книга Сталина называлась не «Основы», «Вопросы ленинизма». Но читаем дальше: «У нас в Переделкине в моей усадьбе (мог бы уточнить: «предоставленной Сталиным». — *В.Б.*) стояли солдаты. Потом они ушли на фронт (мог бы добавить: «...а я рванул в Ташкент». — *В.Б.*) и каждый из них кинул эту книгу в углу моей комнаты. Было экземпляров 60. Я предложил конторе городка писателей взять у меня эти книги. Там обещали, но надули. Тогда я ночью, сознавая, что совершаю политическое преступление, засыпал этими бездарными книгами небольшой ров в лесочке и засыпал их глиной. Там они мирно гниют 24 года, — эти священные творения нашего Мао». Стоп! 24 года? Это значит, что тайную ночную расправу над «бездарными

книгами» Бармалей совершил в том самом 1943 году, когда с глубоким почтением писал письмо дорогому Иосифу Виссарионовичу с предложением создать ГУЛАШ. Не исключено, что даже в один день: утром — письмо, ночью — расправа. Вот какая это было сложная натура. И не случайно, что именно Чуковский приютил в свое время на своей даче Солженицына, божью тварь с еще более сложной натурой... О Чуковском стоит еще добавить, что мало кто из советских писателей получил от власти, в частности, при посредстве Сталина столько, сколько он — от предоставленной ему, ленинградцу, отличной квартиры в знаменитом тогда только что возведенном «корпусе А» в начале главной столичной улицы Горького и огромной дачи до немыслимых тиражей, орденов, премий. Получая все это от щедрой власти, он забыл, как проклинал свою жизнь до революции: «Уничтожил бы с радостью это время. Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность... Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я — еврей? русский? украинец?) — был самым бесцельным непростым человеком на земле...»

Большую роль в жизни Вадима Кожинова сыграла уже упомянутая встреча с М.М.Бахтиным, который был на 35 лет старше его. «Он в каком-то смысле передал мне идейную эстафету русской традиции»,— уверял Кожинов. Допустим, так. Но тут нельзя не вспомнить, что «в разгар хрущевского правления» у Кожинова, как уже отмечалось, был весьма прискорбный период «радикальнейшего «диссидентства», в чем он не раз признавался: «Я безоговорочно «отрицал» все то, что совершалось в России с 1917 года». Все!.. Ему тогда уже перевалило за тридцать, — возраст, казалось бы, уж полной зрелости. Как он замечает, сие «отрицание» тоже явилось результатом бесед с М.М.Бахтиным. Видимо, этими беседами объясняется многое, в частности, хотя бы тот, например, факт, что критик брал в кавычки слова «враги народа», «кулаки», «бедняки» или писал «так называемые ку-

лаки», или давал такое пояснение: бедняков перед коллективизацией не было, а были лентяи: «Поскольку в период нэпа каждый крестьянин мог получить достаточный земельный надел, «бедняками» к концу 1920-х годов оказались в значительной мере те, кто не были склонны к упорному труду и питали ненависть к «крепким» хозяевам». Такой взгляд давно известен, его можно было позаимствовать не только у Бахтина, а хотя бы и у самих кулаков. Но согласуется ли это все с «эстафетой русской традиции»?

Или вот Кожинов сопоставляет голод 1891 года и 1921-го, т.е. в царской России и в советской. Отмечает, что в обоих случаях была жестокая засуха. И в первом «неурожай охватил территорию с населением в 30 миллионов. И тем не менее, благодаря мерам, принятым государством и обществом, голодных смертей в прямом точном смысле этого слова в 1891—1992 годах, в сущности, не было; от недостаточного питания умерли лишь больные и слабые. Между тем в 1921—1922 годах миллионы стали жертвами тотального голода».

Тут возникает много вопросов, недоумений и сожалений. Во-первых, очень жаль, что вопреки скрупулезному обыкновению автор не указал здесь источник столь обстоятельных данных вплоть до «голодной смерти в точном смысле». Это тем более досадно, что по данным, например, первого издания Большой советской энциклопедии (1930 г.), в 1921 году засуха поразила территорию с населением в три раза больше — в 90 млн. человек, из которых голодало не менее 40 миллионов и умерло около 5 миллионов (т.17, с.463). Во-вторых, автор уверял, будто «факты ясно свидетельствуют, что революционная власть не предприняла необходимых мер для спасения людей». Но никакие факты этого рода не приводятся. Более того, читаем: «Власть воистину варварски использовала страшный голод в своих интересах, проведя изъятие церковных ценностей якобы (?) для закупки продовольствия для голодающих». Почему якобы? Где доказательства, что власть действовала при этом «в своих интере-

сах»? И что это такое — «свои интересы» власти? Ведь речь-то не о «семье» Ельцина. Кожинов приводит слова Ленина о том, что без средств, которые может дать изъятие, «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе (где проходила тогда международная конференция. — *В.К.*) в особенности совершенно немыслимы».

Это у автора и есть главный факт безразличия власти к голодающим. Но из чего следует, что названные Лениным государственная работа, хозяйственное строительство не включали в себя самым естественным образом и помощь голодающим? И потом, разве наша делегация на Генуэзской конференции, выдвинув требования возместить убытки, причиненные стране иностранной интервенцией и блокадой, отстаивала интересы Ленина, Сталина да Чичерина, а не всего народа, в том числе голодающих? Наконец, если голод действительно был страшным, а он таким и был, то почему же церковь довела дело до насильственного изъятия ее ценностей, как при Петре снимали колокола для пушек? Почему сама не пришла на помощь голодающим, не поделилась своими богатствами, как учит ее Христос? Увы, церковь и сейчас ни с кем не делится...

Но самое-то главное в другом. Дело не только в засухе. Что такое 1891—1892 годы в России? Мирная спокойная жизнь. Страна уже давно не знает войн. В ту пору власть, возможно, действительно была в состоянии хорошо помочь голодающим, и странно, почему Кожинов не привел тут никаких фактов. А что такое 1921—1922 годы? Восьмой год идет страшнейшая война, и не где-то на чужой земле или за морем, как это было для американцев, англичан и немцев, а на своей собственной. Из Крыма только что вышибли Врангеля, японцы уберутся из Владивостока только 25 октября 1922 года... Как же можно ставить на одну доску возможность помочь голодающим тогда и теперь?

К тому же за голодом 1891—1892 годов последовал длинный ряд новых голодных годов — 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911—1912. Всего за последние 75 лет царского режима было 11 голодных годов, за этот же срок советской власти — два. Причем размах голода все время нарастал: 5-10-20-30-50 губерний. Наконец, в 1911—1912 годах, накануне 300-летия дома Романовых, столь широко и торжественно отмечавшегося, голод охватил 60 губерний. Сведения эти взяты из дореволюционной энциклопедии Брокгауза, до сих пор славящейся своей обстоятельностью и объективностью. Характерно и то, что голодные годы порой следовали один за другим кряду, например, четыре года с 1905 по 1908. Это говорит о том, что власть была бессильна предотвратить бедствие, даже зная уже о его угрозе. В советское время совсем иная картина и в этом смысле: благодаря усилиям власти и общества голод ни разу не вышел за пределы одного года. Больше того, в 1924 году неурожай поразил те же районы страны, что и в 1922-м, но благодаря своевременным мерам голода не было.

Возможно, Бахтиным навеян и такой пассаж. Кожинов цитирует передовую статью «Красной звезды», которую, по воспоминаниям генерала Л.П.Сандалова, перед нашим контрнаступлением под Москвой в начале декабря 1941 года читали солдаты: «Москва! Это слово *многое говорит сердцу* (выделено В.Кожиновым. — *В.Б.*). Москва — праматерь нашего государства. Вокруг нее собиралась и строилась земля русская, вокруг нее стоял народ всякий раз, когда ему грозили иноземные пришельцы. Древние камни Москвы овеяны славой наших предков...» и т.д. И Кожинов рассуждает: «Своего рода парадокс заключался в том, что редактором «Красной звезды», где появилась процитированная статья, был член партии с 1922 года Д.И.Ортенберг, а читал статью бойцам военный комиссар Т.И. Коровин, который, без сомнения, был воспитан в духе идеологии, не имевшей ничего общего с идеями прочитанной им статьи». Как видим,

парадокс для Кожинова состоял здесь в том, что коммунисты даже с большим стажем, даже комиссары, оказывается, имеют сердце, которое — представьте себе! — говорит им о любви к родине, о славе предков, о национальном духе. По идейной эстафете, перенятой Кожиновым у большого ученого, ничего этого не должно бы быть. Я читал такие вещи у Солженицына и Шафаревича, но вот, оказывается, и у Кожинова... Это тем более странно, что он же сам наставительно писал: «Давно пора понять, что настоящий водораздел проходит в России не между «коммунистами» и «антикоммунистами», а между патриотами и антипатриотами». Правильно, но здесь сам он воздвиг водораздел между коммунистами, вернее, между коммунизмом и патриотизмом.

Но еще более странно, что все трое только что названных, будучи большими любителями статистики, не удивились еще и таким «парадоксам»: к началу войны в армии и на флоте было 563 тысячи коммунистов, а в конце 1941 года, к тому времени, о котором вспоминал генерал Сандалов, уже 1 млн. 234 тысячи — больше 40 % всего состава партии. Примечательно и то, что среди командиров 80% были коммунисты и комсомольцы. Наконец, хорошо бы помнить, особенно тем, кто на войне почему-то не был или явился на фронт к шапочному разбору, что в боях за родину погибло больше трех миллионов коммунистов. И уж пусть они посчитают сами, сколько погибло комсомольцев, молодых людей самого солдатского возраста, воспитанных в духе той же, по их эстафете, антипатриотической идеологии...

В дни, когда все были потрясены гибелью принцессы Дианы, зашел ко мне на даче В.С., в прошлом большой литературный начальник. Сейчас уже старик, он промышляет тем, что ходит по домам литературной братии и предлагает пристроить их сочинения в «Литературку», «Неделю» или «Вечерку» («Там везде мои ученики!»), за что берет «комиссионные». Я его не осуждаю. Другие в помойках копаются. Помочь мне ему нечего было и мечтать, ибо в названных

издания напечатать меня могут только по приговору суда Но дело не в этом... Как В.С. удивился, увидев пришпиленный у меня на стене газетный портрет Дианы: коммунист Бушин имеет сердце?! Он переживает за английскую принцессу?!.. Впрочем, сам тоже, разумеется, был коммунистом, но теперь из партии вышел, а евреем остался. И уверен, что отзывчивые сердца, благородные чувства — это их привилегия. Тоже, видите ли, несет эстафету...

«Известны слова А.И.Солжен цына, призывающие отбросить чуждую России идеологию,— продолжает В.Кожинов, оставляя неясным, кто именно считает коммунистическую идеологию чуждой России: «Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порочную подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, развернул старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь,— и мы победили!» Это понятно в устах человека, который имеет поместья в США и России, но путает слова «навзничь» и «ничком», реку Эльбу с немецким городом Эльбинг, не знает даже, сколько миллионов населения было у нас в стране перед войной. Но Кожинов-то!

А он даже недоволен некоторыми похвалами Солженицына: «Дело обстояло сложнее. Ведь Сталин «развертывал» это «старое русское знамя» весьма осторожно и вовсе не отказывался от «революционного» сознания: достаточно напомнить его доклад 6 ноября 1941 года, в котором был поставлен знак равенства между «старой» Россией и нацистской Германией!» Тут все ошибочно. И Кожинов-то знал, что, во-первых, «старое русское знамя» коммунисты во главе со Сталиным, как уже говорилось, развернули задолго до войны и безо всякой осторожности, а весьма решительно, хотя и постепенно. Чем, как не таким «знаменем», кроме уже названого, были многочисленные патриотические книги, фильмы, спектакли тридцатых годов об Александре Невском и Суворове (Константин Симонов и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн), о Дмитрии Донском (Сергей Бо-

родин), о Петре Первом (Алексей Толстой и кинорежиссер Владимир Петров) и т.д. Во-вторых, «знак равенства» Сталин действительно поставил неудачно, однако же не «между «старой» Россией и нацистской Германией», а между режимами двух капиталистических стран, как основанных на угнетении трудящихся.

А уж Солженицыну-то вообще давным-давно пора бы прикусить язык, когда говорят о «русской традиции» и «революционном сознании». В свое время кому он только ни жаловался о своей горькой судьбе, которую сам себе смастачил, кому ни совал в нос свое революционное сознание — и Генеральному прокурору Руденко, и заместителю Председателя Совета Министров Микояну, и министру обороны Жукову, и самому Хрущеву. И всем по-разному! Одинаковым было лишь умолчание о том, что при обыске у него обнаружили портрет Льва Давидовича Троцкого. Александр Исаевич был единственным офицером Красной Армии, шедшим в смертный бой с портретом Троцкого на груди, как Андрей Болконский шел в бой под Аустерлицем с образом Спасителя, который повесила ему перед отъездом в армию княжна Марья, сестра.

В письме к Руденко подпольный троцкист плакался и божился: «Я воспитан в Советской школе (заметьте, «Советская» везде будет писать с большой буквы. — *В.Б.*), в пионерском отряде, Ленинском комсомоле. Советская власть дала мне возможность получить высшее образование (мог бы добавить: бесплатно. — *В.Б.*) и даже Сталинскую стипендию (см. справку)... В 1941 году я пошел (мог бы уточнить: был мобилизован. — *В.Б.*) на Отечественную войну (мог бы конкретизировать: на фронт попал в мае 1943-го. — *В.Б.*) таким, каким был воспитан в детстве — отдать всю свою жизнь, но защитить Советскую власть, нашу Советскую Россию. Я начал войну рядовым, а окончил ее капитаном (можно подумать, что это он так вырос в огне сражений. На самом деле, будучи призван, почти сразу попал в училище, в

феврале 1943 года окончил его и получил звание лейтенанта, а уж потом дослужился до капитана. — *В.Б.*)... Невозможно представить, чтобы человек с к/р (контрреволюционными) настроениями, с к/р умыслом, а следовательно, враг Советской власти, до дня своего ареста так полно и беспредельно отдавал свою жизнь (мог бы уточнить: «...но до конца не отдал». — *В.Б.*) для того, чтобы отстоять Советскую власть и все ее завоевания (мог бы присовокупить: «...которые я обильно вкушал». — *В.Б.*). Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам... Однако во всем этом не было к/р умысла, а действовал я, опьяненный самомнением молодости, увлеченный диалектическим материализмом и, переоценивая свои способности, впал в горькое и тяжелое заблуждение...» и т.д.

Эта жалоба была написана в июне 1947 года. Прелестна тут ссылка на диалектический материализм и на другие теоретические вопросы как на виновников горькой судьбы узника. Как тут не вспомнить арестанта Баклушина из «Мертвого дома» Достоевского. Тот уверял, что угодил в острог из-за пылкой любви. Автор-повествователь усомнился: «Ну, за это на каторгу не пошлют». Тогда Баклушин уточнил: «Правда, я при этом из-за ревности одного немца убил. Но посудите сами, можно ли сажать за немца!» Так он и отбывал срок в уверенности, что страдает как жертва пламенной любви... У Солженицына, разумеется, тоже был свой «убитый немец». И попытка свалить вину на диалектический материализм на сей раз не прошла.

А вот его жалоба самому Хрущеву, написанная 24 февраля 1956 года. Тут он изобразил себя жертвой уже не диалектического материализма, а культа личности: вот, мол, был я с детсадовского возраста твердокаменным, матерым марксистом-ленинцем, а мне приписали к/р сознание и упекли в кутузку! XX съезд еще не кончил свою работу, а он уже

строчит и ссылается на него: «XX съезд КПСС и речи, произнесенные с его трибуны руководителями ЦК, дают мне смелость обратиться к Вам... Я был и остаюсь предан делу Ленина. Объективное рассмотрение моих писем и записей, приобщенных в делу, убеждают в этом. Из них с несомненностью явствует, что, воспитанный с детских лет в духе ленинизма, я безоговорочно поддерживал политику нашей партии и Советского государства (мог бы добавить: «...с детских лет». — *В.Б.*). В преступление мне были зачтены высказывания против господствовавшего тогда культа личности, против безмерного восхваления одного человека в ущерб творческому духу марксизма-ленинизма. Но культ личности ныне решительно осужден... Больше не было никаких объективных данных для моего осуждения...»

На этот раз все получилось тип-топ. В те дни не оправдать жертву культа личности и адепта творческого духа марксизма было немыслимо, хотя до оправдания Троцкого еще не дошло. Впрочем, случалось и такое. В те дни на одном большом писательском собрании поднялся на трибуну Игорь Голосовский (не путать с Яковом Голосовкером!) и стал рассказывать, как «во времена культа личности» оказался в тюряге за свое вольтерянство. Мы ахали, возмущались, чуть не плакали. Но сидевший в президиуме Виктор Николаевич Ильин, оргсекретарь Московского отделения Союза писателей, удалился на некоторое время в свой служебный кабинет, а потом вернулся и огласил некий документ: И.М.Голосовский в означенный период времени действительно отбывал срок заключения, но не за вольтерянство и тираноборство, а за участие в ограблении пивного ларька. Игорь Михайлович демонстративно покинул зал, как ныне «яблочники» покидают Думу при появлении там Лукашенко или при исполнении нового гимна...

А Троцкий-то, хотя и еврей, как раз и был «убитым немцем» Солженицына. Он признавался: «Мне казалось, что Троцкий идет по пути ленинизма». Ему казалось, хотя са-

мому Льву Давидовичу уже пять лет ничего не казалось. Так вот, в своих письмах офицер Солженицын, взводный марксист, выступал не против культа личности, а против своего Верховного Главнокомандующего за то, что тот, мол, не будучи никаким марксистом, даже обладая к/р сознанием (ввел генеральские звания, погоны, орден святого князя Александра Невского и т.д.), обижал Льва Давидовича, лучшего марксиста-ленинца XX века.

Но вернемся к Вадиму Кожинову... Одно дело, когда в «Московском комсомольце» рассуждал некий Михаил Гуревич (не тот ли слюнявый жиртрест, что вел передачу «Старая квартира?): «А чего вы удивляетесь, что какая-то часть русского народа купилась на невыполнимые обещания, на популизм чистой воды? А чего вы ждали от народа, издавна развращенного то татарским игом, то крепостным правом, то большевистской уравниловкой? От людей, давно разучившихся работать...» Предков этого Гуревича, видите ли, ни вавилонское пленение, ни египетское не развратило, а нас, которые свергли татарское иго, — вчистую. Поди, свистун этот и не смыслит, что рабство больше развращает рабовладельцев, чем рабов, и что в разлюбезной ему Америке рабство, замешанное на расизме, привозное, из-за моря, держалось дольше, чем в России, где были бесчисленные бунты и восстания против него. А что касается уравниловки, то ведь она появилась только теперь среди этой публики: все долдонят одно и то же... Но главное-то здесь вот это: «люди, давно разучившиеся работать». И одно дело, говорю, когда мы слышим это от Гуревича, и совсем другое, когда у человека, держащего в руках «эстафету русской традиции», читаем: «Россия — такая страна, которая всегда надеялась на кого-то: на батюшку-царя, на «отца народов», на кого угодно». Даже на кого угодно! Тут явное завихрение. На кого это мы надеялись, хотя бы выходя на Куликово поле — на поляков или шведов? Или в тот год, когда дубасили Наполео-

на — на царя? на Англию? Или когда громили Гитлера — на США, на тот же Альбион? Ведь ход войны показал, что мы можем и без них выпустить кишки из Третьего рейха...

Дальше: «Именно поэтому (то есть из-за такого национального захребетничества. — *В.Б.*) у нас чрезвычайно редок тип человека, который может быть настоящим предпринимателем. Либо это человек, который ждет, что его накормят, оденут, дадут жилье и работу,— либо это тип, стремящийся вот здесь и сейчас что-то урвать для себя — чтобы не работать». И это сказано не о каких-то отдельных личностях, группах или слоях, а о всем народе в целом на протяжении всей его истории. Да разве ждали, что их накормят, например, горнозаводчики Никита Демидов и его дети, вышедшие из тульских кузнецов, построившие больше 50 металлургических заводов, которые давали стране 40% чугуна? Ждали, что их оденут Савва Морозов, крепостной крестьянин из села Зуево Владимирской губернии, и его сыновья, создатели ткацкой мануфактуры в России? Ждал, что ему дадут работу купеческий сын Василий Кокорев, основоположник нашей нефтяной промышленности, о котором восторженно отзывались М.П.Погодин и И.С.Аксаков, чья личность привлекала внимание Герцена, Добролюбова, Чернышевского? Ждал ли, когда ему дадут жилье, Александр Пороховщиков, строитель «Славянского базара» в Москве?..

Да, конечно, были тогда на Руси, скажем, купец первой гильдии Соломон Лазаревич Поляков, потом его сыновья Яков, Самуил да Лазарь. Они в отличие от своих нынешних соплеменников не метались по всему миру, не возводили умопомрачительные виллы на Лазурном берегу, не бегали от Интерпола, не коротали досуг в Бутырках, а строили железные дороги, разумеется, не без выгоды для себя и не без криминального элемента. Самый младший, Лазарь Соломонович был пожалован орденом Станислава третьей степени и званием потомственного почетного гражданина. Ельцин дал орден и Гусинскому, но где тот русский город, который

пожелал бы видеть этого кровососа своим почетным гражданином?.. Так вот, были у нас Соломоновичи, но не они, как ныне Абрамовичи, определяли тогда лицо страны.

Предпринимательство это не только хозяйствование, экономика. А разве не предприниматель тверской купец Афанасий Никитин с его «Хождением за три моря» — в Персию, Индию, а на обратном пути еще и в Сомали, Оман, Турцию? Разве не предприниматель легендарный казачий атаман Ермак Тимофеевич, начавший завоевание Сибири и погибший в 1585 году в бою с ханом Кучумом? Разве не предприниматель землепроходец Семен Дежнев, первый из русских со товарищами добравшийся до Чукотки, где ныне губернаторствует Абрамович?.. Да, наконец, разве можно отказать в предприимчивости всем этим инженерам и рабочим, что возводили бесчисленные Магнитки, Днепрогэсы, Турксибы, запускали спутники, строили атомные крейсера? На кого они надеялись, кроме своего ума и рук? От кого они ждали пропитания, одежды и жилья? Можно ли было все это создать, построить, если они мечтали бы лишь об одном — урвать для себя, чтобы не работать?

«С приходом рынка,— продолжал Кожинов,— масштабы подобного (захребетного. — *В.Б.*) поведения приобрели просто гротескные черты... В одной Москве, например, сегодня казино больше, чем в любой другой столице мира, а «мерседесов» — больше, чем во всей Германии». И что же? Рядовой русский человек садится в свой «мерседес», едет в казино и ждет, кто его там накормит? Не гротескные черты, а поистине страшный облик всей нашей жизни придал не рынок, а живодерские «реформы», которые вот уже 15 лет проводит банда беспощадных негодяев, захвативших в стране все командные высоты. При чем же здесь русский человек, потомок таких предприимчивых людей, как Дмитрий Донской и Ермак, Курчатов и Королев?

Кожинов писал, что знает только одного предприимчивого человека, неведомого мне покойного А.С.Паникина.

А мог назвать, по меньшей мере, хотя бы еще одного, благодаря которому имел возможность пропагандировать эти странные мысли, — Александра Проханова, создавшего на пустом месте безо всякой поддержки властей, даже вопреки их многочисленным запретам, судам, преследованиям газету, играющую все более важную роль в жизни общества. Разве это не образец самого деятельного и благородного русского предпринимательства в наши дни!

Коллега и друг Кожемяко может сказать мне: «Что ж это за статья такая к годовщине покойного? Сплошные несогласия с ним, уточнения, поправки. Разве так пишут! Вот я написал к девятому дню: «Ты, Русь, была его любовью!» Или товарищ Ганичев: «Помяни, Господи, во Царствии Своем раба Божия Вадима...» Тут, дорогой Виктор Стефанович, мы подошли к некоторому кардинальному размежеванию. Если я подхвачу вашу аллилую, то мне стыдно будет взять в руки ту книгу Кожинова, на которой он написал мне: «Русскому воину и советскому солдату»... Как мне представляется, для вас и Яковлева интересны только ваши полные единомышленники: для него, допустим, — Новодворская, для вас, допустим, — Зоркальцев, просверкавший недавно ослепительной статьей о своей любви к церкви в четырех номерах вашей коммунистической газеты, или те, кого вы сами сделали в своем воображении вашими белокрылыми единомышленниками. Но в то же время, если человек известный, тем более, диссидент или невозвращенец, как покойный Владимир Максимов, то вы лично смирно молчите даже тогда, когда он, Максимов, на страницах вашей коммунистической газеты объявлял наш комсомол, в котором вы и все работники редакции состояли, фашистским гитлерюгендом или, опубликовав в соседней патриотической газете статью «Похороны России», для наглядности снабженную роскошным изображением роскошной мертвой красавицы с косой, у вас печатает «Поминки по России», правда,

без иллюстрации. И вы молча принимаете участие в похоронах родины, готовите к этому народ.

А то вдруг, видимо, рассчитывая и ее обратить в белокрылого коммунистического ангела, вы встаете на защиту эстрадной певички Королевой. Той самой, которая летом 1996 года принимала активнейшее участие в концертной поездке эстрадников по стране с агитацией против Зюганова за выборы президентом Ельцина. Тогда прямо в концертную бригаду Ельцин прислал ей цветы и поздравление с днем рождения, в котором желал счастья в любви. Она это пожелание в его постельной форме осуществила в тот же праздничный вечер с одним из членов бригады. (Между прочим, законный муж тоже был участником и поездки и праздничной пирушки). Акт счастья был зафиксирован кем-то на пленку, и потом этот снимок появился в очерке «Московского комсомольца» об агитвояже, за участие в котором, кстати, эта Королева огребла изрядную мзду из той самой чубайсовской коробки из-под ксерокса. Вот судьба какого сокровища и беспокоит газету, где вы много лет ведущий сотрудник...

Так вот, я не желаю быть защитником таких штучек, хотя одновременно мне интересны не только стопроцентные единомышленники и белокрылые ангелы, а живые люди со всеми их противоречиями, пристрастиями, завихрениями. Я твержу вслед за поэтом:

Не обвиняй меня, Всесильный.
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю...

Вы будете молиться на Кожинова да причитать «Ах!Ах!Ах!», а я буду черпать из его книг идеи, факты, оценки, как черпал до сих пор. Буду и спорить с ним. Ведь его путь глубоко поучителен. Вспомните, будучи до того моло-

дым ученым с естественным советским взглядом на вещи, он вдруг на четвертом десятке под влиянием ученых бесед становится «радикальнейшим диссидентом, отрицающим все, что произошло в стране после революции 1917 года». Все! Значит, и то, чему сам был свидетелем, что видел своими глазами: нашу великую Победу над фашизмом, создание первой в мире АЭС, прорыв в космос, создание сверхдержавы, — все!.. Ученые беседы, авторитет знаменитого собеседника затмили ему реальность, саму жизнь, сверкавшую и звеневшую вокруг. Невероятно!.. Однако же через несколько лет Кожинов сумел сбросить дурман ученых бесед и под влиянием действительности, а также углубленного исследования советской истории преодолел тяжкий груз увлекательных бесед и пришел к выводу: «Революция, так или иначе, была делом России в целом, и потому проклинать ее — значит, в конечном счете, проклинать свою страну вообще». Он стал советским русским патриотом. В этом его главный урок.

Для меня он жив в своих книгах, и я буду писать о нем и спорить с ним, как с живым... Недели через две после смерти Вадима я читал его «Судьбу России». По поводу одной мысли в ней мне тут же захотелось поговорить. Я машинально набрал знакомый номер телефона 291-67... Гудок — и тихо, гудок — и тихо, гудок —

И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет...

24 января — 18 февраля 2001 г.

В МИРЕ ПЛАМЕННЫХ ЦИДУЛЕК

Ю.В. Бондареву. 5 апреля 05. Москва

Юра,

на другой день после твоего недавнего звонка мне на дачу я приехал в город. Ну, конечно, куча газет. Беру «Правду». Что такое? На первой полосе, как важнейшая новость жизни человечества, — статья «В литературу с автоматчиками». Смотрю — глазам не верю. Оказывается, это твое пламенное письмо «старому сотоварищу С.В. Михалкову». Прочитал. Мурашки по спине. Какое возвышенное негодование!

Беру «Советскую Россию». И тут твое письмо тому же «сотоварищу». Причем еще более пламенное, с восклицательным знаком на конце: «...Сотоварищу!» Еще раз прочитал. В жар бросило. Экая бездна гнева!

А тут и «Патриот» подвернулся. Мать моя мамочка! И здесь на первой полосе, как важнейшая новость дня, как успение папы римского — твое кипящее и булькающее «Открытое письмо», на сей раз — главному редактору «Литературной газеты» Ю.М. Полякову» Прочитал. Мороз по коже. Сколько благородного презрения!

Кинулся к Интернету, нашел последний номер «Завтра». Уже сам ищу дрожащими руками. И что же? Нахожу и здесь твою «Открытую цидулку» тому же Ю.М.Полякову. Прочитал. Челюсть отвалилась. Какая энергия души, какая сила выражений! Право, по возрасту ты уже догнал самого Льва Толстого, а по мобильности превзошел Эдварда Радзинского.

И все по поводу склоки, затеянной в Международном сообществе писательских Союзов (МСПС) твоим другом Арсением Ларионовым при твоем посильном участии.

Звоню Сене Шуртакову, нашему однокашничку, дабы порадовать старика. А он говорит, что слышал, будто оба письма напечатаны еще и в «Вечерке», в линниковском «Слове», а по слухам — и в «Вашингтон пост». Отменно!

— А ты все понял в письмах нашего друга? — спросил Семен.

Я честно признался, что не все. Например, Юра, ты пишешь: «Не могу назвать твое поведение, Сергей Владимирович, последних недель уважительным ко мне». Непонятно, а сам-то уважительно относишься к нему? Ведь он постарше нас с тобой лет на десять с чем-то. По телефону ты шумел: «Я знаю Михалкова сорок лет! Он мать родную продать может!».

Я ответил, что мать Михалкова продать уже затруднительно, она лет сорок тому назад преставилась, но вот статью «За что я люблю Тимура Пулатова» написал не Михалков, а другой, очень хорошо знакомый тебе писатель, Герой Социалистического Труда, когда-то заместитель Михалкова по Союзу писателей России.

Может быть, ты скажешь, что не говорил о Михалкове как о потенциальном торговце родной матушкой или нельзя, мол, ссылаться на то, что было сказано наедине. Правильно. Но, что делать, если как раз твои питомцы, адепты и хвалебщики насаждают в литературе такие нравы и порой — слаб человек! — в ответ приходится прибегать к их же манере полемики. Вот ведь что изрыгает Арсений Ларионов, любимец твой и Лили Брик:

— От М. я не слышал ни одного доброго слова о 73-летнем К. (у него, разумеется, не инициалы, а полные имена. — *В.Б.*), — только матерные вульгаризмы. Нечто мерзко подобное говорил о М., у которого впереди уже не осталось дней жизни, и 73-летний К., агент (чей?) и предатель (кого? чего?)

с бойко-лживым пером, мошенник и фальсификатор, рыхло-громоздкое тело которого пришло в полную негодность. Они ведь прожили целую мерзопакостную жизнь вместе... полные ничтожества... негодяи... супернегодяи... литературное охвостье... пиявки... неогаденыши...

Вот так и говорит, и никаких доказательств. Слышал, дескать, своими ушами. И все. Да, если это было, то ведь, как у нас с тобой, — с глазу на глаз.

Между прочим, как и ты, Ларионов касается вопроса отцов и детей своих противников, и в том же самом духе. Уверяет, что помянутый К. «готов распнуть своего благонравного отца по любому поводу ради жалкого доллара». Тут, Юра, ученик, пожалуй, превзошел учителя. И опять — никаких доказательств!

О другом известном писателе Г. твой любимец пишет, что это никакой не писатель, а «лжец по Божьей вере» да еще и «вчерашний комсомолец-промысловик»(?). Господи, да ведь он же сам полжизни проходил в комсомольцах, и не в рядовых — то секретарь горкома (в Архангельске), а то даже и обкома (кажется, в Астрахани)!

Но как только от демонических монологов о коллегах этот Лариосик переходит к фактам конкретным, то ведь — хоть святых выноси. Вот заявил, будто Михалков обвиняет его в воровстве 900 тысяч долларов. Я тебе сказал, Юра, по телефону, что ничего подобного не было. Михалков всего лишь задал вопрос: «Где 900 тысяч? Куда девались?» Такой вопрос имею право задать и я. Твой дружок шумит: «Я тогда и не работал в МСПС». Правильно. Но вскоре придя на эту работу и взяв в свои руки все финансовые дела, он обязан был знать, куда уплыли денежки, на которые можно было бы пять лет содержать весь МСПС.

Ну, как верить твоему любимцу, если он способен обокрасть даже... Кого бы ты думал? Пушкина! Однажды заявил в уважаемой газете, что известный четырехтомный «Словарь языка Пушкина» содержит 10 тысяч слов. А на

самом деле — почти 23! Больше половины уволок. А ведь говорит о себе: «Я человек северный, наивный...» Как сказал Маяковский в подобном случае,

Бояться им
рожна какого?
Что против
Пушкину иметь?
Его кулак
навек закован
в спокойную к обиде
медь.

Но наши-то кулаки, Юра, пока не закованы. Так давай опустим их по разочку на мелко-рыхлое тело 67-летнего неогаденыша.

Но я увлекся. Вернемся к твоему письму «сотоварищу». Ты спрашиваешь его: «Как это тебе в голову пришло ворваться с сотней автоматчиков в Дом Ростовых?» Позволь, но ведь «автоматчики» это следствие. А что было вначале? Вначале председатель МСПС С. Михалков, придя к выводу, что его заместитель А. Ларионов, говоря обобщенно, не соответствует занимаемой должности, подписал приказ о его увольнении. Имел он право на это? Не знаю. Во всяком случае, меня лично начальники увольняли не раз: в «Литгазете» (Помнишь? Это на твоих глазах было), а еще и в «Молодой гвардии», в «Дружбе народов»...

Но, допустим, Михалков поступил незаконно. Что мог и должен был сделать Ларионов в борьбе за справедливость? Требовать рассмотрения вопроса на пленуме правления МСПС или даже обратиться в суд. А он? Сколотил «оргкомитет», но поскольку его собственный вес невелик, он, используя твое честолюбие и твою неприязнь к Михалкову, своему бывшему начальнику, вовлек туда тебя и вы приня-

ли эпохально комическое решение об увольнении Михалкова, которого еще недавно величали живым классиком. После этого немедленно захватили все кабинеты в Доме Ростовых, все документы МСПС, печать и т.п. А на входную дверь навесили решетку и поставили стражу. И что же вы после этого ожидали?

Естественно, что Михалков против такого самоуправства обратился за помощью в прокуратуру. И она, а не кто другой, приняла решение о выдворении вас из Дома силами наряда милиции, что и было вполне законно осуществлено. А как иначе бороться против самовольного захвата?

Так вот, Юра, как тебе с Ларионовым пришло в голову уволить Михалкова с его должности? Как взбрело на ум силой преградить ему доступ в его рабочий кабинет, в этот самый Дом Ростовых? Увы, к насильственным действиям первые-то прибегли вы. А сеющий ветер иногда пожинает бурю. И тут уместны твои собственные слова как зачинателя: «Это ведь нечто клиническое. Такого у нас еще не бывало». Да, не бывало. Невозможно вообразить, чтобы Демьян Бедный преградил путь в этот Дом Максиму Горькому, Борщаговский — Фадееву, Суров — Суркову, Бабаевский — Тихонову, Рудерман — Федину, Софронов — Маркову, я — Владимиру Карпову... Немыслимо! А вы это провернули. И теперь спекулируете образом ужасных «автоматчиков», которые-де выбрасывали вас, бедненьких, на снег и лютый мороз.

В тексте твоего письма Михалкову и дальше нечто клиническое: «...зная твою близоруко-укороченную влюбленность в детскость, я всегда думал, как уберечь тебя и твою хрупкую детскую песнь». Что это? Уберег? Тут каждое слово топорщится и вопиет. Или: «В братской дружбе ты все же проиграл». Как можно проиграть в дружбе? Дружба это же не «козла забить».

«Ты всегда славил лишь себя, свое имя». Во-первых, где и когда Михалков «славил себя»? Что, он, например, сам себе премии выдавал? Во-вторых, Юра, а кого славил ты, кроме

уже прославивших тебя Феликса Кузнецова и Тимура Пулатова, Ларионова и Сорокина, лауреатов не чуждой и тебе Шолоховской премии.

Правда, однажды, когда я задумал возразить в «Правде» на твою статью там же «О чем молчат писатели» (на самом деле тогда молчали литературные генералы — все эти Герои и Ленинские лауреаты) и тебе это стало известно заранее, ты вдруг вздумал прославить меня и сказал мне по телефону заманчиво: «А я выдвинул тебя на Шолоховскую премию» (пауза). Но когда я похвастался этим нашему общему приятелю Викулову, он возмутился: «Врет. Это я тебя выдвинул». В итоге статью я напечатал, а премию ты взял себе. Мне выдал через девять лет. Уж какое спасибо!

Кончается твое открытое письмо пронзительно и возвышенно: «Боже, Сережа милый! Как все переменилось в жизни и душе твоей...Ты остался самим собой...» Позволь, Юра милый, ведь тут одно исключает другое: или переменился или остался собой. Право, это опять нечто клиническое.

Ну, а если остался, то каким? Вот: «самовлюбленным, тщеславным, любящим власть до умопомрачения». Неужели тебе никто, хотя бы мудрец Сорокин, не подсказал, как выглядит человек, который полжизни проходил в больших начальниках, потом отвалился, но лет через пятнадцать, уже на 82-м году, вдруг, сметая 92-летнего соперника, опять ринулся в начальники, в еще большие, — как выглядит этот человек, когда он гвоздит другого за любовь к власти. Уж если не с Сорокиным, то с женой, с дочерьми, с зятьями посоветовался бы.

И вот самый-самый финал симфонии: «По-божески, по-христиански тебе надо по-отцовски смиренно отступить!» Юра, отцом Михалков тебе все-таки не подходит...

Твое письмо Ю.Полякову еще более изумительно. Если то заканчивается именем Божьим, то это им начинается: «Хочется пасть ниц и умолять о прощении Господнем». До

чего ж ты, Бондарев, возвышенная натура! В небольшом письмеце у тебя и Шекспир с Фальстафом, и «великий художник» Достоевский с Тургеневым, и драматические вопли «Боже мой, совесть!» Как будто Каратыгин в «Сиде».

А ведь повод-то пустячный: первый вариант твоей статьи не устроил редакцию «Литгазеты», и тебе было предложено усилить ее доказательность, только и всего! А ты тотчас полез в бутылку: «Доказательства опубликованы в газете «Патриот». Да, опубликована эта ларионовско-сорокинская непотребщина, но работники «Литгазеты» вовсе не обязаны читать «Патриот». Потрудись изложить доказательства сам. Нет, ты не привык к такой черновой работе, пусть они ищут.

И вот при таком-то складе характера вдруг пишешь: «Ваши собратья по перу считают, что Вы новоизбранный комильфо без фрака и вместе с тем лирик в душе, способный, прилюдно рыдая о неутоленной любви к ближнему с сожалением ненавидеть инакомыслящих...» Это не Сорокин тебе продиктовал? Ведь тут полный бред! Во-первых, что такое «избранный комильфо». Разве это выборная должность? Кроме того, фрак носят лишь в определенных не столь уж частых случаях, а обычно комильфо может быть и без оного, комильфо можно узнать, даже когда он в трусах. Как и писателя можно узнать по небольшой цидулке. Во-вторых, что значит «неутоленная (!) любовь к ближнему»? Может быть, неразделенная? А любить можно кого угодно и сколько угодно. В-третьих, что за сожалеющая ненависть? Уж больно все это натужно.

Но главное, что это за «собратья по перу», которые намололи тебе такую чушь о Полякове? Почему умолчание? Наберись храбрости, назови имена. И уж самое главное: знаешь ли ты, что о тебе-то говорят собратья по перу? Может быть, ты думаешь. что все они, как Сорокин и Ларионов, считают тебя вечно живым классиком, великим писателем земли Русской? Уверяю тебя, дорогой Юра, далеко не

все. Есть с полдюжины пиявок, которые считают тебя, как ты Михалкова, — самовлюбленным, тщеславным, любящим власть до одурения. Все это да еще высокомерие да злость только и выражены вполне отчетливо в письме Полякову, остальное — муть.

Надеюсь, помнишь, как однажды, в который уже раз защищая тебя от нападок, я, дабы подчеркнуть свою объективность, употребил довольно банальный ораторский прием: «У меня нет намерения защищать Бондарева, но вот факты...» И дальше излагал факты, которые были в твою пользу, защищали тебя. В этот же день — твой звонок: «Как ты мог сказать, что у тебя нет намерения защищать меня?! Как ты!..» и т.д. Разве на совести Михалкова есть такие звонки? Мне известны факты совсем иного свойства. Был случай, я напечатал уж очень неласковую статью о фильме одного из его сыновей. Другой отец проклял бы меня. А Михалков вскоре позвонил мне и сказал, что прочитал книгу моих стихов и перечислил десятка два, которые ему понравились.

«Можно ли верить в разумение Ваших возражений в мой адрес, не опубликовав моего письма?». Что это за словесное чучело? Какая связь между публикацией и «разумением»? Вполне доступна пониманию и ненапечатанная рукопись, если она разумна.

«Вы хотите быть ученым чужой ученостью, взращенной на демократическом навозе». Что за лажа?

«Ваша позиция — мечта уловить отблеск отблеска, что всегда обманно». Что за фуфло?

«Ваша ненависть к защитникам Дома настолько неумело придавлена(!), что Вы готовы повздорить с собственной тенью». Откуда у Полякова ненависть к Ларионову? Он его печатает аж с портретом. Какая тень и почему Поляков готов с ней «вздорить»?

«Борьба с оппонентом овеивается неприятным запахом, доводящим доказательства до провокационного абсурда». Какой еще запах? Что за провокационный абсурд? Как этот

таинственный запах может довести доказательства до абсурда?

«Дар злобы и самомнения опасен для поддающихся влиянию умов, потому что здесь нет субстанции, которую принято называть совестью». Господи, субстанция! Ты хоть сам-то понимаешь, что пишешь?

Из подобного словесного мусора, увы, составлено все письмо. Право, такое впечатление, что это или продиктовали Сорокин с Ларионовым, или написано в состоянии delirium tremens.

И все это ты обрушил на Ю.Полякова, выразившего готовность напечатать твою статью, если ты над ней еще поработаешь, и даже сказавшего о горячей любви в тебе, христианин.

Кстати, Юра, а это по-христиански — без разрешения автора (Ю.Полякова) печатать, по твоему собственному определению, его «личное письмо», для печати не предназначавшееся? Тем более, что свое письмо в «Литгазету», как раз направленное туда для публикации, ты почему-то не предал гласности, скрыл. А ведь оно внесло бы большую ясность. Остается предположить, что оно было еще более нетерпимым, высокомерным и уж совсем несъедобным.

Будь здоров, христианин!

Твой перманентный защитник *В. Бушин*

«Московский литератор», № 7, 2005 г.

ПОСЛЕДНИЙ ЛЮБИМЕЦ ЛИЛИ БРИК

Шибко нравятся мне писатели, которые не устают говорить о нравственности вообще и о своей необыкновенно высокой нравственности в частности,— сразу ясно, кто перед тобой...

Однако беседа высоконравственного писателя Арсения Ларионова со своей сотрудницей по Международному сообществу писателей Мариной Переясловой, опубликованная не так давно в «Литгазете» под заголовком «О правде и правдолюбцах», повергла меня в изумление. Казалось, никакой загадкой этот нравственный инженер человеческих душ для меня не был. И вдруг...

Иные его мысли и оценки я просто не в силах уразуметь. Например: «Шолохов и Леонов по-своему испытали (?) мою жизненную и литературную судьбу». Что это значит? Слово «испытывать» неоднозначно. В каком смысле употребил его автор здесь? Не проясняет дело и уверение, будто «свидетельства тому (испытаниям) остались в истории русской литературы». Какие свидетельства? Где они? Кто их видел?

Еще более озадачивает такое объявление: «Михалков и Бондарев ответствуют (?) за меня в трудных схватках времени». Как это? Как это? Как это? Где, когда, по какому поводу, в каких трудных схватках названные писатели «ответствовали» за автора? Что именно они «ответствовали»? Помню, Сергей Владимирович однажды спросил меня: «Что это за писатель — Ларионов?» Я ничего ответствовать не

мог. А вот за меня классик действительно «ответствовал», хотя свидетельства этого, вероятно, и не сохранились в истории русской литературы. В свое время приемная комиссия, которую тогда возглавлял Анатолий Рыбаков — царство ему небесное! — завалила мою кандидатуру. Я передал дело в секретариат Московского отделения Союза, ибо уж очень хотелось приобщиться к бессмертным. Там в трудной схватке времени голоса разделились поровну. И Михалков, как Первый секретарь правления МО председательствуя на заседании, так «ответствовал»: «В подобных случаях голос председателя имеет двойную силу». И я враз очутился среди небожителей.

Не очень понятен мне и такой решительный постулат: «Большой писатель, защищая униженных и оскорбленных, всегда должен быть в оппозиции к власти». А если я писатель небольшой, значит, заодно с душегубами? Странно. Это, во-первых. А во-вторых, взять хотя бы названных выше «больших писателей». Разве Шолохов был в оппозиции к Советской власти? Конечно, не раз что-то и критиковал, слал гневные письма Сталину, но это же все было во имя исправления, улучшения и укрепления власти. А Леонов? У него нашлись подковырки против Советской власти, против Сталина, против своего крестного отца Горького только после того, как эту власть задушили, а Сталина и Горького оплевали. Ничуть не замечен в оппозиции и Михалков. Наоборот, во всю мощь своего таланта он прославлял советскую жизнь. А остро критический киножурнал «Фитиль», который много лет редактировал, имел, в сущности, ту же направленность, что и письма Шолохова Сталину. И сейчас он вовсе не в оппозиции. И для этой власти сочинил гимн, правда, пожиже первого, но при его звуках опять все встают, кроме Татьяны Толстой. Младший сын классика однажды бросил: «Михалковы, как Волга, катят свои волны при всех режимах». Очень хорошо. Только Волга при всех режимах катит волны с севера на юг, а сам Никита таким постоянством не

отличается. Да не превратился ли он ныне из Волги в Северную Двину, которая катит волны в Белое море. Чего стоит хотя бы одно лишь его обращение к президенту Путину: «Ваше высокопревосходительство!..»

Кто там еще? Бондарев. Издаваясь и переиздаваясь, занимая высокие посты, получая большие ордена и почетные премии, тоже в оппозиции к Советской власти при ее жизни уличен не был. А вот теперь — в оппозиции к власти нынешней. И хвала ему! Правда, недавно Бондарев высказал некоторые оппозиционные суждения о покойной Советской эпохе, но это сущее недоразумение. Судите сами: он приписал ей «бездумное гидростроительство с затоплением плодородных земель». Это, надо полагать, о водохранилищах. Но где хоть один пример бездумия? Нет ни одного. А на самом деле затопления земель, которые имели место, многократно окупались. Вот что пишет С.Г. Кара-Мурза во втором томе своей «Советской цивилизации»: «В СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ. Они позволили резко улучшить окружающую среду, построить большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получить огромное количество электроэнергии и оросить 7 млн. га земли... Положительный эффект на несколько порядков превосходит размер ущерба, причиненного созданием водохранилищ». И всего было затоплено 0,8 млн. га пашни из 227 млн. Это какая доля процента? Для сравнения: ныне демократы забросили 30 млн. га сельскохозяйственных угодий. Вот о чем на площади в рельсу бить надо...

А еще, говорит Ю.Бондарев, на совести Советской власти такая «гигантская диверсия» против народа, как «поворот северных рек». Юрий Васильевич, окстись! Какая диверсия? Какой поворот? Не было же никакого поворота, а только — газетно-журнальные разговоры, и все. Причем, те, кто отстаивал эту идею, вовсе не коммунистами выдвинутую, а обоснованную еще в 1868 году ученым Я.Г.Демченко, имели в виду забор всего лишь 3—5 процентов стока рек, а вовсе

не полный их поворот, как демагогически изображали дело противники идеи. Ее осуществление тоже обещало огромные экономические выгоды, в частности, прекратилось бы заболачивание поймы этих рек во время разлива. Особенно свирепо боролся против «поворота» неожиданно возникший «союз Распутина с Нуйкиным», который возглавлял Залыгин. Случайно ли последний вскоре стал антисоветским оборотнем и членом какой-то американской академии?

В числе «больших» да еще и «нравственно здоровых» писателей Ларионов назвал также Гамзатова, Кугультинова, Айтматова. Но и среди них что-то не видим мы отчаянных оппозиционеров. Совсем наоборот! Кто ж не помнит, допустим, как первый из этих больших и нравственно здоровых ликовал по поводу награждения Л.И.Брежнева орденом «Победа» (позже отобранного). А разве можно забыть, как второй, видимо, уверенный, что Горбачев это олицетворение всего самого лучшего в Советской жизни, после избрания его на съезде президентом, едва ли не плача от радости, восклицал, обращаясь к депутатам: «Мне хочется всех вас расцеловать!» А третий, правоверный советский писатель Айтматов, недавно подарил президенту Путину свой шеститомник. Что это, как не знак восхищения? И тогда восхищался и сейчас. А большой писатель. Как видим, постулат Ларионова по меньшей мере весьма спорен.

Есть в беседе и другие пассажи, недоступные для моего понимания. Так, вот автор перечисляет, по его выражению, «правдолюбцев» русской истории: Болотников, Разин, Пугачев, Радищев, декабристы, Чернышевский... И вдруг в этом ряду — царевич Алексей, который-де «выступил против отца за правду русского народа». Что, выступил подобно стрельцам или декабристам? Это где же и когда? И за какую такую правду?..

7 января 1933 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в докладе «Итоги первой пятилетки» Сталин говорил:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь...» И так далее.

Вот правда Сталина, правда Советской истории, безмерно приумноженная в последующие двадцать лет. А Троцкий, уверял, что все это немыслимо.

И царь Петр почти за двести лет до этого имел право сказать своим боярам и дворянам:

«У нас не было современной армии. У нас она есть теперь.

У нас не было флота. У нас он есть теперь.

У нас не было Петербурга, Риги и Ревеля. У нас они есть теперь.

У нас не было Полтавской и Гангутской побед. У нас они есть теперь.

У нас не было Академии наук. У нас она скоро будет».

И так далее.

Вот правда Петра и правда русской истории. А царевич Алексей был против нее. Кто же он — правдолюбец или троцкист XVIII века? Пушкин дал ответ на этот вопрос:

Тогда-то свыше вдохновленный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело! С Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь — как Божия гроза...

Нет другого способа создать великую державу, как только с помощью Божьей грозы.

Странно, что ныне, в пору поношения русской истории, Ю.Бондарев и тут выказал себя оппозиционером: недавно в патриотической «Правде» назвал петровскую власть «антинародной». Что ж, Юрий Васильевич, посади мысленно на место Петра, вдохновленного свыше, припадочного лежебоку Алексея и прикинь, что стало бы с нашей родиной. Помоему, произошло бы то же самое, если на место Сталина сели бы Троцкий или Бухарин.

Но еще удивительней, чем царевич Алексей в ряду «правдолюбцев», вот что. Такой высоконравственный писатель, как Ларионов, о чем он постоянно твердит, должен уважать правдолюбцев и страдальцев за правду, и по началу его упомянутого перечня от Болотникова да Радищева, кажется, так оно и есть, но дальше — совершенно ясно, что он презирает их, глумится над ними. Так, о декабристах говорит, что они «были изобличены царем как люди безнравственные», что он «судил их как преступников». Разумеется, на взгляд царя они преступники, желавшие лишить его власти, но ты-то, ведущий «тяжелую нравственную борьбу», как относишься к памяти казненных и сосланных во глубину сибирских руд? Согласен вместе с Пушкиным признать за ними «дум высокое стремленье»? Сказал бы царю вместе с поэтом, что если был бы 14 декабря в Петербурге, то непременно явился бы на Сенатскую? Нет, на Сенатскую Ларионов, пожалуй, не вышел бы даже в обнимку с Пушкиным...

А дальше «правдолюбцы» перечисляются уже в презрительном множественном числе: «гиблые (?) революционеры — Желябовы, Перовские, Петрашевские, Каракозовы, Ульяновы... Участь их известна». И не стоит, мол, на них задерживаться. Так в своем перечне «правдолюбцев» автор добрался до большевиков. И тут начинается самое примечательное, тут он развернулся. Большевики-то, оказывает-

ся, в 1917 году бесстыдно обманули народ, он поддержал их и этим только «жизнь свою осложнил, отяжелил на целый XX век, названный теперь кровавым». Из-за большевиков? Вестимо! А кто назвал из-за них кровавым? Чубайс и Новодворская.

Вся-то политика Советской власти была антинародной, и как плод, как итог ее стоит перед скорбными очами нравственного писателя Ларионова средний россиянин — «человек душевно искореженный темпами пятилеток, войнами, целиной и БАМом, химизацией и электрификацией, коллективизацией и индустриализацией». Ничего этого, даже электрофикации, выходит, народу не надо было. Сидел бы с дедовской лучиной, но зато — с неискореженной душой. И на войну не надо было идти, там и вовсе убить могли. Ну, поработили бы немцы Россию. Подумаешь! Зато — неискореженные души.

Ах, как промахнулся народец наш простодушный! Надо было ему и вначале поддержать не большевиков, не Ленина, а Деникина, Колчака и, конечно, галантных интервентов — английских да французских, американских да японских, немецких да польских... И позже — не Сталина и Жукова, а Гитлера и Власова. То-то этим народ упростил бы да облегчил себе жизнь на весь XX век, который тогда назвали бы золотым. Кто? Да те же Чубайс и Новодворская.

А дальше уже о наших днях с такой торжествующей злобой, что оторопь берет: «КПСС рухнула в одночасье, как поддохлая моль, оставив о себе мифы и легенды о борьбе за народное счастье». Мифы и легенды... Кажется, даже помянутые Чубайс и Новодворская уже перестали вот так злобствовать. Откуда же это у человека, который сам лет сорок в партии состоял? Может, Советская власть так всю жизнь мордовала беднягу, что ничего другого, кроме злобы и ненависти к ней, в истерзанной душе и быть не могло? Вот и злорадствует: «Сидим у разбитого корыта. Коммунистическая сказка кончилась. Уплыла золотая рыбка от родного берега...»

Тут же читаем в редакционной справке: родился Ларионов в маленькой глухой деревеньке Цильма в дальнем северо-восточном углу Архангельской области, надо полагать, в семье колхозника. Окончил архангельское мореходное училище, получил диплом штурмана дальнего плавания, но плавать почему-то не захотел, может быть, качку не переносит. Поэтому вскоре нагрянул в Москву и поступил в прославленный столичный университет. На философский факультет! В 1965 году получил диплом философа. Диво дивное! Цильмяк окончил два учебных заведения. Колхозник стал столичным философом! Это советский миф? Это коммунистическая легенда? Как дело-то было? Вышел на бережок, позвал золотую рыбку и взмолился: «Смилуйся, государыня рыбка! Не хочу быть архангельским колхозником, хочу быть московским философом!» — и стал им? Нет, Ларионов, такие метаморфозы были обычным делом во времена «коммунистической сказки», и обходилось без всяких золотых рыбок. Не один же ты из архангельских мужиков взлетел так высоко. Ведь и замечательный писатель Федор Абрамов, выросший в многодетной крестьянской семье. И Александр Михайлов, сын колхозника из деревни Куя, доперший до ЦК, а потом — и Первый секретарь Московского отделения СП, и профессор, и лауреат. Да, наконец, и Альберт Беляев, цековский деятель. Все архангельские. И никто не взывал к золотой рыбке. Конечно, возможны были и сбои в те годы, когда народ не жалел сил, «чтоб сказку сделать былью». Кто ж мог предвидеть, например, что этот Беляев, просидев долгие годы в ЦК, при первом шорохе легко все предаст, а Ларионов станет проклинать большевиков и глумиться над КПСС.

А что дальше? Может быть, получив диплом собрата Аристотеля, штурман дальнего плавания вернулся на флот? Ничего подобного, там качка. Он поочередно берет на абордаж ряд самых популярных СМИ: радиостанцию «Юность», журнал «Кругозор», «Комсомольскую правду», «Советскую

Россию»... Это тебе не «Московский литератор», не «Московская правда». Многомиллионные тиражи, высокие должности, неплохие оклады и гонорары! Правда, подолгу философ почему-то нигде не задерживается. «Все течет, все меняется», — сказал его коллега Демокрит. Но, однако же, подумайте только, кто он, откуда явился в столицу и кем уже стал. И ведь опять же не молил: «Смилуйся государыня рыбка! Не хочу быть рядовым журналистом, хочу быть завотделом и членом редколлегии «Советской России».

Так в метаниях по редакциям и должностям дожил философ до 1968 года, и тут в жизни бывшего архангельского мужика произошло крупнейшее, пожалуй, даже, как теперь выражаются, судьбоносное событие. Он об этом поведал так: «Я был неожиданно обласкан и сердечно принят на последние десять лет ее жизни Лилей Юрьевной Брик». Ему тогда едва перевалило за 40, а старушке уже под 80. Как она о нем пронюхала? Чем он ее пленил — пронзительностью ума? статью? дипломом штурмана дальнего плавания? Как именно философ был обласкан? Что значит «принят на (!) десять лет»? Обо всем этом можно лишь гадать. Известно лишь одно: «Я по-прежнему храню нежность и душевное тепло к Лиле Юрьевне...» Надо полагать, и она была к нему тепла, насколько может быть тепла 88-летняя пассионария.

Впрочем, к Брик мы еще вернемся, а сейчас надо отметить, что вскоре Ларионов был принять в Союз писателей. Да и как не принять обласканного Лилей Юрьевной! Вот я не был обласкан, так меня пять лет принимали и приняли наконец, в конфликтном порядке. А тут — с лету! И недолго любимец Лили оставался рядовым членом Союза. В последующие годы «неоднократно избирался секретарем правления Союза писателей РСФСР». Как? Почему? За какие заслуги? Сам он объясняет это так: «Когда последовательно защищаешь общественное дело и не лезешь нарочито в «главные», то обязательно попадешь в оные». Интересно... Какое заме-

чательное торжество справедливости можно было наблюдать во времена все той же «коммунистической сказки»! И разве вся жизнь Ларионова, начиная с колхозного детства и до триумфа в столице, не есть ярчайшее доказательство этого? Однако это несколько противоречит моему личному опыту. Я, может, не менее последовательно, чем Ларионов, защищал общественное дело, — допустим, о злоупотреблениях на самом верху нашего Союза неоднократно выступал на больших писательских собраниях в ЦДЛ (например,19 ноября 1985 года, 3 июня 1986-го, 19 марта 1987-го), писал об этом статьи, такие, например, как большая статья «Спорили семь городов» («Волга», № 7, 1989). И что же в итоге? За всю свою долгую литературную жизнь никаким «главным» я ни разу не стал. Мало того, именно за такую защиту общественного дела на меня подавали в суд, таскали по партийным инстанциям, едва не влепили строгий выговор с занесением... Неужели такое различие в наших судьбах объясняется только нежностью Брик к одному из нас? Едва ли...

Дальше Ларионов утверждает: «В советское время тебя выбирали начальником, как удобного им, государям, человека, и ты правишь». Значит, и тебя неоднократно выбирали именно так? И каким же конкретно «государям» ты был удобен? В интересах кого ты правил? И как это согласовать с твоей замечательной преданностью борьбе за общественное дело? Молчание... А потом опять: «Никогда бы не позволили «партайгеносцы» вольного выбора. Им ненавистна была воля свободных людей». Но как же при такой ненависти «государей» к свободе удавалось не только тебе, такому лучезарному, многократно избираться в секретари и главные редакторы, но и твоим кумирам: Михалкову — Первым секретарем Московского отделения СП, потом — Первым секретарем Российского СП, Бондареву — тоже Первым секретарем Российского? Неужели и они были всего лишь мерзкими прислужниками «государей»? Соображаешь ли ты, Ларионов, что навешиваешь на своих наставни-

ков и защитников? Пожалуй, они больше не захотят ответствовать за тебя в схватках времени. Что же касается обзывания коммунистов «партайгеносцами», т.е. так, как было принято в нацистской партии, то шел бы ты с этим, милок, к Хакамаде, ей всего 50, она бы за это обласкала тебя, куда как слаще, чем Лиля Брик в 88 лет.

Да, говорит, в Советское время выбирали начальниками только прислужников, «но теперь совсем не так». А как? Да вот, мол, посмотрите на меня: я же как не лез, так и не лезу в главные, однако ныне я и секретарь правления СП России, и первый заместитель Исполкома Международного сообщества писателей, и профессор Московского государственного педагогического университета имени Шолохова, и лауреат премии имени Шолохова, и все мои книги «неоднократно переиздавались». Сплошное торжество добродетели и справедливости!

Тут я позволю себе этот фейерверк опять, чтоб далеко не ходить, сопоставить с некоторыми обстоятельствами собственной биографии. Были у меня переиздания? Были. Получил я шолоховскую премию? Получил. Но как! Премию учредили в 1991 году, и тогда же председатель Комитета по премии Ю.Бондарев и член Комитета С.Викулов сообщили мне, что решительно выдвинули меня в лауреаты. Я ликовал и прыгал. Если две таких фигуры выдвинули, значит, дело в шляпе. Но премию получили А.Ларионов, В.Сорокин, А.Жуков, не отказался от премии писателя-коммуниста и патриарх, — словом, облауреатели, кажется, всех членов Комитета и кое-кого еще. На это потребовалось две пятилетки. И вот, наконец, в 2001 году дошла очередь и до меня. Не успел я до этого помереть, на что, возможно, был расчетец...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

в закрытую для нас газету «Патриот»

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид...

А. С. Пушкин

Братушки!

Хочу на прощанье поделиться с вами кое-какими соображениями в связи с известным вам шлагбаумом в №16 вашей газеты, преградившим мне туда доступ. Как же в таких случаях без нескольких дружеских слов! Ведь прожито душа в душу как-никак четыре года. И в такое время! Вы и печатали меня напропалую, и гонорар, как оказалось, в порядке исключения платили, и портреты мои с ваших страниц всем глаза мозолили. После такого альянса уйти молча было бы как-то не по-русски.

Так вот, моя литературная жизнь с самого начала еще на фронте, где при первой же попытке напечататься меня заподозрили в плагиате, и до нынешних дней, уже на ваших глазах, была бурной, драматичной и непредсказуемой. Все, о чем великий Пушкин в приведенных строках писал о себе предположительно, на моем скромном, но долгом литературном пути сбывалось наяву.

Чума? Было! Еще во время оно при главном редакторе В.А.Кочетове я занимал в «Литературной газете» важный пост заместителя редактора раздела русской литературы,

который возглавлял Михаил Алексеев. Но потом пришел Сергей Смирнов, предтеча нынешних демократов, образцом коих стал его сын Андрей, кинорежиссер. Сергей Сергеевич тотчас по приходе наслал чуму на Алексеева и на меня. Пришлось сломя голову бежать: Алексеев — в «Огонек», я — в газету «Литература и жизнь» (ныне «Литературная Россия»). На наши места Смирнов посадил Юрия Бондарева и Феликса Кузнецова. Что ж, это вполне понятно: главный редактор подбирал команду единомышленников. И обижаться нечего.

Потом работал я в «Дружбе народов». Там объявили меня чумным покойный Баруздин и ныне здравствующий титан мысли В.Оскоцкий. За что? Да как же! Журнал безо всякого обсуждения напечатал две повести Б.Окуджавы, к которым у меня, как члена редколлегии, было много претензий, но их игнорировали, да еще главный редактор подъелдыкнул: «Может, ты в печати выступишь?» Я и выступил: о первой — в «Литгазете», о второй — в «Москве». И тотчас был объявлен чумным. Опять пришлось сматывать удочки.

А уже во времена смуты я три года активнейшим образом сотрудничал в «Советской России». Главный редактор Валентин Васильевич Чикин души во мне не чаял. Заходил коньячку тяпнуть, сам заезжал ко мне домой за статьями, и они в весьма пространном виде печатались чуть не еженедельно. Даже угораздило меня стать лауреатом газеты. Но настал черный день, и тов.Чикин тоже наслал на меня что-то вроде чумы или холеры — перестал печатать и вычеркнул из числа лауреатов.

В чем дело? Может, обнаружилось, что я власовец? Или внук Троцкого? Или принадлежу к сексуальному меньшинству? Ничего подобного! Просто я, будучи членом ЦК КПРФ, однажды на пленуме выразил громкое недоумение по поводу ряда антисоветских публикаций в «Советской России». И все: чумной! Но я и тут не держу зла на ветерана Чикина: спасибо, что три года терпел.

Ну, а мороз костенил ли меня? Да, и это знакомо. Вот уже четыре мои статьи в свежезамороженном виде лежат в «Завтра». Почему тов. Проханов заморозил меня после десяти с лишним лет любовного сотрудничества, распивания опять же коньячка с лапшой и взаимного празднования наших юбилеев? А потому, что я и в редакции, и на своем вечере в ЦДЛ говорил, что на меня вдруг дохнуло горбачевщиной да яковлевщиной. В самом деле, ходит человек с Зюгановым к Мавзолею, возлагает цветы, нахваливает в своих передовичках какие-то «красные ленинские методики», пишет: «На реальность следует взглянуть зорко, по-ленински», или: «Сквозь бутафорию фанерных орлов и траченного молью горностая сумрачно светится кремлевская ниша с Лениным» — и в то же время издал книгу, на обложке которой Ленин в образе исчадья ада. Никто ж не заставлял его ни молиться на Ленина, ни ленинские юбилеи отмечать, но с кем же ты, если антинародный режим, пылко проклинаемый тобой, тоже неустанно глумится над Лениным, как над главнейшим символом нашего сопротивления, тоже изображает его в образе сатаны? И книгу эту, разумеется, тотчас расхвалили Хакамада, Новодворская, и удостоилась она премии «Национальный бестселлер». Как же не дать за такого Ленина!

Возможно, припомнили мне и то, как я негодовал в редакции, когда они в день Красной Армии поместили на первой полосе портреты великих русских полководцев, и рядом с Александром Невским, Кутузовым и Жуковым — американский наймит Колчак, Верховный душитель Советской России, родной дедушка Горбачева и Ельцина. Было это в 92-м году. Вот еще когда и кто начал торить тропку к ныне установленному в Иркутске памятнику работы Вячеслава Клыкова, говорят, ищущего место и для памятника Власову. Так ли, нет, но был дан приказ: «Заморозить! Окостенить!»

И вот, братушки, наконец, — недавний инвалидный шлагбаум в лоб от вашего проворного начальства. За что — я

переметнулся в лагерь демократов и стал печататься в «МК»? ушел от жены к Новодворской? взломал сейф редакции и уволок сто грамм березовских долларов, полученных от политического трупа им. Ивана Рыбкина? Нет, нет и нет!

Тогда надо разобраться. Но сразу скажу: этот шлагбаум как гору с плеч свалил. Легко отделался! Ведь могли бы в суд подать и, как Явлинский или Степашин, потребовать с меня 200 тысяч, могли Шолоховской премии лишить, как лишили непослушного Николая Федя. А тут всего-то навсего — «завершаем наше сотрудничество». Как деликатно сказано! Словно завершают сбор цитрусовых.

Так в чем же и на сей раз дело?

Оказывается, причин две. Первая: Бушин «в последних своих публичных выступлениях в СМИ позволил себе(!) пренебрежительно(!) отозваться о газете «Патриот» (единственная из всех газет печатала все его публицистические произведения полностью)».

Интересно, кто это писал — классик Бондарев? гендир Ларионов? комсомольский лауреат Сорокин? генерал Земсков? Господи, полфразы не могут написать грамотно и не соврамши.

Во-первых, здесь по тексту получается, что я неоднократно выступал о «Патриоте» в каких-то, может быть, даже многочисленных средствах МИ, подобно тому, как о затеянной ими же склоке в Международном Союзе писательских Союзов (МСПС) точили лясы только что помянутые трое, — в «Правде», «Советской России», «Завтра», в «Слове», «Экономической газете», «Литературной России» и «Патриоте», т.е. в семи газетах общим тиражом, поди, под миллион экземпляров. А мои «СМИ» это одна-единственная малоформатная газетка «Московский литератор» с тиражом в 2 (две) тысячи экземпляров, в которой я выступил в апреле этого года лишь один раз. Братушки, неужто ваше начальство и его наставники не соображают, как они выглядят хотя бы только на фоне такого сопоставления? Это же как му-

равей супротив носорога. Умные собаки и носороги не замечают тараканов и муравьев, молча проходят мимо. А тут лай и рев подняли.

Между прочим, еще в 1989 году эта же доблестная газета «МЛ», которую тогда возглавлял Н.Дорошенко, напечатала мою суровую статейку об А. Яковлеве. А он тогда был и членом Политбюро и секретарем ЦК. Но представьте себе, — никаких шлагбаумов мне в лоб за то, что я (а это было тогда печатно впервые) «позволил себе пренебрежительно отозваться» о нем. Даже Яковлев! А ваши начальнички? Хоть брали бы пример с этого монстра.

А откуда взяли, что они «единственные» печатали меня полностью?

Конечно, на моем долгом литературном пути встречалось всякое. Например, в «Нашем современнике» один тогда молодой редактор В.В., убежденный, что поступает как Чернышевский с рукописью дневника Добролюбова, взял да и переписал «своими словами» мою статью «Два Аякса» (о Ю.Суровцеве и В.Оскоцком). Разумеется, я забрал статью и напечатал ее в «Москве». Но до этого именно в «Москве» покойная В.С. в статью «Кушайте, друзья мои» (о романе Б.Окуджавы «Путешествие дилетантов») вписала совершенно чуждые мне фразы. Я потребовал убрать их или снять статью. А однажды предложил большую статью в трех частях «Правде», и, публикуя первую часть, ей дали такой несуразный заголовок, что я запретил дальнейшее печатание. Такие прискорбные факты случаются со всеми. В любой редакции сыщется некий антик, такой Васька Буслаев, которого просветить или унять невозможно.

Ах, да что там вспоминать о сокращениях или искажениях! С 1979 года до 1987-го я вообще не смог напечатать ни одной статьи. Восемь лет! Это вся творческая жизнь, допустим, Добролюбова. А если пойти по именам, то, скажем, за двадцать лет «Наш современник» не напечатал ни одной моей статьи. А ведь патриот из патриотов. Да как же печа-

тать, допустим, статью, где доказывается, что стишок «Прощай, немытая» — это вовсе не Лермонтов. Как печатать нечто весьма неласковое о секретаре СП СССР Ю.Суровцеве или о любимце демократов Б.Окуджаве? Ведь за такое вольтерьянство могут к очередному юбилею орденок не дать. Сергей Викулов стал печатать меня в 87-м году уже после того, как было объявлено «Валяй, ребята, кто во что горазд!», т.е. когда храбрость была дозволена. Но его преемник Станислав Куняев и в пору дозволенной храбрости выбросил в форточку, например, и критическую статью об ак. Сахарове, и ту, где я защищал Юрия Кузнецова от критики Юлии Друниной, и уже знакомое читателю эссе о Вадиме Кожинове... О Сахарове, говорит? А что скажет Марья Алексеевна Старовойтова? О Кожинове? Вот если бы ты изобразил его беспорочным ангелом. О Кузнецове? Гений не нуждается в защите. Ответ есть на любой случай!

Но, братушки, при всем этом скажите своим начальничкам, пусть не хвастают и не корят меня тем, что они «единственные» и неповторимые. А сперва напомните, что ведь я никогда не выдвигал никаких требований, претензий: печатайте, мол, это немедленно! или — никаких сокращений! или — на первую полосу! и т.п. Любая редакция любому автору может по тем или иным соображениям предложить и сокращения, и поправки, и изъятия каких-то фактов, имен. Я просто приходил и говорил: «Вот статья». И за все четыре года у начальства ни разу не было ни замечаний, ни вопросов, а молча печатали статьи безо всяких сокращений. Да еще я получил любезное приглашение войти в редколлегию.

Ну, действительно, как не пригласить такого теленка! Главред говорит мне: «В.С., в статье «Охаянная победа» вы задели писателя Ржешевского. Он принес статью, где возражает вам, пишет, что вы — лакировщик. Что делать будем?» — «Печатать!» Напечатали. В другой раз: «В.С., Куняев хочет ответить вам, пишет, что он твердокаменный патриот, а вы —

ренегат. Как быть?» — «Обязательно надо напечатать!» Напечатали. Уж это ли не редкостный в наши дни плюрализм, гуманизм и, простите за выражение, толерантность!

Так вот, по соображениям той же самой гуманности хочу начальничков успокоить: несмотря на отдельные казусы, в разное время разные редакции печатали мои разные работы целиком и полностью.

Но вот несколько фактов поближе к современности. 19 декабря 1992 года, накануне дня рождения И.В.Сталина, «Советская Россия» начала печатать мой большой цикл статей о Сталине, о котором тогда никто не смел сказать ни единого доброго словечка, а закончила печатать на другой день после даты его смерти — 6 марта 1993 года. Печатала два с половиной месяца! До сих пор благодарен В.В.Чикину за мужественный поступок. Цикл вошел в книгу «За Родину! За Сталина!»

Еще? «Правда» в 2003 году в восьми номерах напечатала мою статью «Стайер» о книгах критика Б.Сарнова. (Статья под заглавием «О национальной кротости великороссов» вошла в книгу «Гении и прохиндеи»).

Еще? «Завтра» не поскупилась дать по три полосы сперва для моей статьи об Э.Радзинском, позже — о Л.Млечине. (Первая вошла в книгу «Честь и бесчестие нации», вторая будет в новой книге.)

А вот уж совсем свежие примеры. «Правда России» 3 марта этого года на целую полосу дала мою статью «Небольшие уточнения», а 25 апреля — на разворот статья «При слове «русский»... «Молния» 28 марта отводит три полосы для статьи «Повелитель». Эта же статья — в «Трудовой России».

И все — полностью, безо всяких усечений, за что я от души благодарен В.В.Чикину, А.А.Ильину, А.А.Проханову, А.А.Горлову, В.И.Анпилову, В.А.Тюлькину.

Но как же, однако, я выразил преступное пренебрежение к «Патриоту»? Увы, и тут не все так. Во-первых, я же писал в «МЛ» о том, что напечатано не в «Патриоте», а в

Доме Ростовых, который лишь вкладыш, связанный с газетой договорно-арендными отношениями. Так?

И вот остается только одно: мне можно вменить в вину лишь признание за работниками «ЛГ» права не читать «Патриот». Но, братушки, ведь я и за всей вашей редакцией во главе с генералом тоже признаю право не читать «ЛГ» и вообще ничего не читать.

Наконец, самое-то важное. Если бы даже все эти бондаревско-ларионовско-сорокинские прелести были напечатаны и не в «ДР», а на страницах собственно «Патриота», — что из этого, коли у меня-то критика не газеты в целом, как органа печати, а конкретных выступлений конкретных авторов. Такую критику я «позволял себе» и раньше в глаза главреду.

В целом же мое отношение к «Патриоту» одобрительное, газета делает важное патриотическое дело. Иначе я и не пришел бы сюда. А о недостатках и промахах газеты можно поговорить в другой раз.

Все это относилось к первому обвинения, к первой причине моей трансплантации. А вторая, братушки, состоит в том, что я, говорят, «в принципиальном вопросе, касающемся судьбы Дома Ростовых, занял позицию, противоположную позиции нашей редакции и законного руководства Международного сообщества писательских союзов, возглавляемого Ю.В.Бондаревым».

Тут еще больше веселья. Во-первых, «ДР» в моем письме Бондареву и не упоминается, о его судьбе — ни слова. Ничего не говорил я об этом и в вашей редакции. Тут можно было бы и закрыть вопрос, так сказать, за отсутствием факта преступления. Ну, попутно разве что можно выразить крайнее удивление: откуда, с чего, каким образом у редакции «Партиота» вдруг появилась «принципиальная позиция» в вопросе о судьбе этого Дома? В самом деле, какое отношение к зданию Союза писателей да и к самому Сою-

зу имеет не литературная, а общественно-политическая газета? Абсолютно никакого! В редакции, кажется, нет ни одного члена даже казаковского СП. Чего ж людей-то опять смешить!

Конечно, редакция может в душе сочувствовать той или другой стороне, как я сам, например, всей душой на стороне МХАТа доронинского, а не табаковского, где прогресс дошел уже до матерщины со сцены. Господи, встали бы из гроба Станиславский, Качалов, Москвин, Зуева, Тарасова... Встали бы и пришли в свой МХАТ. Они бы удавили этого жирного пошляка Табакова!.. Не только сочувствовать, но и обожать Бондарева можно сколько угодно, но сейчас не о его же романах речь, а о его письмах.

Да, разумеется, редакция вправе сочувствовать, но чтобы в этом дойти до столь оголтело «принципиальной позиции» — до административных санкций против инакомыслящих — это ни в сказке сказать, ни пером описать! Тем более, что в газете ведь черным по белому объявлено: «Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции». Если вы такие широкие плюралисты у себя дома, то какое вам дело, что пишет человек, в штате у вас не состоящий, в других газетах? Вот я и позволил себе не совпасть с позицией «Патриота», вернее, его начальства, и сделал всего один шажок в сторону тиражом в две тысячи экземпляров и тотчас — бац шлагбаумом! Ну демократия, ну коммунисты...

И разгадка тут проста: три богатыря просто подавили ваше начальство и навязали ему свою позицию, объявив ее принципиальной для газеты.

Повторяю: ни слова у меня нет о Доме. Я на стороне Сергея Михалкова и русской литературы против нахрапа и невежества, и об этом именно, а не о Доме говорил Земскову. А он ничего не возражал и либо отмалчивался, либо поддакивал даже.

Теперь вопрос: может, я один такой беспринципный михалковец? Увы, братушки, ваши начальнички и тут садятся в привычную для них теплую лужу. Поддержали Михалкова и осудили ларионовско-бондаревский самоуправный амок многие известные писатели: М.Алексеев, В.Белов, В.Карпов, В.Распутин, В.Костров, В.Личутин, В.Ганичев, И.Ляпин, руководители республиканских СП, а также «Литературная газета», «Российский писатель», «Московский литератор». Хватит?

И последнее. Раскрываю свежий номер «Российского литератора» № 6. Целый разворот под заголовком «С.В. Михалков вернулся в Дом Ростовых». И тут в числе других увлекательных материалов — постановление прокурора тов. Здоренко и сообщение Ревизионной комиссии МСПС: «Прокуратурой г. Москвы в отношении А.В.Ларионова открыто уголовное дело по статье 330 УК РФ». Говорят, по этой статье могут дать до семи лет. А ведь человеку под семьдесят. Что ж, выйдет как раз к своему юбилею, в 75-летию. Прекрасно!

До лучших времен, братушки!

«Московский литератор», № 9, 05.2005

ГРОЗЫ, ПОЗЫ И МЕТАМОРФОЗЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОРОКОНОЖКИ

Страна достойно отметила юбилей Валентина Сорокина. Радостно, что свое 70-летие поэт встретил в прекрасной творческой форме. Всенародные торжества начались еще в январе, когда в «Дне литературы» №1 была напечатана могучая статья Александра Байгушева «Могучее восхождение Валентина Сорокина» с портретом юбиляра в рост. В феврале Иван Голубничий обнародовал в «Московском литераторе» статью «Любовь, Родина, борьба». Позже эта статья появится еще и в книге критика. 1 марта стихотворцу торжественно вручили шолоховскую медаль Министерства культуры. Праздничную эстафету подхватила газета «Завтра», напечатав 19 июля четыре поэтических жемчужины с портретом юбиляра в позе мыслителя (рука у лба справа). Тут же большую подборку дал и «День» с портретом автора в позе мыслителя (рука у лба слева).

Все мероприятия юбилейного фестиваля перечислить невозможно, но нельзя не отметить особо, что честь закрытия празднества взяла на себя старейшая газета страны — коммунистическая «Правда». Она в самый день юбилея напечатала статью Анатолия Жукова «Впередсмотрящий» с портретом поэта в позе мыслителя (рука под носом).

Думается, небесполезно хотя бы кратко ознакомить читателя с некоторыми из этих публикаций. Начать, видимо, следует со стихов самого юбиляра, напечатанных в «Дне».

В этой подборке автор суровой кистью нарисовал трагическую картину своей жизни:

Я прошел через такие грозы...

Да, да, сейчас мы об этих грозах расскажем.

Разве я не мучим?..

Мучим, шибко мучим! Всегда мучим!

И куда
Мне поклониться головой седою,
Вся жизнь моя — великая беда!..

Действительно беда — и для него, и для литературы.

Я с тоски и голода
Снова стал угрюмоликим...

Господи, он еще и голодает! Неудивительно, что при всех этих мучках, бедах голодному мерещится, будто уже и «солнце прячется на севере», а не на западе, и сам он уже не прославленный русский поэт, а погибший китаец:

... в Поднебесной
Нас поэтов столько выбыло
По тропе своей известной.

Ну, что значит «выбыть по тропе» и что это за тропа, не всем понятно, однако едва ли кому неведомо, что Поднебесной (империей) именуют именно Китай. Да, Сорокин считает себя китайскоподданным.

Статья И. Голубничего прекрасна. Как из рога изобилия он сыплет: талант и мастерство... мощный поэтический

дар...поэт, которому, русский человек верит интуитивно... витязь русского поэтического слова... его стихи действуют напрямую, минуя рационалистическую область восприятия... и т.д. Великолепно!

Но критик по молодости еще не знает, что когда так нахваливаешь такого поэта, то ни в коем случае не следует цитировать его стихи. А он, святая простота, обильно цитирует! Не понимает, что ведь какова цена этим похвалам в базарный день, становится ясно после первых же четырех строк:

Струны времени (?), совести стрелы (?),
Красной масти (!) на поле цветы,
Это чувства и слова пределы (?),
Это ты моя Родина, ты!

Столь же замечательна и статья А.Жукова: большой талант... выдающийся поэт России... коренник... искрометные стихи...горячая поэзия, пламенная публицистика, размашистая и строгая проза... как вечевой колокол... как набат... не подстраивается к конъюнктуре, не мечется вправо-влево, всегда идет прямым путем... характер бойца...походка вождя... голос лидера... десять лет у мартена... соратники ни в чем не укорили его...

Отменно! Только я бы озаглавил статью не «Впередсмотрящий», а «Вверхползущий». Кроме того, надо отметить, что, к сожалению, в статью вкрались маленькие неточности. Так, всегда ли Сорокин шел прямым путем? Не мечется ли он вправо-влево? Не подстраивается ли к конъюнктуре? Увы... Например, в конфликте, возникшем в МСПС между сторонниками С.Михалкова и Ю.Бондарева, шел он шел рядом со вторым, и тот величал его «выдающимся поэтом России», а потом вдруг переметнулся к первому, которого до этого поносил, как мог, и второй уже стал именовать его «не вы-

зывающим доверия писателем, прибившимся к захватчикам Дома Ростовых». Кстати, разве это еще и не укор соратника?

Самой грандиозной юбилейной акцией была статья А. Байгушева. Этот известный гуманист и тираноборец (ему сейчас около 75), естественно, большую часть жизни при Советской власти прожил в катакомбах. И там, как уверяет в книге «Русская партия внутри КПСС» (М., Алгоритм. 2005. С. 590), вышедшей в библиотеке «Новинки российской фантастики», ему довелось, представьте себе, встречаться, беседовать и даже кое-что предпринимать вместе с Леонидом Ильичем Брежневым, Михаилом Андреевичем Сусловым, Константином Устиновичем Черненко, а также с историком Сергеем Семановым и нашим юбиляром. И вот что пишет теперь о нем, о его книгах, о впечатлении от его стихов и поэм. Смотрите и слушайте, если у вас крепкие барабанные перепонки и нет грудной жабы.

О самом поэте: мастер... знаковое имя... авторитетнейший поэт... неистовый подвижник... корифей... знаменосец... мотор... опорная фигура... золотой самородок... гений... сверкающий алмаз... у него нет аттестата зрелости... Сорокин стену прошибает лбом... он секретарь всех патриотических союзов... Сорокин храбро витийствует... ключевая фигура... русский богатырь из былин... партвзносы всегда платил вперед... как Тютчев... опорная фигура... его авторитет в литературных кругах незыблем... к его слову прислушиваются...

О стихах, поэмах, книгах Сорокина: он заявил о себе сразу мощно и ярко... вошел в русскую поэзию эпическими, как фрески, поэмами... поступь стиха величественная, богатырская... особый язык, раскаленный, пышущий... драгоценный подарок читателям... Сорокин — национальное достояние... им можно гордиться...

О воздействии поэзии Сорокина на чистые патриотические души: мы были поражены... мы были потрясены... мы рыдали... все хотели чуда, и чудо у всех на глазах свершилось... он всех нас перевернул.....будто видение отрока Варфоломея явилось нам с пророчеством... триумф Сорокина был бешеный... студенты, рыдая, переписывали его стихи...

Еще о поэте: опытный политик... подвижнический дух... душа всегда нараспашку... сердце звенит, как колокол... выдающийся писатель современности... гений... его имя стоит рядом с именами самых великих поэтов... Сорокин — поэт равный Некрасову, Блоку, Есенину... сменщик Маяковского... с Горьким у него одинаковые судьбы... его надо ставить прямо за автором «Слова о полку Игореве»... вершинный поэт нашего времени... под стать колокольне Ивана Великого... неповторим... 22 года руководит Высшими литературными курсами с аттестатом ремесленного училища... пришлось сдать экзамен на аттестат зрелости... Сорокин — знак Божий... его слова — струны, на которых играет Господь... поэтический мессия, которого Россия долго ждала... Божьему дару Сорокина нужна Центральная трибуна... преклоним колена и воспоем славу Господу за этот дар...

О пути поэта и судьбе его творений: в литературу Сорокин шагнул от мартена...Его поэмы все шли через цензуру чрезвычайно трудно... почти за каждую строку шел бой... КГБ арестовывало артистов за чтение его поэм... но Сорокин развернулся мощно, по-богатырски... эпический талант... сказитель нашего времени... наследник пламенного «Слова»... стал жертвой интриг партийной верхушки.. закрытым решением ЦК он (жертва) все-таки был утвержден главным редактором «Современника»... у Прокушева в «Современнике» был как маршал Жуков у Сталина в Отечественную войну... его (жертву) часто издавали, периодически награждали орденами и премиями... Чернен.о уговорил Брежнева посоветовать Андропову отступиться от

Сорокина, учитывая масштабность и колоссальный авторитет его фигуры и в интересах стабилизации общественного мнения... с национальными величинами такого масштаба, как Сорокин, даже всесильной партии надо считаться... Разрешил же Сталин «Тихий Дон» Шолохова... такая аргументация спасла Сорокина, не дала Андропову засадить его в лагерь, хотя попытки и физически убрать человека, воплотившего в себе все наше самое заветное и святое, были... Время будет только прибавлять славы звучному имени Сорокина...

Тут у меня отказал компьютер. Не выдержал... Возможно, кто-то думает, что все это — возрастной сдвиг по фазе у пенсионера Байгушева? Не торопитесь, надо разобраться...

Я знаю Валентина давно. И потому с некоторыми приведенными здесь аттестациями согласился сразу. Например, с тем, что он — чудо, богатырь из былин, корифей, способный корифейским лбом прошибать стены. Действительно, смотрите: лет в семнадцать — прыжок из родной деревни в Челябинск, оттуда — в Саратов, из Саратова — в подмосковное Домодедово. И в двадцать пять лет Сорокин уже член Союза писателей. Едва ли не раньше Михалкова. Разве это не чудо! А вскоре он уже член правления Союза, со временем — его сопредседатель, член редколлегий множества журналов, орденоносец, лауреат множества премий. Ну истинный корифей! И все эти достижения еще и сопровождаются квартирно-дачными триумфами: из Домодедова прыжок в саму столицу, в Теплый Стан. Но это окраина, и потому вскоре еще скачок — и он уже на Ломоносовском проспекте, в одном элитном доме с самим Юрием Васильевичем Бондаревым, которого именует «последним классиком».

А публикации? Заглянув в справочник, я ахнул: за первые двадцать лет литературной работы товарищ издал около 30 книг! Причем, где только ни печатался — в Челябинске,

Саратове, Уфе, но больше всего — в Москве... Ну, как все это возможно без чудесной богатырской способности прошибать лбом любые стены — и городские, и издательские, и административные? Прав Байгушев, тысячу раз прав!.. Я подумал, что, пожалуй, по обилию публикаций он второй после вездесущего Евтушенко. Но нет, ничего подобного! У того за такой же срок вышло 19 книг, причем — вместе с переводными. Так что, Евтушенко-то на втором месте, а на первом — богатырь Сорокин с его «нелегкой долей» за спиной. Да, он мог бы сказать:

Я прошел через такие грозы!..
У меня пуды стихов и прозы,
Ворох премий, должностей, наград.
Родина! Ведь это сущий ад!

Солидарен я с Байгушевым и в том, что Сорокин — знаковая фигура, что он храбро витийствует, что неповторим, что им можно гордиться, как нашим национальным достоянием. В самом деле, кто еще мог бы с дипломом ремесленного училища 22 года возглавлять такое специфическое учебное заведение, как Высшие литературные курсы? Никто!

По существу, нечего мне возразить и на слова Байгушева о том, что сердце Сорокина «всегда звенит, как колокол». Да, звенит, а сам он иногда еще и звонит по телефону, даже по ночам, и не дает недругам спокойно жить. Поэт Олег Шестинский недавно поведал в «Патриоте» № 17, что его «грязной подзаборно-площадной руганью и угрозами травит по телефону член Правления Московской писательской организации поэт С.». Есть основание полагать, что к этому в какой-то мере причастен обладатель звенящего сердца и стенобитного лба. Не удивило меня признание Байгушева и о том, что, слушая стихи Сорокина, он и его друзья были поражены, потрясены и рыдали. Я и сам рыдал, читая, допус-

тим, его знаменитую поэму «Дуэль», напечатанную когда-то в «Огоньке». Меня просто душили слезы при виде того, например, что автор, рисуя встречу Пушкина с Николаем Первым, уверяет, что это было в Петербурге, а на самом-то деле, как известно, в Москве, в кремлевском Чудовом монастыре. Или — изображает зиму, а на самом-то деле стоял август 1826 года. Я заливался слезами, меня просто трясло, когда прочитал слова одного из персонажей поэмы, сказанные именно в ту пору:

В столице будто умер Александр...

Во-первых, не «будто», а действительно преставился еще девять месяцев тому назад — 19 ноября 1825 года. Во-вторых, не в столице, а в Таганроге, что тоже никогда не было государственной тайной.

А уж тут меня чуть не хватил кондрашка:

На площади Сенатской возникал
Александрийский столп...

На самом деле помянутый столп «возникал» и «возник» не на Сенатской площади, а на Дворцовой. Сей факт КГБ тоже давно рассекретил.

Наконец, я целиком разделяю восторг Байгушева и по поводу языка Сорокина: «особый — раскаленный, пышущий». Вы только вникните Христа ради: «Садизм встает медведем на дыбы»... «С тополем балуют облака»...«Нехватка денег, а балы — круглы»... «Донос ему — как длинный перевал» и т.д. Словом, как сам он говорит, «надеешься строка, а смотришь — фига».

Со временем свои «пышущие фиги» поэт приумножил в прозе: «не время тешить себя враждой»... «тебя моча хватила»... «в осиновой (?) мели увязло авто» и т.п.

Но, к сожалению, есть все-таки в псалмах Байгушева кое-что такое, с чем согласиться я при всем желании не могу. Это толкнуло меня позвонить Байгушеву.

— Слушай,— говорю,— вот о тебе пишут: «странноватый автор»... «от природы лишен поэтического слуха», а берется судить о стихах... Даже — «куриные мозги»... И что поэтому в твоих писаниях «все надо понимать наоборот»... Например, Сорокина ты не прославил, а ославил...

— Кто посмел это сказать? — воскликнул Байгушев. — Я имею два высших гуманитарных образования. Из-за этого мне, патриоту, как и Сорокину, даже некогда было в армии послужить. Я с Брежневым за ручку здоровкался!..

— Но говорят, что Сорокин за твою статью о нем собирается подать на тебя в суд?

— Как! Ты что?

— Да ты же над ним глумишься — публично обозвал гением, алмазом, маршалом. Выставил на позорище.

— А как евреи своих прославляют!

— Ну, не этому надо у них учиться... В сущности, ты стал в один ряд с «Патриотом», в котором Сорокин еще вчера вытворял что хотел, теперь там обзывают его то вездесущей СОРОКОножкой, то пишут, что это «нынешний Остап Бендер». А в «Московском литераторе» его назвали «подсебятником»...

— Ты читал мою книгу «Русская партия в КПСС», где я тоже пишу о Сорокине, — вдруг метнулся в другую сторону собеседник. — А книгу Сорокина «Крест поэта»? Почитай!

Книгу Байгушева я читал, и кое-что произвело на меня глубокое впечатление. Например, вот этот эпизод:

«Мы поехали с главным редактором «Современника» Сорокиным и большой компанией во главе с тамадой Иваном Шевцовым (как же без него! раз его антисемитом объявили, мы ему громадный роман «пробили») в ресторан «Балчуг», где еще мои предки гуляли — на Софийской набережной напротив Кремля. Там крепко напились и пели

«Отмстим неразумным хазарам!» А когда вышли из ресторана на улицу, то нам всем было видение: златоглавый Кремль вдруг оторвался от земли и повис на белом облаке, как град Китеж. Несколько минут длилось это видение. Мы все попадали на колени — крестились. Мы верили, с нами Бог!»

Какое величественное сочетание грандиозного патриотизма с потрясающим полоумием!.. Я позвонил Ивану Михайловичу Шевцову, прочитал ему этот текст и спросил, что он думает. Иван ответил:

— Во-первых, град Китеж не вознесся на небеса, а наоборот — погрузился в озеро. Во-вторых, Володя, за всю свою долгую жизнь я никогда не был в ресторане «Балчуг» и даже не знаю, где он находится. В-третьих, какой такой мой роман они «пробили»?

— Спасибо, Иван,— сказал я. — Больше у меня вопросов нет ни к тебе, ни к Байгушеву.

На другой день, как и следовало ожидать после разговора с Байгушевым, мне позвонил поэт С., правда, не ругался, не угрожал, как Шестинскому, но... но об этом потом. А сейчас кое-что о его «Кресте поэта». И тут уже не до шуток.

Похоже, что аннотацию этого шедевра писал сам автор: «Книгу выдающегося русского поэта и публициста В. Сорокина составили его литературные изыскания(!), его открытия(!), связанные с судьбами великих русских мытарей(?), блистательных поэтов — С.Есенина, П.Васильева, Н.Рубцова и других. Захватывающее, пронзительное повествование сочетается с уникальными документами, нигде прежде не публиковавшимися».

Интересно, что сказали бы названные поэты, узнай они, что после смерти их объявят мытарями. Ведь по Библии это сборщики податей в Иудее, а на Руси так в старину называли человека, который брал мыт, мыто — пошлину за проезд или за провоз товара через мост, например. Позже это сло-

во стали употреблять в бранном смысле: человек оборотистый, мелочный, плутоватый, корыстный кулак, барышник, перекупщик. И что ж получается? Мелочный Есенин, плутоватый Васильев, барышник Рубцов... Конечно, автор аннотации сказать это не хотел, но таков уровень его знания русского языка.

Изысканий и открытий о писателях не только тех, что обозваны мытарями, в книге — навалом, в частности, биографических.

Например: «Бунина поймали в Крыму революционные ретивцы и давай понужать на расстрел, едва спася» (с. 72). Но как же могли ретивцы «понужать» Бунина в Крыму, если он там в это время не был? После Октябрьской революции классик рванул из Москвы в Одессу, а оттуда в январе 1920 года (раньше Деникина!) — в Константинополь, затем — в Париж.

— Молчать! — гремит в уме моем команда Сорокина. — Я лучше знаю! Мы с Буниным братья по антисоветчине!

Приходится молчать. Как возразишь ректору ВЛК!

А вот Блок. И тут открытие! Ранее было известно, что он долго мучился и умер от тяжелой болезни.

— Вздор! — слышится как наяву голос корифея. — Его затравили, уморили голодом, уничтожили оккупанты» (с. 3, 51, 288, 301).

Какие оккупанты — немцы, что ли? Нет, оказывается, Сорокин так называет ненавистную советскую власть. А за что уморили-то? Ведь Блок в поэме «Двенадцать» первый восславил Октябрьскую революцию, освятив ее именем Христа.

— Вот за это и уморили, — объясняет золотой самородок. — Ибо «Религия — опиум для народа!», как говорил «чахоточный гном» Ленин (с. 7, 241), которому в моем родном поселке более 600 памятников (с. 239).

— Да не он же это говорил, а Маркс, и совсем иначе: «Религия есть опиум народа». Народа, а не для народа.

— Цыц! — рыкает тень Сорокина,— Я лауреат премии Ленинского комсомола, знаю этого Маркса и сыт пропагандой «кровавых карликов эры Октября!» (с. 43).

Я смолк. А он после Бунина и Блока переходит к трагической судьбе Павла Васильева. Цитирует его показания на следствии и, от плеча до плеча развернув свой интеллект, производит научный литературно-лексический анализ текста. О, это нечто!.. Там встречаются такие слова и обороты речи: «оказался в плену», «рука помощи», «предавал», «скрывал». Сорокин восклицает: «Не его это словарь! Не его это душа. Грубая подтасовка!» (с. 23—24).

Корифей не соображает, что поскольку это не стихи, а деловая бумага совершенно иного «жанра» — показания подследственного, то и подход здесь должен быть совсем иным. К тому же, все эти речения вполне применимы и в стихах. Например, что непоэтичного в слове «скрываться»? Тютчев писал:

Молчи, скрывайся и таи
И мысли и мечты свои...

Корифей считает особенно убедительным разоблачением фальшивки те слова в тексте допроса, которые против Клюева и Клычкова. Ну, не мог, мол, никак не мог замечательный русский поэт назвать врагами народа своих друзей-учителей!

Ах, Сорокин, вас не сеют, не жнут, вы сами родитесь в изобилии!

В апреле 1934 года в редакции «Нового мира» состоялся вечер Павла Васильева. И вот что он сам говорил во время обсуждения его стихов о присутствовавших там своих друзьях: «Разве Клюев не остался до сих пор ярым врагом революции?.. Теперь выступать против революции и не выступать активно с революцией — это значит активно работать с кулаками и фашистами... Сейчас Сергей (Клычков)

выглядит бледным, потому что боится, что его не поймут, его побьют, но, к сожалению, должен сказать, что я желаю такого избиения камнями... Клычков должен сказать, что он на самом деле служил, по существу, делу контрреволюции, потому что для художника молчать и не выступать с революцией — значит выступать против революции». Так вот, это было сказано не на следствии, не под угрозами и пытками, а на собственном вечере в журнале. Почему же он не мог повторить это на следствии?

Позже Клюев и Клычков были арестованы. Первый писал из заключения другу о Васильеве: «Эта пустая гремящая бочка лопнула при первом ударе». А после того, как арестовали и Васильева — жене Клычкова: «Жалко сердечно Павла, хотя и виноват он передо мной черной виной».

Много в книге открытий и о других писателях. Например, узнаем, что советские порядки были до того вопиюще несправедливы, что талантливому поэту Василию Федорову даже не выдали диплом об окончании Литературного института (с. 15), а вот улыбчивый Анатолий Алексин получил Золотую Звезду Героя Труда (с. 363).

— Да ведь то и другое — чушь!..

— Что? — вскакивает Сорокин. — Я лауреат премии имени Василия Федорова! Не потерплю!

Молчу, молчу, молчу... А сколько потрясающих новостей из других, не литературных сфер жизни! Оказывается, например, патриарх Тихон, по изысканиям Сорокина, после того, как проникновенно выразил скорбь по поводу смерти Ленина и призвал верующих к сотрудничеству с советской властью, не почил мирно в бозе, а был расстрелян теми же оккупантами. Где — пока неизвестно.

Тут можно упомянуть к слову и открытые Сорокиным подлинные имена таких известных людей, как Пятаков, Ульрих, Петр Демичев, Сергей Островой, Юрий Карякин и другие: Пятков (с. 419), Урлих (с. 421), Нил Демичев (с. 407), Ост-

ровский (с. 40), Корякин (с. 414) и т.д. Это тоже нигде ранее не публиковалось.

Но что там отдельные имена, — Сорокин еще открыл несколько ранее неизвестных войн. Например, оказывается, в 1928—1931 годах у нас была война с Японией. А еще, говорит, об Отечественной войне надо помнить, что «по статистике, дети кулаков прекрасно воевали» (с. 450). Кто ж вел эту статистику и где она? Отец Сорокина, по признанию сына, был раскулачен дважды (с. 306). Можно себе представить, как лихо воевал бы его отпрыск!

Таковы некоторые недоуменные открытия в книге «Крест поэта». Она вышла уже не один раз в издательстве «Советский писатель». Да и как ей там не выскочить несколько раз, если директор издательства да, кажется, теперь и хозяин — Арсений Ларионов, а ему посвящена целая глава... И какая!.. «Арсений Ларионов следопыт, сеятель... Правильно пишет... мастерски владеет... первоклассно рисует... В его книгах не усомнишься... Он очень честный человек, очень... Я благодарю Арсения Ларионова за честность...» и т.д. Особого внимания тут заслуживает похвала за честность, запомним ее. А кончается глава величественной одой в честь Арсения, поименованного братом. Ну как брат мог все это не издать и не переиздать! Поди, и никакого мыта не взял, как водится ныне в других издательствах или с другими авторами.

Ода заканчивалась так:

Я, русский, к любому
Тяну откровенно ладонь...

Почему «тяну»? Почему ладонь, а не руку? А главное, при чем здесь русский? Ведь Ларионов-то вроде тоже русский, хотя и был большим другом Лили Брик. Зачем же один русский объявляет другому русскому, что он русский?

О, здесь главнейшая особенность поэтического мира Сорокина! Он всегда и везде без умолку верещит, что он русский. Вот и в этой книге — без конца: — Мой отец русский!... Моя мать русская! (с. 302)... И кровь в моих русских жилах русская! (с. 319)... И боль в моей русской груди русская (с. 302)... И пупок у него русский!.. «Россия моя святая, все за тебя приму! (с. 359)... «Родина моя единственная! (с. 364)...«Россия моя единственная...»

И так через всю книгу. На иных страницах слова «Россия», «Русь», «русский» мельтешат по 20, 25, 30 и больше раз. Спрашивается, зачем? Вот, говорит, все за тебя, Россия, приму. Но принял только премии, ордена, должности да квартиры, а даже двух годочков службы в армии решительно не принял, улизнул как-то. А мой покойный фронтовой товарищ Николай Старшинов писал:

Никто не говорил: «Россия!..»
А шли и гибли за нее...

«Не говорил»! А тут не говор, а вопли, стенания, визг.

Корифей, а не соображает, что столь обильные и натужные как бы патриотические вопли имеют обратный эффект, работают против него и даже порождают сомнение: да русский ли это вопит?

Любовь к своему народу достойна уважения, но при всей любви надо иметь мужество смотреть правде в глаза, не шельмовать в пользу человека только потому, что он русский, перс или еврей. Вот Сорокин приводит текст знаменитого своей подлостью письма писателей, напечатанного 5 октября 1993 года в «Известиях» и получившего название «Раздавите гадину!», — требование к правительству Ельцина расправиться с писателями-патриотами. При этом Сорокин бросает мельком: «Под заявлением две-три подписи русских». И называет двух уже почивших — Виктора Астафьева да академика Лихачева. Но нет, любезный, не ловчи.

Там всего 42 имени. Притом, да, 25—28 — не русские, из них 20—22 — евреи. Но и русских с дюжину наберется.

Сорокин рассказывает, что когда работал в издательстве «Современник», кто-то распространял там листовку, где говорилось, что он — «еврей, сын шляпника, собирающийся в Израиль» (с. 300). Что ж, этих недругов можно и понять, если и тогда этот сын разводил рацеи о том, что у него и почки русские, и селезенка русская, и мочевой пузырь русский. Могли подумать: для маскировки! А тут еще такой русский язык...

Но он уверяет, как покойный Яковлев не так давно, что для выяснения, не еврей ли сын шляпника, ЦК партии послал комиссию на его родину в Башкирию. Члены комиссии «ехали по Башкирии и расспрашивали обо мне», говорит, всех встречных (с. 300). А потом в Челябинске «начали вскрывать могилу отца», дабы по останкам решить вопрос, так волновавший Политбюро. Ведь Фурцева, говорит, член Президиума ЦК, «собиралась меня арестовать» (с. 464). А затем «хотели по этапу провести меня на север» (с. 437). Столетний же старец Пельше, председатель КПК, хватал пистолет: «Сорокин, становись к стенке!» (с. 319)...

Да за что же все это? Не по подозрению ли в еврейском происхождении? А Брежнев и вовсе «приказал разорвать меня» (с. 438) на мелкие еврейские кусочки, а голову заспиртовать в трехлитровой банке и поставить ему на письменный стол. Вот антисемиты проклятые! Вспомним опять:

Я прошел через такие грозы!..
Я в такие становился позы!..

Правда, в другом месте Сорокин пишет, что его «громили» в «Современнике» не за гипотетическое еврейство, не за неуплату партвзносов, не за аттестат, «сострадательно(!) выданный в школе рабочей молодежи» (с. 290), «а за

русскую боль, внедренную в меня русским отцом и русской матерью» (с. 302).

Поскольку сам он часто прибегает к таким источникам, как слух, молва, версия, легенда, то и я позволю себе привести одну весьма правдоподобную версию, Сорокиным же и обоснованную. Так вот, ключом к пониманию причины гонений на него в «Современнике», говорят, могут служить приведенные им слова покойного Ивана Акулова, хорошо знавшего корифея: «Бабник ты, Валя! Куда бы ты ни прилетел, — бабы!» (с. 328).

Прилетел... То есть даже там, где находился короткий срок, — бабы! А если сидел в одном издательстве несколько лет? Как тут не развернуться во всю богатырскую ширь? И объект — рядом да еще и в подчинении, — это рядовой редактор Даша. Тем более что «Даша симпатичная, общительная и приятная. Одевалась со вкусом... Я читал ей монолог Сергия Радонежского из моей поэмы «Дмитрий Донской»:

Не время ждать,
Не время тешить себя враждой...

(с. 323)

Ну, чтение стихов это, как известно, излюбленное оружие стихотворцев в таких делах. Чего, мол, тянуть время, чего ждать. Вот он я, весь в медалях! Но, увы, стишки не помогали. Тогда был задействован, как ныне говорят, административный ресурс. А он у главного редактора против редактора рядового не мал. Но и это не сработало. Однако нажим продолжался. В конце концов, Даша не выдержала и рассказала отцу о домогательствах корифея. А отец — известный писатель. Он вспылил, выразил, говорит Сорокин, «большевистское возмущение». По его радзинским понятиям, ныне только замшелые большевики могут вступаться за честь своих дочерей. Отец прислал будто бы пять гневных телеграмм в ЦК. Отбил-таки дочку от посягательств грозового гения...

Помянутые сочинители антисорокинских листовок, лютые сорокофобы, вполне к тому же могли думать, что с той самой целью маскировки своей национальности поэт с давних пор всюду ищет и разоблачает евреев. Да еще вспомнили бы и о том, что родом он из башкирской деревни, и его русский язык — на башкирском уровне.

Так вот, о евреях. Сорокину мало тех, что окружают его ныне, он еще и вынюхивает их (вот они опять — «изыскания и открытия»!) в прошлом. А когда не находит, зачисляет в евреи русских и кого угодно. Это доставляет ему огромное патриотическое наслаждение. И он уверен, что в этом его долг перед любимой родиной.

Вот некоторые его сногсшибательные открытия евреев в книге «Крест поэта»: Засулич, Ленин, Луначарский, Менжинский, Ежов, жена Калинина, жена Буденного, «дитя Сиона» Брежнев, В.В.Гришин, жена Ельцина, писатели Симонов, Полевой, Ананьев, Алесь Адамович, Солженицын, журналисты Изюмов, Павел Гусев... И следовательно: «С 1917 по 1947 год нами правили одни евреи» (с. 412). Да почему же только до 47-го? Ведь кое-кто из этого списка и ныне здравствует в начальниках.

Я не занимался дотошным копанием в биографиях перечисленных людей, может, среди них и есть евреи, но ведь и Сорокин не занимался, а просто изрекает — и я должен на слово верить этому жидоискателю, не знающему даже, сколько времени длилась Великая Отечественная? Пять лет, говорит.

Свое открытие о наркомвнуделе Ежове он обнародовал в «Нашем современнике» еще давно. Я при встрече спросил: «Откуда взял?» Он ответил: «Мне один полковник КГБ сказал, что уверен на пятьдесят процентов». Какой-то безымянный полковник да еще на 50% — вот уровень его достоверности! Он ничуть не выше и в приведенном списке.

И все у него в этом вопросе, как и в других, окружено непроглядной дремучестью. Так, дворянку Веру Иванов-

ну Засулич, умершую на седьмом десятке в 1919 году, он не только обратил в еврейку, но еще и объявил жертвой «сталинских репрессий». А Луначарский! Это фамилия его отчима Василия Федоровича, он ее и взял, отец же — действительный статский советник А.И.Антонов, мать — дворянка Александра Яковлевна Ростовцева. А Сорокин уверяет, что его настоящая фамилия — Байлих. Это тоже, знать, по данным полковников с одним полушарием.

Просто ужас, как любит разоблачать. Например, уверяет еще, что настоящая фамилия М.М.Литвинова — Финкельштейн, а на самом деле он действительно еврей, но, как знают все, кто интересовался, — Валлах. А Иосиф Аронович Пятницкий это Иосель Ориолович Таршис, а вовсе не О.А.Блюмберг. И нет конца этому вздору под пером подслеповатого жидоискателя.

Такие, как Сорокин, могут многим в нашей истории отказать в русской национальности, начиная с Владимира Мономаха, — мать гречанка! А Иван Грозный? По матери — литовец. Да во всех наших царях после Петра русская кровь постоянно убывала, пока не осталось ее в Николае Втором, кажется, полпроцента.

А русских писателей патриоту сорокинского пошиба лучше и не касаться. Если даже начать только с того, чье имя когда-то писали фон Визин. Жуковский по матери, ее звали Сальхи, — турок. Гоголь — чистокровный мелкопоместный хохол Яновский. У Владимира Даля ни капли русской крови. Мать Герцена звали Луиза Гааг, и была она из Штутгарта. Мать Фета — тоже немка, Каролина Шарлотта. Мать Короленко — полька, Куприна — татарка. У Шолохова, ненавистного Сорокину, мать украинка. Хватит? И что, будем теперь считать их русскоязычными?

В большинстве приведенных случаев были нерусские матери, а у Ленина, если тебе, сороконожка, так уж хочется, — дед. Так почему ж он у тебя не русский Ульянов, а ев-

рей Бланк? Ну, а Блок Александр не еврей? В моем подъезде жил Владимир Борисович Блок, театральный критик — истинный еврей. Ликует: «У Ленина дед еврей и у Гитлера дед еврей». Не знаю. А как быть с тем, что русская мать и у тебя, и у генерала Власова, и у Горбачева, и у Ельцина. Впрочем, деда Сорокина со стороны матери звали Ефим (с. 429). Так вот, называть Ленина по фамилии деда Бланком — все равно что Сорокина величать по имени его деда Валентином Ефимовичем.

Впрочем, нет, совсем не все равно, а гораздо правильнее и многозначительней. Дело в том, что тогда Сорокин оказывается в одной компашке с Борисом Ефимовичем Немцовым и Михаилом Ефимовичем Швыдким. Очень интересно! Притом, это не простое совпадение, оно глубокомысленно. Сорокин объявляет: «Мы, шестидесятники...» (с. 454). Шестидесятниками называли себя Коротич, покойный Егор Яковлев, Новодворская, два помянутых Ефимыча и многие другие. Позже они стали демократами, проще говоря, антисоветчиками. Вот теперь зачислил себя в их ряды и Сорокин.

У этой публики есть свой довольно обширный «джентльменский набор» идеологических постулатов подлости. Например:

1. Россия — неправильная страна, прореха в истории человечества, русские — нация рабов.

2. Советская эпоха — время тюрем, лагерей, нищеты, деградации народа.

3. Ленин, Сталин, Дзержинский — кровавые изверги.

4. КПСС — преступная организация уже по той причине, что коммунисты ликвидировали частную собственность на землю, ее недра, на заводы, фабрики, транспорт и т.д.

5. В Советское время все держалось на «повальном страхе» (Н. Коржавин).

6. Горький, Шолохов, Симонов — холуи власти, достойные только презрения и т.д.

И все это — все! — пламенно исповедует, пропагандирует и патриот Сорокин.

В иных случаях нетрудно даже установить, с кем он поет дуэтом. Так, по первому пункту вспоминается «тысячелетняя парадигма рабства русского народа», которую мусолил покойный А.Яковлев. То же у Сорокина: «Рабы мы и есть рабы» (с. 463). История России представляется ему сплошной грызней: «Прадеды грызлись, деды грызлись, сыновья грызлись...» (с. 247). Еще — сплошные войны, которые мы сами и развязывали: «Советская власть — ни шагу без войны: «За Ленина — вперед!», «За Сталина — вперед!»... Рабы!» (с. 348)... «Десятки лет истребляют народ войнами» (с. 3)...

Такова и вся история России. Ни слова об интервентах, захватчиках, оккупантах, коих нам приходилось вышибать со своей земли, но — «дедов посылали на фронт под Москву, под Киев, под Прагу, Бухарест, Варшаву, Берлин...» Прихоть, мол, такая одолевала коммунистов. «Бессчетных войн им не хватало?» (с. 242). «И все — за пролетарское дело, за советскую власть, за марксизм-ленинизм» (с. 229). И в связи с этим несколько раз кого-то гневно вопрошает: «Куда моего отца призывали, коли он до сих пор на костыли нагружается?» (с. 242)

Отвечаю, корифей: отца твоего призывали на войну, и защищал он не марксизм, а родину и мог вовсе не вернуться, но вернулся. Благодари небо.

Или вот пункт о всеобщем страхе в СССР. Об этом воют все демократы, но пожалуй, пронзительней всех критик Бенедикт Сарнов. Сам он действительно всю жизнь дрожал, как щедринский пескарь. Да и как не дрожать антисоветчику в советской стране. Тут как тут и наш золотой самородок. Как же без страха, говорит, если «опутали всю страну лагерной колючей проволокой» (с. 250), «если Берия поручал вылавливать на московских тротуарах русских красавиц, насиловал малолетних» (с. 253). Вот вам и «запуганность лю-

дей, робость целого народа» (с. 253). Просто, «люди глохли от страха» (с. 385)...

От таких, как Сорокин, приходится и Берию защищать: он же все сдул из романа «Московская сага» Аксенова или из недавнего фильма Барщевского по этому роману. Помните, как там Берия разъезжает в машине по московским улицам и из-под занавески в подзорную трубу высматривает красоток. Обхохочешься! И за кого они нас принимают?

Разумеется, люто, как, допустим, Радзинский в своей книге «Сталин», Сорокин ненавидит Ленина, Сталина, Мавзолей, коммунистов. Недавно Борис Немцов заявил: «Все наши несчастья оттого, что Ленин лежит в Мавзолее. Вот уберем его, и страна воспрянет». То же самое твердит в стихах и Сорокин:

Опустите в могилу,
да сгинут в нее лжевожди,
Трибуналов творцы,
корифеи эпохи безгласной...
И что произойдет? О!..
И простонут ветра,
просверкают, ликуя, дожди,
И воспрянет свобода
над вечною площадью Красной!

Вы слышите, как аплодируют Немцов, Новодворская и Марк Захаров?.. Но, между прочим, они выглядят здесь все же приличней: ведь никто из них не состояли лет тридцать в компартии, не писал приторно-восторженные стишки о Ленине (с. 287), не получали премию им. Ленинского комсомола, им незачем стенать «Как я уважал Владимира Ильича, а он, оказывается...» Что? А он, оказывается, «подарил Польшу и... разорил страну (с. 248, 70, 364). Поделись, сияющий алмаз ума, хотя бы секретом о том, кому Ленин подарил Польшу, и как это ему удалось?

Радзинский и другие не опускались и до такой подлости, чтобы вот так глумиться над знаменитыми стихами самых трагических дней 41-го года: «Симонов балабонил:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем...»

Сорокину омерзительны и слова, что Симонов бросил в лицо врагам родины сразу после войны:

Россия! Сталин! Сталинград!..

Его, как и Сванидзе, «тошнит» от этих слов, они для него — «холопщина» (с. 194)... И Сванидзе поприличней, чем этот подпевала.

Сорокин так пытается объяснить свое предательство: «Я, рабски обожая Ленина, являл собой «ничегонетеряющего» пролетария, гражданина величайшей державы мира — СССР. А теперь я издерганный демократами раб грабителей-буржуа, отобравших у нас нищий уют и пролетарский дух, теперь я — гражданин изуродованной и обрубленной России. Есть разница?» Вот-де этой разницей и объясняется моя ненависть к Ленину и Сталину, мое предательство.

Тут много вопросов. Во-первых, что, Ленина обожал рабски, т.е. из-под палки, по принуждению? Врешь. Никто тебя не заставлял, как и получать партбилет с профилем Ленина или премию Ленинского комсомола. Во-вторых, ты давным-давно не принадлежишь к тем, кому нечего терять. В-третьих, это ты подпеваешь своим друзьям-шестидесятникам, например, Чубайсу, что наш уют был нищим, а на самом деле он был весьма и весьма приличным, а уж особенно у таких прохиндеев. В-четвертых, у тебя-то лично грабители-буржуи ничего не отобрали: ни квартиру, ни дачу,

ни ордена-премии, ни должности, не польстились даже на твое великое духовное богатство. Наконец, в-пятых, пролетарского духа у тебя, светоч, никогда не было, отбирать тут нечего. Дух у тебя давно немцовско-березовский.

Сам же признается, что еще при советской власти был «всей душой за перестройку» (с. 354), ходил голосовать всей семьей, с гармошкой, «даже внуков с собой прихватывал. Радостно голосовали!» (с. 433). За кого? За Ельцина, за Гавриила Попова, за демократов-перестройщиков.

Да, Россия изуродована и обрублена. Но при чем тут Ленин и Сталин, давно умершие? Они-то сумели сохранить Россию. Так что оправдания твоей ненависти и твоему предательству нет. В тебе просто взыграл давно и тщательно скрывавшийся патриотической трепотней тот самый кулацко-антисоветский дух.

А еще посмотрите-ка на такие пламенные строки:

> Люди требуют мемориал
> Главному герою века — зэку!
>
> (с. 339)

Это какие же люди? Хотя бы Досталь и Володарский с фильмом «Штрафбат», те же Аксенов и Барщевский с их «Сагой», покойный Анатолий Рыбаков и создатели фильма о его арбатских детках. И вот в ногу со всей этой публикой шагает сегодня Сорокин с плакатом «Зэк — главный герой века!» Удружил... За это они тебе самому памятник отгрохают на Востряковском кладбище.

Ненавидя большевиков, Сорокин, естественно, восхищается тем, что «царь морей Колчак, гений и гордец, красную массу в сражениях не миловал» (с. 470). Надо бы дополнить: не только в сражениях, но и в мирных деревнях. Твердит вслед за Сванидзе, что голод 1922 года был не результатом восьми лет тяжелейшей войны на своей территории, а сознательно устроен извергами большевиками

(с. 249): Ленин обдуманно «швырнул русский народ в голод» (с. 244), чтобы выморить русских богатырей вроде Сорокина и его брата Сванидзе. Советская власть, негодует богатырь, к тому же еще и задарма распродала наши картинные галереи и другие национальные ценности (с. 431), как об этом вещает по телевидению Швыдкой. Если еще упомянуть о войне, то надо заметить, что фронт борьбы нашего народа против захватчиков этот патриот называет не иначе как «черным фронтом» (с. 463)

Особенно возмущен Сорокин вместе со всеми «шестидесятниками» тем, что Ленин, коммунисты «ликвидировали частный труд и частное поле, частную фабрику и частный завод», — словом, ликвидировали крупную частную собственность. Ну, вот теперь все это твои друзья восстановили. Ликуй!

Была, например, у писателей прекрасная поликлиника в Москве. Теперь она в руках какого-то, говорят, немецкого еврея. Всех писателей вышвырнули оттуда, они негодуют, а Сорокин должен радоваться: принцип частной собственности победил! Имели мы замечательные Дома творчества в Малеевке под Москвой, в Крыму и в других завидных местах по всей стране. Ныне почти все они в руках жулья. Писатели стонут, а Сорокин обязан ликовать: капитализм победил! Было у нас свое издательство «Советский писатель», теперь, как пишут газеты, его хозяином стал Арсений Ларионов, друг Сорокина, и он вот-вот от радости в пляс пустится.

Можно долго приводить примеры верности Сорокина орде Сванидзе — Новодворской, но это уже утомительно, однако о его глумлении над многими русскими писателями умолчать нельзя. Он изображает их так: «В гимнастерках и галифе, фуражках, шинелях и сапогах, под Сталина, щеголяли Тихонов и Фадеев, Шолохов и Эренбург, Закруткин и Полевой, Симонов и Твардовский...» Особенно выразитель-

но здесь то, что ведь это пишет ловкач, ухитрившийся, идя сквозь грозы с мешками стихов и прозы, ни разу в жизни не надеть шинель и не прощеголять в армейских сапогах хотя бы три версты. А все названные писатели, кроме, разве что, Эренбурга, будучи военными корреспондентами, естественно, получили воинские звания и офицерскую форму, поэтому их сапоги никакого отношения к Сталину, не имели.

Особенно злобно алмазный маршал глумится над Шолоховым. Тут он опять шагает плечом к плечу с самим Швыдким Михаилом Ефимовичем. Уж как этот культреволюционер пытался свести 100-летний юбилей великого писателя до областного уровня. Как ловко было скрыто торжественное собрание в Большом театре. Странно, что не был привлечен в помощники Сорокин. Ведь он пишет, что Шолохов был литературным генералом, «названным так и утвержденным Верховным Советом» (с. 305). То есть не народным, всемирно знаменитым писателем, а административным назначенцем. И тут же глубокомысленно-обличительное рассужденьице: «обвешанные орденами и медалями, замассажированные депутатскими парикмахершими, иные гении бегут от русского собрата...(с. 292). Он, литературный парикмахер, видите ли, вдруг объявляет себя собратом Шолохова.

В другой раз, поставив «генерала» в один ряд с Галиной Серебряковой, Львом Кассилем, Вадимом Кожевниковым, Турсун-заде, пишет, что все они «путались у Сталина под штиблетами» (с. 235). А Брежневу Шолохов «старался угождать» (с. 292). Сыскал угодника! И на этом фоне — гнусная ухмылка: «Шолохов бессмертен...» (с. 322).

К злобности тут еще и прямая клевета: «Авербах начал топтать Андрея Платонова, призвал к травле. Рассказ Платонова «Усомнившийся Макар» не нашел защиты у Фадеева и Серафимовича». То есть они промолчали. Но читаем дальше: «К ним, усердно осуждая рассказ, примкнул и Шолохов». Как же это понимать: тоже промолчал вместе с Фадеевым и Серафимовичем или осудил вслед за Авербахом? Если осудил,

то где, когда, каким образом? Сказать ему нечего. Такая же муть и грязь дальше: «Позже Шолохов «депутатски» возвращался к имени Платонова, но его уже похоронили» (с. 196). Платонов умер в 1951 году, так что у Шолохова было время помочь ему. И он помогал. Но что такое депутатски в кавычках? Что значит «возвращался к имени»? Это любимое сорокинское плетение словес с целью вякнуть — и в кусты.

Такая же клевета, будто Шолохов в борьбе против богатыря Сорокина послал шесть беспощадных телеграмм в ЦК. Эту чушь он разоблачает своим собственным уверением, что телеграммы были подписаны так: «Член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Академии Наук СССР, лауреат Ленинской, Государственной и Нобелевской премии». Тут не что иное, как излюбленная манера Сорокина — мерить других на свой аршин: это он сам подписывает свои убогие статьи с перечислением всех медалей и должностей, что удалось отхватить. А у Шолохова не было в этом никакой необходимости. Так спрашивается, были ли телеграммы, если не могло быть такой подписи?

И вот еще о чем нельзя здесь умолчать. Злобная книга Сорокина с клеветой на великого писателя вышла в 2000 году. И в этом же году Юрий Бондарев протягивает ему премию имени Шолохова, а он, не моргнув глазом, цапает ее да теперь еще и подписывает свои статьи как лауреат Шолоховской премии. А недавно, как упоминалось, протянули ему медаль, учрежденную к столетию Шолохова «за вклад в изучение и популяризацию творческого наследия писателя». Хорош популяризатор! С ножом за голенищем. И он, не поперхнувшись, опять — цап-царап!

Для демократов-антисоветчиков нынешней генерации очень характерны их неутомимые похвалы себе. Как превозносят себя, скажем, Радзинский или Сарнов! Не исключение тут и Сорокин. Уж такой он добрый и простодушный,

незлобивый и правдолюбивый. Только послушайте: «Наивность моя всегда уберегала меня от услужливости и неверности другу» (с. 329)... «Нет у меня ни к кому зла...(с. 133)... «Я избежал соблазна(?) клеветать, отказался (?) доносить, не научился зубоскалить...»

А теперь взгляните хотя бы на его сочинение «Страшный сон» в «Патриоте» за март прошлого года. Сплошная клевета и бездарное злобное зубоскальство не только на С.В.Михалкова, но и на его жену, даже на секретаршу. А ведь он даже остерегает других: «За ложь и подлость — Божья кара неотвратима!» (с. 329).

Воистину так! В частности, кара неотвратима за ложь о русских людях как о рабах, за подлость по отношению к коммунистам, за клевету на Шолохова, за услужливые похвалы Ларионову, за все отхваченные ордена и премии...

Как правило, самовосхваление постоянно сочетается у антисоветчиков с рассказами об ужасных несправедливостях к ним и о жутких страданиях. Мы это уже видели у Сорокина, но вот еще несколько стенаний: «А мучений я не избежал: они тяжелы и постоянны» (с. 209). И еще: «О, моя нелегкая доля»... А вспомните, как Фурцева хотела отправить его по этапу на север, Пельше командовал: «К стенке!», Брежнев и вовсе приказал растерзать. Каково вынести это! А гневные телеграммы Шолохова! А эксгумация останков родного отца! А чуть не исключили из Союза писателей!.. И представьте, себе это еще не все.

Но безгрешный горемыка уверенно пророчит:
За все мое страдание безмерное
Время с каждым поименно рассчитается!

А страдания-то начались еще в детстве. Оказывается, кто-то уже тогда ему навязывал, его травил стихами Маршака, Веры Инбер, Безыменского, Светлова, Кирсанова... «Вот и выросли мы отравленными» (с. 460)... Бедняга, мученик!

Еще как удалось выжить-то? Но кто ж навязывал, кто травил — родители? Изверги! Вот что значит дед — Ефимыч. А я в детстве обо всех этих поэтах, кроме Маршака разве, и не слышал. Мне родители ежедневно давали по чайной ложечке Пушкина, Лермонтова, Некрасова... В школе — еще Демьяна Бедного. И я с удовольствием все это глотал, не подозревая, что в это время в далекой башкирской деревне родители беспощадно травят бедного мальчика.

И было еще одно ужасное событие в жизни белокрылого ангела с алмазом во лбу: «Мою семью вышвырнули из квартиры...» Как так? Когда? Оказывается, в 1978 году. Да ведь такое в советское время было невозможно, это теперь... Но он опять: «Решением ЦК КПСС и КПК был вышвырнут с женой и детьми». Ах, вот что! Но неужели у ЦК не хватило сил на такое зверство против начинающего стихотворца и пришлось еще звать на помощь КПК? Да разве райисполком, в крайнем случае, Моссовет не могли решить проблему? А чем кончилось-то дело? Оказывается, идя наперекор ЦК и ЦКК, поэту бросились на помощь КГБ и МВД: подобрали на улице и швырнули в элитный дом по Ленинскому проспекту, где стал он, к восторгу своему, соседом последнего классика.

И вот, как я уже говорил, он мне звонит:

— Почему тебя так взмутила статья Байгушева? Меня Валентин Сидоров поздравил с ней и Бондарев!

—Как так? Сидоров же умер. С того света по мобильному?

— Кто умер? Он недавно был министром культуры.

— Да это не Валентин, а Евгений! — вздохнул я, еще раз увидев, как далеко зашло дело. — Ну что ты все путаешь! А если Евгений, то, думаю, это он в насмешку.

— А Бондарев — тоже в насмешку?

— О Бондареве о самом так же примерно пишете вы с Иваном Савельевым: алмаз... гордость... познал все траге-

дии мира...последний живой классик... Он давно уже шибко сосредоточен на мыслях о своем величии и бессмертии. В результате сейчас у него несколько зашкалило. Вот открываю я «Правду» и вижу: «Писатель пришел в свой музей». Что такое? Ведь это то же самое, что прийти на свою могилу. А тут и фотография: последний наш классик Бондарев со своим другом Егором Исаевым, предпоследним нашим классиком, с интересом рассматривают экспонаты...

И в голову не приходит ни этим сердцеведам, ни работничкам газеты, что музей Пушкина был открыт через 45 лет после смерти поэта, Лермонтова — почти через 50, Гоголя — почти 60... А совсем недавно, в феврале, та же жизнерадостная «Правда» ликует: учреждена медаль имени Бондарева! «Недавно писатель вручил эту медаль Московскому государственному открытому педагогическому университету». Тому самому, где смастачили его прижизненный музей...

— А ты читал, что Байгушев пишет в своей книге о Сергее Семанове? — перескользнул на другую стезю Сорокин.

Да, я читал. Это тоже достойно литературной кунсткамеры. Вот хотя бы: рупор...знаменосец...знаменитость...прошел поразительный жизненный путь... сподобился пройти сквозь игольное ушко... своими руками надел себе на голову терновый венец... он инструктировал все наше общество... его блестящий «Манифест» резко изменил политическую атмосферу в обществе... пойди Сергей Николаевич по партийной линии, он с его пробивной таранной силой уж точно поднялся бы до Политбюро...Черненко говорил мне, что Семанов у них «в резерве Политбюро на выдвижение»... маршал Москаленко тоже был опекуном Семанова. Москаленко был командующим 38-й армии, в которой политическую работу вел Брежнев... (Ни тот ни другой в 38-й армии не служили. — *Ред.*) Семанов очень подходил на должность министра МГБ, народ понял бы Брежнева правильно... Семанов, как князь Святослав... это наш Столыпин... наш Керенский... помощники членов Политбюро обожали Сергея

Николаевича — стройного, обходительного, с белогвардейской выправкой, сводящей с ума дамское общество, да еще охотно снабжал анекдотами...

Я напомнил Сорокину некоторые из этих словесных фейерверков Байгушева и сказал:

— Ну, хорошо, пусть одновременно Святослав и Столыпин, Керенский и министр МГБ, но откуда у него может быть выправка, если он и в армии, как ты, ни дня не отбыл?

— Ты был бы рад, если Байгушев написал бы, что я бездарен!

— Нет, я бы вовсе не радовался. Но честно скажу, это было бы несколько ближе к истине, чем гений.

Дальше разговаривать было бесполезно, и я повесил трубку.

Впрочем, сейчас у Сорокина действительно тяжелая полоса в жизни. В «Патриоте» печатаются целые подборки инвектив против него. Так, Вячеслав Орлов швыряет ему в лицо басню «СОРОКОножка» — о мерзком насекомом, которое «привыкло всюду мельтешить». Сорокин назван «отступником-предателем» и ему грозят чем-то страшным:

А уж тебя, СОРОКОножка,
Ты только пожди немножко...

Что же случилось с «Патриотом»? А дело в том, что раньше своих соратников учуяв — нюх у него отменный! — что бондаревско-ларионовское дело с захватом МСПС прогорело и может обернуться большими неприятностями, Сорокин с проворством сороконожки перебежал в лагерь Михалкова. Вы только представьте, еще вчера он падал на колени и бил себя в грудь: «Ныне с нами великий Юрий Бондарев, русский витязь! И мы благодарим Бога, что с Юрием Васильевичем мы рядом! Я был с ним рядом, когда палачи пытались

его взять, пленить и замести следы. Но истину, как молитву, не уничтожить!» (Патриот, март 2005). Словом, Сорокин спас витязя и, обливаясь слезами умиления, молится на него. Но сегодня он плюнул на свою вчерашнюю благодарность Богу, бросил к чертовой матери спасенного витязя и рысью перебежал к Сергею Михалкову, о котором вчера зубоскалил и клеветал. Кто знает Сорокина, тот ничему тут не удивится.

Я пережил такие грозы!
Я принимал такие позы!

Это образ его существования в литературе. Вот хотя бы еще один примерчик. В том же «Патриоте» он глумился над очередной жертвой: «Господин Бондаренко, глубокоуважаемый литТроцкий, товарищ Бронштейн... ты годы и годы выдавливал, вытравливал из наших сердец вздох русской матери, любовь Богородицы... Ты Петра Проскурина обзывал фашистом»... «твои бесьи статьи»... «твоя агитация — жидовская перхотная течь, ядерная зараза»... «иудиными похвалами ты убил Юрия Кузнецова» И опять: «Лев Троцкий в литературе...» и т.д.

Казалось бы, при одном имени Бондаренко корифей должен хвататься за пистолет, но вдруг — у литТроцкого юбилей! О, это в корне меняет все. Сорокин не пропустил в жизни ни одного юбилея, начиная с 80-летия Льва Толстого и кончая недавним 80-летием предпоследнего живого классика. Он непременно должен присутствовать, произнести хвалебную речь, хорошо выпить и отменно закусить. И он, конечно, явился и принял соответствующую позу. В руках букет, на устах — речь:

«Дорогой Владимир Григорьевич!.. Мы помним вас молодым, красивым и уже знаменитым... Сегодня вы один из известнейших критиков и публицистов России... Мы гордимся вами...Желаем дальнейших творческих успехов!»

И, конечно, прочитал стихи, посвященные юбиляру. Тут, разумеется, и Бог, и Россия, и очередная демонстрация чрезвычайной любви к ней, но в целом это нечто мистически-абракадабрическое. Например:

Бедные не платят за богатых...

Ну что с ним делать! В стране самый высокий в мире налог на бедных и самый низкий — на богатых. Не кто другой, а именно миллионы бедных платят за кучку богатых, именно богатые обокрали и обкрадывают миллионы бедных.

На врагов не плачутся враги...

О чем тут речь? О каких, о чьих врагах? Что значит плакаться на (!) кого-то?

Сорокин призывает Бондаренко:

На колени встанем перед Богом
Ты и я — нам вместе веселей...

Нашел место и повод для веселья... А ведь Сорокин еще и председатель секции поэтов Союза писателей. Так сказать, начальник и учитель. Боже мой! Когда-то эту секцию возглавлял Степан Щипачев, потом — Сергей Наровчатов, Ярослав Смеляков, и вот докатились до сороконожки...

Но вернемся к дезертирству. Мало того, что Сорокин перебежал, при первой возможности он еще и стал гневно взывать:

— Мы должны разобраться!.. Кто стоял за спиной Ларионова? Мы должны создать комиссию! Необходимо выяснить, кто продал Дом Ростовых. Идущие следом поколения должны знать эту подлость, этот разврат, навязанный нам.

Он и о грядущих поколениях тревожится... Но как бы то ни было, идя навстречу пожеланиям Сорокина, комиссию по расследованию махинаций мил-дружка Ларионова Исполком МСПС создал, перебежчик Сорокин как инициатор вошел в нее первым, и она установила много интересных фактов. Например, что Ларионов намеревался продать весь Дом Ростовых, но вовремя был схвачен железной десницей другого живого классика.

А вовремя переметнувшийся и уцелевший Сорокин уже переходит в наступление: «Почему я должен извиняться за то, что не совершал!»

Как не совершал? А кто же в трудную минуту бросил в лесу на съедение волкам последнего живого классика? А кто публиковал в «Патриоте» смрадные мерзости о Михалкове, его жене и секретарше? Кто публично развратничал на страницах этой газетки?

Но каков же финал всей этой истории? Финала пока нет, но есть промежуточный финиш: главному редактору «Патриота» генералу Михаилу Александровичу Земскову 24 мая, в день рождения Михаила Александровича Шолохова живой классик Бондарев вручил Шолоховскую премию.

ЧТО СКАЗАЛ БЫ ШОЛОХОВ, ЮРА?

12 апреля 2006 года в «Литературной газете» были напечатаны два небольших заявления пресс-центра Международного сообщества писательских союзов (МСПС). В первом речь шла о судьбе издательства «Советский писатель», во втором — о премии имени М.А.Шолохова. 26 апреля еженедельник «Патриот» в ответ на публикацию пресс-центра обнародовал очередное «Открытое письмо» Юрия Бондарева, председателя комитета по Шолоховским премиям, считающего себя, а не Сергея Михалкова председателем МСПС, главному редактору «Литгазеты» Юрию Полякову. В этом же номере «Патриота» в поддержку письма Бондарева помещено сочинение А.Мурашкина, считающего себя юрисконсультом МСПС. А 24 мая в издательстве «Советский писатель», генеральным директором коего ныне является Арсений Ларионов, заместитель Бондарева по комитету, считающий себя его заместителем и по МСПС, состоялось очередное вручение Шолоховских премий.

Эти публикации побуждают меня, давнего однокашника Бондарева по Литературному институту пять, лет тому назад получившего эту премию из его рук, высказаться по затронутым вопросам в излюбленной моим товарищем жанре «Открытого письма». Итак...

Дорогой Юра,

опять твое «Открытое»... В марте прошлого года ты свои письма Михалкову и Полякову поместил сразу в пяти газе-

тах общим тиражом более полумиллиона экземпляров, что является абсолютным рекордом для этого жанра литературы. На этот раз почему-то, увы, пришлось ограничиться одним «Патриотом» (47 300 экз.). Видимо, другие газеты не пожелали вторично садиться в тот же водоем.

Ты знаешь, я никогда не давал тебе дурных советов и неуместных наставлений. Кажется, совсем наоборот. Вспомни, в свое время по твоей просьбе я писал тебе пространнейшие письма о твоих романах; о том, что в одном эпизоде «Берега» ты дословно повторил такой же эпизод из бунинского «Солнечного удара»; защищал тебя и от нападок Г. Бакланова, А. Яковлева и от сомнительных похвал; я же убеждал тебя отказаться от ельцинского ордена по случаю твоего 70-летия,— разве все это не пошло тебе на пользу?

Так вот, Юра, у тебя нет причин не прислушаться к тому, что я скажу.

Во-первых, почему опять адресуешься к Полякову? Тут ты напоминаешь чеховскую мадам Мерчуткину, пришедшую в банк получить деньги за умершего мужа, который служил на железной дороге и к банку никакого отношения не имел. Нельзя же с главного редактора требовать ответа за любую публикацию в газете. Разве ты сам отвечаешь за все премии, которые выдал? Вспомни Тимура Пулатова. Ты по случаю его юбилея напечатал в «Советской России» возвышенную статью «За что я люблю Пулатова». Он тогда был председателем МСПС (его за это многие любили), а ты — заместителем. Тогда ему, своему начальнику по этой линии, ты дал Шолоховскую премию. И хвала и премии начальству, конечно же, всегда выглядят не очень красиво. Тем более, что вскоре обнаружилось, что Пулатов большой финансовый вольнодумец, его надо бы судить за махинации с писательским имуществом, но ограничились лишением премии. Тебе следовало бы как-то дезавуировать и свою хвалебную публикацию о нем, но никто этого не потребовал, так и сошло.

Спрашивается, какое же ты имеешь право вместо Сергея Владимировича хватать за грудки Юрия Михайловича, даже если газета напечатала несправедливую статью, допустим, «За что я не люблю Бондарева»? А ты хватаешь Полякова, хотя он признавался в любви к тебе: «...вы лишены стыда... ваша газета нарушила все правила приличия... газета вещает унтерпришибеевским языком... поражают солдафонской игривостью заголовки: «Кто увел «Советский писатель»?» и пьяной бесцеремонностью — «Новый статус Шолоховской премии»...

Юра, Господь с тобой, в последнем примере (кстати, это язык не «ЛГ», а пресс-центра) нет ничего солдафонского, никакой игривости, ни малейшей бесцеремонности, тем паче — пьяной. Видно, ты с годами просто забыл, как все это выглядит.

Я не буду копаться в обстоятельствах, которые в твою поддержку излагает господин А.Мурашкин. Скажу только, что букашки у меня по спине бегали, когда я читал его сочинение. Неужели в столице за хорошие писательские деньги не могли найти поприличней? И все у вас так: тяп да ляп.

Мурашкин пишет: «...начали вешать на Ларионова фальшивку о «продаже семи зданий Дома Ростовых». Семи? На самом деле в публикации пресс-центра упоминается «противозаконная продажа одного из зданий Дома Ростовых». Разве это то же самое?

Но еще важнее, что в сообщении пресс-центра называются конкретные факты и цифры, например, сказано, что первоначально личная доля Ларионова в уставном капитале товарищества «Советский писатель» составляла всего 4%, а теперь — 87%, которые делают его полным хозяином издательства, т.е. уже не товарищем, а господином. Правда это или — «опять грязь»? Ни товарищ Мурашкин, ни ты, Юра, ответа не даете. Вместо этого вы с Мурашкиным исполняете дуэт: «Зато к 100-летию Шолохова мы издали собрание

его сочинений». Прекрасно! Спасибо! Да и как можно было не издать! И кому же другому, как не «Советскому писателю»! Но — 4 или 87? Товарищ или господин хозяин? Если второе, то чего же стоят слова товарища Мурашкина о том, что Ларионов «в прямом смысле своей грудью отстоял издательство». Выходит, для себя же кровь мешками проливал! Впрочем, пусть в этом разбирается суд. А вот в судьбе Шолоховской премии мы обязаны разобраться сами.

Есть в заявлении пресс-центра одно суждение о премии, с которым я решительно не согласен. Вот это: «Дальнейшее сопряжение столь авторитетной премии с именем исключенного из Союза писателей и находящегося под следствием А.В.Ларионова приведет(!) к компрометации имени Шолохова».

Ну, имя-то Шолохова сияет так высоко и ярко, что омрачить его не может ничто. А вот сама премия уже скомпрометирована. И главную роль в этом, увы, сыграл ты, Юра.

Вот гордо заявляешь: «Международная Шолоховская премия уникальна тем, что она объединяет ярчайшие личности планеты в борьбе с мировым злом. Авторитет ее неоспоримо высок... Ее лауреатами стали крупнейшие писатели и общественные деятели: Петр Проскурин и Фидель Кастро, Анатолий Иванов и Слободан Милошевич, Расул Гамзатов и Александр Лукашенко, Валентин Пикуль и Игорь Смирнов, Валентин Варенников и Радован Караджич...»

Очень хорошо! Действительно яркие личности и крупные писатели. Но ты почему-то не упомянул тех, о ком сказал когда-то столь возвышенно: «Сегодня у нас праздник. Мы награждаем премией имени Шолохова патриарха Всея Руси Алексия Второго и выдающегося поэта всея России Валентина Сорокина...»

Что ж, Юра, сегодня о патриархе умолчал? Или вспомнил, что, получив Шолоховскую премию, он вскоре в день

70-летия Ельцина перед лицом всего народа объявил этого предателя Владимиром святым наших дней и преподнес ему золотую статуэтку равноапостольного князя. А почему забыт «выдающийся», «крупнейший» и «ярчайший» Сорокин? Увы, сегодня ты сам именуешь его «не вызывающим доверия» дезертиром.

Но давай вспомним более ранних лауреатов. Вот генерал А.Николаев, депутат Думы. Какую он книгу написал? Какое ратное или гражданское сражение выиграл «в борьбе с мировым злом». Куда он исчез?

Кто вообще его знает? Вот еще один генерал — В.Варенников. Ему дали премию за воспоминания в семи томах, что Ларионов издал в «Советском писателе». Черчиллю хватило шести томов для всей Второй мировой войны, а тут — семь для одной своей биографии. Причем, первый-то сам писал, а второй? И ведь вот что читаем у него о В.Путине: «...не пьет, не курит, не ворует и другим не велит, ошибок не делает, не просыпает встречи на высоком государственном уровне, не разваливает страну, сделал больше, чем Ельцин за десять лет (А что сделал Ельцин? — В.Б.)... Объявил, что в стране будет диктатура закона, т.е. истинная демократия...Он будет работать на народ, не щадя себя...(т.7. стр.182, 191,192).

Ведь если бы Черчилль написал что-то подобное о своей королеве, его бы немедленно лишили титула лорда. А Варенников, офицер Великой Отечественной вот так сюсюкает о человеке, который сказал: «Да, были героические подвиги и во время той войны, но они же совершались под дулами заградотрядов. А вот теперь — только из любви к Родине!»

Правда, потом с генералом что-то случилось, и он закончил свой панегирик стихами Юрия Харламова:

Скажи-ка, Путин, ведь не даром
Чубайсам, кохам и гайдарам
Россия отдана?..

В том-то и дело, что даром, буквально ни за понюх табака.

А премия Валентину Пикулю? В порядке исключения уже после смерти писателя за почти тридцатилетней давности роман «Нечистая сила», словно это несправедливо забытый шедевр! А на самом деле — редкостная бульварщина. Я не испытываю никаких симпатий к Николаю Второму, но даже меня, коммуниста, коробило, как похабно и грязно описан там русский царь. Ведь несмотря на всю свою историческую нахватанность и 30 томов сочинений Пикуль оставался эстетически уж очень подслеповатым и глуховатым, что и сказалось особенно ясно в романе. Но дело не только в этом.

Издательство «Голос» еще в 1995 году выпустило книгу вдовы писателя «Валентин Пикуль. Из первых уст». Так вот оттуда мы узнаем, что как только началась горбачевщина, он, получивший от Советской власти все — от квартиры до возможности писать и издавать свои бесчисленные романы, начал поносить ее одним из первых, доходя при этом до того, что Ленина и его соратников именовал то шайкой, то бандой (с. 383). Даже много позже до этого, кажется, не доходили ни Сванидзе, ни Новодворская.

Или вот еще новость из первых сахарных уст: «Война 1914 —1918 гг. Ни одной пяди Русской Земли мы врагу не уступили». Под Русской Землей, как увидим, он понимал не всю Российскую империю, а лишь собственно русские края. Вот: «Кайзер сумел ценой неслыханных жертв отодвинуть наш фронт только в Царстве Польском, только в Курляндии...» Отодвинуть! К октябрю 1917 года были оккупированы не только вся Польша и Курляндия, нынешняя Литва, но и немалые территории Украины, Белоруссии. Фронт проходил восточнее, и кое-где далеко, захваченных врагом Риги, Ковно, Вильны, Гродно, Пинска, Ковеля, Станислава, Черновцов... И это, по словам Пикуля, означало, что «русский солдат выиграл войну».

С помощью этой «выигранной» он пытался опорочить Великую Отечественную как «проигранную»: «Позорное поражение потерпел советский строй в 1941 году, когда Сталин и его прихлебатели не смогли отстоять от Гитлера колоссальные западные земли и допустили немцев до Москвы...» Будто историк не знает, что в 1812 году «допустили» не до Москвы, а в саму Москву, а теперь кто-то допустил и в Париж, Брюссель, Копенгаген, Осло, Белград... Что там еще?

И вот представь себе, Юра, что Шолохов видит, как ты вручаешь премию его имени еще и этому антисоветчику. Что он сказал бы?..

Некоторые факты не позволяют презрительно отмахнуться от самых горьких предположений об истинных причинах некоторых премий твоей комиссии.

Например, Николай Федь в свое время решительно защищал тебя в «Нашем современнике», где ты был членом редколлегии, от критики Игоря Дедкова, а потом написал большую книгу «Художественные открытия Бондарева». И не потому ли одним из первых получил Шолоховскую премию? А спустя лет восемь в «Экономической газете» появилась статья сотрудницы «Патриота» И.Пироговой, которая убедительно критиковала работу Шолоховского комитета. Тебе прислушаться бы к разумной критике, но вместо этого Пирогову уволили из газеты (вскоре она умерла), а Федь был заподозрен в соавторстве статьи и, как финансовый вольнодумец Пулатов, лишен Шолоховской премии. Это как назвать — унтерпришибеевщина или угрюмбурчеевщина?..

Конечно, ты можешь сказать: «Но ведь Фидель Кастро не писал хвалебных книг обо мне!» Совершенно верно, не писал. Почтительно снимаю шляпу. Но вот факт посвежей. Олег Шестинский на страницах «Патриота» не только опять же защищал тебя от критиков и поносил их, но и прославлял несчастную жертву в стихах и прозе: опублико-

вал там пространную статью «Духовность военной прозы Юрия Бондарева» и стихи, в которых сообщает, что ты пестовал его «романами в литературе». И он в прошлом году стал шолоховским лауреатом.

Ты опять можешь сказать: «Но ведь Лукашенко не защищал меня от критики, не прославлял в стихах и прозе на страницах «Патриота». Верно, еще раз снимаю шляпу. Но вот факты самой последней свежести. Иван Савельев в январе этого года напечатал все в том же любвеобильном «Патриоте» еще более возвышенную, чем Шестинский, статью о тебе, загадочно озаглавленную «Печать на дверях тайны», да еще — в журнале «Слово», где главным редактором — Ларионов, считающий себя заместителем Бондарева и по МСПС. И что же? Ты только что вручил Иванушке ту же премию.

Но вернусь к Сорокину. В 2000 году в ларионовском издательстве вышло вторично его сочинение «Крест поэта» (475 стр.). Ничего более дремучего и злобного я не читал, о чем и поведал в недавней статье. В «Советском писателе» Сорокин поносит и советскую власть, и Отечественную войну советского народа, и множество советских писателей, но всего злобней клевещет на Шолохова. И как раз вскоре после выхода этой книги ты вручаешь ему Шолоховскую премию, лобзаешь и спешишь всех обрадовать: «Сегодня у нас праздник!..» Можно ли вообразить, что Булгарина наградили премией имени Пушкина? Ты это проделал. Допустим, не знал, какова эта книга. Но Ларионов-то, твой друг наперсный и заместитель по комиссии, не мог не знать: это он же два раза издал ее! Значит, утаил от тебя? В таком случае теперь, как говорится, по вновь открывшимся обстоятельствам ты просто обязан поставить в комиссии вопрос о лишении клеветника Сорокина премии. Но ты этого не сделаешь, ибо он, ранее равноапостольный, хотя и сбежал от вас, но многократно нахваливал тебя в таком духе: «Великий Юрий Бондарев — единственный русский витязь! Мы

благодарим Бога, что он рядом с нами...» и т.д. (Патриот, март 2005. Стр. 9).

Тему твоих шолоховских лауреатов достойно завершает награждение этой премией теперь еще и Михаила Земскова, уже третьего генерала, главного редактора «Патриота», где все эти гимны в твою честь гремели и гремят. Что, и Земсков «крупнейший»? И он «ярчайший»?

В решении комитета о премии ему сказано, что она выдается «профессионалу высочайшего класса». Высочайшего? Упомяну здесь лишь одну недавнюю, в апреле, публикацию в четыре полосы «Мы вытащим из пропасти Отечество». Это беседа с «дважды Героем Советского Союза генералом армии И.В.Белым, начальником специальной контрразведки», якобы созданной еще Лениным и подчиненной когда-то лично Сталину. Несмотря на то, что публикация подкрепляется 14-ю фотографиями, в том числе — главного редактора рядышком с героем, этот Белый никакой не дважды Герой, никакой не генерал армии, никакой не начальник специальной контрразведки, которой никогда не существовало, словом, и не Белый он вовсе, а черный, как сапог, настоящая его фамилия Жеребчиков. Даже нет, Жеребцов!

А сколько несусветной бульварщины из-под пера хотя бы того же Сорокина пригрел Земсков в «нравственно безупречной» газете!

Юра, ну как после всего этого ты мог сказать: «Авторитет Шолоховской премии неоспоримо высок»?

Но в помянутых песнопениях тебе, кроме премиального аспекта, есть еще одна важная проблема: каково качество сих псалмов?

О Сорокине я уже упоминал, но вот, скажем, федотовский «свежий кавалер» Иван Савельев. Иные его суждения в «Патриоте» о литературе и о политике вызывают оторопь. Например: «Великий поэт на все сто процентов присутствует в своих стихах. Ему не нужно прятаться за «лирическим

героем», который придуман критиками для посредственности». И в подтверждение следуют имена поэтов, которые-де не прятались: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Есенин, Маяковский... Бондарев. Прекрасно! Но приходит на ум хотя бы одно стихотворение хотя бы первого из названных — трагическая «Черная шаль». Оно написано от первого лица: «Когда легковерен и молод я был...» Стихотворение кончается тем, что герой убивает соперника:

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.
Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал...

Это что ж, Александр Сергеевич собственной персоной так лютовал?

Ну, а —

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя, —

это Михаил Юрьевич лежал, а потом поднялся и написал «Выхожу один я на дорогу», «Пророк» и кое-что еще? И нечто подобное можно указать ведь у всех перечисленных Иванушкой писателей.

А вот вдруг он объявляет, что Белинский был «единственным из всех российских критиков понимавший литературу и умевший о ней талантливо писать». Это заявление можно объяснить только тем, что ничего, кроме Белинского, твой псаломщик не читал.

Ты думаешь, он более снисходителен к советской литературе? Ничего подобного. Уверяет, например, что на наших писательских съездах «в залах сидели грибоедовские молча-

лины... Я всегда ждал выступления только Бондарева... Он бросал в зал раскаленные ядра слов... Все остальные...» Остальные — молчалины вперемешку со скалозубами.

В другой «патриотской» статье обрушивается на нынешних «писателей-классиков», называет их «классическими предателями», которые-де имеют «счета в различных банках и смотрят с презрением на все убывающий советский народ». И как образец такого писателя называет Валентина Распутина, ставя его в один ряд с Войновичем и Аксеновым. И это было учтено при выдаче Иванушке премии?

Откуда свалился он на твою седую голову?

И чего же стоят похвалы такого критика? Да ведь какие! «Юрий Бондарев — мой великий современник...» «Юрий Бондарев — последний из работающих ныне великих писателей...» «Юрий Бондарев неповторим и недосягаем...» «Он — Поэт!..» «Поэтов в прозе у нас было не так уж и много: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Бунин, Горький, Леонов, Шолохов... Бондарев. Я говорю о великих художниках, о Творцах первого ряда...» «Бондарев — Поэт интуиции; ею в высшей степени обладали Пушкин и Толстой...» «маклерам от литературы надо было обуздать-усмирить — поставить на колени Бондарева, писателя, за спиной которого стоят не маклеры, а Пушкин, Лермонтов, Толстой. Тургенев, Бунин, Горький. Леонов, Шолохов» (Почему-то на сей раз выпал Гоголь)... «Бондарев как Пушкин...» «Бондарев как Толстой...» «Бондаревская поэзия — нестареющая красота. Тут весь Пушкин, а до него — весь Гомер...» «Юрий Бондарев, кажется, пишет во сне» (по себе судит)... «Юрий Васильевич человек в высшей степени деликатный...» «в предыдущей статье, опубликованной в «Патриоте», я имел честь писать о его «Бермудском треугольник»...» «Боже, пусть мысль моих раздумий замедлится...»

Но Господь не внял просьбе псаломщика и его «мысль раздумий» о Бондареве после получения премии помчалась еще проворней, например, в статье «Под пологом «интеллек-

та», напечатанной в бессмертном «Патриоте». Тут все то же: «превосходнейший текст»... «гибкость фразы, доведенная до совершенства»... «толстовско-бунинская пластика»... «леоновская философская глубина»... «великий писатель»... «последний живой классик»... «гений»... Юра, это почти на том же уровне, на каком Байгушев недавно в «Дне литературы» размалевал Сорокина. Скоро ты будешь стоять с ним в одном ряду, как два равноапостольных.

Примечательно, что иные высокие слова, когда они прилагаются к тебе, Савельев всегда пишет с большой буквы: Слово... Мысль... Правда... Истина... Поэт... Поэзия... Творец... И только «гений» почему-то с маленькой.

Конечно, Юра, закалка у тебя фронтовая, но все-таки не понимаю, как ты выносишь все это. Ведь возраст...

А тут еще и Шестинский. Ему для торжественного венка тебе уже мало имен Пушкина, Лермонтова, Толстого, Бунина, — он вплетает еще Баратынского, Фета... Но вновь повторять эти псалмы уже скучно, остановлюсь только на одном — на его похвалах языку твоих произведений: «Язык Ю.Бондарева не сможет оскудеть... Язык Ю.Бондарева будет пленять... Язык Ю.Бондарева будет сокрушать варварство» и т.д.

Замечательно! Однако меня смущают здесь два обстоятельства.

Во-первых, язык самого Шестинского, язык его похвал: порой он весьма загадочен. Смотри, например: «Бондарев вдохнул дыхание жизни в глиняно-слепленное изделие истории». Что это за «изделие»? Почему оно глиняное? Это так о Сталинградской битве, что ли? Или: «Бондарев пропитал свою прозу плодами интеллектуального ума». Да кто же так говорит! Интеллект это и есть ум, разум, рассудок. А что он хотел сказать, уверяя, что «в смертно-экстремальных условиях герои Бондарева совершают трагически самозабвенное постижение самих себя во имя высших народных

целей». Ты хоть сам-то, Юра, понимаешь, такие похвалы? Или: «Секуще-возвышенно-самостоятельные суждения придают прозе Бондарева свойства ясновидения». Что за «секуще-возвышенные суждения»? А это: «удары, выскакивающие (!) из-под угодливого полупоклона искренности, равной никчемности». А «искренность, совокупленная с завистью»? И этому нет конца.

Так вот, что должен чувствовать уважающий себя писатель, слыша похвалы своему языку от автора, который сам к языку глух, и, читая его собственную статью, словно продираешься сквозь дебри.

Это одно дело. А второе, Юра, еще печальней: ты своеобразный мыслитель, тонкий психолог, но язык, увы, это у тебя слабое место. Один мудрец сказал: «Писать просто так же трудно, как писать правду». У тебя нет простоты. Твой язык полон ухищрений, утомительного избытка изобразительности, дотошного внимания к частностям, скрупулезного выписывания подробностей, натужного кручения фразы. В свое время покойный Анатолий Елкин был прав, расценив твою манеру как «реализм, убивающий правду». Особенно удручают твои публицистические статьи в газетах, где ты тщишься предстать философом, — там многое просто невразумительно. Ты на всю жизнь ушиблен Буниным. Но тот был великий мастер, он знал во всем меру, — этому, увы, ты у него не научился. Да ведь есть вещи, которым едва ли и можно научиться: пушкинское «чувство соразмерности и сообразности» дается от Бога.

Обо всем этом по твоей же просьбе я писал тебе лет 25 тому назад. В частности, о том, как твои персонажи отвратительно-изощренно ругаются,— ведь и в этом надо знать меру. Но ты никак не отозвался. Видимо, для твоего авторского самолюбия это было непереносимо. Да, трудно согласиться, что вот это, например, сказано на уровне Толстого или Бунина: «разъедающий толчок смещенного воображения»... «лестничные площадки, отзвучивающие гул дальних

шагов»... «В его взгляде не вытаивало окостенение ужаса»... Васильев устал «возражать гостям, не чуждым самонадеянно утвердить и особые критерии в искусстве и твердо переходящим (ради спокойствия) в суждениях своих премудрые житейские перекрестки»... «Совпадения случайностей в доказательствах обманчивой известности не льстили и не утешали его, утомляя фальшью вынужденного внимания»... «от полыхнувшей огнем мысли, выжигающей в сознании возможность примирения, от уже не подчиненного рассудочности решения его вдруг окатило морозящим сквозняком и знобко затрясло внутренней дрожью»... «Его печальная усмешка, его слова, сказанные покойно, источали болезненную покорность судьбе, намекам чужого недоверия и вместе некую оцепеняющую силу грустного внушения»... И ведь это с внутренней дрожью можно продолжать и продолжать...

Я писал тебе когда-то и о языке и о многом другом: то по поводу нового романа, статьи или речи, то просил посодействовать насчет Государственной премии знаменитому пушкинисту С.М. Бонди, нашему преподавателю в Литинституте (он вскоре умер), то (дважды) о Шолоховской премии уже С.Г.Кара-Мурзе, П.В. Палиевскому... А сколько выступал в твою защиту в печати!..

В чем же дело? Да просто в том, что власть перекормила тебя сладостями: изданиями-переизданиями, должностями-званиями, премиями-орденами... Шутка ли, 2-4-6-8-томные собрания сочинений, Ленинский лауреат, Герой Труда, заместитель председателя Верховного Совета СССР, член ЦК, первый секретарь Союза писателей России!.. Что тебе на твоем Олимпе какие-то Бонди, Бушин, Кара-Мурза... И они, конечно, не были исключением. Вот так же еще в 81-м году ты не отвечал на дельные письма Станиславу Куняеву. И он написал по этому поводу печальное стихотворение:

— Олимпиец, воспрянь ото сна!
Неужели не слышишь — война!
Неужели не видишь — враги!..
Олимпиец вздохнул: — Дураки!
Враждовать у подножья Олимпа?!
До меня не достанут враги,
Моего не дотянутся нимба!
Всем известно, что я — олимпиец,
Всех времен и народов любимец!
Здесь цветет сладкодышащий лавр...
Чистый воздух... Отменная пища...
Ну а кто из вас прав, кто не прав,
Не хочу разбирать — скукотища!
...Он заснул и дышал до утра
Сверхъестественной горней прохладой.
Разбудил его стук топора.
Глядь, Олимп — за колючей оградой.
Резервация...
Впрочем, его
Так же сладко до смерти кормили,
Ну а если когда торжество,
То экскурсию к клетке водили,
Где написано было, что здесь
Доживает свой век олимпиец,
Всех времен и народов любимец,
Тот, которому слава и честь.

Тебя кормили сладостями так долго, что ты уже не можешь без них. Но вот — многие должности исчезли, новых орденов не дают, премии — символические... Осталась одна горькая услада — псалмы Сорокина и Ларионова, Шестинского и Савельева...

И последнее, Юра. Вот вы опубликовали решение комиссии о премиях за этот год. В преамбуле перечислены более пятидесяти лауреатов. Назван даже «выдающийся писа-

тель» Юрий Круглов. А Сергея Владимировича Михалкова и Владимира Сергеевича Бушина нет. Вычеркнуты! Изъяты! Выброшены!.. Вот так же, Юра, в 20—30-е годы энтузиасты чистоты с партийными билетами вычеркивали из справочников и энциклопедий врагов партии. В результате можно было, например, прочитать статью о троцкизме, но кто такой Троцкий — узнать невозможно.

Так вот, однокашничек, во избежание двусмысленности твоего и моего положения можешь прислать ко мне Иванушку Савельева, я верну тебе Шолоховский диплом, полученный из твоих рук.

«Дуэль», № 35, 29 августа 2006

ВИНОВАТ, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО...

Писателю Ю.В.Бондареву,
действительному члену
Академии российской словесности,
орденоносцу и лауреату
многих высоких премий

Юрий Васильевич,

твою статью «Что же такое критика?», напечатанную в еженедельнике «Патриот» № 31 от 2 августа как ответ на мое письмо к тебе «Что сказал бы Шолохов?» в газете «Дуэль» №29 от 18 июля, я прочитал, извини, с большим опозданием. Разве в нашем возрасте за всем уследишь.

Но вот развернул было твое письмо вдруг телефон. Иван Михайлович Шевцов: ты дрыхнешь, говорит, а до меня дошел слух, что «Патриот» собирается подать на тебя в суд? Мамочка родная! Да за что же? Я года три у них с полосы не слезал, сколько мы с ними антисоветских супостатов заклеймили, они печатали все, что я предлагал и даже — что и не предлагал, о чем не просил, например, дали в трех номерах пять полос с фотографиями о моем вечере в ЦДЛ. Да еще не о двух ли вечерах-то? Больше того, я даже просил не давать мои фотографии к каждой статье, а уж если вообще нельзя без этого, то хотя бы только к наиболее существенным,— так нет, лепили ко всем подряд! И особенно им, эстетам, нравилась та, где я во фраке с бабочкой. (О ба-

бочке я тоже скажу). А какие душевные отношения были со всеми сотрудниками редакции вплоть до бухгалтера Тани. Я им дарил свои новые книги с дружескими надписями, они мне — тоже, вышедшие в издательстве «Патриот». Однажды на день рождения, кажется, самовар подарили, в другой раз — часы, которые до сих пор тикают. А уж главный-то редактор вроде бы души во мне не чаял, нередко говаривал, в частности, и на вечере в ЦДЛ: «Как нам повезло, что в газету пришел Бушин!». Настойчиво приглашал войти в состав редколлегии Я отнекивался: «Зачем? Мне это не нужно». А он настаивал: «Это мне нужно!» Ну, я млел, конечно, но остерег меня Господь...

Однако даже после того, Юра, как по твоему требованию доступ в газету мне вдруг закрыли, я счел нужным в «Московском литераторе» заявить: «В целом мое отношение к «Патриоту» одобрительное, газета делает важное патриотическое дело. Иначе я не пришел бы сюда». Ну, а критические соображения у меня были, есть, и я открыто высказывал их и «Советской России», и «Правде», и «Завтра», и «Дуэли», и «Нашему современнику»...

И вот все забыто, перечеркнуто, брошено коту под хвост. «Встать! Суд идет!.. Ваша фамилия, имя, год рождения, род занятий, национальность?.. Именем Российской Федерации...» Батюшки, да что читатели-то на это скажут? Мало того, что «Патриот» закрыл доступ на свои страницы патриоту, а теперь еще и судит патриота...

— Да за что же, Иван? — говорю. — Уж не за то ли, что я возмущался пространной публикацией у них комически незуразного Рыбкина с дюжиной фотографий, дружка Березовского, или хохотал, когда появился у них на пяти страницах какой-то нестабильный Жеребчиков опять с четырнадцатью фотографиями, на одной из которых этот Жеребчиков-Кобылкин чуть не в обнимку с главным редактором.

Шевцов точно не знал, но все же разговор с ним я закончил так:

— Уж ты, Иван, замолви там за меня словечко этим осьминогам. Больно неохота в возрасте Льва Толсто за решетку или за колючую проволоку.

Иван, добрая душа, обещал.

Но вскоре случилось несчастье, которое, вероятно, только и спасло меня от суда: «Патриот» сгорел. В прямом буквальном смысле — дотла. Все семь или восемь кабинетов с мебелью, рукописями, книгами, оргтехникой. Погибли и два ордена журнала — Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Ну, после такой беды какие могут быть счеты.

Узнав о пожаре в тот же день, я сразу позвонил по мобильнику Николаю Тимофеевичу Литвинову, заместителю главного, и выразил сочувствие в беде. Потом — Проханову в «Завтра», Ягунковой и Спехову в «Правду», в «Советскую Россию» на автоответчик, Мухину в «Дуэль», Козенковой в «Молнию». Там никто ничего не знал. Вот она, сплоченность оппозиции! И сажать начнут поодиночке, а «товарищи в борьбе» и об этом знать не будут. Просил дать хотя бы информацию. Все откликнулись, дали хорошие публикации.

Однако, исполнив то, что полагалось, я с ужасом подумал: ведь в поджоге могут заподозрить именно меня! Действительно, однажды Станислав Куняев закатил мне жуткую истерику в редакции «Нашего современника» — и вскоре на его кабинет обрушилась стена соседнего дома, слава Богу, ночью; недавно «Русский вестник» напечатал поносную статью Валентина Сорокина о Ленине и обо мне, — и через пару дней, как мне говорили, там произошел взрыв в компьютерном цехе... А теперь вот отличился Ванюша Савельев, магистр государственного управления, как он подписывает статьи. Не так давно он гневно грозил в «Патриоте» супостатам моим именем. А получив Шолоховскую премию, тоже напечатал там поносный стишок обо мне, — и вот все сгорело дотла! Ах, магистр!.. Управлял бы ты государством и не трогал поэзию.

Позвонил одному приятелю посоветоваться. Узнав о пожаре, он сказал:

— Конечно, я им, как и ты, от души сочувствую, сожалею, но, как человек верующий, скажу, что этого можно было ожидать, ибо Ларионов, Сорокин, какой-то Дундич и сам Бондарев вздули на страницах газеты злобу и ненависть до такого градуса, до такого накала, что газета не могла не воспламениться сама собой.

Позвонил другому приятелю. Тот был краток:

— Одним гадюшником в России стало меньше.

Я бросил трубку.

Но он тут же перезвонил и сказал: «Я же имел в виду «Дом Ростовых» в «Патриоте». С этого «Дома» и начались у газеты все несчастья, все беды. И вот достукались...

А тогда, Юра, после разговора с Иваном я вернулся к твоему письму. Первое впечатление: какое величие духа! И первый вопрос: как выносишь ты столь многолетнее величие? Неужели не обрыдло?

Но сразу скажу и так: это был новый страшный удар по моему старческому уже мягкому темечку.

Почему? Да как же! Я написал тебе о трех важных для писателей вопросах: о судьбах «Дома Ростовых», издательства «Советский писатель» и Шолоховской премии — это главное в письме. Я привел конкретные имена, факты, даже цифры. Ко всему этому ты имеешь прямое и очень важное отношение. Но в твоем ответе ни один из этих вопросов даже не упомянут. Все сведено к моей грешной персоне и к рассуждению о критике. Твое письмо так и озаглавлено: «Так что же такое критика?» При чем здесь литературная критика?

Я говорю: по утверждению МСПС, первоначально доля А.Ларионова в уставном капитале товарищества «Советский писатель» составляла 4%, а теперь — 87%. И задаю вопрос в лоб: это правда или нет? То есть остается Ларионов рядовым

пайщиком или он уже полновластный хозяин? Но в ответ слышу: «Критик Бушин, а ты мудак». Я опять: по утверждению МСПС, Ларионов продал одно здание «Дома Ростовых», а твой соратник Мурашкин пишет, будто его друга обвиняют в продаже семи зданий. Задаю второй вопрос в лоб: где правда? кому верить? Но в ответ слышу: «Критик Бушин, а ты мудак». Задаю третий вопрос в лоб: за что генералу Николаеву дали Шолоховскую премию? Какое сражение он выиграл? Но в ответ опять: «Критик Бушин, а ты мудак».

Ну да, я весьма неодобрительно высказался еще и о качестве похвал будущих лауреатов Шолоховской премии в адрес председателя комиссии по этой премии, — и тут в ответ ни слова, и тут только обо мне: «Бушин, а ты...» Словом, Юра, не хватило тебе мужества ответить на хорошо известные всем вопросы общественные и ты подменил их темой сугубо личной. Почему? А потому, что я задел персонально и тебя, и это затмило в твоих глазах все остальное. В подобном случае я не стал бы отвечать, допустим, такой фигуре, как Ларионов, но как не ответить тебе, труды которого переведены на 42 языка мира!

Так вот, вместо ответа по существу ты решил написать мой литературный портрет, и первый мазок таков: ты уподобил меня «альфонсу с угасшими пикантными способностями». Я рад, что у тебя на 83-м году здесь все в порядке, как у знаменитого Луки, но опять спрашиваю: 4 или 87? Нет ответа!

Далее, обращаясь ко мне, пишешь: «Вы (Опупеть можно — «Вы»!) неудачно начинали как поэт, Вы (Юра, опомнись, не смеши людей! Мы же шестьдесят лет знаем друг друга, как облупленных) потерпели неудачу в художественной прозе». Допустим, потерпел, но какое это имеет отношение к поднятым вопросам? К тому же крайне удивляет, как может писатель прибегать к таким доводам: неудачно начинал? Да мало ли кто как начинал! Неужели не слышал, как начинал, допустим, Гоголь? Его первую книгу, поэму «Ганц

Кюхельгартен», критика так разнесла, что он пошел по магазинам, скупил ее и сжег? Такая же история была и с первой книгой Некрасова «Мечты и звуки». Тоже скупил и сжег. Даже сам Пушкин! Неужто не читал, Юра, как еще в лицее они с Дельвигом послали стихи в «Вестник Европы», а издатель Каченовский напечатал Дельвига, а из трех стихотворений Пушкина — ни одного. И юный гений тогда едва не бросил поэзию:

Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный...

Когда на фронте я впервые послал стихи в армейскую газету, то, получив ответ от капитана Швецова Сергея Александровича, в будущем главного редактора «Крокодила», почувствовал себя тоже «косой безвременно сраженным»: я был заподозрен в плагиате! Но вскоре, однако, дело разъяснилось и наладилось, мои стихи часто появлялись в газете. Я много печатался в армейских и фронтовых газетах еще и на Дальнем Востоке, куда из Кенигсберга перебросили нашу часть: предстояла война с Японией. А уже после войны в пору Литинститута и позже печатал стихи в «Московском комсомольце», «Литературной России», в коллективном сборнике, в журнале «Советский воин», уже в нынешнее время мои отдельные стихотворения и подборки не отвергали «Завтра», «Правда», «Народная правда» (Ленинград), «Молния», «Трудовая Россия», «Омское время», тот же «Патриот», «Сельская жизнь»... Ну просто как Евтушенко или Сорокин, твой друг! И есть у меня книга стихов «В прекрасном и яростном мире». Могу подарить. Правда, книга только одна. Но, во-первых, допустим, даже у Лермонтова

при жизни была только одна, и в ней всего 26 стихотворений, а в моей — сотни полторы, даже больше. А сколько написал позже!

Но разве количеством измеряется поэзия! Если бы Пушкин написал лишь «Пророк», Лермонтов — только «Выхожу один я на дорогу», Блок — «Скифы», Есенин — «Письмо матери», Маяковский — «Стихи о советском паспорте» или «Хорошее отношение к лошадям», Пастернак — «Гамлет»,— все они и тогда остались бы в нашей поэзии... Ты, скорей всего, ничего и не видел из моих стихотворных публикаций, да и вообще, по-моему, не шибко интересуешься однокашниками. Читал ли, например, «Встретились трое русских» Семена Шуртакова или «Лобное место» Миши Годенко? А мне говорил не раз: «Ну, ты теоретик!». Я такой же теоретик, как ты — артист балета. Какие мои теории тебе известны?

Своим публичным заявлением о моей поэтической несостоятельности ты вынуждаешь меня привести несколько строк из писем читателей. Извиняюсь за нескромность, но надо же как-то защищаться, когда на тебя идет как бульдозер бывший член ЦК и Верховного Совета, лауреат Ленинской и Католической премий, бывший председатель Союза писателей и действительный член Академии русской словесности. К тому же ведь ты и сам печатал восторженные письма о себе своих читателей и гораздо большим тиражом, чем я ныне. И еще когда! При жизни критика Ивана Козлова, умершего в 1987 году. Он доставил эти письма в «Литературную Россию. Так что, по твоим стопам иду, учитель...

Вот, например, И.П.Кузнецов из Краснодара писал мне: «Я слышал, как одна женщина на троллейбусной остановке читала наизусть Ваше стихотворение

Я убит в «Белом доме»,
Я стоял до конца.
Я надеюсь как должно
Вы отпели бойца...

Б.А.Жуков из Москвы: «Потрясло стихотворение «Двадцать восьмая могила». Давно уже не плакал, а тут не мог сдержать слез. Спасибо, дорогой наш человек. Я счастлив! Нас не сломить».

В.А.Игнатьев из Билибино (Чукотка): «Стихотворение «28-я могила» мы отпечатали в виде листовки и расклеили по городу».

З.Никитина из Северска: «Некоторые Ваши стихи я перепечатала в десятках экземпляров и пустила по рукам. Перепечатала в трех экземплярах (сколько хватило бумаги) и книгу «Колокола громкого боя» (175 страниц), два тоже пустила по рукам. Свой же никому не дам больше, и так порядком затрепали...»

Это, Юра, дороже всяких Звезд от Брежнева и пенсий от Ельцина. Конечно, твои романы тоже перепечатывают и переписывают, но интересно бы узнать, какие именно.

Впрочем, некоторые письма читателей в день моего юбилея напечатала «Завтра». Ты их читал, и позвонил мне, и поздравил: «Володя! Это слава!» Еще раз спасибо, но, право, я никогда не думал так о письмах читателей. А вот теперь ты порочишь мои стихи заодно с моими «интимными способностями», непонятно почему интересующими тебя, мужчину коммунистической ориентации.

Напрасно ты завел речь еще и о моей неудаче в прозе. У меня только одна книга прозы, но в разных редакциях она издавалась пять раз массовыми тиражами вплоть до 200 тысяч экземпляров, выходила и за рубежом, журнальные публикации отмечались премиями. Какая же это неудача? В литературе есть понятие — автор одной книги. У нас, например, Грибоедов, Ершов. В западной литературе — Сервантес, Дефо, Войнич, хотя у них были и другие произведения, но остались они в литературе как авторы «Дон Кихота», «Робинзона Крузо» и «Овода». Так что, зачислим их всех в неудачники? Один известный литературовед сказал мне: «Да ведь и Бондарев, в сущности, автор одной книги — «Горячего снега». А я на прозу больше и не посягал.

Заклеймив меня как неудачника в поэзии и прозе, ты приступил к моим «критическим опусам». Это, по твоим словам, «торжествующая злоба», «оскаленность против многих писателей: кого только Вы не (!) ругали и не (!) унижали». Еще это — «фрагменты из Вашего душевного состояния, которое называется патология зависти, переходящая в ненависть». Наконец, это — «муки неуспехов выплеснулись черным потоком с целью отмщения непокорной прекрасной женщине — художественной литературе, которая осталась равнодушной к Вам». Сильно сказано: оскаленность... патологическая зависть... ненависть... черный поток злобы с целью отмщения прекрасной... Круто!

Однако, дорогой, тут требуется кое-что уточнить: ведь я скалился и щерился не только на некоторых писателей, но и на многих политиков: на Горбачева, Ельцина, Яковлева... вплоть до министра культуры Швыдкого. Еще как скалился! Тебе не нравится? Ты против? Сам-то на кого-нибудь из них персонально хоть разочек ощерился? Да не сейчас, конечно, когда даже о президенте пишут: «Глава фашистского режима!.. Изменник родины!» — не сейчас, а в конце 80-х, в 90-е? Нет, получая президентско-геройскую пенсию, ты долго молчал, как все литературные генералы, и на страницах «Правды» даже обосновывал и подводил философскую базу под свое и других Героев да Ленинских лауреатов долгое гробовое молчание. Более того, все помнят, как о Ельцыне ты сказал: «У писателей России есть один президент, а у президента — один Союз писателей!» А раньше этого пытался оградить от моей критики и Горбачева. Помнишь?

14 декабря 1990 года в последний день работы Седьмого съезда писателей России, проходившего в Театре Красной Армии, я получил слово и, оскалясь, выплеснул на президента черный поток ненависти с целью отмщения. Должен заметить, что едва ли не вся процедура прошла под хохот и аплодисменты делегатов съезда. И только сидевший в пре-

зидиуме Виктор Астафьев, тогда — свежий кавалер Золотой Звезды, встал и назвал мое выступление «диким вздором», о чем на другой день сообщили «Известия». Это было первое публичное выступление против Горбачева с такой высокой трибуны, как Всероссийский съезд писателей. Сажи Умалатова выступила на Съезде народных депутатов неделей позже.

«Литературная Россия», как принято, давала стенографический отчет о работе съезда, должна была дать, естественно, и мое выступление. Но звонишь мне ты, Юра, первый заместитель председателя СП РСФСР и, как предварительно решено в Политбюро, — завтрашний председатель:

— Володя, твое выступление не может быть напечатано. Боюсь, оштрафуют.

— Как так? Ведь это стенографический отчет. В нем должно быть бесстрастно отражено все, что было сказано с трибуны, и все, что произошло на съезде.

— Володя, твое выступление нельзя напечатать. Боюсь санкций.

— Да это же выступление, которое мне никто не заказывал, никто не визировал. Тут моя личная точка зрения, за которую только я сам и отвечаю.

— Володя, твое выступление немыслимо напечатать. Я опасаюсь...

Был такой разговор?

Выступление в ЛР не напечатали, в стенограмму оно не вошло. Так, дорогой однокашничек, в эпоху безграничной гласности ты оградил предателя Горбачев от первого удара со стороны нашей литераторской братии. И «санкций» ты опасался, скорей всего, не против Союза писателей или газеты, а против себя лично: вдруг ПБ не утвердит председателем Союза? А выступление мое появилось позже далеко от Москвы, в Краснодаре, в журнале «Кубань», — удар был сильно смягчен. И никаких санкций не последовало.

Итак, об очень важном в моей литературной работе — об оскалах и черных потоках на головы политических предателей родины — ты, рисуя мой литературно-политический портрет, умолчал. Честно ли это? Но умолчал и о писателях, утопленных мной в черных потоках злобы, ненависти и зависти, хотя таких, говоришь, было много и тебе «всегда было неловко читать» мои черные опусы о них. Ну, назвал бы хоть два-три имечка! Нетушки...

Нечто подобное твоему ярлыку («неустанная неприязнь к одаренным писателям») не так давно навесил на меня в «Литературной газете» Павел Басинский. Что ж, я его понимаю: по возрасту он просто не знает моих прежних, доперестроечных публикаций, а теперь, после контрреволюции, увы, действительно чаще всего приходится топить тараканов демократии в бурных потоках гнева.

Но на твоих-то глазах прошла вся моя литературная жизнь... Ты мог бы знать мои если не всегда восторженные, как о тебе и Сорокине пишут, то очень уважительные, хвалебные статьи о Горьком и Макаренко, о Маяковском и Светлове, Ушакове и Панферове, Смелякове и Симонове... да и о первых публикациях Солженицына. Тебе все это было «неловко читать»? Чего ж молчал? Ведь ни единого раза не возразил при полной возможности выступить с литературного Олимпа где угодно.

Доброжелательно я писал о произведениях и многих других. Вот, сколько помню, имена почивших: Юрий Трифонов, Дина Злобина, Майя Румянцева, Владимир Богомолов, Василий Федоров, Сергей Викулов, Владимир Карпенко, Евгений Винокуров, Вадим Кожинов, Петр Градов, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов... Хочешь, пришлю тебе эти статьи? Найди в них хоть единое словцо «торжествующей злобы». Укажи, кто тут не заслуживал похвалы.

Еще? Михаил Алексеев, Анатолий Калинин, Семен Шуртаков, Ольга Фокина... И частенько не просто писал о них, а защищал от непонимания, а то и от клеветы. Здесь могу

начать с самого Пушкина, тексты которого защищал от искажений и от неверных комментариев в юбилейном собрании сочинений 1974 года. А Лермонтова защищал от стишка «Прощай, немытая...» В марте 1993 года, в самый разгар беснования против русской и советской литературы вступился за Горького против клеветы и ненависти Солженицына, Бурлацкого, Колодного, Костикова. В ответ получал такие, например, анонимочки: «Взялся защищать Буревестника? Его портреты и книги надо уничтожить все до единого. До единого!.. А ты приговорен. У тебя нет выхода!» От клеветы того же Солженицына защищал Маяковского, а в июне 93-го — от измышлений в «Правде» критика Ал. Михайлова, изобразившего поэта провозвестником нынешней контрреволюции.

Еще? Отстаивал от давнего разноса Веры Инбер гениальное стихотворение Исаковского «Враги сожгли родную хату». В «Завтра» дал отпор клевете на Шолохова опять же Солженицына, а в «Советской России» — еще и Евтушенко. Дважды защищал Владимира Карпова от невежественных бредней Дейча, а совсем недавно в «Дне литературы» и «Дуэли» — нашего умершего однокурсника Эдуарда Асадова от Ваншенкина, от него же в «Завтра» — Леонида Соболева...

Ведь это, пожалуй, немало, Юра. А ты-то, сидя на даче с черными лебедями в пруду, кого из писателей защитил? Против кого за них воевал? С кем сходился врукопашную? Ведь хотя бы за Шолохова-то просто обязан был вступиться как руководитель Союза, председатель Шолоховской комиссии и просто как писатель, так много говоривший о любви к великому собрату.

Не довелось мне, к сожалению, написать отдельные статьи о Федоре Абрамове, Петре Проскурине, Василии Белове, Александре Проханове, но я не раз упоминал их в статьях самым добрым словом. А уж тебя не просто упоминал, но опять-таки защищал и от Яковлева, и от Бакланова, и

от Коротича, и от Окуджавы. Последний однажды заявил: «Я отношусь к Бондареву, как аристократ к лакею». Я и врезал: «Истинный аристократ и к лакеям относится не так, как мещанин во дворянстве, — уважительно. А ты, мещанин во дворянстве, и есть лакей режима». Помнишь? Едва ли...

Но еще — и это самое недостойное — ты умолчал и о том, что я защищал и защищаю саму Советскую эпоху, историю Отечественной войны и многих деятелей того великого времени — Ленина, Сталина, Дзержинского, Жукова и других. Посмотри хотя бы «Завтра» за минувшее лето.

И вот твоя резолюция: «Болезненное состояние буйного ниспровергателя, известного беззастенчивой приспособляемостью к факту Икс и нравственности принципиального подвижника, прокурора без должности, мечтающего о суде над неугодными ему писателями — о «Нюрнбергском процессе», как самоуверенно пишете Вы в одной статье».

Друг мой Игрек, не говори так красиво, но постарайся — внятно! В этом манерном плетении словес и понять-то ничего нельзя, кроме отдельных выражений и общего впечатления осмотрительной злобы. Какой такой «факт Икс», к которому я приспособился — президентская пенсия, что ли? Я не знаю, как она и пахнет. Что это за «нравственность подвижника»? В какой статье, где и для кого мечтал я о «Нюрнбергском процессе»? Если для Горбачева и Ельцина, то им и этого мало, их надо вешать без суда и следствия, но ты же говоришь о писателях. Для кого из них я мечтаю о суде? У меня — имена и конкретные факты, а у тебя — увертливые намеки под видом элоквенции.

Вот выражение «буйный ниспровергатель» в твоем монологе это, в отличие от остального, понятно. Ну, что ж, пожалуйста, можешь меня так именовать за мои статьи о некоторых писателях хотя бы от Окуджавы до Куняева. Но соизволь все же принять во внимание, что я «ниспровергал» не творчество этих авторов в целом, а отдельные их произведения. Так, в «Литературке» я «ниспроверг» повесть «Бед-

ный Авросимов» Окуджавы, в «Москве» — его «Путешествие дилетантов», чем привел тебя в восхищение (См. мою книгу «Гении и прохиндеи», с. 9). Но я вовсе не отказываю Окуджаве в таланте, и там же признался, что люблю его лучшие песни. То же самое с Куняевым. У меня много претензий к его оглушительно расхваленным и не раз премированным воспоминаниям, но признаю и говорил ему, что там есть отличные места, интересные страницы. Я и его считаю талантливым человеком и даже совсем недавно в письме к тебе одно его стихотворение привел полностью и назвал великолепным.

Признаю талантливыми и Астафьева, и Солоухина, и Гранина, но что делать — произошла контрреволюция и в развернувшейся борьбе они стали пособниками антисоветского режима! Ты-то величественно промолчал, а я выступил именно против тех произведений или заявлений этих писателей, в которых они по ту сторону баррикады. Мне не понять, как ты, фронтовик, орденоносец, Герой, председатель Союза писателей, так много писавший о войне, молчал, когда названные писатели заявляли, что воевать мы не умели, что забросали немцев трупами (с самолетов, что ли?), что соотношение боевых потерь было 1:10 в пользу врага и вообще «по всем данным должны были поиграть войну» (Гранин), но незаконным образом победили.

Правда, об Астафьеве ты сказал, что его выступления после переворота «пропитаны ненавистью... Когда-то он был интересен мне как способный парень из провинции, и я поддерживал его первые вещи. Но я ошибся в нем. Он лгал литературе и тогда».

Это уже общая оценка творчества писателя и его личности в целом. Но я все же продолжаю считать талантливыми книгами «Царь-рыбу», «Последний поклон», «Пастуха и пастушку»... И вот еще какая подробность: ты приведенную оценку высказал в 2003 году, когда Астафьева уже не было в живых, а я напечатал в «Советской России» свое

негодующее открытое письмо ему в августе 1991-го, когда он мог и спорить, и опровергать, и защищаться. Согласись, тут есть некоторая разница...

Так же резко и смело ты теперь пишешь и о сошедших со сцены Горбачеве, Ельцине, Яковлеве...

А в суде, куда, как ты пишешь, кого-то тащу, я был только в молодости, когда разводился с первой женой, ты же на 83-году бегаешь по судам, рассчитывая с их помощью свергнуть Михалкова, стать председателем МСПС и утвердиться в Доме Ростовых. Вот я читаю: «Вступило в силу решение Пресненского суда от 29 декабря 2005 года по иску Ю.В. Бондарева к С.В.Михалкову, в котором выдвигалось требование признать законность избрания Ю.В.Бондарева председателем Исполкома МСПС. Суд принял решение отказать в иске в полном объеме»...(ЛГ №10'06). Армянскому радио задают вопрос: «Какая разница между Львом Толстым и Юрием Бондаревым, лауреатом премии Толстого?» Ответ: «Толстой в 82 года ушел из родного дома, а Бондарев в этом же возрасте рвется в чужой дом».

Да если бы даже суд и удовлетворил твой иск в полном объеме — так что? Можно понять слесаря или клерка, которые ради хлеба насущного судятся за свои рабочие места, но стать по решению суда председателем Союза служителей муз... Юра, у меня нет слов... И потом, неужели тебе мало? Двадцать лет был секретарем правления СП СССР и первым заместителем председателя СП РСФСР, потом еще лет пять уже председателем... Когда тебя в 1994 году съезд писателей не избрал на новый срок, можно было подумать, что ты вздохнул с облегчением: «Слава богу, сколько можно! Ведь уже семьдесят, отдохну...» Но оказывается, десять лет после этого ты только и мечтал, как бы вернуться и опять сидеть в президиумах! Ну пожалей ты себя, свои седины и свою семью... Ведь вся эта заваруха в МСПС без твоего участия была бы просто невозможна. Ларионов использовал твое непомерное честолюбие как таран.

Не утомил? Тут вот еще и такая деталь: «У Астафьева было прямо-таки культовое представление о себе. Например, устроил в Овсянке литературные чтения». Позволь не согласиться. В таких чтениях, устроенных, вероятно, не самим писателем, а местными властями, нет ничего культового. Проходили же у нас частенько читательские конференции по отдельным новым книгам или всему творчеству здравствующего писателя. Были такие конференции и по твоим книгам.

Но вот я читаю у тебя: «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Берег», «Выбор», «Тишина», «Игра», «Искушение»... Они вошли уже в классический набор литературы XX века». Если это не «культовое представление о себе», то что?

В другой раз корреспондент спрашивает: «Какое из ваших произведений наиболее любимо вами?» Он и мысли не допускает, что писателю какое-либо (хоть одно!) из его созданий не нравится. Ты не нашел с такой уверенности собеседника ничего особенного и перечислил как «наиболее любимые» буквально все свои повести и романы..

Боже мой, как далеко это от благородного недовольства своей работой, которым мучились многие русские писатели прошлого! Ты, например, часто клятвенно поминаешь Достоевского. А вот что он говорил о своем «Двойнике»: «Я обманул ожидания и испортил вещь. Мне Голядкин опротивел. Многое в нем писано наскоро... Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, с души воротит, читать не хочется. Вот это-то и создало мне на время ад, и я заболел от горя». Лев же Толстой доходил до того, что объявлял иные свои произведения «пустяками», «ничтожным трудом» и т.п. Леонид Леонов говорил: «От многого из того, что написано мной, я бы отказался и просто запретил издавать». А ведь классики тоже тратились, тоже отдавали своим произведениям часть жизни, вкладывали душу. Вот взглянуть бы им хоть одним глазком на собрата, который доволен всем, что написал...

А уже в наши дни Константин Симонов нашел в себе мужество опубликовать письмо читательницы, которое, в сущности, перечеркивает «Жди меня», одно из самых знаменитых его стихотворений. На трагическом примере своей судьбы она показала, что это стихотворение — высокая молитва верности, пока жив тот, кого ждешь, но оно оборачивается страшным обвинением и проклятьем, если он погиб:

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Значит, плохо ждала? Значит, я виновата в его гибели... Как с сознанием этого жить?

А твой музей — это не культовая затея? Конечно, запретить его создание ты не мог, — и свобода, и нет на олухов перевода. Но ты обязан же был сказать энтузиастам: «Олухи царя небесного, в какое положение вы ставите меня перед Пушкиным, музей которого создали спустя 45 лет после его смерти, перед Лермонтовым, Гоголем, Достоевским, которые ждали своих музеев еще дольше...» А вместо этого ты явился на открытие музея и перерезал там символическую ленточку. Сам открыл собственный музей! При таких церемониях полагается и речь. Произнес? А если завтра энтузиасты вздумают памятник тебе поставить рядом с Толстым? Тоже явишься?.. А потом в «Правде» под несуразной рубрикой «Честь бойца — всегда с тобой!» появилась с тремя фотками статья «Писатель пришел в свой музей». Мало того, главный закоперщик музея Ю.Г.Круглов стал у тебя лауреатом Шолоховской премии. Известен еще только один прижизненный писательский музей —Г.М. Маркова на его родине. Но Георгий Мокеевич все-таки там ленточку не перерезал, хотя и был дважды Герой...

Идем дальше? Итак, ты считаешь, Юра, что мои черные «критические опусы» есть порождение черной зависти. Зависть — твоя любимая тема. Однажды ты пустился в рассуждение о ней даже с трибуны съезда писателей. А в романе «Выбор» некий персонаж произносит о ней взволнованную речь: «Зависть, жесточайше душу гложащая, расцвела волшебным розарием в новом мещанстве...Завидуют страстно, как сумасшедшие, и по всем габаритам (параметрам?), завидуют деньгам, модной юбчишке, новой квартире, здоровью, даже миниатюрному успеху». Начав инвективу вроде бы достаточно локально и приемлемо — с «нового мещанства», далее твой Савонарола адресует свои жуткие обвинения уже всему советскому обществу, всем его слоям: «Завидуют повально: и дворник, и актер и замминистра...» Ну, разумеется, и почему-то не названные министры, и генералы, и, конечно же, писатели. Все они, продолжает обличитель, к тому же еще «тайно, но сладострастно радуются чужому неуспеху, протекающему потолку соседа, безденежью, ячменю на глазу, болезни, и — не содрогайтесь! — даже смерти бывшего удачника: он уже там, а я еще тут. Или: как хорошо и справедливо, что его похоронили на Востряковском, а не на Новодевичьем».

Несмотря не уговоры, не содрогнуться при виде нарисованной картины просто невозможно. Да где это все усмотрено? Хоть бы два-три примера! Это можно было бы посчитать плодом разгоряченного воображения персонажа, и только, но есть основания думать, что здесь для выражения своего взгляда его устами воспользовался сам автор, ибо он неоднократно и сам (как уже сказано, даже на съезде писателей, но, понятно, без таких крайностей, как ячмень на глазу и Востряковкое кладбище) представлял страшным злом советского обшества «госпожу Зависть». Кругом лютые завистники! Продохнуть невозможно. И я, конечно, встречался в жизни с проявлениями зависти и злорадства, но чтобы так, но чтобы так...

Вот и обо мне тоже: патологический завистник. А о себе ты решительно заявил на первой полосе допожарного «Патриота»: «Я никогда не был завистником» (№29-30). И я верю, ибо трудно себе представить человека, которому ты мог бы позавидовать. Ведь в нашей литературе второго такого счастливчика с серебряной ложкой во рту, как говорят англичане, и не было. Изданий и тиражей — как у Солженицына, орденов и медалей — почти как у Буденного, премий — как у Горбачева, руководящих должностей — как у Сорокина (но гораздо выше), похвал — как у того же Валентина Ефимовича...

Но, дорогой Юра, ведь под зависть можно подогнать что угодно. Например, почему ты написал «Горячий снег»? Из зависти к Виктору Некрасову, получившего Сталинскую премию за повесть «В окопах Сталинграда». Почему стал председателем СП РСФСР? Из зависти к Сергею Михалкову, десять лет бывшему председателем. Почему родил двух дочерей? Из зависти к Шолохову, у которого две дочери. Почему построил, допустим, трехэтажную дачу? Из зависти к Бакланову, у которого двухэтажная. Почему завел черных лебедей? и т.д.

И я посмеялся над Окуджавой из зависти: он играл на гитаре и пел песни, а я это не умею. И Астафьева обличал во вранье из зависти: ему Ельцин дал денег на 15 томов, а у меня и двухтомника нет. И Радзинского поносил из зависти: его обожает Путин, он переписывается с Бушем, а ко мне Путин и на вечер в ЦДЛ не пришел, хотя я послал ему приглашение на два лица и весь вечер держал два места в третьем ряду и т.д.

Как человек философски образованный, ты, конечно, знаешь, Юра, что человеческая зависть издавна была предметом внимания исследователей нравов и философов. Немало интересных соображений о ней высказал Бэкон. Он, в частности, считал, что особенно завистливы те, кто из тщеславия стремится «преуспеть во всем сразу». Увы, Юра, это очень

подходит к тебе. Вот лишь часть твоих преуспеяний: Золотая Звезда, ордена Ленина (два), Трудового Красного Знамени, Знак Почета, Большая звезда Дружбы народов (ГДР), «За заслуги в пограничной службе»... Премии: Ленинская, Католическая, СССР, РСФСР, имени Льва Толстого, Шолохова, Фадеева, «Сталинград», «Золотой кортик»... Все справедливо, заслуженно, но — этого хватило бы на десять писателей, и все они были бы счастливы, а теперь кто-то из них завидует тебе. Но я все-таки верю тебе, а не Бэкону: ты-то сам не завистлив. Ну, разве что изредка...

Размышляя далее о том, кто чаще всего становится объектом зависти, философ приходит к выводу, что в первую очередь это люди, которые «стремятся захватить все дела в свои руки». Юра, это опять очень подходит к тебе. Действительно, вот некоторые частично уже упоминавшиеся «дела», которые ты «захватил»: секретарь правления СП СССР, председатель правления СП РСФСР, сопредседатель Международного СПС, член Высшего творческого совета СП России, почетный сопредседатель СП Подмосковья, президент ПАО, председатель Общества любителей книги, член редколлегий журналов «Наш современник», «Наше наследие», «Роман-газета», «Кубань»... И на этот раз я Бэкону верю: тебе многие завидуют.

Конечно, ты не одинок в своем взгляде на роль зависти в жизни общества. Из известных современников твоей компаньонкой можно назвать мадам Тэтчер. Когда во время ее премьерства в стране однажды начались беспорядки, она заявила в парламенте, что они объясняются грубой завистью бедных к богатым.

Надо еще заметить, что Бэкон различал «зависть личную» и «зависть в жизни общественной». Первую, т.е. зависть к здоровью, красоте, к умению со вкусом одеваться, допустим, если идет — иногда быть во фраке и с бабочкой,— это философ осуждал безоговорочно. А про вторую говорил: «в ней есть и хорошие стороны», ибо она, по его убеж-

дению, не что иное, как «род остракизма, поражающего тех, кто чрезмерно вознесся, и служащая поэтому уздою для облеченных властью». Для нее он и название предлагал другое: не зависть, а недовольство. Тут Юра, есть о чем подумать.

Вспомни, один твой роман публиковался огромными тиражами в трех периодических изданиях — в «Нашем современнике», «Огоньке» и тут же — в «Роман-газете», а затем одно за другим выскочили отдельные издания, и общий тираж шедевра перевалил за 5 миллионов экземпляров,— такие факты вызывают не зависть, а общественное недовольство. Тем более, что, занимая очень высокий пост в СП, ты был еще и членом редколлегии двух первых журналов, а в «Огоньке», самим профилем тонкого журнала предназначенном для рассказов и повестей, твоя публикация в двадцати с лишним номерах тянулась к понятному ущербу для других авторов, почти полгода.

К тому же, за 25 лет ты издал и переиздал свои книги (многотысячные журнальные публикации не в счет) более ста раз, и суммарный тираж их составил более 25 миллионов,— думаю, это опять рождало общественное недовольство. Особенно среди тех читателей, кто знает, что, например, Достоевский издан у нас тиражом в 35 миллионов и не за 25, а за 65 советских лет.

Или вот 100-тысячным тиражом выходит книга твоих статей, и там 30 твоих фотографий из семейного архива: вот школьник, а рядом — студент, вот дома, а рядом — за границей, вот с женой, а рядом — с иностранной писательницей, вот с Кешоковым, а рядом — с Сартаковым, вот с дочкой, а рядом — с внучкой, вот в пыжиковой шапке, а рядом — в ондатровой...Я знаю только еще одну столь же богато изукрашенную фотографиями автора книгу статей, это «Политика — привилегия всех» Евтушенко. Но там все-таки не 30 фоток, а только 28. И вышла она в 1990 году, в пору уж полной вседозволенности.

А вот в 15-м томе сытинского собрания сочинений Л.Н.Толстого, по сути, тоже сборника статей, лишь одна-единственная фотография автора. А было это уже три года спустя после его смерти...

Опять звонит Иван Шевцов. И состоялся такой разговор:

— Слушай и трепещи. Читаю: «Согласно «Положению о Международной премии имени Шолохова», Совет учредителей по предложению Шолоховской комиссии 17 мая 2006 года принял в исключительном случае решение о лишении звания лауреатов, грубо нарушивших нравственные, морально-этические и гражданские нормы. В этом году из состава Шолоховский лауреатов выдворены: Сергей Михалков, Владимир Гусев, Владимир Бушин, Николай Федь, Анатолий Жуков...»

— Иван, что ты читаешь? В официальных решениях не употребляют слова, подобные «выдворены». Это публицистика. Кроме того, в таких случаях указывается пункт (параграф), согласно которому решение принято.

— Это из статьи какого-то Дундича, напечатанной во вкладыше «Дом Ростовых» газеты «Патриот» №29-30, вышедшей 26 июля.

— Ну, это не документ, а беллетристика! Пусть опубликуют подлинное решение с подписями. И потом — 17 мая? В «Дуэли» 17 июля я напечатал письмо Бондареву о таком положении с Шолоховскими премиями, что это вынуждает меня, лауреата 2001 года, отказаться от нее. Вот после этого, а не 17 мая с хорошей миной на бледном лице они и предприняли массовое изгнание ведьм. Кто им поверит, что они два месяца терпели с публикацией!

— Что ты думаешь делать? — спросил Иван.

— Что? При виде такой угрюмбурчеевщины... Ты только подумай, не по нраву было мое первое письмо Бондареву в «Московском литераторе» — закрыли доступ в «Пат-

риот», опечалило мое второе письмо ему в «Дуэли» о премиях — лишают звания лауреата. Пожалуй, после вот этого письма будут добиваться моей высылки на 101-ю версту. Страшно подумать, что эти люди стали бы вытворять, получи они большую власть. И потому свое заявление об отказе я забираю обратно. Остаюсь лауреатом. Имею на это права больше, чем он: когда Шолохова поносили, то кое-кто молчал, а я несколько раз вступал за него в бой. Раньше я не носил значок лауреата, а теперь непременно нацеплю, хоть он и жалко выглядит, и статьи буду подписывать — «Лауреат Международной Шолоховской премии». Думаю, что Михалков, Федь, Гусев, Жуков поступят так же. Ведь есть звания, которые даются пожизненно: академик, гроссмейстер, мастер спорта... И в бондаревском «Положении о премии»» не предусмотрено лишение звания, нет такого пункта. Они превратили премию в пряник и кнут. А уж если лишать, то в первую очередь — Ларионова: ведь это он издал и переиздал антисоветскую книгу Валентина Ефимовича Сорокина с клеветой на Шолохова.

— Значит, всего они уже семь человек лишили, если вспомнить Тимура Пулатова...

— Это уже массовые репрессии в литературе. Были ежовские, были бериевские, как назвать нынешние? И ты только подумай, какие обвинения: «грубое нарушение гражданских норм». Да это уголовщиной пахнет. Каких таких гражданских норм? По какой статье? Или вдруг, как недавно с Гюнтером Грассом обнаружилось, что мы служили в вермахте или были власовцами? Да, Ларионов именно так и пишет: «банда мерзавцев» (ДР, июнь'05)... «михалковский путч фашистского толка» (ДР, июль'06)... «Михалков во главе литературных власовцев» (ДР, март'05)...Какая остервенелость! Но даже настоящего эсэсовца Грасса не лишили Нобелевской премии. А тут... Не так давно устами Бондарева — никто его об этом не просил — мы были провозглашены «круп-

нейшими писателями», «ярчайшими личностями», «борцами с мировым злом», а сегодня мы и есть носители мирового зла: фашисты, власовцы...Как же, в твоем возрасте, Юра, можно так шарахаться из угла в угол? Опасно же!

В прошлом письме я вел речь о том, кто и как тебя нахваливает. А присмотрись к тому, кто и как защищают тебя от критики. Вот помянутый выше Дундич. Какая лучезарная личность! И где только генерал Земсков откапывает таких? В военторгах, что ли. Сочинил он небольшую статейку для «Патриота» — и весь как на ладони! Что за прелесть! Или это псевдоним?

Отчасти Дундич похож как бы на твоего ученика. Ты пишешь, что я мечтал стать и поэтом и прозаиком, но ничего не получилось, и Дундич то же самое: «Бушин мечтал стать генералом в литературе, но не сложилось». Тебя коробит мое обращение к тебе, как к однокашнику (об этом чуть позже), и Дундич возмущен тем, что Бушин «позволяет себе недопустимую фамильярность по отношению к Ю.В.Бондареву», и он обвиняет меня, горького неудачника, в «стремлении «прислониться» к знаменитому однокашнику (как он величает Юрия Васильевича)». Ты уделил пристальное внимание на газетной фотографии моей внешности и одежде вплоть до «бабочки на белоснежной сорочке», и Дундич взволнован этой фотографией с «дурацкой бабочкой вечного официанта». Ты для пущей художественности прибег к шекспировскому образу: Фальстаф! И Дундич с той же целью прибегает к образу того же классика: Шейлок! Тебя интересуют «пикантные способности», и Дундич привержен вопросу «полового влечения». Ну ни одной своей мысли! Право, то ли ученик, то ли подпевала, то ли это Ларионов.

Уж больно похож на него. Такое же глумление над возрастом и здоровьем Михалкова: «раковые клетки одряхления... таскать носилки с Михалковым». Такая же злобность

против его единомышленников: «мародеры...литературные мертвецы». Такое же оголтелое превознесение Бондарева: «Классик... жизненный подвиг... Шолохов XXI века!» А ведь это еще и соседствует со стихами, посвященными тебе:

«Дом Павлова» он защитил,
На очереди — Дом Ростовых!..

Ну объясни ты олухам, Юра, что они опять ставят тебя в дурацкое положение: этот легендарный Дом, который 58 суток отстаивали 24 солдата под командованием сержанта Я.Ф. Павлова, находится на площади 9 января в Сталинграде, где во время боев ты не был и никакого отношения к легендарному Дому не имеешь.

Впрочем, в одном вопросе А(рсений?) Дундич все-таки тебе, Юра, противоречит, даже опровергает тебя. Смотри: «Говорят, Бушин был фронтовиком. Но откуда тогда столько грязи, желчи и ядовитой слюны в адрес В.И.Варенникова, К.Я.Ваншенкина, В.В.Карпова, Ю.В.Бондарева, блокадника О.Н.Шестинского?»

Генерал Земсков, сколько лет вашему Дундичу? До какого возраста он дожил, купаясь в целебной грязи и брызжа животворной слюной, в полной уверенности, что те, кто был на войне или пережил блокаду, стали до конца жизни непогрешимыми ангелами, которых совершенно непозволительно огорчать критикой?

Взять хотя бы Олега Шестинского. Вот в третьем номере журнала «Слово» с ним беседует главный редактор Ларионов. В «Патриоте» № 31 Валентин Суховский пишет об этой беседе с «одним из лучших современных поэтов и прозаиков» и приводит слова лучшего: «В двадцатые годы были изгнаны за рубеж лучшие (тоже! — *В.Б.*) писатели того времени, такие, как Бунин, Замятин, Зайцев, Шмелев». Это же сплошное вранье в духе Радзинского.

Во-первых, лучшие писатели и того и дальнейшего времени не те, что названы, а Горький, Короленко, Блок, Маяковский, Есенин, Ахматова, Пастернак, Вересаев, Серафимович, Пришвин, Шишков, Паустовский, Булгаков, Шолохов... И все они остались с народом.

Во-вторых, никто из названных Шестинским не был изгнан. Бунин уехал за границу сам 26 января 1920 года, когда Гражданская война еще продолжалась. Борис Зайцев в 1922 году тоже сам уехал вместе с семьей по разрешению Советской власти. Иван Шмелев уехал с женой 22 ноября 1922 года из Крыма, уже освобожденного от белых, значит, тоже по разрешению новой власти. Евгений Замятин, в царское время изведавший и одиночную камеру, и ссылку, и надзор полиции, и цензурные конфискации своих произведений, и судебное преследование, в двадцатые годы, к удивлению Шестинского и Ларионова, довольно много издавался, а в 1929 году даже вышло собрание его сочинений в 4 томах. Но рапповская критика в лице таких персон, как Машбиц-Веров, действительно травила писателя. Доведенный ею до крайности, он написал в июле 1931 года письмо Сталину, где, в частности, заявил: «Я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству и перекрашиванию: я считал и считаю, что это унижает как писателя, так и революцию». Писатель просил разрешить уехать вместе с женой за границу. И заканчивал так: «Исключительное внимание, которое встречали с Вашей стороны другие, обращавшиеся к Вам писатели, позволяет мне надеяться, что и моя просьба будет уважена».

И что же? Вскоре с советскими паспортами на руках писатель и его жена спокойно уехали сперва в Берлин, потом в Париж. Конечно, как всегда в таких вопросах, не обошлось тут без помощи Горького. В интервью зарубежной прессе Замятин подчеркивал, что он советский писатель и за границей находится временно. В 1934 году его заочно приняли в

только что созданный Союз писателей. А на следующий год как член советской делегации он участвовал в Международном конгрессе в защиту культуры в Париже.

Так спрашивается, на кого в данном случае работают Шестинский, Ларионов и Земсков, тиражируя вранье о Советской власти? И никто не смей возразить этим патриотам, ибо один шестьдесят пять лет тому назад пережил блокаду, второй не так давно был нежным другом Лили Брик, а третий совсем недавно погорел?

В такую лужу, Юра, садится твой Дундич и с названными им фронтовиками. Скажи ему, прежде чем голосить, что Бушин облил грязью фронтовика Ваншенкина, пусть бы поинтересовался, чем этот фронтовик, вернувшийся с войны без единой царапины и медальки, облил в «Литгазете» после смерти фронтовика Эдуарда Асадова, вернувшегося с войны слепым... Владимир Карпов? Да, я критиковал ряд обстоятельств его «Полководца» и «Генералиссимуса» и не где-нибудь, а на страницах прекрасного «Патриота». Так что все претензии — к главному редактору газеты лауреату Международной премии им. Шолохова генералу Земскову. Автор-то может накатать что угодно, а зачем он печатал, если нельзя трогать фронтовиков. Впрочем, моя критика некоторых сторон произведений Карпова не помешала мне, как уже упоминал, дважды выступить в его защиту от клеветы Дейча в «Московском комсомольце», а Карпову — сказать доброе слово обо мне на моем юбилейном вечере.

И В.Варенникова нельзя погладить против шерсти? Да я лишь хотел узнать, за что получил литературную премию генерал: за книгу, в которой несуразно нахваливает Путина: «Не пьет, не курит, не ворует, и другим не велит. Сделал для страны больше, чем Ельцин!» А что сделал Ельцин для страны, кроме гроба? Или за то, что, будучи главнокомандующим Сухопутными войсками, т.е. располагая реальной силой, ничего не сделал для отпора контрреволюции? А по-

том еще затеял суд, который признал его невиновным: даже к жалкой попытке сопротивления, предпринятой ГКЧП, генерал никакого отношения не имел. Оправдать по причине отсутствия состава преступления!

Самое выразительное, Юра, в твоих псаломщиках и защитниках, вроде Валентина Ефимовича и Дундича, даже не тупость и невежество, дошедшие до убеждения, что фронтовики — каста неприкасаемых, а лицемерие, ханжество. Ты посмотри, твой Дундич запрещает мне критиковать фронтовиков, но ведь кое-кого из них критикуешь и ты, хотя с большим опозданием: Виктора Астафьева, Бориса Васильева, Гранина... Да еще как! Похлеще меня. Например, говоришь, что после контрреволюции выступления Астафьева «пропитаны ненавистью, кричат о недостатке элементарного ума, о безграмотности, грубости, незнании ни своего народа, ни его нужд. Роман «Прокляты и убиты» демократы взахлеб нахваливают за фантастическую ложь, клевету, грязь, за ненависть к русским солдатам и тупым офицерам. Восхищаются подобострастными поклонами автора в сторону немецкой армии... Сидя на огневой позиции хозяйственной повозки второго эшелона, Астафьев развязал болезненные узелки воображения, понимая, что демократы-антисоветчики возьмут на вооружение его психически нездоровые рефлексы, и он заслужит славу борца против Советской власти, которая дала ему все...» Здесь, пожалуй, говорит все-таки именно зависть к подлинному таланту. Нет, я писал и мягче, спокойней и более аргументированно. И что же сей Дундич? Он и рта не смеет открыть, чтобы сделать тебе робкое замечание: «Юрий Васильевич, поосторожней, ведь он фронтовик...» Вот кем ты окружил себя...

А чего стоит такой образец двурушничества. Как только твоя команда ни поносила Сергея Михалкова и за то, в частности, что он написал новый гимн: гимнописец!.. гимнодел!.. гимноед!.. гимнюк!.. Но оказывается, когда гимн был принят

и утвержден, вы послали пламенную телеграмму гимнюку. Мало того, вам не терпелось еще и публично расшаркаться перед гимнюком, и в ларионовском журнале «Слово» №1'01 вы напечатали и Указ президента об утверждении михалковского текста, и текст гимна, и ноты к нему, и фотографию гимнюка, и свою телеграмму:

«121826 Москва
Михалкову Сергею Владимировичу

Вечный Михалков! Дорогой наш Сергей Владимирович, поздравляем с признанием гимна России. Восхищаемся, любим, боготворим!

Дружески обнимаем.

Бондарев
Ларионов
Сорокин
Орлов
Кожедуб
Прокушев
Шереметьев

28 декабря 2000».

Дата телеграммы заслуживает внимания. Дело в том, что Указ-то был подписан только 30 декабря. Значит, вы за два дня раньше где-то вызнали, пронюхали и опрометью кинулись обнимать боготворимого гимнюка... Юра, в какую клоаку ты угодил в возрасте Льва Толстого...

В конце письма ты пишешь: «Я душевно просил бы Вас, господин Бушин, не называть меня ни Юрой, ни однокашником по институту, ибо в годы учебы мы даже на день не были друзьями — у нас не было ничего общего: даже в дни стипендии водку вместе не пили. Не были мы друзьями и после войны». Может быть, после института?

О, какая тут бездна новостей и черных эмоций...Ты всколыхнул во мне океан... Да, друзьями не были, но как же вообще — «ничего общего»? Пять лет сидели в одной аудитории, слушали одних профессоров, вместе сдавали экзамены, состояли в одной партгруппе. А после института еще 55 лет встречались, перезванивались, дарили друг другу книги, я писал тебе пространные письма о твоих романах, в 1995 году ты выдвинул меня на Шолоховскую премию, в 2001-м дал ее, наконец, в 96-м ты попросил меня произнести некое рекомендательное слово на церемонии приема в Академию российской словесности, и последний свой не столь давний звонок ко мне ты начал с вопроса: «Почему ты не даришь мне своих новых книг?» Значит, они тебя интересуют.

И вот после всего этого в ответ на мое «дорогой Юра» — «Вы, господин Бушин»... «милостивый государь»... «ничего общего»... Как легко ты усвоил язык вражды, как просто перешел на язык чуждого народу режима. И до такой степени утратил с годами чувство юмора, что не понимаешь, как это не только отвратно, но и смешно. А я, Юра, не прогрессист, как ты, я — консерватор, ретроград, пожалуй, даже мракобес. Я до сих пор говорю так, как говорил всю жизнь,— «товарищ», «Сталинград», «Ленинград», «улица Горького», «площадь Маяковского», ибо не мог и не могу вихлять вместе с властями: то с Хрущевым, то с Собчаком, то с Гав. Поповым. Так что, уж как хочешь, но в ответ именовать тебя господином или государем никак не могу и не жди — не буду.

Я тебе не Куняев. Тот при первом шорохе демократии кинулся печатать Солженицына и писать письма в твоем духе: «Милостивый государь Дорошенко!..» Он когда-то нарисовал тебя в образе олимпийца, которого ничто не интересует, кроме собственной персоны, а потом, когда в прошлом году тебе вздумалось дать ему за его воспоминания еще и Шолоховскую премию (кажется, пятую по счету), он стал тебя тоже, как Дундич, оборонять и чернить Михалкова. При получении премии он сказал: «Я был в центре собы-

тий. Помню, как в августе 1991 года наш Секретариат под руководством Михалкова поднял руки вверх перед хунтой Евтушенко-Черниченко».

Ну, допустим, 80-летний Михалков дрогнул, поднял руки, а что тебя-то 50-летнего спортсмена и охотника заставило тянуть лапы вверх? Надо бы подбодрить старца и других, встать на защиту, а ты сдрейфил да еще, спустя 15 лет, винишь в этом того же старца, которому уже за 90. А о каком Секретариате тут речь? Надо думать, Союза писателей РСФСР. Но в 1991 году этот Союз возглавлял уже не Михалков, а Бондарев, который сейчас чувствительно жмет тебе руку.

Поэтому удивительно читать и дальше: «Потом у писателей отобрали поликлинику, дома творчества... И Михалков ни разу нигде не заступился за писательскую собственность. О чем еще можно говорить сегодня?»

Сегодня можно и нужно говорить о том, что с 1990 года, в пору самого буйного грабежа писателей (поликлинику, например, у нас увели в июле 1993-го) во главе Российского СП стоял Бондарев. И надо спросить его: где и как он, будучи на десять лет моложе Михалкова, заступился за писательскую собственность?

Заодно уж отмечу прочувствованные слова Куняева о том, что это «высочайшая честь быть удостоенным Шолоховской премии, которую в свое время получил Фидель Кастро». Великолепно! Но еще живы люди, которые помнят, что в ту пору, когда Ельцин и Козырев подло предали Кубу, и она осталась один на один в шестидесяти милях от пасти атомного крокодила, в те дни Куняев радостно и гневно воскликнул: «Пусть Евтушенко один едет теперь защищать последний бастион социализма Кастро!»

В несомненной связи со всем этим находится и странная похвала великому писателю: «Шолохов требовал (!) у Сталина прекратить (!) губительную для казачества коллективизацию... Сталин был недоволен вмешательством в дела

высшей власти писателя, но вынужден был выполнить дерзкую просьбу».

Что, прекратил коллективизацию? Юра, ты бы хоть перед вручением премии смахивал щеточкой демократическую пудру с мозгов своих лауреатов. Вот он говорит, что где-то когда-то Шолохов произнес «знаменитую речь о псевдонимах». Целую речь. Какой вздор! А в данном случае, напомнил бы оратору, что на первое же письмо из Вешенской Сталин 16 апреля 1933 года правительственной «молнией» ответил: «Ваше письмо получил 15-го. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру. Сталин».

Ну, хорошо, не желаешь ты, чтобы я звал тебя по имени. А как? Может, говорить тебе «ваше благородие», или «ваше степенство», или «ваше превосходительство»? Тоже противно, но, по крайней мере, это не в ходу у нынешних властителей. И только один Никита Михалков величает Путина «ваше превосходительство». Вот так я и буду тебя отныне, ну, и по имени-отчеству, как ни дико.

Но что касается «однокашника», то тут никакая уступка, к сожалению, невозможна. Дело в том, что вопреки распространенному заблуждению, которое, как видно, разделяете и вы, ваше превосходительство, слова «однокашник», «однокурсник», «односум» и т.п. никакой эмоциональной окраски не имеют. Вы, вашество, вероятно, полагаете, что однокашник это человек, с которым когда-то в трудное время ел кашу из одной миски или котелка. Ничего подобного. Это просто человек, с которым вместе учился или воспитывался, допустим, в пансионе. У вас такие заблуждения не редкость. Есть, например, комически-возвышенное выражение «Божий одуванчик», — так шутливо называют дряхлых старичков и старушек. А у вас, маэстро, в одном романе так сказано о молодой красивой девушке. Ну как же, ведь одуванчик это же нежный цветок, да если еще Божий!.. Глухота-с, Юрий Васильевич...

И вот что еще меня поразило: неужто вы, ваше превосходительство, даже на первом курсе пили каждый раз, как получали стипендию? Лихо! Да, вместе мы не могли пить хотя бы уже по той причине, что я всегда спешил отнести стипендию матери. Отец у меня умер от чахотки молодым еще за пять лет до войны, когда мне было двенадцать. А мать работала медсестрой на здравпункте Измайловской ткацкой фабрики — какие там заработки! Жили мы однокомнатно и трудно. А ваш отец, слава богу, был жив и, как сообщает биографический словарь «Русские писатели XX века», работал следователем. Я не знаю, как следователи зарабатывали и кем была ваша матушка, но, видно, вы могли не беречь стипендию для семьи, а прокутить ее в ресторане. Для меня стипендия была средством существования, для вас — возможностью повеселиться. Как видите, ваше превосходительство, «стартовые возможности» у нас были несколько различны.

Ну, иногда, конечно, и я выпивал, особенно на старших курсах, когда начал печататься. Но и в ту пору, вы правы, вместе мы не пили, не могли пить. Просто у нас были разные компании. Моими друзьями были Женя Винокуров, Алеша Кафанов, Андрей Марголин, Герман Валиков, нельзя не упомянуть и Люду Шлейман, у которой в Фурманном переулке у Чистых прудов мы нередко собирались по праздникам и просто так. С Женей мы ездили в мою тульскую деревню на Непрядве, с Андреем впервые в жизни — на Кавказ, к морю, у Германа я бывал в поселке «Правда», с Алешей шастали по каким-то компаниям, а последний раз мы встретились в начале июня 1990 года в больнице № 52: ему уже сделали операцию, а я еще готовился к ней. Вскоре Алеша умер. Умерли и все другие друзья. Со всеми до самого конца у меня оставались добрые литинститутские отношения.

А твои друзья тех лет — Гриша Бакланов, Беня Сарнов и Гриша Поженян. Со всеми ты перессорился. А ведь вместе готовились к экзаменам, сдавали их и бурно отмечали

свои успехи. Все это описал Сарнов в своих воспоминаниях «Скуки не было», вышедших в позапрошлом году.

Он твердит «наша четверка»... «наша четверка»... «наша четверка» и вот картина, как в ресторане «Астория» (позже — «Центральный» на улице Горького), выложив свои стипендии, вы отпраздновали окончание первой студенческой сессии: «Гулянка продолжалась часов шесть. За бутылкой то ли кагора, то ли муската последовала вторая. И вскоре зал и лица друзей поплыли передо мной в розовом тумане. Течение вечера отложилось в памяти какими-то кадрами...Вот молчаливый, «закрытый», вечно таящий в себе какое-то свое «второе дно» Бондарев затуманившимся взглядом провожает лавирующую между столиками женщину... Вот Поженян кивает на Бакланова: «представляешь, он решил меня перепить!»... Вот Поженян тащит на себе бесчувственное тело посиневшего Бакланова» (с. 206)... И это после двух бутылок церковного вина кагора на четверых 23-летних лбов? Но как бы то ни было, а картина впечатляющая.

Мне такие пиршества на первом — втором курсах, увы, были недоступны. Самое большее, мог погудеть с друзьями в пролетарском баре № 4, что находился рядом с институтом и где подавали, конечно, не кагор. А мы еще и восхищались, бодро выходя оттуда на бровях:

Лучший в мире
Бар номер четыре!

Между прочим, в приведенной выдержке из воспоминаний Сарнова есть слова, Ю.В., в которых еще одно объяснение того, почему мы действительно «даже на день не были друзьями». Вот эти: «молчаливый, «закрытый», вечно таящий в себе какое-то свое «второе дно» Бондарев». Очень точно! Да, ты был осмотрительный, молчаливый, застегнутый на все пуговицы, двухдонный. С такими я никогда не мог дружить.

Наконец, последнее: «Милостивый государь господин Бушин...» Ваше превосходительство, так при обращении не говорят, принято что-то одно: или «господин» или «государь». В одном вашем романе немка подписалась под письмом: «Госпожа NN». Она не могла так подписаться. Это так же нелепо, как подпись «товарищ Бондарев». Но не в этом дело.

«Однажды я увидел ваш респектабельный портрет в газете «Дуэль»...». Не надо хоть по мелочам-то притворяться: не однажды, не случайно, а специально этот номерок газеты вам доставил кто-то из верных дундичей. «...И предо мной возник образ комильфо и эстета из люмпенов с пленительной бабочкой на белоснежной сорочке, и одновременно вы представились мне сентиментальным лириком, читающим по ночам французскую поэзию печали, заставляющую рыдать о неутоленной любви...» Повторяю: не говори так красиво и пошло! За обилие заставляющих рыдать белоснежных пленительных красивостей я исключал бы из Литературного института.

Буржуазная бабочка травмировала Дундича и ваше превосходительство. Ну, Дундича я не знаю, но, Юра, как же ты, писатель, мог выставить себя последователем тех долдонов Советской эпохи, которых травмировал вид молодых людей в узеньких брючках или с длинными волосами и они третировали их! Ведь это же дело вкуса. Ты вот красуешься в газете со всеми звездами, орденами, медалями и значками. Что ж, дело твое. Никто не против! Никто не называет тебя за это люмпеном, читающим по ночам свои военные романы.

А с бабочкой на фото я, видимо, по случаю как раз вручения мне Шолоховской премии. Что ж ты тогда промолчал о французской поэзии печали? Но интересно, а что ты думаешь, глядя на фотографию Шолохова с бабочкой по случаю вручения ему Нобелевской? «Комильфо и эстет из люмпенов»? А что твой Дундич видит — «вечного официанта»? А ведь для меня Шолоховская премия была гораздо важнее,

чем для Шолохова — Нобелевская. Но — виноват, ваше превосходительство, больше никогда в жизни не появлюсь с бабочкой, даже если пригласят в Стокгольмскую ратушу. Вот недавно вручали мне орден, так я был без бабочки.

И уж самое последнее. Да, Юра, ты прав, мы никогда не были друзьями, я никогда не считал и не называл тебя другом. Но вот корреспондент просит тебя назвать друзей, и ты называешь: «Сергей Викулов, Егор Исаев, Михаил Алексеев, Владимир Бушин, Арсений Ларионов» («Завтра» № 494). Виноват, ваше превосходительство, я здесь лишний. Это второе дно сработало. Но возникает вопрос: кто же к кому хочет «прислониться», как выражается твой Дундич?

В заключение повторю: почему ты все свел к моей персоне? Да потому именно, что мои критические замечания в твой адрес затмили тебе все — и «Дом Ростовых», и издательство «Советский писатель», и Шолоховскую премию. Уж такова природа вашего превосходительства.

Владимир Бушин,
действительный член
Академии обороны и безопасности,
лауреат международной Шолоховской премии,
кавалер ордена Петра Великого 1-й степени
с бриллиантами и лентой.

«Дуэль» № 29, 18 июля 2006

ПОЛДЮЖИНЫ ЖИВЫХ КЛАССИКОВ В ОДНОМ ВАГОНЕ

24 и 25 мая в Орле состоялся XII съезд писателей России. Господи, уж как отрадно-то! Значит, еще живы, еще шевелятся, еще голос подают...

Меня на съезд не позвали, видимо, по соображениям моей вопиющей дряхлости. Правда, 86-летний Михаил Алексеев там был, может, и вдохновенную речь сказал, не знаю, а ведь трудно предположить, что он резвей меня. Более того, на мой взгляд, у него порой наблюдается очевидная заторможенность, пробуксовывание. Смотрите, вот уж сколько раз жаловался дорогой Михаил Николаевич, что ему за первую же напечатанную вещь, повесть «Солдаты», хотели в 1952 году дать Сталинскую премию, но не дали. Однажды своим проникновенным рассказом об этом ужасном событии довел чувствительного Владимира Бондаренко чуть не до рыданий. «Да как вы сумели пережить такое! — сокрушался он. — Ведь тут и спиться можно было, и свихнуться, и в петлю полезть»... А сколько раз слышали мы тоже во всех дотошных подробностях еще и о том, как в 1982 году уже стоял М.Алексеев в списке Ленинских лауреатов за роман «Драчуны», но опять не дали, аспиды!

Казалось бы, уж хватит, довольно хотя бы о первой обиде полувековой с лишним давности. Тем более что и она, и вторая обида многократно перекрыты, стерты, истреблены званием Героя Социалистического Труда, множеством ор-

денов, в том числе двумя — Ленина, а премии, начиная с Государственной СССР (дважды!) и кончая Министерства обороны, и перечислить невозможно. А многолетнее секретарство в обоих Союзах писателей? А депутатство в обоих Верховных Советах? А 22-летнее пребывание в высоком кресле главного редактора журнала «Москва»? Тут же еще и звание почетного гражданина Саратовской области и города Щебекино, и члена Академии российской словесности, и, наконец, небывалый дотоле на Руси юбилейный «Алексеевский фестиваль» в родной Саратовской области, поди, с фейерверком и пушечным салютом,

И вот, несмотря на все эти многолетние вороха благ, на буйное пиршество жизни, совсем недавно со страниц «Завтра» мы опять раз за разом с перерывом в три месяца услышали терзающий душу рассказ о неполученных премиях... Так что это, как не очевидная зацикленность и как бы излишняя и скорбная сосредоточенность на одном пунктике?

Потому дело с моим неприглашением, пожалуй, все-таки не в персональном маразме товарища Бушина. Просто без него съезд было провести как-то уютней. Но я свое словцо все-таки вот сейчас и скажу.

На съезде, как полагается, отчетный доклад о проделанной работе сделал, естественно, председатель Союза писателей тов. Ганичев Валерий Николаевич, доктор филологии. 26 мая в виде статьи часть доклада напечатана в «Правде». Хорошая статья получилась. С поясным портретом автора. Пробежав его по-быстрому глазами, я порадовался обилию писательских имен в самом начале же: Гоголь, Тургенев, Достоевский, Лесков, Фет, Горький, Леонид Андреев, Бунин, Пришвин, Габдулла Тукай, Шолохов... Прекрасно! Какие имена! Душа радуется...

А потом стал вчитываться. И что я увидел? Бесконечные горькие жалобы... Разумеется, этим жалобам нельзя не

сочувствовать, их нельзя не поддержать, ибо они не о полувековой давности обидах, а о нынешних. Да, именно так, но при этом, увы, они же обращены к небесам...

Читаю: «С 1990 года прекратилось всякое финансирование нашего творческого Союза... Нет ни строчки в бюджете...» Конечно, возмутительно! Однако же, а кто именно прекратил финансирование, кто составляет бюджет — Гоголь и Тургенев или министр финансов Федоров, а потом его нынешний приемник Кудрин? Неизвестно. Точнее, вот кто: «современное государство», «страна и ее лидеры», которые, видите ли, «не считают возможным и нужным поддерживать литературное дело страны». Позор! Но кто стоит во главе государства, кто эти лидеры — Достоевский, Фет или их предполагаемые читатели Путин и Фрадков?

Бегу по строчкам дальше: «Удивительно: за десять лет были поддержаны финансовые воротилы, магнаты, а вот дело великой русской литературы...» Какие воротилы — Шолохов? Нет, это Березовский да Ходорковский, Гусинский да Вексельберг, Фридман да Смоленский.... А «поддерживали» их, т.е. за гроши отдали величайшее народное богатство — Тукай? Нет, Горбачев и Ельцин, Чубайс и Черномырдин. А теперь «поддерживает», то и дело твердя, что пересмотра грабиловки не будет, тот же Путин, гипотетический читатель Фета, и вся его гоп-компания.

Читаю, уже скрежеща зубами: «Дума, Совет Федерации боятся творческих союзов». А кто во главе Думы — Горький? Кто руководит Советом Федерации — Леонид Андреев? Запишите, уважаемый Валерий Николаевич: в Думе — знаток марксизма Грызлов, в Совете Федерации — гениальный даже по внешнему облику Миронов. Нет, дорогой председатель, они не боятся Союза писателей, а просто плюют на него, а вот вы действительно боитесь их, да так, что даже не смеете вслух произнести хоть одно имечко, прячась за частокол: Гоголь... Достоевский... Горький....

«Нет возможности представить на телеэкранах образцы подлинной литературы. Нет элементарного внимания к личности писателя, пренебрежение...» и т.д. Не только нет внимания, дорогой Валерий Николаевич, но даже растет пренебрежение к нам. Помнится, на какой-то наш съезд все-таки прислали манекенщицу В.Матвиенко, тогда вице-премьера. А теперь?.. Ну, неужели не можете встать и сказать на всю страну как собрат Пушкина и коллега Горького: «Вы, товарищ Путин, на открытие Еврейского культурного центра в Марьиной Роще не только явились, как штык, предварительно сладко отобедов с Хазановым в подаренном ему Лужковым особняке, но и речь там толкнули, еврейские анекдоты травили, а нас, членов Союза писателей России, более шести тысяч, но вы и не ворохнулись. Как же вас теперь называть: президент России или ходец по ковровым дорожкам, ведущим в синагогу?»

«Правда» 3 июня напечатала еще о съезде статью Виктора Кожемяко «Возвысить попранное слово!». Ну что за слог!.. Здесь примечательны слова Владимира Личутина, сказанные, видимо, в ответ докладчику: «Непонятно, куда наши вопли обращены». То есть не к небесам ли? С этим нельзя не согласиться. Но дальше странно было прочитать: «Если власть нас не признает... то, значит, какая у нас власть?» Во-первых, странно, что 65-летний лауреат премии имени Льва Толстого до сих пор не понял, какая у нас власть. Во-вторых, еще более странно, что свой вопрос он огласил с трибуны только после того, как понял, что власть не признает «нас», т.е. писателей. А его учитель Лев Толстой считал себя «адвокатом стомиллионного крестьянского народа», и для него главным было то, что власть, как и теперь, «не признавала» этот народ, а не его лично.

Еще содержательней вот что. Один неназванный гость съезда, ехавший в Орел вместе с делегатами, поделился, видимо, с трибуны «грустным наблюдением». Идут, говорит,

по вагону «поистине выдающиеся отечественные писатели», «живые классики»: идет Герой Труда и суперлауреат Михаил Алексеев, идет Герой и Ленинский лауреат страстный Егор Исаев, идет такой же Герой и мультилауреат Валентин Распутин, идет почти столь же обильный лауреат Василий Белов, идет Владимир Крупин, не очень лауреат, но автор «Живой воды» и, значит, тоже весьма живой классик, идет Виктор Лихоносов...Ровно полдюжины. Идут и идут, «а на них... никто не обращает внимания!» — горько и гневно воскликнул гость съезда и повторил за ним Виктор Кожемяко. И с чувством добавил: «Можно представить нечто подобное в советское время?»

Интересно, а чего они ожидали? Что пассажиры устроят бурную овацию? Или вскочат и рявкнут: «Слава живым классикам!» Или запоют «Вы жертвою пали в борьбе роковой?..» Даже когда Пушкин появлялся в театре, то, по воспоминаниям современников, лишь все бинокли и лорнеты поворачивались в его сторону и на сцену уже никто не смотрел. Однако, никто не шумел «Да здравствует солнце русской поэзии! Ура!»

Мне в жизни приходилось встречать на улице, в метро, в театре некоторых известных писателей, с которыми не был знаком. Например, встречал Пастернака — один раз на Тверском бульваре, второй раз в метро, третий — в Консерватории (он мне тогда билет на концерт Нейгауза продал). Но если бы в трамвай вошел даже Лев Толстой, я, конечно, лишь уступил бы ему место и постарался искоса разглядеть его. А что еще? Неприлично же глаза пялить или затевать разговор, если человек тебя не знает, тем более орать: «Привет зеркалу русской революции!»

Конечно, было бы отрадно, если хотя бы уже перед Орлом кто-то в вагоне узнал, скажем, Алексеева и воскликнул: «Михиал Николаевич, дорогой, вы ли это? Да как же я сразу-то не разглядел? Ведь я ваш давний-предавний читатель.

Приобретал все ваши книги. Читаю и перечитываю. Отменно вы поработали. Наслаждаюсь...»

Да, приятно, если бы состоялся такой примерно разговор. Но ведь могло случиться и совсем иное. Дело в том, что не так давно М.Алексеев со страниц «Завтра»(№18'03) на всю страну рассыпался в любезностях, похвалах и благодарностях своему земляку саратовскому губернатору Д. Ф. Аяцкову. За что? Может, губернатор своим умным руководством добился того, что саратовцы живут лучше, чем другие россиянцы? Увы, приведу лишь две цифры Госкомстата: в среднем по стране месячный заработок составляет 5500 рублей, а в Саратовской области — 3330, т.е. на две с лишним тысячи меньше (Советская Россия. 27.5.04). Или за то благодарил Алексеев, что Аяцков отказался от идеи создания в области публичных домов, а те, что есть, приказал закрыть? Нет, не слышали мы это.

Так за что же человек с Золотой Звездой Героя и с двумя высшими орденами на груди, Шолоховский лауреат рассыпался мелким бесом перед человеком, который входит в пятерку самых отъявленных любимцев народ: 1.Горбачев, 2.Ельцин, 3.Чубайс, 4.Черномырдин и, конечно же, 5. Аяцков. Оказывается, как сам писатель радостно сообщил, за то лишь, что губернатор «вновь и вновь» помогает изданию его сочинений. Помните, что сказал В.Личутин? Если «нас» не признают, то какая же это власть!» А в данном случае нас «признают» да еще как! Издали не то пять, не то десять наших книг. Значит, это прекрасная власть, на нее молиться надо.

А вот представьте, что среди пассажиров оказался бы майор ФСБ В.В.Александров из саратовского города Балашова. Он мог бы подсесть к Алексееву и сказать: «Знаете ли вы, дорогой землячок, что в нашей с вами родной области один за другим останавливаются заводы? В моем городе уже несколько лет стоит сахарный завод, а он был один такой на всю область. Известно ли вам, что в моем Балашовском

районе зарплата еще ниже, чем в среднем по области — всего около 2000 рублей. А хлеб в прошлом году подорожал на 40 процентов. Кто же при такой жизни купит ваш прекрасный восьмитомник? А лечитесь вы где? Надо думать, в президентской поликлинике, в каком-то ЦКБ? Уж, конечно, там нет того, что у нас в Саратовской области: больные идут к врачу со своими шприцами, перчатками, ватой, а торговцы лекарствами покупают себе миллионные «мерседесы». Вы писали в «Драчунах» о голоде 1933 года. Ужасная картина! Но ведь все-таки это было семьдесят лет назад. А нынче-то без засухи и неурожаев у вас на глазах мрут по миллиону в год — это как? В том 33-м году Шолохов, медаль которого у вас на груди, не выдерживал «дистанцию времени» в пятьдесят лет, а тогда же метал бесстрашные письма Сталину и тем спас от голодной смерти сотни тысяч своих земляков. А вы что сейчас пишете? Мемуары! И очень живописно рассказываете то о своих недополученных премиях, то о том, какие муки претерпели вы с публикацией одного-двух своих сочинений, то как с Владимиром Солоухиным рыбалить на Волгу ездили, какую вкусную ущицу едали. Ну-ну, успехов вам».

А тут, вообразите, с другого боку подсел бы с газеткой другой Александров, Павел из самого Саратова. И сказал бы: «Помню я ваш фестивальчик, Михаил Николаевич, помню. Незабываемо! Постарался Аяцков для вас, отгрохал... Но ведь Саратов-то рушится, избиты до предела дороги, а губернатор двугорбого верблюда завел и скачет на нем в своем поместье. Ему прислуга говорит: «Дмитрий Федорович, да вы как султан!» Он отвечает: «Я и есть султан Саратовский!» В городском бюджете не хватает денег на многие социальные мероприятия, а он, как писали, за 52 тысячи евро забронировал каюту высшего класса на сублайнере для поездки в Афины на Олимпийские игры...

И вот недавно всех жителей области как громом поразила весть о привлечении к уголовной ответственности этого

фестивальщика и олимпийца. Все с облегчением вздохнули. Да что там, вся область ликовала! Наконец-то правда восторжествует. Будет предел тому беспределу, что творится у нас под руководством верблюжьего наездника. 70 миллионов рублей из бюждета области найти не могут. Прокурор Бондар вызвал Аяцкова, предъявил ему обвинение и взял подписку о невыезде. Но тут произошло поганое чудо. Видимо, как я понимаю, дело не согласовали с Ельциным, и тот взбеленился: Аяцков же его любимец, он его даже в преемники прочил. И ЕБН учинил взбучку ВВП. И вот сообщили: уголовное дело возбуждено преждевременно. Да еще какой-то премией его наградили. Какой? У нас все знают, что еще в 1998 году к вашему восьмидесятилетию администрацией Саратовской области в лице, конечно, верблюжатника Аяцкова и Союзом писателей России учреждена Всероссийская премия имени Михаила Алексеева. Так вот мы и гадаем: не эту ли премию ему вручили?.. Однако, заметьте, не сказано, что дело прекращено за отсутствием состава преступления, как было, если помните, например, с Гусинским, но только — возбуждено преждевременно. Так что мы надежды не теряем. Но и вы, Михаил Николаевич, будьте начеку: могут вызвать в качестве свидетеля. А вдруг обнаружится, что на издания ваших книг да на «Алексеевский фестиваль» из тех 70-ти пошло миллиончиков 10? В самом деле, не из своего же кармана Аяцков благодетельствовал вам. Что тогда? Неужели не понимаете, что он вас с вашим фестивалем, как ширму для себя и для своего верблюда использует? А? Словом, будьте начеку!..»

Да, вот так достопечально могло обернуться дело с М.Алексеевым. А с другим Героем — с Егором Исаевым? Если б его узнали, могли бы сказать: «Егор Александрович, по выражению Виктора Кожемяко, вы не только живой, но и страстный классик. До восьмидесяти дожил, а все страстный! Кто ж не помнит ваших пламенных речей, громоки-

пящих статей, вдохновенных поэм!.. Кстати, замечательные поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти», принесшие вам Золотую Звезду, Ленинскую премию и кучу других наград, кажется, вот уже лет 15—20 не переиздавались. Неужели издателя не находится? А пора бы! Ведь теперь что угодно можно издать, лишь бы деньги были.

Но что же теперь вы так молчаливы? Ваша нынешняя творческая скромность или латентность на фоне былой бурной активности выдающегося советского патриота озадачивает многих. Вот и биографы ваши отмечают: «В последнее десятилетие изредка(!) печатает стихи». И приводится лишь один-единственный пример: журнал «Москва»№5'99. Но если напрячь память, то можно привести еще, по меньшей мере, один пример: более раннюю статью в «Правде», написанную в ответ на статью там же «Муса Джалиль и куровод Исаев» и запомнившуюся похвалами Черномырдину за его чуткость и человечность. Как вы могли, классик! Ведь даже нанешний американский президент, первый разбойник в мире, и тот обругал Черномырдина не то кровососом, не то муравьедом.

Но если не находится издатель-доброхот, неужели у вас денег нет у самого для издания своих великих поэм? Ведь вот критик С.Чупринин уверяет в своем отменном энциклопедическом справочнике, что еще в 95 году вам, еще коекому Ельцин за хорошее поведение (может, в частности, и за похвалу тому же муравьеду Черномырдину) выписал в довес к уже имевшейся повышенной, как у Героя, еще и не то «президентскую», не то «лауреатскую» премию. Надо думать, это не хухры-мухры. А в совокупности с первой — о-го-го! За десять лет можно было бы скопить на собрание сочинений в 10 томах с золотым обрезом.

Так, может, в этом и вся загадка вашей латентности: громким словом, неосторожным жестом, неожиданным чихом боитесь спугнуть президентского ангела-хранителя с платежной ведомостью в руце? Вот один из вас и пишет по-

эму из XIII века о том, как Русь угнетали татары, в расчете на то, что читатель сообразит, что это о дне нынешнем, а другой — вообще молчит.

Но вон Юрий Бондарев. Он и в 89-м году по моральным соображениям отказался быть в числе учредителей демократского ПЕН-центра во главе с Андреем Битовым, и в 90-м в знак протеста против публикации Солженицына вышел из редколлегии «Нашего современника», и в 91-м подписал «Слово к народу», и в 93-м воглавил защиту Союза писателей России, и в 94-м отверг ельцинский орден, и в 98-м произнес антирежимную речь о Сталине и гордо заявил «Я — сталинец!»... А главное, все эти годы он выступает с публицистическими статьями и романами, где твердо и гневно протестует против контрреволюционного переворота и ограбления родины, защищает русскую культуру: «Искушение» (1992), «Непротивление» (1996) «Бермудский треугольник(2000)... А ведь Бондарев тоже получает «президентскую» или «лауреатскую» пенсию. Значит, он не боится ее потерять. А вы? Потому и молчите? Что, разве без нее прожить не смогли бы?»

А что, если бы среди пассажиров оказался еще и Борис Зиновьевич Чистяков из поселка Вохтога Грязовецкого района Вологодской области. Ныне он пенсионер, а был известный всей области человек, прошедший путь от рядового лесоруба до директора Монзенского леспрохоза, орденоносец, почетный мастер лесозаготовок, заслуженный работник Народного контроля, в первую очередь уничтоженного Ельциным.

Вот подсел бы он к Василию Белову и сказал: «Земляк, радость-то какая! Своими глазами вижу вас, живого классика, хоть вы и с палочкой уже. На съезд едете? Хорошо. А помните ли свою статью «Бесстыдство» в «Русском Севере»? Года два-три прошло, а я все забыть не могу. Здорово вы тогда врезали по этой уже припутинской грабиловке.

Ну молодец! Лихо! Вся область вам аплодировала. Вот, мол, каков наш земляк Василий-свет Иванович. Вот он, вологодский мужик! Ему хлеба не надо, а вынь да положь правду-матку! Он на пути к ней ничего не пожалеет, никого не пощадит, ничего не побоится!

Но два-три года небольшой срок, правда. И ведь ничего не изменилось. Наоборот, все стало еще хуже. Гибнет Монзенский леспромхоз, которому я отдал всю жизнь. Давал он государству в год по миллиону кубов леса, а теперь — 300 тысяч. Его купил за гроши со всеми потрохами и с людьми какой-то Фокс из Москвы. Техника вся износилась, а он ничего не вкладывая, знай стрижет дивиденды...

Вот лежал у меня на печи бывший вальщик леса, а ныне заслуженный пенсионер Копин Игорь Михайлович. Он мне говорит:

— Зиновьич! Какие же мы дураки! Ведь уже при коммунизме жили: и больница, и учеба бесплатные, харчи копеечные, билеты на любой транспорт — дешевка, на курорт — только заикнись, путевка бесплатная, да еще директор на дорогу денег даст. Что нам, дуракам, было еще нужно? Ан нет! Капитализма вкусить захотели. Вот он и пришел на нашу погибель.

Так вот, говорю, стало еще хуже, чем при негодяе Ельцине. В точку вы тогда сказали: бесстыдство! Но включаю намедни телевизор и что ж я вижу? Драгоценный наш земляк Василий Иванович, краса и гордость Вологодчины да и всей страны, из рук, мягко выражаясь, покровителя этого всероссийского бесстыдства получает какой-то орден. Прошло недолгое время, получает он из тех же белых ручек еще и какую-то премию. Уж мы и не знаем, в какую сторону теперь глядеть. А, Василий Иванович? Может, в твоей Тимонихе расцвет настал? Или вы поверили, что у вологжан средний заработок уже достиг 5000 рублей? Знаете, как его сделали? К зарплате в 550—700 рублей доярки совхоза «Демьяновский» приплюсовали 2 миллиарда 800 тысяч нашего обита-

теля Леши Мордашова да американца Эльперина, а потом поделили на всех жителей, вот и получилось 5000.

Уж извини, землячок, а я обо всем этом, в том числе и о твоих нынешних наградах-премиях написал в «Русском Севере». Может, расскажешь об этом на съезде?»

А если бы я сам ехал в этом вагоне, то подошел бы к Владимиру Крупину и сказал: «Непостижимый вы для моего ума человек, Владимир Николаевич! Не было вам и двадцати лет, а вы уже — член КПСС, а теперь преподаете в Духовной академии. Нет, я не отрицаю права на перемену взглядов, убеждений. Но все-таки лет тридцать были вы коммунистом. Никто ж вас силком в партию не тащил. Вон ваш друг Распутин, или Личутин, или Проханов не хотели вступать и не вступили. И вот читаю ваше выступление на недавнем Восьмом Всемирном русском соборе, которое в виде передовицы под заголовком «Что общего у света с тьмой?» напечатано в газете «Российский писатель» №5 за этот год: «Для меня слова «коммунист» и «демократ» — синонимы».

Из этого следует, что, во-первых, вы сами с юности лет тридцать были родным братом Валерии Новодворской, а потом бросил бедную девочку на произвол судьбы и убежал в Духовную академию. Во-вторых, да вы понимаете ли слово «синоним»? Ведь это тяжкий грех ставить на одну доску коммунистов, которые в огне Гражданской войны и иностранной интервенции со всех сторон да еще в борьбе против бесчисленных самостийников сумели сохранить единую Россию, приумножить ее земли и в исторически ничтожный срок вывести к небывалой вершине могущества и славы, — ставить их на одну доску с вшивыми демократами, которые развалили единую державу на 15 кусков, ограбили наш народ, надругались над ним и теперь изводят миллион за миллионом. Как за свой «синоним» перед Богом-то отвечать будете?

Читаем дальше: «Коммунисты и демократы пользуются не ими созданным». Это как понимать? Ходорковский — да, обокрав народ, пользуется тем, что не он создал, а народ под руководством коммунистов. А чьим трудом пользуются коммунисты? К примеру, я, что, за счет Крупина живу? Это он дал мне образование, построил квартиру, хотя бы купил компьютер? Явившись в Москву из вятской деревни, ты, братец, уже сколько здесь, все благоустраиваясь, квартир сменил, прежде чем обосноваться в проезде МХАТа, в самом центре столицы? От государства, над которым ныне глумишься, он, нагрянув из деревни, в сорок лет уже имел отдельную квартиру, а я, в восемнадцать лет ушедший из Москвы на войну, я — коммунист, лишь в пятьдесят за свои трудовые приобрел отдельную.

И дальше ублажаешь антисоветчиков: «Коммунисты и демократы ненавидят Христа. Одни гнали церковь Христову явно, другие, сегодня, иезуитски изощренно». Да, коммунисты в иные поры «гнали» церковь, например, когда она в Гражданскую войну решительно встала вкупе с интервентами на сторону свергнутой народом буржуазии, помещиков, их паразитического строя. В тех «гонениях» и видите вы причину того, что «СССР рухнул». Только в этом!

Сия мысль так тешит ваше патриотическое сердце беглого коммуниста, что повторяете ее несколько раз. Например, «один батюшка,— говорите,— высказал мне такую догадку, в которую я верю». А дальше — вовсе не догадка, а как бы реальный факт сообщил безымянный батюшка: «Мы за безбожные власти не молились». Будто бы на литургии в молитве «О Богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся!» в храмах «повсеместно» выбрасовалось слово «властех». Именно поэтому, ликуете вы, «и слетели безбожные власти». Как же так? Ведь литургию установил сам Христос на тайной вечере, а первые литургии составлены апостолами Иаковом и Марком. Мыслимое ли

дело, хитрить и проказничать с литургией? И кому? Самим священнослужителям!

Значит, ни Горбачев и Ельцин, ни Яковлев и Шеварднадзе, ни Рейган и оба Буша ничуть не виноваты в развале страны, — русский патриот Крупин всю эту шарагу оправдал! А всю вину взвалил на безымянных священников.

Но как же так? Ведь и церковь кое-кого «гнала» и сколько лет, и еще как изощренно — вплоть до сожжения, как было с протопопом Аввакумом, главой старообрядцев. И за что? За то лишь, что люди хотели, как прежде, молиться двуперстием. И однако же, несмотря на вопиющую несправедливость и жесткость этого гонения, церковь жива... Здесь замечу: я, коммунист, пригласил отца Михаила, протоиерея из Иванова-Вознесенска на свой недавний юбилейный вечер в ЦДЛ. Он там еще и доброе словцо сказал со сцены. Это почему же я так поступил — из ненависти к Христу?

А известный вам уважаемый отец Дудко говорит: «Я уверен, что в Советское время жажда веры в Бога была сильнее, чем сейчас. Поэтому не надо Советское время называть безбожным... В годы войны русский человек шел на подвиги с открытой к вере душой, даже если он не всегда и понимал свое стремление к вере. Потому и Александр Матросов, и панфиловцы, и летчик Гастелло — это наши русские святые люди, с их помощью Россия обрела свою великую победу, свою Пасху, свое воскрешение».

Можно с этим соглашаться или нет. Я бы лично сказал не о большей жажде веры в Бога в Советское время, а о большей близости к Нему, как символу духовного совершенства. Да, можно и не соглашаться, но в рассуждениях о.Дудко, который знает ведь, что названные им «наши святые» в большинстве своем были коммунисты и комсомольцы — душевная доброта и любовь к людям, ко всем соотечественникам, а у вас, Крупин, — злоба и ненависть. А о. Дудко пронес свои убеждения через тюрьму в те годы, когда вы

получали премии, ордена да высокие должности с квартирами в придачу.

Ведь вон как изощряетесь вы в своем антикоммунизме, как бы замешанном на православии. Рассказываете, будто были свидетелем отпевания «одного человека» в одной сельской церкви: «Я спросил, кто усопший. Старушки ответили мне: «Коммуниста хороним, батюшка. Всю жизнь с нами боролся, весь измучился. Пусть хоть на том свете отдохнет».

Думаю, что сей анекдотец рассказал вам, живой классик, кто-то из нехристей. А может, Познер или Сванидзе. Ведь с точки зрения церковно-религиозной тут полная чушь. Во-первых, не могли верующие старушки назвать в церкви какого-то пришельца «батюшкой», когда перед ними их настоящий батюшка. Во-вторых, усопший, судя по всему, был каким-то чрезмерно рьяным деятелем с партбилетом, и очень мало вероятно, чтобы он хотел и его стали бы отпевать в церкви. В-третьих, на отпевание такого человека едва ли пришли бы богомольные старушки. В-четвертых, если человек до самой смерти только и занят был тем, что отравлял людям жизнь, то душа его попадет не в рай, а в ад, где не блаженный отдых, о котором говорят выдуманные старушки, а одни сплошные муки. Настоящие старушки не могли этого не знать.

Так что, верующий писатель Крупин не знает и выдает за правду байку, в которой и персонажи и ситуация высосаны из пальца. Это тем более странно, что ведь вы были немало лет не только орденоносным секретарем Правления Союза писателей СССР, парторгом, но, повторю, по совместительству и преподавателем Духовной академии. Академии!..

С какой злобой говорите вы не только о коммунистах, но о родине в целом: она для вас то ядовитая «змея», то «атомный монстр». Ну, это уж точно в один голос с Новодворской. Или вам с ней неведомо, где настоящий-то монстр, в два глотка проглотивший население Хиросимы и Нагасаки? И тут хотите поставить на одну доску убийц и спасите-

лей. Или не знаете, что «атомные монстры» еще и Англия, Франция, Израиль, Китай, Индия, Пакистан... Нет, вам надо непременно свою родину ткнуть лицом в грязь.

И неудивительно, что с такой легкостью, даже лихостью вы ее похоронили: «Прощай, Россия! Встретимся в раю». Черт с ним, с Владимиром Максимовым, который похоронил родину и на страницах «Советской России» справил «Поминки по России», а потом в «Правде» еще и поставил на могиле «Надгробие для России». Что взять с него, он насквозь профранцузился. Что взять с итальянского похоронщика Кьеза, тоже пропевшего уже нам отходную «Прощай, Россия!» Но вы-то, Крупин, из вятского села Кильмезь...

И с чего взяли вы, что с вашим партбилетом, медалями да орденами, с вашим лицемерием и злобой попадете вместе с Россией в рай?

Да, случались у церкви неприятности и позже, например, при Хрущеве. Так он же был последним коммунистом и первым демократом, предтечей Ельцина. А о Сталине, настоящем коммунисте, на панихиде в день его похорон патриарх Алексий сказал: «Его славные деяния будут жить в веках. Мы же, собравшиеся для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с каким бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим Правительством. Память о нем для нас незабвенна...Наша молитва о почившем будет услышана Господом...» Вот как говорил патриарх о человеке, имя которого писатель-патриот стесняется произнести на людях.

А что ныне? Крупин уверяет: «Авторитет церкви не только высок, но непререкаем. Что сказала церковь, то свято». Лепота!.. Но немало на Руси людей, которые думают так же, как В.Гребенщиков из поселка Столбовая Московской области. Он пишет, что ныне «Антихрист в лице своего во-

инства, напялившего маску демократов, идет в церковь и крестится там, заманивая в слепую веру — в духовное рабство трудящихся России... Главные организаторы ограбления и порабощения побежали в церковь». Крупин этих главных организаторов величает «братьями во Христе».

А Гребенщиков указывает тем, кто не слеп: «К сожалению, церковь вместо того, чтобы встать на сторону порабощаемых и поднимать их на борьбу за свою свободу, сама обнимается с этим Антихристом... Сотрудничество церкви с такой властью за то, что она (ограбив народ!) строит храмы, бросает ей подачки и подчиняет ее своим эгоистическим целям, превращает в орудие духовного порабощения людей, — разве все это соответствует заповедям Христа?»

И вот что особенно важно запомнить вам, Крупин: «Терпению народа все равно придет конец. И тогда он вспомнит, кто с кем обнимался и сотрудничал в это смутное, трагическое для него время»(Советская Россия, 10.4.04).

Дальше оратор показал себя убежденным противником не только новейших достижений, но и такой вековечной и благотворной потребности, как изучение иностранных языков. Вот полюбуйтесь: «После XX съезда партии русский язык начинал быть (!) в загоне, вдвигался (!) в сознание английский». Это как же он вдвигался? А вот, оказывается «в 1984 году в СССР английский учили более десяти миллионов студентов... (Так что, при этом у них из памяти выдвигали родной язык?), а русский в США учили только 28 тысяч студентов». Господи, и это с трибуны Всемирного собора говорит писатель, и это печатается ныне в писательской газете!

Во-первых, при чем здесь XX съезд? В нашей стране иностранные языки учили всегда — и до съезда, и до войны, и в царское время. Мой отец после окончания реального училища, кажется, неплохо знал немецкий и французский. Я был бы счастлив, если, кроме английского и немецкого, мне вдви-

гали бы еще французский, итальянский и испанский. Можно лишь радоваться тому, что столько нашей молодежи учили английский, как и другие языки, ибо английский — писатель должен бы знать и это — самый распространенный язык в мире. А американцев можно только пожалеть, что столь немногим из них вдвинули русский, хотя он и не так распространен.

В этой области, увы, паритет с американцами невозможен. А вот в других весьма желателен и даже необходим. Недавно президент Путин сообщил, что в этом году на территории России будет проведено два десятка совместных российско-американских мероприятий. Вот и спросил бы Крупин, как он выражается, «брата во Христе Владимира»: «А сколько пройдет совместных мероприятий на территории США?»

В речи под видом русского патриотизма и православия явлено было миру немало всякого вздора, ярко характеризующего и оратора, а теперь и редактора газеты. Например: «Полет Гагарина был использован для поднятия мощной антицерковной волны. Как иначе — Гагарин Бога не видел в космосе, как тут не усилить разрушение храмов». Кто, когда, где связывал полет Гагарина с делами церкви? Хрущев, что ли? Так ему никакой Гагарин не нужен был для оправдания своего самодурства. Или академик Гинзбург? Так назови его по имени!

Нет, с конкретными именами у Крупина дело обстоит слабо. Он предпочитает выражаться уклончиво: «один человек», «один специалист», «один батюшка», «казанский муфтий», безымянные старушки, безымянная статья безымянного автора и т.п. Так спокойней вкушать блаженство...

Напомню еще раз, что это не статья, а выступление на Всемирном русском соборе. Там наверняка было немало антисоветчиков и ненавистников коммунизма со всего света. В таком обществе неприлично говорить, что коммунисты

сумели поставить Россию в ряд с Америкой, а кое в чем — впереди, демократы же мечтают догнать и перегнать Португалию. И оратор доходит даже до того,что приводит слова Сталина об известной фултонской речи Черчилля, но Сталина не называет, — в этом обществе неприлично.

Со страниц «Завтра» Крупин однажды возгласил: «Бушин — лучший критик современности». Но я же коммунист, он знает это, да и по моим писаниям видно. За что же мне, коммунисту, он отвесил такую оголтелую похвалу?

В другой раз встречает меня в Союзе писателей, радостно улыбается, заключает в объятья и лобзает. Коммуниста! Если это для него синоним «демократа», то, вероятно, отлобзавшись со мной, он побежал лобзать Хакамаду и Немцова.

КАК ИЗ ПОЭТА ДЕЛАЛИ ЧУЧЕЛО

С советских времен у нас бытует странная манера — не называть возраст юбиляра, если это женщина. Считается, что так — деликатно, интеллигентно, галантно, импозантно. Между тем сия импозантность нередко порождает недоразумения и споры.

Вот взял я четвертого апреля «Литературную газету», и с первой полосы на меня глянул роскошный портрет поэтессы Беллы Ахмадулиной, сделанный словно бы под «Незнакомку» Крамского, только с еще более впечатляющей широкополой шляпой. Под портретом — восторженный поздравительный текст.

Говорю жене: «У Ахмадулиной юбилей. Надо бы телеграммку отбить». Жена, конечно, первым делом спрашивает: «А сколько ей?» — «Тут не сказано,— отвечаю,— но, по-моему, восемьдесят». — «Да ты что! — восклицает жена. — Я думаю, шестьдесят». — «Как шестьдесят,— говорю,— она же была замужем за Евтушенкой, а тот, поди, ровесник Бориса Ефимова, которому за сто. Во всяком случае, такое впечатление. Сколько себя помню, Евтушенко был всегда и везде. А к тому же, я однажды танцевал с Беллой на юбилейном вечере Литинститута. Она, конечно, была молода, и я тоже, но это так давно, так давно... Вот и Анатолий Салуцкий, давний друг и сосед ее по даче, пишет о знакомстве с ней здесь же в статье, так и названной «По-соседски...»: «Боже мой, как давно это было!» И опять: «Боже мой, как

давно это было!.. Белле уже... не знаю сколько». В этот же день и Наталья Дардыкина, видимо, ровесница юбилярши, писала в «МК»: «Не спрашивайте у поэта про возраст. Все врут календари». Дескать, как сказал поэт, «что в возрасте тебе моем».

Право, это довольно странно, ибо сама поэтесса вовсе не избегает точных дат и однажды сказала даже так: «Знаете, моя молодость закончилась в 1968 году», т.е. в тридцать лет. Известно, что многие поэты еще и далеко до тридцати сетовали на то, будто «все миновалось, молодость прошла!», но тут — такая таинственная точность! Ума не приложу, как это объяснить. Да уж не тем ли, что именно в том году Ахмадулину впервые опубликовало антисоветское издательство? Эмигрантский «Посев» выпустил ее книгу «Озноб» и, видимо, этим загубил советскую молодость поэтессы.

Биографического словаря под рукой не оказалось, и нам с женой так и не удалось решить спор о возрасте юбиляра.

Еще несколько лет тому назад в «Литературной России» можно было прочитать, что «стареющие поклонники составляют уже не многомиллионную армию почитателей таланта мэтрессы, а, увы, трепетную сентиментальную горстку. Они с придыханием рассказывают внукам об этой удивительной поэтессе». Не знаю, так ли, но если осталась лишь трепетная горстка, то, судя по публикациям в день юбилея, она даже повысила свою способность трепетать при имени мэтрессы.

В этом легко убедиться, пробежав хотя бы редакционный текст под портретом в «Литгазете» и там же — статью А.Салуцкого. В обоих текстах преобладают речения высокого штиля, хотя, ведь знают же, небось, авторы, что еще Достоевский говаривал: «Высоким стилем можно опошлить все». И вот о стихах как, однако: «восхитительные»... «замечательные»... «ее творения составили славу русской поэзии»... «возвышенная лира»... «вечное и великое слово»...

««воздушное слово»... «безумной красоты слово»... «истинные ценители поэзии замирают перед прозрачным явлением ее стихов»... О самой имениннице: «артистичная и воздушная»... «ее позиция всегда была твердой и ясной»... «внутренний пыл и сила натуры сохранились»... «великая поэтесса»... «воплощенное вдохновение»... «она творит поэзию»... «великий поэт»... «исполинский поэтический рост»... «она была и остается символом своего времени»...

Вот даже как: «была и остается»! Прибегли к железной сталинской формулировочке. Помните? «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим...». И притом заметьте, вождь ничего не говорил о воздушности или прозрачности поэта, о замирании, содрогании или трепыхании читателей перед его стихами. В этот же день по НТВ было сказано еще и так: «Мы говорим «Белла» — подразумевает «Ахмадулина». Ну, это плоская вариация на известную тему опять же из Маяковского: «Мы говорим «Ленин» — подразумевает «партия».

Гораздо содержательней рулады, например, помянутой Натальи Дардыкиной, заслуженной ветеранши «МК». Что она подразумевает, когда говорит «Ахмадулина»? А вот что: «томление по идеалу»... «волшебное предчувствие творчества»... «одинокую флейту»... «ночное одиночество в овраге»... «ключ, бьющий из глубин»...А еще Дардыкиной видится тут «восходящее к небу горло»... «бурлящая пламенная страсть»... «огонь и пламень»... «магма»... «голос, покоривший все земное пространство»... Все!.. Кроме того, товарищ Дардыкина уверена, что «имя Ахмадулиной украшает мировой Парнас»... «Белла — сама любовь»... «ее вдохновляет даже столб у дороги»... И наконец: «почетный член Американской академии искусств», что, разумеется, гораздо выше мирового Парнаса и любого столба. Между прочим, ее помянутый первый муж — увы, давно застывшая магма — и Андрей Вознесенский тоже члены этой заморской академии,

но великая поэтесса почему-то уже «перестала читать» великих собратьев по академии.

Что ж, приведенные похвалы вполне естественны. Даже если к ним присовокупить и то, что не мог в этот день на торжестве в греческом зале Музея изящных искусств им. Пушкина не сказать в присущем ему изысканном стиле еще и Михаил Швыдкой, известный руководитель известного агентства: «Бэлла! Вы — феномен, равного которому сегодня не существует. Дышать с вами одним воздухом — счастье!» Ну совершенно, как известный персонаж Чехова: «Мадам! Я такие чувства чувствую, каких вы никогда не чувствовали. Позвольте вас чмокнуть!» А несравненный Зураб Церетели, кажется, от имени Зурабова здесь же, в греческом зале вручил виновнице всей суматохи еще и золотую медаль Петра Великого.

Что ж, если человек при столь очевидной воздушности и прозрачности дожил пусть только до шестидесяти да еще и стихи сочиняет, почему не похвалить даже и так. Правда, кое-что тут не очень стыкуется, например, «огонь, пламень, магма» и — «одинокая флейта». Но это что! Вот еще какие нестыковочки ошарашивали в день юбилея: «Стараниями Ахмадулиной открыт памятник Марине Цветаевой. Участвовала она и в создании памятника убитому на станции «Менделеевская» псу» (В.Шохина. «Независимая газета»). И представьте себе, мадам Шохина обожает поэзию.

А что мы услышали в этот день еще и по телеканалу «Культура»! И от кого! Из каких вещих уст! Там целый час извергали свои восторги и нежности по адресу «символа нашего времени» прославленные мультилауреаты и суперорденоносцы, академики, профессора, доктора, президенты достойнейших устроений, попечители благороднейших институтов, обличители отвратительнейших систем, члены ПЕН-клубов, редсоветов и редколлегий, председатели и секретари.... Словом, цвет нации.

Взять, допустим, Василия Аксенова. Он 24 года был (и сейчас, говорит, остаюсь) профессором русской литературы (а, может, и русской ненормативной лексики?) пяти университетов США. Он состоит членом семи ПЕН-клубов: США, Германии, Франции, Швеции, Дании, кажется, Гваделупы и даже России. Семи! «Один в четырех каретах поеду!» — кричал купец в пьесе Островского. Как он скромен по сравнению с Аксеновым.

Кстати, а что такое ПЕН-клуб, ПЕН-центр? Ну, penn, известное дело, на латинском означает перо, крыло. Так что, это клуб собратьев по перу или по полету? Кого туда принимают? В СССР ПЕН-центр был создан в 1989 году, его президентом был избран аксакал пера Даниил Александрович Гранин, но этот ПЕН почему-то вскоре развалился. Через недолгое время создали новый русский ПЕН, президентом избрали ныне покойного Анатолия Наумовича Рыбакова, тоже аксакала полета, вице-президентами — доктора юридических наук и лауреата премии «Литературной газеты», где он член редсовета, А.Ваксберга, члена Европейской (?) академии И.Виноградова, лауреата премии имени Шагинян очеркиста А.Стреляного, кого-то еще. Но почему там нет никого из моих приятелей и даже знакомых? Закрадывается нехорошая мысль: может, ПЕН это Писатели Единой Национальности? Впрочем, оставим это...

Вернемся к участникам телеторжества. Вот Битов Андрей? О нем пишут: «писатель-индивидуалист... он вообще порой не замечает окружающего». Некоторые уверяют, что, как один его персонаж, он даже «игнорирует внешний мир». Но это, правда, не помешало ему еще в юные годы заметить Союз писателей, стать его членом и не проигнорировать там орден Знак Почета, потом — заметить ПЕН-центр и не проигнорировать там должность его президента. Пишут также: «Пушкин является для Битова абсолютным ориентиром в жизни и литературе». Но такая ориентация не преградила ему путь к множеству должностей и премий, кои Пушки-

ну, тщетно мечтавшему обрести всего лишь «покой и волю», даже не снились, например, — путь к Пушкинской премии, которую ныне выдают в Германии туманной. Как помните, оттуда один пушкинский герой

Привез учености плоды,
Всегда возвышенную речь
И кудри черные до плеч.

Что кудри! Теперь в виде Пушкинской премии оттуда везут марки или доллары...

Я уж не говорю о Владимире Войновиче и Евгении Попове, тоже активнейших участниках юбилейного телепиршества, — всех не перечислишь. А ведь еще были обещаны в рекламе сама Майя Плисецкая и сам Эльдар Рязанов. Не хватало разве что только Абрамовича. Но те двое, видимо, сообразили, что это уже был бы некоторый перебор, и не явились. Да, да, цвет нации, причем — благоуханный цвет. А ведь еще, словно черт из табакерки, возникал и Олег Табаков. Помните, как Нина Заречная объяснилась Тригорину: «Если вам понадобится моя жизнь, — придите и возьмите ее». Ну, на это Табаков не отважился, но объявил о готовности стать донором: «Если, Белла, тебе потребуется моя кровь, можешь рассчитывать». Только приходи со своим шприцем.

И вот что мы услышали в этой передаче из уст уже не пенсионерки Дардыкиной, не начинающего романиста Салуцкого, не газетчицы Шохиной, не киргиза Швыдкого или кого-то еще из трепетной горстки, а главным образом — из уст вышеназванных вопиющих корифеев. Слушайте: «уникальный дар»... «несравненна»... «грациозна»... «изысканность и утонченность»... «весенний сад поэзии».... «золотой фонд русской литературы»... «хрустальное перо»... «наследница Лермонтова»... «воплощение поэзии»... «неземной

язык»... «ее стихи завораживают»... «ее слушают с трепетом и придыханием»... «возвышенная отрешенность»... «великий человек»... «гений»... «один из самых мощных гениев»... «многогранное чудо, красавица с такой шеей»... «девушка неземной красоты»... «божественная женщина»... «Мэрилин Монро»... «могучая кучка»... «озарения от Бога»... «небесный гость»... Словом, «по небу полуночи ангел летел...»

Недавно Александр Байгушев, писатель совершенно иного направления, чем Аксенов или Войнович, в таком же возвышенном стиле писал о Валентине Сорокине, о поэте совершенно иной конституции, чем Ахмадулина: «золотой фонд»... «наследник Некрасова»... «гений»... «мы рыдали, слушая его стихи»... «соперник Блока»... «собрат Маяковского»...«надо благодарить Бога за такой подарок»... «небывалый гений» и т.п. Что это? Глобализация в литературе...

Но — «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Поэтому я тоже хотел бы в честь божественной женщины сыграть ноктюрн на флейте водосточных труб, но кое-что меня все-таки несколько озадачивает. Во-первых, осыпая «Мэрилин Монро» бриллиантами элоквенции, никто почему-то в подтверждение их доброкачественности не прочитал ни одного ее стихотворения, как и Байгушев. В чем дело? Почему? Аксенов ограничился чтением дарственной надписи поэтессы. А я, например, не называя Ахмадулину ни «небесным гостем», ни «могучей кучкой», знаю наизусть некоторые ее стихи. Как можно не запомнить, например, слова антиквара современной даме, зашедшей поглазеть в его магазин:

—Я уверяю, все здесь не для вас.
Вы молоды, вы пахнете бензином.
Ступайте к современным магазинам:
Там так богат ассортимент пластмасс...

Или вот это:

Судьба пока его щадила.
Дела его прекрасно шли.
И лишь плечами поводила
Да улыбалась Натали...

Прекрасно!.. Однако же, ничего не цитируя, псаломщики бездоказательно и безоговорочно нахваливают «неземной язык» Ахмадулиной. Передача закончилась романсом на ее стихи:

А напоследок я скажу:
— Прощай. Любить не обязуйся...

Уместно ли тут это слово? Ну какой русский скажет: «Я обязуюсь тебя любить»? И вообще, о какой любви речь, коли — прощай навеки?

С ума схожу иль восхожу
К высокой степени безумства.

Что за степени безумства? И сколько их — первая, вторая, третья? Кроме того, почему «или»? Ведь сходить с ума и «восходить к безумству» это одно и то же. Да еще и к безумству не «восходят», а наоборот — впадают в безумство.

Есть у меня сомнения и совсем иного рода. Взять такой факт: при поступлении в Литературный институт Ахмадулина, как мы узнали, представила рекомендацию Ильи Сельвинского, известного и влиятельного тогда поэта, работавшего в институте. Как это увязать с возвышенной отрешенностью и изысканной утонченностью? Ведь в отличие, допустим, от вступления в ВКП(б) тут никакой рекомендации не требовалось. Когда мы поступали в этот же институт в 1946 году, нам никому и в голову не пришло заблаго-

временно запастись такой вот пробивной бумажкой. А ведь ей было всего семнадцать невинных лет, но уже какая прозорливость! Нам же, пришедшим с фронта, шел третий десяток, некоторым было и под тридцать...

Несколько смущает меня и обилие премий. О.Чучков писал в «Литературной России»: «Я очень люблю стихи Б.Ахмадулиной. Она большой поэт. Но это не значит, что надо каждый год награждать ее то орденом, то премией». И далее следовал длинный перечень наград от советского ордена Дружба народов (1984) до ельцинского ордена «За заслуги перед отечеством» (1997), от Государственных премий СССР (1989) и России (2005) до итальянских премий «Носсиде» и «Брианца» (1994).

Заканчивал автор так: «Что, Ахмадулина каждый год выдает по гениальной книге? Или нет других писателей, достойных высоких наград?» И шел еще один перечень: Леонид Бородин, Юнна Мориц, Анатолий Ким, Валерий Попов, Михаил Кураев...

Если перед нами «неземной гость», то, может быть, эти премии и награды или хотя бы часть их только числятся за ней, а она ничего и не получала или отдала на памятник собаке? В самом деле, в 2001 году корреспонденту той же «ЛР» писательница доверительно сообщила: «Я абсолютно нищий человек... Я выжила молитвами людей» (10.8.01. №32). И тут же присовокупила, что она на 200-летнем юбилее Пушкина плакала от любви к гению. И предсказала: «А то, что над моим именем будут плакать — это я знаю». Видимо, имелся в виду тоже 200-летний юбилей, т.е. 2137 год. Действительно, за Ахмадулину молятся. Я сам слыхал, как тут у нас около метро «Сокол» во Всехсвятской церкви молилась старушка в пенсне: «Боже милостивый, спаси, сохрани и помилуй Беллу-троеручицу!..» Когда она кончила молитву, я поинтересовался: почему троеручица? «Да как же, — говорит,— в одной руке у нее, бедняжки, советский орден, в другой у страдали-

цы — антисоветский, а третья рука внезапно выросла для итальянских премий». Мне возразить было нечего.

Должно быть, эти газетные признания и пророчества Ахмадулиной так проняли членов Комитета по премиям во главе с президентом (кстати, сама Белла Ахатовна — член этого Комитета), что вскоре они отвалили ей премию небывалого у нас размера. Римма Казакова недавно заметила по этому поводу: «Дали Ахмадулиной премию в 5 миллионов рублей. Я рада за Беллу, но давать такую большую премию в одни руки — это безобразие!» (ЛР №17'07). Похоже на то, что Римма Федоровна не одна так думает. Тем более, как она тут же сказала, «Белла и ее муж Борис Мессерер просили помочь им уехать в Америку». И она как секретарь Правления Союза писателей СССР обещала им помочь при одном условии: «что они не станут за рубежом поливать грязью советскую власть». Судя по всему, такое условие супруги принять не могли. Остались. И уж не для того ли, чтобы надежно удержать Ахмадулину в России и сберечь сей бриллиант для родной культуры, отвалили ей такую премию?

Вручение происходило в огромном кремлевском зале, и думаю, что никто из множества присутствующих, начиная с президента, не знали ни единого стишка лауреатки. Видимо, она догадывалась об этом и, желая восполнить пробел в эстетическом воспитании трудящихся Кремля, закатила с трибуны что-то вроде поэмы, о которой можно сказать словами классика: «утомительно и длинно, как Доронин».

Мне тоже, между прочим, не так давно вручили премию в размере 25 тысяч целковых. От радости и я не удержался, позволил себе прочитать стишок «Мое время». Но всего-то в двадцать строчек:

Я жил во времена Советов,
Я видел все и убежден:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времен.

Я жил в стране социализма,
Я взвесил все ее дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где братства дух и дружбы узы
Не знали стен и берегов.

Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я — мой глаз был меток —
Нам светит горняя звезда.

Да, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный День, представ пред Богом,
Мы развернем наш Красный Флаг.

Что тут непонятно? Думаю, двадцать-то строк простительно. Тем более, что премию у меня конфисковали домушники. А Анатолий Салуцкий, оценивающий поэзию в рублях, ядовито и торжествующе заметил о процедуре в Кремле: «Премия показала, кто есть кто на самом деле». Вдохновенный питомец муз, а какой отменный образец верноподданности: нет ничего выше оценки президента!.. И то сказать: 5 000 000 : 25 000 = 200. Кто-то талантливей кого-то в 200 раз!

Никакого ответа на мои недоумения я в юбилейных статьях и телепередачах не нашел. Более того, участники аксеновской посиделки, нарисовав эфирный образ поэтессы, стали рассказывать еще и о ее бесстрашии, несгибаемости в борьбе за правду, в защите угнетенных, что тоже было большой новостью даже и для А.Салуцкого, который, буду-

чи другом-соседом, уверен, что «на порожистом перекате русской истории в начале девяностых Ахмадулина, пожалуй, единственная из «громких имен» шестидесятых годов не «отметилась» шумными политическими криками». Нет, услышали мы теперь, «отмечалась», да еще какими «криками» и громче всего — именно в начале 90-х, а именно — в 1993-м.

Тихо!.. Внимайте: «Эта женщина совершила множество мужественных поступков. Она снова и снова демонстрировала смелость на грани безумия». И тут же примеры: «Она не боялась говорить о Троцком, когда того уже выгнали из страны». Это не на грани, а уже за гранью безумия, но не Ахмадулиной, а оратора. Судя по всему, он или думает, что Ахмадулиной сто лет, или не знает, что Троцкого выставили из страны почти за десять лет до рождения Беллочки. И «говорили», читали тогда о Троцком миллионы, хотя бы уж только те, кто штудировал «Краткий курс истории партии», сочинения Ленина и Сталина.

Дальше: «Она открыто демонстрировала свою связь с академиком Сахаровым». Это я оставляю без комментариев, пусть лучше Елена Боннэр.

А кого же именно из угнетенных защищала Ахмадулина? Нам говорят: Солженицына! Может быть, но вот странно. В мае 1967 года 80 писателей (в том числе автор этих строк) обратились в президиум своего IV Съезда с предложением выслушать на Съезде Солженицына (Слово пробивает себе дорогу. М. 1998. С. 217). Ахмадулина широко печатается, была уже пять лет членом Союза, но подписи ее под этим дымившимся тогда письмецом нет. Как же она его защищала? Загадка! Впрочем, там нет подписи и Андрея Битова, ныне члена Общества Достоевского.

А еще кого защищала бесстрашная Белла? Нам говорят: Аксенова! Да от кого же надо было защищать милого Васю? Он печатался напропалую огромными тиражами, жил весьма не бедно и не очень скучно, ушел от молодой прекрасной

Киры, примкнул к немолодой, но влекущей Майе, вдове Героя Труда и четырехкратного Сталинского лауреата знаменитого Романа Кармена, у которого, говорят, в США лежали большие деньги за 20-серийную киноэпопею «Неизвестная война» («Великая Отечественная»), созданную под его руководством по заказу компании «Эр тайм интернэшнл». А в 1980 году, заявив, что ему все обрыдло, он выходит из Союза писателей и с новой перспективной женой укатил в Америку работать профессором. Его там и приняли за профессора, как у нас всех французов, в конце XVIII века бежавших от революции в Россию, принимали за Вольтеров. Но, как пишет живущий в США Александр Межиров,

Решить проблему пуза
Америка смогла, —
Но отвернулась Муза
И от нее ушла.

Куда? Да к нам же. Вернее, не ушла, а вернулась в образе Коротича, Евтушенко и Аксенова. Где еще эти люди для решения своих проблем найдут место более злачное и надежное?

Сейчас на вопрос, почему он покинул США, которые четверть века так обожал, Аксенов отвечает: «По той же причине, по которой уехал из СССР. В США перестали меня издавать. Они вычистили всех авторов, которые приносят им мало доходов» (Российская газета.13 апреля). Разумеется, так. Кому вы теперь там нужны? Содержать антисоветчиков за свой счет американцам теперь нет никакого резона, их бывшие любимцы получили полную свободу деятельности в самой России. Но как характерно! Где издают, где гонорар, там и родина.

Между прочим, именно в те годы я тоже целых восемь лет, с 1979-го по 1987-й, не мог напечатать ни единой но-

вой статьи. И что ж это тогда не втемяшилось мне бежать в Америку или Гваделупу работать профессором?

Но не о защите ли Ахмадулиной своих друзей пишет, однако, все тот же неисчерпаемый Салуцкий: она «не без вызова тогдашним порядкам дала своему пуделю кличку Вося — в честь Вовы Войновича и Васи Аксенова»? Да, видимо, это и есть «смелость на грани безумия». Представьте, услышал бы случайно кто-то из КГБ, как Ахмадулина кличет своего пуделька: «Вося! Вося!..» — сразу все понял бы и загремела бы безумная вольтерьянка Бог знает куда...

А какие еще доблести числятся за ней? Как же! «Ахмадулина не боялась дружить с Параджановым!» Ну и что? 85-летняя Лиля Брик тоже не боялась, дружила. Да еще как, говорят!

И такая безумная храбрость сопровождалась, оказывается, еще и приступами отчаянного самозабвения: «Сама непечатаемая (именно так и сказано! — *В.Б.*), Белла пыталась помочь Высоцкому опубликовать стихи». Господи, да она с восемнадцати лет печатаемая, — раньше, чем Аксенов и все остальные участники передачи. В 1955 году ее впервые напечатал Федор Панферов в «Октябре».

Битов сказал: «Она всегда умела поставить себя против власти». Но Аксенов его опроверг: «Эту власть она просто не замечала». Действительно, если не замечала, не видела, то как же могла ставить себя против невидимого? Однако факты опровергают и того мэтра и другого: у себя дома Ахмадулина, возможно, и не замечала власть, но как могла не замечать, когда надо было идти получить премию или орденок, бесплатную квартирку, по выражению «ЛР», в «элитном доме» или бесплатную дачу в Переделкино? Я склонен думать, что тогда божественная женщина прекрасно замечала эту ненавистную власть. Может, очень даже замечала! Не исключаю, что назубок знала все нужные имена, адресочки и телефончики. С годами ее известная нам прозорливость юных лет не могла не возрасти.

Много и проникновенно говорили с экрана о мужестве и несгибаемости, явленных Ахмадулиной и ее друзьями в истории с антисоветским альманахом «Метрополь». Среди всего, что там было, сказал Аксенов, самым антисоветским надо признать рассказ Беллы «Многие собаки и собака», но антисоветское шило она своими изящными пальчиками так тщательно упрятала в мешке, что его никто не заметил. Тут на помощь самозабвенному бесстрашию пришло уникальное мастерство. Словом, залепила оплеуху, которую никто не ощутил. Нечто вроде пуделя, названного в честь Васи и Вовы с целью сокрушить советскую власть.

Но главное в другом. 23 участника альманаха поклялись на крови, что если хоть один из них будет как-то наказан, то все остальные гордо и гневно покинут Союз писателей, как некогда Короленко и Чехов вышли из Академии Наук в знак протеста и товарищества с Горьким, избрание которого в академию великомученик Николай не утвердил.

И вот Виктора Ерофеева, зачинщика альманаха, и Евгения Попова исключили из Союза. И что ж воспоследовало? «Никто не писал покаянку!» — гордо заявил Попов. Ну, правильно, только исключенные, как признается сам закоперщик, недолго мешкая, обратились в Союз писателей с письменной просьбой вернуть им драгоценное членство. Надо полагать, в их заявлениях были какие-то слова о своей ошибке, какое-то сожаление, печаль, — иначе на что рассчитывать? Увы, ни того, ни другого вольнодумца тогда не восстановили. Ерофеев уверяет: только потому, что накануне начальник Генерального штаба позвонил Феликсу Кузнецову и доложил: «Завтра наши войска вступят в Афганистан». «Ах, так! — подумал Феликс, — чего ж теперь стесняться с этой литературной шпаной!» И не восстановили.

И что же остальные 21? Хлопнули они дубовой дверью Союза? Ерофеев рассказывает об этом: «Помня, как в разгар драки (ну уж — драка! — *В.Б.*) Андрей Вознесенский (тоже участник альманаха) растворился в экспедиции на Север-

ный полюс, мы с Поповым, на всякий случай, призвали их в дружеском письме, написанном мной с очень легкой дозой иронии, оставаться в Союзе. Битов, Искандер и Ахмадулина осмотрительно послушались». Писать второе письмо или уговаривать еще и устно не потребовалось. Послушались и все остальные, кроме Семена Липкина и его жены Инны Лиснянской. Правда, пишет Ерофеев, «Аксенов тоже вышел... Вскоре он получил приглашение от американского университета и красиво улетел первым классом «Эр Франс» сначала в Париж». Больше Чеховых и Короленок среди «метропольцев» не обнаружилось...

В октябре 1987 года восстановили в Союзе С.Липкина, но почему-то тянули дело с И.Лиснянской. Мы были тогда соседями по даче, я все знал и направил прочувствованное письмо секретарю Правления Юрию Верченко, настаивая и на ее скорейшем восстановлении. Я напомнил эпизод Парижской коммуны, описанный Гюго. Версальцы схватили юного коммунара, мальчишку, и приговорили к расстрелу. Он попросил отпустить его проститься с матерью. Его отпустили и не ждали больше, а он в назначенный час вернулся. Я писал, что вот так сдержала свое слово и Лиснянская... Не знаю, сыграло ли это роль, но в 1988 году восстановили и ее. Может быть, хлопотали и Ахмадулина с Битовым, и Вознесенский с Искандером? Не слышал.

Но пение псалмов продолжается. Нам говорят: и вот это небесное создание всю жизнь с юных лет подвергалось гонениям, преследованиям, экзекуциям. Как так? За что? Кто посмел? «В 1959 году за защиту Пастернака ее выгнали из института». Странно. Ведь история с Пастернаком была раньше. «Выгнали под предлогом неуспеваемости по главному предмету — истории марксизма-ленинизма». Ну, это еще удивительней. Во-первых, такого предмета — «истории марксизма-ленинизма» — не было. Во-вторых, марксизм-ленинизм изучали на первом курсе, а в 1959 году Одино-

кая Флейта была уже на четвертом, и никакого марксизма там не было.

А если ее и исключали из института, то очень быстро вернули обратно: она окончила его в 1960 году, когда ей было, как и полагается, 23 года и даже получила «красный диплом». О чем же звон? Да и мало ли кого исключали на Руси! Можно выстроить длинный ряд больших людей от Белинского до Ленина, но никто из них, кроме Бенедикта Сарнова, не изображал себя жертвой истории марксизма и не канючил по этому поводу, тем более — спустя полвека по телевидению. Однако точно ли, что при таком конфликте с «главным предметом» ей выдали именно красный диплом? Сомнительно...

Но слушайте еще: «И она вошла в нерекомендованные черные списки!.. В издательствах рассыпали ее уже набранные книги!» Хорош был где-то закон, по которому лжецам отрезали язык. Ну назови, трепло, хоть одно издательство, хоть одну рассыпанную книгу, хоть один выброшенный стишок в газете.

Аксенов говорит: «Вот в одном стихотворении у нее цензура выбросила строфу из-за того, что там упоминался царь Соломон». Ну, это ты расскажи Восе. А мы с царем Соломоном знаем, что поэты частенько и сами выбрасывают и строфы и целые главы, а то и книги сжигают. На месте автора я из сострадания к потомству в свое время сжег бы все три тома телемахиды «Московская сага», написанной в Гваделупе. А вот хотя бы знаменитое стихотворение Ахматовой «Мне голос был...». Первоначально оно начиналось строками:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Мне голос был...

И какой же цензор выбросил первые четыре строки? Ахматова.

А Войнович гневно воскликнул: «Однажды в Иваново на вокзале Ахмадулина была арестована!» Да за что же — «Архипелаг ГУЛАГ» вслух читала на платформе? Или шумела «Верните в Союз писателей Лиснянскую!» Нет, оказывается, была в нетрезвом виде. Ах, Войнович, как рискованно об этом вспоминать! Ведь кое-кто еще помнит, какова была порой Белла Ахатовна, оказавшись в помянутом выше экстремальном виде. И не арест это называется, а всего лишь задержание, к тому же весьма кратковременное. Различие между этими словами и понятиями следует знать писателю, тем паче такому, которого КГБ запугивало папиросами «Беломорканал» и тщетно травило в «Метрополе» зеленым чаем крепкой заварки и который многие годы ожидал задержания, потом — ареста, но, так и не дождавшись, разочарованно покинул любимую родину.

Но что там цензура! Даже «для упоминания имени Ахмадулиной требовалось мужество». И на это мог отважиться только такой бесстрашный леопард, как Эльдар Рязанов в фильме «С легким паром». Мало того, оказывается, «Союз писателей предложил исключить Ахмадулину не только из своего Союза, но и из Советского». Это кто ж так зверствовал — уж не Михалков ли, не Бондарев ли? К ответу их немедленно, пока не улизнули!

Александр Бобров пишет в «Советской России»: «Юбилей умудрились представить по всем телеканалам как итог невыносимой жизни, сплошных преследований и козней властей... Когда я пришел работать в «Литературную Россию», то сразу попросил у Беллы Ахатовны подборку, и ее спокойно напечатали. Когда стал заведовать редакцией поэзии в «Советском писателе», то немедленно попросил у нее книгу новых стихов, и сборник был напечатан вне очереди». Вот как даже — сразу! немедленно! вне очереди! Да она и сама в этот день сказала: «Доброта сопутствовала мне всю жизнь».

Услышали мы с экрана и такое: «Она выстраивала свою судьбу с ахматовской самоотверженностью». Как раз сопоставление этих двух судеб и обнажает истину до дня. Оно-то и побудило меня, выражаясь по-старинному, взяться за перо.

Ахматову не печатали долгие годы, стихи — почти двадцать лет, с 1922 до 1940-го. А был ли у Ахмадулиной хоть один такой годик? Ахматова за всю жизнь не получила на родине ни единой награды, и только уже под восемьдесят, незадолго до смерти, в Италии почтили ее премией «Этна-Таормина» да в Англии присвоили ученую степень почетного доктора Оксфорда. Вот и предстала бы «Мэрилин Монро» перед ее скорбной тенью во всем блеске своих медалей, премий, званий и должностей вплоть до зурабовской медали Петра Великого и члена Комитета по Государственным премиям при президенте.

Да в книгах ли, в наградах ли только дело! В 1921 году расстреляли Гумилева. Ахматова была уже замужем за другим, но расстрелянный оставался отцом ее сына. Потом и сына и другого мужа арестовывали и ссылали. Кто из мужей Ахмадулиной был расстрелян — Евтушенко? Кто оказался на нарах — Нагибин? Кого сослали в Магадан — Геннадия Мамлина?.. А из гонений и критики что сама Ахмадулина видела страшнее статьи Бенедикта Сарнова «Привычка ставить слово после слова» в «Новом мире» №12'70? Эту статейку можно сравнить с докладом Жданова, с постановлением ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»?

Юрий Нагибин в дневнике, вышедшем уже после его смерти, записал 3 сентября 1973 года весьма пикантную сцену. В ресторане ЦДЛ его пригласили за свой стол Евтушенко, Ахмадулина и ее новый «малолетний супруг» Эльдар, двадцатилетний сын известного балкарского поэта Кайсына Кулиева (ей шел уже 37-й). Нагибин подошел, сел. Таким образом за одним столом вокруг Ахмадулиной сконцентри-

ровались сразу три ее мужа — позавчерашний, вчерашний и нынешний. Отменно! Вот бы еще сюда завтрашнего да послезавтрашнего...

«Ахмадулина решила отметить мое появление тостом дружбы, — продолжал Нагибин.

— Господа! — воскликнула она с бокалом в руке. — Я пью за Юру!..

— Сядь, Беллочка. Я не люблю, когда ты стоишь,— прервал Евтушенко, испуганный, что Ахмадулина скажет что-то хорошее обо мне...

— Нет, Женя, я должна стоять, когда говорю тост. Да, Юра, о тебе все говорят: халтурщик, киношник. А я говорю, нет, вы не знаете Юры, он — прекрасен!»

А прекрасный Юра потом написал: «Ахмадулина недобра, коварна, мстительна и совсем не сентиментальна, хотя великолепно умеет играть беззащитную растроганность. Актриса она блестящая, куда выше, чем Женька, хотя и он лицедей не из последних. Белла холодна, как лед, она никого не любит, кроме — не себя даже — а производимого ею впечатления. Они оба с Женей — на вынос, никакой серьезной и сосредоточенной внутренней жизни. Я долго думал, что в Жене есть какая-то доброта при всей его самовлюбленности, позерстве, ломании, тщеславии. Какое там! Он весь пропитан злобой. С какой низкой яростью говорил он о добродушном Роберте Рождественском. Он и Вознесенского ненавидит... Жуткое впечатление осталось у меня от этого застолья» (с. 272).

Конечно, прочитать такое о себе и своем первом избраннике в дневнике человека, который знал обоих как облупленных, очень неприятно. Но может это сравниться с настоящим, а не телевизионным исключением Ахматовой из Союза писателей вместе с Михаилом Зощенко?

И при всем этом Анна Андреевна и в старости могла повторить свои давние стихи:

Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

А сейчас она с новой силой твердила бы:

Дай мне долгие годы недуга,
Задыханье, бессонницу, жар,
Отними и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар,—

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облачком в свете лучей.

А есть ли в стихах Ахмадулиной слово «Россия»? Анна Андреевна имела право сказать:

Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был...

Это могли бы повторить кое в чем с иным, но тоже веским правом Ольга Берггольц, Юлия Друнина, Маргарита Алигер, Рита Агашина...А как могла бы отозваться на это их сестрица Ахмадулина? Разве что так:

Я всегда была с моим ПЕН-клубом,
С Женей, с Юрой, с Геной, с Борей тож...

Борис Мессерер уверял сейчас: «Необходимость верности чувству правды — главная черта Беллы». То же и Войнович: «Она мгновенно чувствует любую фальшь». Прекрасно.

Но во что же вы превратили ее юбилей? Вываляли в липкой патоке похвал, потом — в павлиньих перьях высокопарности и выставили, как чучело, на посмешище. И как она, болезная, все это вытерпела, как пережила!.. По напыщенности, слезливости и фальши это было словно генеральная репетиция похорон Ельцина, состоявшихся через две недели.

Василий Аксенов упомянул в передаче стихотворение «Маленький самолет», но как-то невнятно, я не понял, что он хотел сказать. Яснее говорила об этом стихотворении сама Ахмадулина в одном интервью: «Я сочиняю даже во сне. Во сне родилось стихотворение «Маленький самолет», совершенно безгрешное... Тогда толком и не знала, что же мне приснилось. Сейчас я начинаю понимать этот сон: начало войны, бомбежка, но сердце ребенка все же сильнее войн, жалостливее и сострадательнее. Когда люди закричали: «Ура! Подбили!», у меня сжалось все внутри. Это было сильное впечатление. Поэтому и финал стихотворения был таким: «Пускай мой добрый странный сон хранит тебя, о самолетик!» («ЛР», 10.8.01). Ей нравится, видите ли, в данной ситуации роль ангела-хранителя немецкого бомбовоза.

Ну, ребенок есть ребенок. Ахмадулиной шел пятый год. Над Москвой, большей частью на подступах к ней было сбито 1392 немецких самолета (ВОВ, энциклопедия. М., 1985. С. 589). И девочка, если бы видела, 1392 раза могла бы переживать не за родной город, не за разрушенные и сгоревшие дома, не за погибших сограждан (а их было около 2 тысяч), а за все эти бедные самолетики, так ловко бросающие бомбочки... Да, ребенок есть ребенок, существо безгрешное, но стихотворение-то написала взрослая женщина, знающая что такое эти самолеты. Да, над снами не властны и взрослые, но в их власти рассказывать свои сны другим или нет, писать по их «мотивам» сочинения или не писать, печатать

то, что написано во сне, или не печатать. Взрослые люди, а уж тем более писатели да еще «небесные гости» должны понимать, что бывают сны, как и некоторые факты, реальные знания, которыми не следует делиться ни с кем, их можно только унести с собой в могилу.

Откровенно говоря, мне сомнителен этот рассказ о детских чувствах. Как могла Ахмадулина видеть немецкий самолет? Семья жила на улице Разина, в центре Москвы. И как могло случиться, что во время налета ее мать, майор НКВД, и отец, высокопоставленный чиновник, не укрылись с дочкой в бомбоубежище или в метро, которое недалеко? Я помню немецкие налеты. Было всем известно, куда попадали бомбы — в здание ЦК (там погиб драматург Александр Афиногенов), в Большой театр, в Вахтанговский, в писательский дом, что в Лаврушинском переулке (была повреждена квартира Ильи Эренбурга), в Щербаковский универмаг, в дом, что в Телеграфном переулке, где жила трехлетняя девочка, через семнадцать лет ставшая моей женой...Но я ни разу не видел, как сбивали немцев, должно быть, потому что это происходило, повторю, главным образом на западных подступах к Москве, а я жил на восточной окраине — в Измайлове. К тому же, ведь за все время в налетах участвовало около 8 тысяч машин, а прорвались к городу только 229, т.е. 2,8%. Однако чего в жизни не бывает. Допустим, Ахмадулина все-таки видела. Но и тогда мне сомнительно: ведь дети очень чутко улавливают и поддаются состоянию взрослых — радости, страху, панике... А вот она одна даже в той ситуации не поддалась и даже чувствовала нечто противоположное всем? Очень сомнительно.

Тогда зачем же написала стишок и с какой целью, спустя много лет, стала разъяснять его случайному незнакомому корреспонденту. А вот именно затем: посмотрите, какая я необыкновенная, своеобычная, какое я многогранное чудо, над моим именем будут плакать... Зачем еще можно так растелешаться?

Этот «Маленький самолет» Ахмадулина посвятила своему другу Окуджаве, а тот ей — «Надежды маленький оркестрик». Обменялись маленькими презентами. И выходит, поэтесса угодила в точку. Ведь Окуджава говорил: «На войне я был фашистом, потому что защищал Сталина». А Виктор Ерофеев рассказывает, что когда Сталин умер, Окуджава сказал: «Это был мой самый счастливый день в жизни». Позже счастливым днем его жизни был день расстрела Дома Советов. Корреспонденту газеты «Подмосковье» он сказал: «Я смотрел это как финал детективного фильма — с наслаждением».

В свою очередь, Ерофеев признается: «Я пришел в полный восторг от хунты Пиночета. Мне было приятно, что президента Альенде убили. Мне было радостно...» По свидетельству поэта Бориса Куликова, Виктор Астафьев однажды сказал: «День смерти Шолохова будет счастливейшим для меня днем». Вот она, эстафета демократии и либерализма...

А как на фронте мы встретили известие о смерти Гитлера, Геббельса и Гиммлера? Да никак. По воспоминаниям маршала Жукова, когда он сообщил Сталину о самоубийстве Гитлера, Сталин сказал: «Доигрался подлец». Только и всего, никаких восторгов. Таким и было наше общее отношение. Как позже — и к известию о казни большинства подсудимых на Нюрнбергском процессе. Как и теперь — при известии о смерти Ельцина, которого мы ненавидели сильней, чем Гитлера. А тут — Альенде ничего не сделал плохого ни лично Ерофееву, ни его стране, Ерофеев и не знает его, но — ликует при известии о его убийстве! Таковы светочи демократии...

И ведь это еще не все.

3 октября 1993 года Ельцин расстрелял народ у телецентра в Останкино, 4-го — у Дома Советов и в самом Доме, — многие сотни убитых, а 5-го в «Известиях» под заголовком

«Писатели требуют от правительства решительных действий» было напечатано письмо 42 в основном московских и ленинградских писателей, получившее в литературном обиходе название «Раздавите гадину»! Его авторы со страниц одной из самых многотиражных газет взывали к властям: «Хватить говорить! Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей демократии?.. Хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии зависела от кучки идеологических пройдох и политических авантюристов».

И далее перечислялись меры, которые президент Ельцин и правительство должны предпринять незамедлительно. Тут преобладал лексикон святой инквизиции: «отстранить»... «приостановить»... «признать нелегитимным»... «закрыть»... «распустить»... «выявить и разогнать» и т.п. В частности, гуманисты и либералы требовали во имя демократии закрыть газеты «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «День»...

И под этим текстом, Анатолий Салуцкий, хрустальным перышком изящно вывела свою подпись и твоя благополучно здравствующая великая дачная соседка, сочинительница стишка «Маленький самолет», ей было уже не пять годочков, а подбиралось под шестьдесят. Тут расписался и автор трогательной песенки про «надежды маленький оркестрик под управлением любви»...

И еще сорок подписей: «А.Адамович (умер), А.Ананьев (умер), А.Анфиногенов, Г.Бакланов, З.Балаян (?), Т.Бек (умерла), А.Борщаговский (умер), Василь Быков (умер), Борис Васильев (жив), А.Гельман (отец Марата Гельмана), Д.Гранин, Ю.Давыдов (умер), Д. Данин (умер), А.Дементьев (лечится в Израиле), М.Дудин (умер), пародист А.Иванов (умер), Э.Иодковский (умер), Р.Казакова (овдовела), С.Каледин, Ю.Карякин, Я.Костюковский, Т.Кузовлева (овдовела), А.Кушнер,

Ю.Левитанский (умер), Д.Лихачев (умер), Ю.Нагибин (умер), А.Нуйкин (жив?), В.Оскоцкий, Г.Поженян (умер), А.Приставкин, Л.Разгон (умер), А.Рекемчук, Р.Рождественский (умер), Владимир Савельев (умер), В.Селюнин (умер), Ю.Черниченко (жив), А.Чернов, М.Чудакова (овдовела), М.Чулаки (умер), Виктор Астафьев (умер).

Мир праху усопших, увы, не доживших до юбилея наследницы Лермонтова с такой шеей...

РАЗГАДКА ЛИЛИ БРИК

28 и 29 мая по первой программе телевидения показали нам фильмок «Про это, про поэта и про Лилю Брик». В нем приняли участие все ведущие бриковеды и самые знаменитые лилезнатцы современности во главе с Аркадием Ваксбергом, членом Союза писателей Москвы, вице президентом Русского ПЕН-клуба, лауреатом «Литгазеты» в Париже, автором где-то в камышах нашумевшей книги «Сталин против евреев», ошибочно переведенной на многие языки как «Евреи против Сталина».

Еще в 1999 году означенный Ваксберг, будто бы не имеющий никакого отношения к производству ваксы, сочинил книгу об означенной Брик. В аннотации сказано: «Загадка этой хрупкой женщины, до последних дней (дожила до 88 лет) сводившей с ума мужчин, миновавшей рифы Кремля и Лубянки...» А какие рифы Кремля грозили ей, сотруднице Лубянки?

«...Женщины, устоявшей перед всеми ветрами жестокого XX века...» Какие ветра? Когда дул ветер революции 1905 года, «мы,— рассказывала она сама,— собирались у кого-нибудь из подруг на дому и выносили резолюции с требованием независимости Польши». Это понятно: уже на нашей памяти такие же друзья и подружки собирались в Доме кино и вот так же требовали независимости Прибалтики. Перед тем, как засвистел ветер Первой мировой войны, Лиля вышла замуж за улизнувшего вскоре от армии Брика и «моло-

дые поселились в снятой для них скромной квартирке из четырех комнат в Чернышевском переулке». Туда ветер не задувал. «А осенью 1914 года переехали в Петроград... Пир во время чумы, царивший тогда в столице, захватил и Лилю с Осей». Когда поднялась буря Великой Октябрьской революции, Лиля уже была за широкой спиной Маяковского, сразу заявившего: «Моя революция!» Когда грянул ураган Великой Отечественной, Лиля с Осей тотчас оказались в Перми и она писала там воспоминания о Маяковском. Что еще? Позже все ветры дули в ее паруса.

Дальше: «...загадка этой женщины так и осталась неразгаданной». Нет, не осталась. Ее разгадал замечательный поэт Ярослав Смеляков, о чем будет сказано в конце статьи.

Дальше: «Ее называли современной мадам Рекамье, считали разрушительницей моральных устоев, обвиняли в гибели Маяковского. Одни боготворили ее, другие презирали и ненавидели. К 85-летнему юбилею Ив Сен-Лоран (слышали такого?) создал для нее специальное платье (с подпорками?), а молодой французский романист признался в любви (видимо, анонимно). Она была одной из самых магических женщин XX века».

Точнее было бы сказать «мОгических», ибо какая женщина, кроме нее, могла бы получать львиную долю посмертных гонораров поэта, женой которого она не была?

Дальше — 1976 год, вечер Андрея Вознесенского в Доме актера. «Вечер окончен. Нас ведут (!) в кабинет директора Александра Моисеевича Эскина. Шампанское, фрукты, конфеты...Андрей угощает. Но почетная гостья Лиля Юрьевна делает только один глоток (85 все-таки!). В ее огромных темных глазах неувядающей красоты — печаль и усталость. «Мы только что из Парижа... Завтра сочельник. Приходите...»

Завтра: «За стол! За стол!.. Пусть каждый берет сам». А уж брать-то есть что!.. В Москве тех лет с пустыми полками магазинов — икра, крабы, угри, миноги, заливной су-

дак, копченый язык, колбасы всевозможных сортов, французский сыр, марроканские мандарины...»

Всего этого хрупкая женщина при благоприятном ветре добилась через министра внешней торговли и председателя Госбанка Алхимова. А тот будто бы утряс дело «не иначе как с Сусловым». Она всю жизнь была хрупкой владычицей могучих ветров.

Еще? «Лиля Юрьевна благоухает французскими духами. Ухоженное лицо, где морщины выглядят как искусная графика, кажется творением великого мастера. Ее рыжие волосы, тронутые уже не скрываемой сединой, изумительно сочетаются с темно-карими глазами, серебряной брошью с большим самоцветом посредине, цепочками разноцветных бус и благородно черным тоном платья, для нее одной сочиненного, ей одной посвященного. В кокетливые сапожки засунуты ноги немыслимой тонкости. Спички — не ноги...» Разумеется, все это, в том числе ноги, изумительно сочеталось с миногами, крабами, копченым языком и с колбасой за два двадцать.

Дальше цитировать это ювелирно-гастрономическое сочинение лауреата «Литературки» я не в силах.

Обратимся к шедевреческому сочинению другого бриковеда: В.Катанян. «Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины». И другие, понимаете?

«Лиля с пятнадцати лет вела счет поклонникам». Тут можно ограничиться сухим перечнем. Именно в пятнадцать лет ее занесло в Бельгию. Там какой-то студент сделал ей предложение. Она отказала, но адресочек оставила. Он прислал открытку: «Я умираю...». Но, кажется, пережил ее. «Вскоре семья приезжает в Тифлис, и Лилю атакует молодой богатый татарин». Предлагал две тысячи за прогулку с ним по Военно-Грузинской дороге. Вдруг — Польша. «Там родной дядя вне себя падает пред ней на колени и бурно требует выйти за него замуж». Едва унесла ноги-спички... Дрезден. Там женатый хозяин санатория требует того же. А в

Москве объявился сын миллионера Осип Волк. И он пытался, но не съел Красную Шапочку. Потом появился учитель музыки. И вот «из любопытства они сошлись. Его сестра вышла на кухню мыть посуду, и пока там журчала вода, в столовой на диване это все и произошло». По другим сведениям, — на пуфике.

Тут вспоминается один рассказ Эммы Герштейн о горемыке Надежде Мандельштам: «Ей не исполнилось еще шестнадцати, когда она влюбилась в своего репетитора. Товарищ старшего ее брата, он относился к ней бережно. Но Наде это не нравилось, и она решилась...Убежала из дома на маскарад, заинтересовала там какого-то поручика и поехала с ним в номера... Вернувшись домой, позвонила своему репетитору и сообщила о случившемся. Тот взвыл и потребовал, чтобы она тотчас к нему приехала, что и было выполнено. «Вы подумайте, в первую ночь — двое!» — восхищенно говорила она мне... У меня было чувство, что я имею дело с существом какой-то другой породы» (Мемуары. М., 1998. С. 388).

Но в отличие от Нади для Лили удовлетворение любопытства обернулось беременностью, хоть и случилось все на пуфике под шум водопроводного крана. «Это был настоящий скандал в благородном семействе, и родные предприняли все нужные меры».

Что было потом? В Москве — Гарри Блюменфельд, только что приехавший из Парижа. В Мюнхене — Алексей Грановский. «Лиля продолжала роман с Грановским, не прерывая любовных отношений с Гарри», — т.е. тоже двое сразу, но не обязательно в одну ночь.

Наконец появился Осип Брик. Он писал матери: «Лиля, моя невеста, молода, красива, образована, из хорошей семьи, еврейка, страшно любит меня — чего же еще? Ее прошлое? Это детские увлечения, игра пылкого темперамента». Родители были против брака, но сдались.

Однако игра пылкого темперамента продолжалась и после замужества. Появился некий Лева Гринкруг, сын банкира. «Он был одним из самых элегантных юношей Москвы, выписывал костюмы из Лондона, носил монокль, делал дорогие подарки возлюбленным».

Извини, читатель, дальше я уж совсем не могу. Вот таким был и показанный нам фильм. Дальше — Ярослав Смеляков, разгадавший загадку Бриков:

«Я СЕБЯ ПОД ЛЕНИНЫМ ЧИЩУ...»

Ты себя под Лениным чистил,
душу, память и голосище,
и в поэзии нашей нету
до сих пор человека чище.
ты б гудел, как трехтрубный крейсер,
в нашем общем многоголосье,
но они тебя доконали
эти лили и эти оси.
Не задрипанный фининспектор,
не враги из чужого стана,
а жужжавшие в самом ухе
проститутки с осиным станом.
Эти душечки хохотушки,
эти кошечки полусвета,
словно вермут ночной сосали
золотистую кровь поэта.
Ты в боях бы ее истратил,
а не пролил бы по дешевке,
чтоб записками торговали
эти траурные торговки.
Для того ль ты ходил, как туча,
медногорлый и солнцеликий,
чтобы шли за саженным гробом
поскучневшие брехобрики?!

Как ты выстрелил прямо в сердце,
как ты слабости их поддался,
тот, которого даже Горький
после смерти твоей боялся?
Мы глядим сейчас с уваженьем,
руки выпростав из карманов,
на вершинную эту ссору
двух рассерженных великанов.
Ты себя под Лениным чистил,
чтобы плыть в революцию дальше.
мы простили тебе посмертно
револьверную ноту фальши.

Это стихотворение напечатано в десятом номере за 1973 год альманаха «Поэзия», главным редактором которого был Николай Старшинов. Позже в воспоминаниях «Что было, то было» (М., 1998) он целиком привел его текст и заметил: «После выхода в альманахе это стихотворение не было опубликовано ни в одном издании. А с самим номером альманаха произошла странная история: он моментально исчез с полок книжных магазинов» (с. 43). Поэт Виталий Коржиков рассказывал Старшинову, что сам видел, как некие энергичные и мрачные молодые люди скупали альманах пачками явно не с добрыми намерениями.

Судя по всему, сегодняшняя публикация — лишь третья за 35 лет.

ВОРОНЕ БОГ ПОСЛАЛ УМЕНЬЕ КАРКАТЬ

Я над своим творчеством никогда не задумывался.

А. Зиновьев

Среди балаболок, заполнивших в юбилей Дня Победы враньем о ней «Новую газету», «Аргументы и факты», телевидение, к великому изумлению многих, оказался и Александр Зиновьев. С большой статьей «Война будничная» он возник в «Литгазете». Как попал в такую компанию? В чем дело? Почему статья «будничная», коли на дворе праздник? На первый взгляд все это кажется невероятным. Поэтому приходится взглянуть на феномен Зиновьева издалека и пошире, и поглубже.

Е. Амбарцумов, его давний друг, писал о нем еще 1989 году: «Блестяще образованный философ, тонкий аналитик, поэт... Соедините Бердяева, Щедрина и Высоцкого, и вы, возможно(!), получите известное представление о Зиновьеве». Подумал и для полноты добавил в список еще Свифта.

Ну, что ж, можно и так. Это нам знакомо. Мозес Гесс, в молодости друг Маркса, уверял, что в том соединились в одно лицо Руссо, Вольтер, Гольбах, Лессинг, Гейне и Гегель. Правда, Маркс и Энгельс однажды заметили, что они «за писания Гесса отнюдь не берут на себя ответственность».

Но вот что пишут о Зиновьеве вовсе и не друзья-приятели. В.Кожемяко: «Всемирно известный философ, социо-

лог, писатель» (Правда, 29.X.02. Далее — П.). Ж.Касьяненко: «Социолог с мировым именем» (Советская Россия. 30.V.02. Далее — СР). В.Бондаренко: «Выдающийся, всемирно известный ученый и писатель... яркий пассионарий, своей энергией пробивающий все преграды... мудрец... гигант... один из духовных лидеров общества... (Завтра № 44'02. Далее — Зав.). Анатолий Костюков: «В последние десятилетия русской общественной мысли более заметного мыслителя, пожалуй, у нас и не было» (Литературная газета, 29.X.02. Далее — ЛГ) и т.д.

Что ж, такие времена. Обо мне и самом порой так завернут, инда жуть берет и хоть святых выноси. Владимир Крупин однажды объявил в «Завтра», что Бушин — лучший критик современности. После такого комплимента я две недели из дома боялся выходить: вдруг встречу Бенедикта Сарнова, живущего рядом. Все же знают, что лучший критик не кто другой, а именно он, Беня.

А что Зиновьев сам о себе говорит? Это не слишком противоречит приведенным характеристикам, причем его самоаттестации гораздо шире и по охвату времени, и по разнообразию аспектов: «Я школу окончил с золотым аттестатом» (Зав. №44'02)... «Я с отличием окончил университет» (СР.29. X.02)... «Университет окончил, получив диплом с отличием, как раньше школу с золотым аттестатом» (П. 29.X.02)...

Тут первый парадокс гиганта: свои похвальные грамоты, полученные в детстве и юности, помнит до глубокой старости, а в каком полку служил, на каком фронте воевал, как увидим, — начисто отшибло.

Но читаем дальше: «В тех сферах, где я работал, я был первооткрывателем» (Независимая газета, 29.X.02. Далее — НГ)»... «Я входил в тройку лучших логиков мира» (Зав. № 44'02)... «Я полностью пересмотрел всю логику» (Горизонт №12'89. Далее — Г)... «Я совершил переворот в логике (П.29.X.02)... «Еще в советские годы я добился мировой известности в ло-

гике, социологии и литературе» (Вечерняя Москва, 29.X.02. Далее — ВМ)... «Мои книги издавались на западных языках. Меня цитировали, приглашали на международные конгрессы... Однажды получил 49 приглашений» (Г)... «Я написал первую вышедшую за границей книгу «Зияющие высоты» со знанием дела... Книга получилась сильная... Книга произвела сильное впечатление... Книга имела успех... Как писали газеты, Зиновьев ворвался на небо мировой литературы как метеор. Книга сразу была переведена на многие языки» (Г)... «Я за десять лет жизни на Западе написал больше двадцати книг»... «Трудно сосчитать, сколько у меня книг. Научных — больше десяти штук, а художественных где-то больше двадцати»...

Думаете, это все? Нет, метеор летит дальше: «За 21 год на Западе я написал более сорока книг, из них более 30 — художественные. И это лишь потому, что выехал на Запад в 56 лет... Моя жена хорошо готовит... Я пережил два покушения, две попытки похищения» (ВМ и НГ). А если бы не эти покушения-похищения да если бы выехал с такой отменной стряпухой пораньше, то, видно, написал бы столько, что уж никто не смог бы и сосчитать... Между прочим, очень интересно, кто, когда и где — у нас или на Западе? — покушался на жизнь яркого пассионария, а главное, с какой целью, т.е., грубо говоря, кому он нужен, этот мудрец? Тайна...

Может быть, разгадка в дальнейших признаниях. «В литературе я могу конкурировать с крупнейшими писателями мира (прозаиками) — это однозначно и общепризнано. Так же как и в логике»... Но, конечно, и в поэзии: «Уровень большинства поэтов мне по зубам. Того же Евтушенко мог бы заменить» (Зав.)... Так вот, не Евтушенко ли и организовал покушения-похищения с целью устранить конкурента?

Тем более что, как пишет Зиновьев дальше, «одно время я входил в десятку самых печатаемых писателей Запада»... «В Германии я много писал просто для заработка. Печатали во всех(!) странах (Их около двух сотен. — В.Б.). Пере-

водили на все(!) языки (В мире свыше 2,5 тысячи языков.— *В.Б.*). Мало того, «на Западе я, глубинно русский человек, наверное, был чемпионом по количеству интервью» (НГ)... Ну как мог Евтушенко все это стерпеть!

И вот гордый итог: «Я убежден, мои книги являются серьезным вкладом в русскую культуру». Прекрасно! Однако это все-таки вопрос будущего, — как говорится, вскрытие покажет.

Но философ не останавливается перед тем, чтобы объявить и еще более широкоохватный итог своей жизни: «В свои 80 лет я, Александр Зиновьев, даю свою самооценку. Перед вами глубоко русский человек с опытом мировой цивилизации, со своей системой. Я, Александр Зиновьев, — есть одна из точек роста России. Пока Зиновьев с его результатами социального анализа не будет официально признан в России и максимально использован — не поднимется Россия!» (Зав). Иначе говоря, перед нами еще и спаситель Отечества.

Между прочим, как Зиновьев оказался на Западе, не совсем ясно. Сам он говорит об этом путано. Живя еще в Мюнхене, уверял: «В 1978 году мне предложили в течение нескольких дней покинуть страну, угрожая в противном случае тюрьмой и ссылкой... меня выслали... меня выгнали». Вернувшись на родину, рисовал несколько иную картину: «Мне предложили: или дадим срок, или в течение шести месяцев уезжай на Запад». И еще: «Мне предложили два варианта: или я выбираю 12 лет тюрьмы, а семью отправляют в ссылку, или мы уезжаем из страны». И вдруг: «Еще до моей эмиграции...»(СР). Так что же это было — изгнание или эмиграция? Если изгнание, то сколько же все-таки дали на сборы — несколько дней или полгода? Кому грозили ссылкой — ему или семье? И кто же именно далал эти предложения и грозил — КГБ? Партком МГУ? Райком? ЦК? Неизвестно.

Я готов принять на веру все похвалы нашей прессы Зиновьеву, а во имя спасения России — даже многие его самоаттестации, но, увы, кое-что в них и в его «системе» все-таки несколько озадачивает. Так, он самым решительным образом твердит: «Я — человек из будущего!» Это как понимать? Все мы из прошлого, а он один из будущего, — родился, выходит, не в 1922 году, а в 2082-м, и вот оттуда снизошел к нам? Интересно! Мы знаем поэтов, которые говорили о своем частичном бессмертии, как Пушкин, например: «Нет, весь я не умру...» Или о своем прорыве из настоящего в будущее, как Маяковский: «Я к вам приду в коммунистическое далеко...» Он же писал:

У нас
поэт
событья берет,
опишет
вчерашний гул,
а надо рваться
в завтра,
вперед,
чтоб брюки трещали в шагу.

Но о прорыве из будущего в настоящее — никто ни словечка. И вот один Зиновьев-метеор прорвался, причем я лично не слышал, чтобы при этом трещали его брюки...

Столь же категорично мудрец заявляет: «Я есть суверенное государство из одного человека» (Зав.). В поэзии встречаются намеки и на это, допустим, у Марины Цветаевой:

Еще вчера в руках держал,
Равнял с Китайскою державою,
А нынче рученьки разжал
И уронил копейкой ржавою...

Но это мужчина равнял любимую женщину с Китайскою державою. В любовном экстазе чего не брякнешь! А ведь ни я, ни вы, читатель, конечно, не встречали ни одного нормального человека, если не считать Людовика XIV, что сам себя именовал бы государством, — ни в прошлом, ни в настоящем. Значит — сомненья прочь! — откуда же пассионарию взяться, как не из будущего.

Но возникает вопрос: а его жена и дети являются гражданами этого суверенного государства? Их муж и отец выдал им паспорта? Есть у них прописка? Судя по всему, не являются, не выдал, не имеют. Опять парадокс: родные же люди, а, как русские в Прибалтике, — «неграждане»! Надо полагать, по идее Зиновьева, в будущем все люди будут суверенными государствами. Но здесь новая закавыка: если муж полезет под одеяло к жене, она не расценит ли это как вражеское вторжение, как грубое попрание ее суверенитета и не даст ли надлежащий отпор наглому оккупанту, стремящемуся вопреки международному праву подмять под себя независимую Китайскую державу или Бразилию? Все-таки и тут много неясного...

Да, изданий и переводов было на Западе множество, а как современники-то, что читатели? «Одна пожилая француженка в Авиньоне сказала мне, — радует нас писатель, — что читает «Зияющие высоты» как Библию. Уже прочитала двадцать два раза» (Г)... «А Надежда Мандельштам сказала, что она ждала эту книгу всю жизнь, что это ее книга, что прочитав, она почувствовала некое облегчение, просветление» (Там же).

Здесь следует, наконец, кое-что прояснить. Автор делает вид, будто Н.Мандельштам это какой-то среднестатистический мировой читатель, и вот он его обожает. Между тем, Надежда Яковлевна резко индивидуальная личность, большая ненавистница советской власти. Почему же она так хвалила книгу глубинного русского метеора? Да потому что

книга насквозь антисоветская. Как и все остальные сочинения Зиновьева, вышедшие на Западе. Потому от первой же его книги и посветлело на душе у Мандельштам и назвала она ее «моей книгой».

Были у сочинителя и другие внимательные, благодарные читатели. Кто? А вот же: «Из моих работ, из моих научных выводов западные службы черпали информацию, и я за это ломаного гроша не получил» (ВМ). Так прямо и признается, что работал на «службы». На какие? Да уж известное дело — на те самые, недреманые. Причем — бескорыстно, на голом энтузиазме. Правда, теперь жалуется: ни гроша не получил! Обидно, конечно. Тем более что ведь как отменно другие-то крупно заработали на этом: «Солженицын очень богатый человек. А когда обрабатывали Горбачева, каких только званий и премий не выдали. Так и купили!» А его и покупать не надо было, сам снабжал.

Отсюда, из антисоветской лютости, у Зиновьева, как и у Солженицына, обилие изданий, переводов, интервью, разного рода приглашений («В одной Италии был больше пятидесяти раз»). Тогда на Западе был великий спрос на всякую, на любую антисоветчину. Сейчас ни Солженицына, ни Зиновьева там не издают. Черные мавры сделали свое черное мавританское дело, теперь могут вернуться на родину и отмыться. Так они и сделали.

Между прочим, я думаю, что, возвратившись в 1989 году из Германии, Зиновьев и тут стал чемпионом по количеству интервью. Но вот странно, ни он сам, ни его собеседники ни разу не упомянули, что ведь мавр больше двадцати лет, с 1953 года по 1976-й, был членом КПСС и к тому же членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

Раз дело дошло до философии, до упомянутой выше спасительной «системы» чемпиона по интервью, то хотелось бы уяснить, какое место в этой «системе» занимают

марксизм, коммунизм, и сами Маркс, Ленин и Сталин, о чем он так много пишет.

Вот, например, читаем: «Еще в школе я прочитал Маркса и Энгельса» (ВМ.29.X.02). Да неужто все 50 или сколько там фолиантов? Может, только «Коммунистический манифест»? Ну, ладно, допустим, прочитал все 50, каждый по 600—700 страниц. Но понял ли что-нибудь, стал ли умнее, образованней? Нет, говорит, «знаний и образования мне не хватало». Выходит, увы, не в коня корм.

Действительно, смотрите: «Маркс и Энгельс обещали отмирание государства, а у нас оно никак не желало отмирать. Я понял, что идеалы коммунизма неосуществимы» (там же). Так разочаровался, так осерчал, словно Карл и Фридрих прикатили однажды в кэбе к нему в костромскую деревню Пахтино, вызвали на гумно и сказали: «Знай, Саня, как только ты окончишь школу, получишь свой золотой аттестат, в тот же день государство откинет копыта, испустит дух. Вот те крест!» Но он получил золотой аттестат, вышел на улицу, глядь, а навстречу участковый милиционер. Не умер проклятый Левиафан!

Зиновьеву в таком случае обратиться бы к товарищу Сталину. Он разъяснил бы пытливому юноше, что Маркс и Энгельс говорили об отмирании государства не через 10—20 лет после социалистической революции в одной стране, а в отдаленном будущем после победы коммунизма во всем мире или в большинстве стран. И добавил бы, что если социализм победил в одной стране, а во всех других странах еще капитализм, то «страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, армию, органы разведки, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением». И еще: «Сохранится ли у нас государство также при коммунизме? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне». А то, что враг будет

действовать не только извне, но и изнутри, что в его кремлевском кабинете усядутся гнида Горбачев и пиявка Ельцин, этого Сталин предвидеть, конечно, не мог.

Но не будем строги к 16-летнему разочарованцу, со дня на день ожидавшему кончины государства, а еще сильней, может быть, — распределения по потребностям. Но вот ему уже 75 годков, а смотрите-ка, что опять изрекает: «В советской идеологии говорится, что коммунистическое общество будет обществом равенства. Это вздор (любимое словцо в адрес инакомыслящих. — *В.Б.*). Общество, в котором все люди равны экономически и социально, невозможно! И в коммунистическом обществе существует неравенство, и это естественно. Есть различия начальников и подчиненных. Это отношения неравенства»(Г).

Опять — ничего подобного о равенстве коммунисты не говорили. Хоть теперь-то, когда он признал Сталина гением, открыл бы его «Вопросы ленинизма» и почитал: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т.е. А) равное освобождение всех трудящихся от эксплоатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы; Б) равную для всех отмену частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества; В) равную обязанность для всех трудиться по своим способностям и равное право получать за это по их труду(социалистическое общество)...

При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по количеству или по качеству ни в период социализма, ни в период коммунизма. Вот вам марксистское понимание равенства». Уж чего яснее?

Прошло еще пять лет, Зиновьеву уже перевалило за 80, старше всех классиков марксизма, но опять удивляет свежестью мысли. Заявив, что философия, в том числе мар-

ксизм, никогда не была наукой, дает такое опровержение ее, философии: «Первое, чем ошарашивают студентов-философов профессора, это изречение древнегреческого философа: «В одну реку нельзя войти дважды». Что это значит? Мы, что, купаться ездим на разные реки?»

Автор тридцати художественных произведений все понимает буквально, мыслит один к одному, загадочным образом не ведает, что существует иносказание, образ, метафора. Журналистка Н. Склярова, в беседе с которой он это заявил, пыталась объяснить философу, что тут речь идет не о том, будто нельзя дважды войти в Истру или Клязьму, — можно! Реки будут течь по тому же руслу в тех же берегах под теми же именами, но в них что-то изменится, вода будет новая. Не сечет! Да еще и упорствует старик: «Что же получается, с одной и той женой нельзя переспать дважды? Эта формулировка — словесное жульничество». Конечно, было бы весьма увлекательно, если жена каждый раз изменялась бы полностью, становилась другой женщиной, как это мыслит философ, да еще, допустим, из марксистки превращалась в троцкистку, но, увы, дело обстоит не совсем так.

С той же лихостью духовный лидер общества в соответствии со своей «системой» расправляется и с писателями: «Есть крылатая фраза: «Человек создан для счастья, как птица для полета». Это бред сивой кобылы. Или же — «Красота спасет мир». Это чепуха». В первом случае сивой кобылой наречен В.Г.Короленко, замечательный и во многом гораздо более достойный писатель, чем иные гиганты современности. Между прочим, Надежду Мандельштам тоже возмущает приведенная фраза: «Нашелся умник, изрек... В лагерях хватит места для любых крикунов»(Вторая книга. М. 1990. С.138). Родство душ: оба мыслят один к одному. Мандельштам не понимает, что ведь Короленко говорил не о том, будто человека невозможно посадить в лагерь, а для чего он создан.

Но вернемся к философии и к зиновьевской «системе». Как видим, в марксизме он не понял даже самых ясных его идей. Однако заявляет: «Марксистская идеология в том виде, в каком она существовала в Советском Союзе, стала неадекватной состоянию и интересам этого общества» (Г). Так было сказано в 1989 году в Мюнхене. Вернулся мудрец на родину и продолжает в том же мюнхенском духе в «Завтра»: «С марксизмом сейчас уже ничего не сделать. Он уже не адекватен времени». Да еще и добавил тогда же в «Советской России»: «С марксизмом два века спустя уже ничего не сделаешь, и нынешним коммунистам сегодня брать на себя ответственность и за Маркса не стоит». И вдруг в «Независимой газете» 22 октября 2002 года: «Марксизм не был выдумкой Маркса. В нем воплощены идеалы, выношенные всем человечеством. И пока человечество не придумает новых, равноценных идеалов, марксизм не умрет».

Такая же картина и с коммунизмом. То нахваливает до небес в таком духе: «Компартия призвана дать идею людям. Коммунистическая идея — самая высокая. Ее ничто не может отменить. Жизнь заставит многих к ней обратиться» (СР). Прекрасно. Руку, товарищ! И он дальше: «Во время войны для советских людей разгром коммунизма был бы равносилен разгрому самой России, ибо Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве» (ЛГ). Тоже верно. И однако же сам признался (впрочем, мы это видели и без него), что он и такие, как покойный Владимир Максимов, «целились к коммунизм, а попали в Россию», т.е. целились в это самое неразрывное «единство», но надеялись убить лишь одну составляющую — коммунизм, не соображая, что тем самым убьют целое. То есть целились они и в то и в другое. Но зачем было убивать хотя бы и один лишь коммунизм, коли выше его, оказывается, нет ничего на свете? И вот какой практический вывод он сделал из своей роковой и несуразной ошибки: «Г.Зюганов — не просто личность, а символ. Ударить по Зюганову — ударить по коммунизму. Обвинить его даже в каких-то лич-

ных ошибках, просчетах, особенностях характера — значит обвинить идею коммунизма. Он — ее персональный носитель». Обжегся на всероссийском молоке, теперь дует на зюгановскую воду.

Но что ж это за «система» такая, позволяющая столь отчаянные философские перескоки? Он именует ее «зиновьйога».

О себе Зиновьев однажды сказал: «Я вырос как идеальный коммунист». Ничего себе идеальный: Сталин для него, как для Минкина, «воплощал все мировое зло» и он намеревался бросить в него гранату. Правда, мы читали у него и такое: «Я не апологет коммунизма». Что ж, неапологетам можно бросать бомбы?

Как же после всего этого можно называться философом и смиренно принимать эпитеты «мудрец», «гигант», «лидер»?

Так же фокусничает Зиновьев и со своим отношением к родному народу. Чувство принадлежности к нему, говорит, «у меня является самым глубоким», но — «я не восторгаюсь русским народом». И приходит ему в голову, что «таким же было отношение к русскому народу у Лермонтова, когда он писал «страна рабов, страна господ», у Чернышевского, когда он говорил «сверху до низу — все рабы». И это Зиновьев счел возможным объявить в пору небывалого разгула русофобии.

Он и Лермонтов!.. Великий поэт именно восторгался.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Невосторгающемуся Зиновьеву такая отрада недоступна. И ведь как характерно! Отношение Лермонтова к народу он видит не в «Бородино», не в «Родине» и приведенных оттуда строках, а в гнусном стишке, который написал не он, как давно доказано, а черт знает кто. И Чернышевский никогда не говорил о рабах сверху до низу, это в его романе «Пролог» так сказал один из персонажей, к тому же и не о народе вовсе, а в том же примерно духе, как дед Щукарь: «До чего вы, бабы, вредная нация!» А мало ли что может брякнуть персонаж! В «Горе от ума» Фамусов изрек: «Забрать все книги бы, да сжечь!» Это, что ж, голубая мечта Грибоедова?

Между тем, последствия обиды недоросля Зиновьева на классиков марксизма были в свое время самые ужасные. С «золотым аттестатом» он поступил в известный Институт истории, философии и литературы, где, между прочим, заочно учится и Солженицын. Тот тогда считал себя марксистом, но уж очень своеобразным: изучил марксизм без прикосновения к Марксу, его, говорит, читать трудно. Поэтому он занялся коллекционированием цитат из популяризаторских брошюр. Это вроде купания в водолазном костюме — тоже без соприкосновения с вольной стихией. Бумажки с цитатами Саня хранил в большой китайской вазе на обеденном столе. Идет, бывало, мимо, вспоминала покойная жена, запустит руку в вазу, вытащит цидулку и прочитает: «Бытие определяет сознание». Усек!

Позже Солженицын разочаруется в марксизме и даже проклянет его. Так, по поводу приведенной цидулки скажет: «Слишком низкий закон, по которому бытие определяет сознание. Это даже свинский закон» (Архипелаг ГУЛАГ, т.2, с.405). А между тем, марксисты и перед Солженицыным ни в чем не виноваты. Они говорят совсем другое: «Общественное сознание отражает общественное бытие» (Ленин).

Что же касается отдельного человека, то об этом у них, понятное дело, имеются соответствующие оговорки. Например, у того же Ленина: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут» (ПСС, т.56, с.207). Ярким свидетельством этого могут служить, с одной стороны, сам Ленин — дворянин, сын действительно статского советника, ставший революционером; с другой, Солженицын — активный комсомолец, сталинский стипендиат, офицер Красной Армии, ставший лютым антисоветчиком.

В ИФЛИ, рассказывает метеор, «я стал участником террористической группки из пяти человек». Кто это? Неизвестно. Тут мы опять сталкиваемся с тягой философа к анонимщине.

Итак, террористическая банда создана. Зачем? «Мы собирались устроить покушение на Сталина». Видно, хотели отомстить за проклятую живучесть государства и заодно за непонятных им Маркса, Энгельса и Ленина. «Если бы у нас было оружие, мы реально пошли бы на покушение». Но никакого оружия, даже рогаток, из которых пацаны бьют по воробьям, у них не было, только перочинные ножи. Вот если бы гранату! — мечтал Зиновьев. На парады, говорит, «я продолжал ходить со школой, и наша колонна должна была идти третьей от Мавзолея. Никакого труда не составляло бы прорваться к Мавзолею и бросить гранату».

Это заявление несколько ошарашивает. Во-первых, школу-то он заканчивал, судя по всему, в деревне Пехтино, за 600 верст от Москвы. Неужели эта школа приезжала в столицу на парады? Во-вторых, откуда мог знать юный бомбист, что школа пойдет в третьем ряду от Мавзолея? Я ходил на эти парады множество раз, и никогда мы не знали, в какой колонне пойдем. В-третьих, между колоннами стояли солдаты охраны. И откуда уверенность, что удалось бы прорваться через три ряда бдительных охранников, не говоря уж о демонстрантах?

Словом, все это сильно попахивает липой. И не было ни метания гранаты, ни выстрела из рогатки, ни меткого броска столового ножа. Тем не менее, говорит, «всех потом разоблачили и судили. Двоим дали высшую меру, позже заменили на 25 лет». И даже тут имена мучеников по обыкновению не называет. А ведь им сейчас Путин мог бы присвоить звание Героев России или дать премию, как Ахмадулиной. А Вячеслав Клыков и памятник смастачил бы.

Героическую историю о том, как он был террористом и готовил убийство вождя, Зиновьев рассказывает в каждом интервью, в некоторых — не один раз в таком духе: «Я готов был убить Сталина. И это казалось мне величайшим делом моей жизни» (Г., с.55). Ему ужасно нравится гарцевать в роли страшного бомбиста, но нам-то читать это, право, надоело, несмотря на то, что он рассказывает каждый раз по-разному.

В «Вечерней Москве» уверял, что его арестовали вместе со всей группой студентов-террористов, но отпустили, постольку, говорит, «я был несовершеннолетним». Однако же, когда поступил в ИФЛИ, ему не хватало всего два месяца до 17 лет, а судить могли с 16, но — дать не больше десяти лет. И, конечно, дали бы все десять за участие в банде, имевшей целью не ограбление пивного ларька, а убийство руководителя страны. Так что, похоже, либо — самое вероятное — не было никакой группы с ужасным замыслом, либо никого не судили, а просто вызвали на Лубянку, если не в райком комсомол, да намылили шею.

Однако гигант террора настаивает: меня не судили по малолетству. Но вдруг в «Независимой» — новый виток героизма: «Я в 16 лет был арестован как антисталинист, сидел на Лубянке и ждал расстрела». Даже расстрела! Так, значит, приговорили? Да, да, подтверждает в «Завтра»: «Меня должны были расстрелять». Не из пушки?

Но есть и другие варианты трагедии: «К нам на комсомольское собрание (в ИФЛИ) приехали колхозники (первый

раз слышу о таких визитах. — *В.Б.*), начали нахваливать колхозную жизнь. А я встал и сказал, что за свои трудодни не получил в колхозе ничего. И мои близкие друзья написали донос. Меня арестовали, привезли на Лубянку». Сразу! Да неужто на Лубянке в 1939 году других дел не было, как возиться с юнцом, допустим, из плохого колхоза? В «Горизонте» читаем: «Я с юности был антисталинистом. В 1939 году меня арестовали за выступление против культа Сталина». Так против колхозов или против культа? И какое выступление, где? «Правда»: «В 16 лет я стал антисталинистом и собирался убить Сталина». Из книги «Нашей юности полет» узнаем кое-что еще: «В 1939 году на семинаре в ИФЛИ я рассказал, что творилось в колхозах». Теперь уже не на комсомольском собрании, а на семинаре! Новое недоумение: почему? Неизвестно. А известно только, что сидел недоросль на Лубянке и ждал расстрела. Но тут случилось чудо.

После допроса юного террориста должны были куда-то переправить, может быть, на место лютой казни. Его повели два чекиста (в книге — один, но молодой). «Мы втроем вышли на площадь, но вдруг выяснилось, что мои конвоиры забыли какие-то документы. Они приказали мне стоять и ждать». А сами пошли обратно в здание НКВД. Да разве не мог пойти один? Конечно, мог. Но, видите ли, говорит, «им и в голову не пришло, что я могу уйти». Это почему же? Может, то были не чекисты, а балерины Большого театра, ведь он там недалеко? Они же оставляли на площади не кого-нибудь, а террориста, который, по его собственным словам, за намерение убить вождя заслуживал расстрела.

И он бежал. Как же не чудо! «Скитался по стране год, без документов. В 1940 году меня арестовали. Доставили в участок, предложили на выбор: или добровольцем в армию, или в тюрьму. Я выбрал армию». Во-первых, где скитался? Любопытно же узнать! Неизвестно. А куда делись документы? Молчание. Где арестовали? Неизвестно. За что грозили тюрьмой? Молчание. Разве милицейские участки направля-

ют в тюрьмы и занимаются призывом в армию? Вот уж это известно очень хорошо: не они. И, наконец, при чем здесь «добровольцем», если осенью 1940 года метеору уже 18 лет. Пора служить!

Так что же поведал нам о войне сей всемирно известный мудрец в юбилей великой Победы?

Сперва о себе: я, говорит, был кавалеристом, потом — танкистом, потом летчиком да еще и разведчиком. Энциклопедический случай! О втором столь многопрофильном воине я и не слышал ни на фронте, ни в последующие шестьдесят лет. Но когда именно герой попал на фронт? где воевал — на каких фронтах? в каких армиях? в каком полку? Почему-то опять и опять умалчивает. А ведь все имело название или номер. Неужели забыл? Я до сих пор помню даже номер нашей полевой почты — 66417. Сказал хотя бы, в каких краях сражался? кто был командиром? какое звание сам имел? Тоже ничего не известно. Опять сплошная анонимщина.

Оказавшись перед войной со своим танковым полком неизвестно где «на западной границе», Зиновьев сочинял стихи:

С нашей мощною силенкой
Мы раздавим, как котенка,
Всех врагов одним ударом,
В их земле дадим им жару...

Вызывает удивление не то, что молодой солдат сочинял тогда такие вирши, а то, что они 65 лет сидят в ученом мозгу всемирно известного гиганта, а «Литературная газета» сочла возможным их обнародовать.

Но вот война началась. Автор рассказывает такой эпизод: «В июле 1941 года в одном месте скопились остатки различных разбитых частей».

В каком месте? Каких частей? Молчит, словно это до сих пор военная тайна. И вот из этих таинственных частей в неизвестном месте неизвестно кто образовал «новое подразделение». Человек не понимает разницу между «подразделением», «частью», «отрядом» и т.д. Добровольцы, в числе которых оказался и Зиновьев, должны были «любой ценой» прикрыть отход сего «подразделения». Об этом опять есть колченогий стишок:

Доброволец, два шага вперед!
Ну а мы пошагаем дале.
Пусть потом кто-нибудь соврет,
Что тебя, как и всех, принуждали...

И в том же примерно духе стихотворец долго шагает по строчкам дале. Чем дело кончилось, удалось ли обеспечить отход «подразделения», как обернулось дело для самих добровольцев, — обо всем этом автор в интересах все той же военной тайны умалчивает. Но зато сообщает: «Среди добровольцев не было ни одного члена партии, были даже штрафники и исключенные из комсомола». Откуда в 41 году взялись штрафники? Штрафные части были созданы летом 42-го. И почему же не оказалось ни одного члена партии, ни одного комсомольца, а только, как на подбор, исключенные? Какой опять нетипичный факт: ведь те и другие, по данным хотя бы недавно вышедшей книги «Социология великой победы» (М.,2005) составляли в действующей армии до 50 процентов. Так что, струсили коммунисты и комсомольцы, что ли, в этом эпизоде? Или весь эпизод — досужая выдумка, потому и анонимность опять и конца нет?

От человека, который говорит «я прошел всю войну», крайне странно слышать и то, допустим, что «одним из важнейших — если не самым важным! — фактором обороны» Ленинграда и Сталинграда были сами их имена: «Если бы

Ленинград назывался Петербургом или Петроградом, его сдали бы. Но город, названный именем Ленина, должен был устоять любой ценой. Любой!.. И если Сталинград назывался бы Царицын, его сдали бы». Ну, а почему же не спасло имя областной центр Сталино (Донецк), крупный город на Украине? Он был сдан 21 октября 1941 года. А города Калинин (Тверь), Ворошиловск (Ставрополь), Ворошиловград (Луганск), Киров в Калужской области? Да и такие города, как Пушкино (Царское Село) или Лев Толстой (Остапово). Ведь тоже дорогие имена, но все эти города, увы, были сданы. Зиновьев отвергает религию, но его вера в спасительную силу имен ничуть не лучше россказней о том, что-де Москву спасли не мужество и обильно пролитая кровь народа, а икона Божьей матери, которую на самолете обнесли вокруг столицы.

С поразительной уверенностью автор извещает нас дальше: «Для большинства людей (а это были, прежде всего, молодые), отправлявшихся на фронт, главным в их психологическом состоянии было состояние отупения, окаменелости, какое бывает у приговоренных к смерти. Все остальные чувства заглушаются». Есть веские основания полагать, что здесь автор либо передает свое собственное состояние, но приписывает его большинству советских людей, либо он просто не был на фронте, — отсюда и вся анонимщина.

И какие же чувства у попавшего на фронт отупевшего человека «заглушались»? Оказывается, прежде всего — патриотизм: «Понятие париотизма в применении к нам, фронтовикам, было лишено смысла». Нет, он признает, что на фронте совершались подвиги, «но патриотизм тут, повторяю, ни при чем».

Конечно, если под патриотизмом понимать барабанные речи, то они не имеют никакого отношения к подвигам, но Толстой знал, что есть «скрытая теплота патриотизма», а советский поэт об этом же сказал так:

Никто не говорил «Россия!»,
А шли и гибли за нее.

Да, это всегда называлось патриотизмом, любовью к родине. И чего тут мыслитель мутит воду, наводит тень на Победы ясный День, непонятно.

Да не просто тень, а сплошной мрак: «Советских людей, которые стремились уклониться от фронта, было гораздо больше тех, кто добровольно рвался на фронт». Да откуда взял? Как подсчитал? Известно, что в народное ополчение желали вступить свыше 4 миллионов человек, но зачислено было около 2 миллионов. Например, Дмитрий Шостакович 4 июля 41 года на страницах «Известий» выразил желание идти на фронт, но его, конечно, не пустили. Добровольцы составили 36 дивизий, из которых 26 прошли всю войну, а 8 стали гвардейскими (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М. 1985. С. 479). Я уж не говорю о партизанском движении, оно было только добровольным. А это — 60 соединений и около 2 тысяч отрядов. 183 тысячи партизан награждены орденами и медалями, из них 95 стали Героями Советского Союза. А каковы ваши цифры, сударь философ?

Вместо ответа он выдвигает еще вот какой праздничный постулатик: «Для большинства россиян слово «фронт» означало муки, раны и смерть. Наивно думать, будто патриотизм и преданность идеям коммунизма могли пересилить осознание этой реальности». Во-первых, ни о каких идеях коммунизма на фронте и разговоров не было. И всем, разумеется, было понятно, что фронт это не у тещи на блинах — что тут «пересиливать? — но получали повестку, распивали с родными, с друзьями заветную поллитровку и шли на призывной пункт:

Значит, наш настал черед,
Значит, мы в ответе —

За Россию, за народ
И за все на свете.

Но мудрец таких простых вещей не понимает, он привык всегда умствовать, и вот вам новый извив бойкого ума, научная гипотеза: «Если бы во время войны предложили на фронте остаться только добровольно, то фронт опустел бы в считанные дни», ибо он уверен, что «строить коммунизм и побеждать в войне русский народ заставляли правители». Да, да, «народ строил коммунизм, оборонял страну и героически сражался, ибо этого хотели его вожди и начальники. Они принуждали народ к этому». А сам-то по себе он лежал бы на печи да сидел на завалинке. И делай с ним хоть татары и поляки, хоть французы и немцы что хошь!

Как нравится оракулу, бегая из одной газеты в другую и бормоча «Я не восторгаюсь русским народом» (Г), фабриковать о нем такие постулаты.

Но, говорит, «усматривать в этом (в поголовном дезертирстве с фронта. — *В.Б.*) отсутствие патриотизма также лишено смысла». То есть философ полагает, что можно одновременно быть и дезертиром, негодяем и патриотом.

И еще одно открытие: «Большинство непосредственных участников боев погибало или было ранено в первом же бою. Какая-то часть выживала и участвовала еще в нескольких боях, но таких было в процентном отношении не так уж много». Да откуда опять-таки взял? У Яковлева, что ли, который, пробыв на фронте два-три месячишка, причем в обороне, любит трепаться, что в его взводе за это время состав сменился 3—4 раза? А кто эти проценты сообщил? Не Эдуард ли Володарский? В недавнем фильме «Штрафбат» у него что ни бой, то 70, а то и 90 процентов потерь. Но что с него взять, он и в армии-то не служил. А ведь этот уверяет, что «войну с первого дня всю прошел», и притом, заметьте, ни в первом бою не убит, ни в последнем не ранен, и вот уже за восемьдесят перевалило. И опять же разухабистый стишок об этом есть:

Повезет, коль нас с тобою
Разнесет снаряд до боя.
Нет — так выгрузят с вагона,
Сунут в рыло три патрона,
И пойдет опять мура:
В бой за родину! Ура!...
Разгуляешься на воле,
Серый труп на мерзлом поле...

И тут же очередная философема о «серых трупах»: «Самым поразительным в потерях начала войны было то, что они не переживались (!) трагически как на фронте, так и в тылу». Что значит «не переживались» — родные, близкие, фронтовые друзья гибли, а живым было безразлично? Нет, право, он был на фронте?

Подводя итог своей философии о войне, Зиновьев пишет: «Мое отношение к войне было и остается сложным, многосторонним, противоречивым, изменчивым». Ну, мы это видели. Но в чем причина? «Во-первых, сам этот феномен проявлялся в различных изменчивых ипостасях». Что за «феномен» — это он о войне, что ли, так? А что за ипостаси? Господи, ведь в костромской деревне вырос, но вот назвали его гигантом и уже без феноменов да ипостасей не может! А что во-вторых? «А во-вторых, я был критически настроен по отношению к советскому социальному строю». Ну и что? Ведь это в прошлом. А сейчас-то более голосистого певца этого строя и сыскать невозможно. Почему же мутное отношение к войне «было и остается»?

Но он не слышит нас и опять свое: «Плюс к тому — я скрывался от «органов», которые, как мне казалось, разыскивали меня». Вот именно — казалось, ибо в армии, где каждый человек как на ладони, уж разыскали бы террориста.

Но тут же новый виток героизма: «В условиях постоянной слежки со стороны политруков, «особистов» и систе-

мы доносов жизнь порой превращалась в кошмар». Да как же, повторю, при этом за четыре года войны не обнаружили антисоветчика? Диво дивное, чудо чудное...

А еще Зиновьев возмущается тем, что на фронте награды получали «и штабные чины и политработники, а также начальник особого отдела и полковой врач».

Да, так и было. А почему не получить, если достойно исполняли свой долг? Например, были награждены 115 тысяч не только врачей, но и фельдшеров, медсестер и санинструкторов, а 43 из них стали Героями Советского Союза. Не нравится это философу. А ведь мог бы знать, что 70% раненых и 90% больных солдат и офицеров Красной Армии из госпиталей возвращались в строй. И происходило это вовсе не благодаря чтению таких вот зиновьевских виршей:

Наплюй на награды. К чему нам медали?
Поверь мне, не стоят железки возни.
Чины и нашивки в гробу мы видали,
А в гроб, как известно, кладут и без них.

В День Победы даже «Московский комсомолец» вышел с аншлагом:

Фронтовики, наденьте ордена!

И каково нам было в «Литературке», как бы в цитадели ума и совести, в этот же день прочитать: «наплюйте на эти железки!» И ломали мы седые головы: на что в нашей фронтовой жизни стихотворец плюнул словцом «возня»?

А он на этом не успокоился, дальше с негодованием пишет об «эпидемии», об «оргии наград». И доходит даже до такого признания: «Когда я вижу ветеранов, облепленных бесчисленными железками, я невольно вспоминал работника политотдела армии, облевавшего мой штурмовик Ил-2», т.е. вспоминает одного труса, будто бы встретившегося ему на фронте. И вам, «литгазетчики», не совестно печатать это?

О стихах Зиновьева следует сказать особо. Они у него «с ходу писались», он им «никогда не придавал значения». В статье они цитируются щедро, и все до одного могут составить опасную конкуренцию стихам бессмертного капитана Лебядкина. Помните?

Жил на свете таракан.
Таракан от детства.
И попал он раз в стакан,
Полный мухоедства...

Как читатель мог заметить, у Зиновьева очень много общего с Солженицыным и в биографии, и в психическом складе, и в литературной работе: фронт, изгнание из страны, репатриация, мания величия, титаническое самоуважение, литературная плодовитость, многословие... И вот оба еще и писали в молодости стихи. В.Лакшин вспоминал, что Солженицын принес Твардовскому свои рифмованные сочинения, чтобы напечатать в «Новом мире». Критик тоже захотел их прочесть, но Твардовский сказал: «Вам, Владимир Яковлевич, это лучше не читать, для здоровья вредно...» И стихи, слава Богу, не появились. Так Твардовский уберег и свой журнал, и его читателей, и — временно — литературную репутацию Солженицына. Это был акт милосердия.

На Западе сочинения Зиновьева, даже нашпигованные стихами, были нарасхват. Но когда до этого на родине он предложил повесть Константину Симонову, тогда редактору «Литгазеты», тот возвратил ее и посоветовал уничтожить. Это тоже был акт милосердия. Редакторы той послевоенной генерации понимали, что это такое. А нынешние редакторы даже тех же изданий не понимают. Пожалуй, они даже думают, что если бы попросили автора убрать свои лебядкинские вирши из текста статьи, то поступили бы нетактично, недемократично, даже грубо по отношению к писателю-ветерану.

Стихи свои гигант бережно хранит более шестидесяти лет, и, дожив до глубокой старости, так и не понял, каков уровень его поэзии и можно ли вылезать с ней на люди. В статье полдюжины таких шедевров. Право же, работники «Литгазеты» поступили жестоко, выставив старика на посмешище.

На одном стихотворении Зиновьева, пожалуй, следует остановиться. Это пародия на знаменитый тост Сталина 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии — «за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, — русского народа». Федин рассказывал Чуковскому, что Эренбург во время тоста там, в Георгиевском зале, вдруг пустил горькую слезу. Лживую и подлую пародию на тост сочинил когда-то Слуцкий, соплеменник Эренбурга, а Виталий Коротич, соплеменник Слуцкого, напечатал ее в «Огоньке». Что ж, это понятно, есть такие среди этих соплеменников. Но после того, что мы тут узнали о Зиновьеве, понятно и то, как могло такому русскому взбрести на ум написать еще более похабную пародию на тост в честь его народа:

Вот поднялся вождь в свой невзрачный рост
И в усмешке скривил рот. И сказал он так:
«Этот первый тост — За великий русский народ!»...

Все тут — злобное, тупое вранье, начиная с того, что это был не первый, а, наоборот, последний тост. Ведь он так и начинался: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост»...

Стихотворение длинное, но я не буду цитировать его не по этой причине, а из соображений социальной гигиены. Лучше подумаем, чего же стоят бесконечные вопли Зиновьева о гениальности Сталина, о великом родном народе,

если в День Победы он счел возможным преподнести нам грязную пародию на его тост в честь народа. И это при том, что уверяет: «Во время войны, если бы от меня потребовали, я закрыл бы Сталина своим телом». Интересно, а какой частью тела?

Вот вам еще фокус на эту тему. Зиновьев категорически заявляет: «Я никогда(!) не считал Сталина каким-то злодеем». Это в «Правде». А в демократическом «Горизонте» совсем другое: «Сталин был злодей и все прочее» (с. 53). Скажите, что это — капитальный вклад в логику?

Но Сталин — уже далекое прошлое. А вот интересно, что великий логик думает о В.Путине? Сразу, как вернулся из Германии, заявил, что, во-первых,: «Путин человек молодой». Ну, если пятьдесят лет это теперь молодость, то конечно. Но вот Столыпин в 49 уже окончил свой земной путь. Ленин — в 54. И никто не говорил: «Ах, какого юнца потеряли!»

Во-вторых, говорит, «Путин человек сильный». Тоже бесспорно. Такой сильный, что не нужны ему наши базы ни на Кубе, ни во Вьетнаме и не страшны ему американские базы на вчера еще советской земле в республиках Средней Азии. Такой сильный, что, когда погибал «Курск», он нашел силы удержать себя на сочинском пляже. Такой сильный, что, когда у него за спиной горел Манеж, он и бровью не повел. Помните у Кузнецова?

Адмирал, горит твоя эскадра!
Адмирал и бровью не ведет...

В-третьих, «Путин человек умный». Кто оспорит! Взял и ввел в стране полное равенство: все платят 13% подоходного налога — и я, все богатство которого две собаки да один компьютер, и Рома Абрамович, из последнего подаривший Путину яхту за 30 миллионов долларов.

В-четвертых, «Путин способен обучаться». Однозначно! Очень быстро обучился ходить по ковровым дорожкам и вручать премии, в том числе — литературным мумиям.

В-пятых, «Путин способен делать выводы». Несомненно! Видя, какая обстановка нарастает в стране, пришел к выводу, что войска МВД должны быть многочисленней и сильнее регулярной армии.

В-шестых, «Путиным не так-то просто манипулировать». Действительно, хотя американцам удалось использовать его как агента, уговорившего руководителей республик Средней Азии согласиться на военные базы США на их земле, но когда они захотели иметь базу еще и в Кунцеве, Путин извинился за нелюбезность, но все-таки отверг домогательства. Да, с ним не так-то просто!

Словом, превознес Зиновьев президента пуще, чем генерал В.Варенников.

Нет, пожалуй, трудно все-таки сказать, философ или генерал превознес Путина выше.

Уж если был упомянут Сталин, то знаете ли вы, читатель, а как Путин относится к Сталину? О, тут большой прогресс! Когда со страниц «Правды» и «Советской России», редакторы коих не смеют без разрешения называть Ленинград и Сталинград их подлинными именами, обратились к Путину с просьбой вернуть имя хотя бы Сталинград, Путин ответил: «Нас не поймут». Кто? Хакамада, Немцов, Явлинский, Новодворская и все остальные этого рода существа. Сейчас — совсем другое дело. В начале мая в Германии, где он тогда был, в интервью, напечатанном в газете «Бильд», Путин решительно заявил: «Не могу согласиться с приравниванием Сталина к Гитлеру». Каково? Хоть режьте его, не может! Разве не прогресс? Уж какое спасибочко-то от нас, фронтовиков. Особенно довод несогласия: «Ведь Сталин не был нацистом!» Ах, мерси... Правда, тут же добавил о правлении Сталина: «Бесконтрольность, режим личной власти развязывает руки для преступлений».

Это ему удалось вставить в зазор между нефтяной диверсией на железной дороге в Тверской области, подо Ржевом, и взрывом, едва не уничтожившем мой родной Ногинск.

Однако спустя два года со времени возвращения Зиновьева на родину мы услышали от него: «Недавно по телевидению президент рассказал о какой-то конференции, на которую пригласили из Германии человека по фамилии Энгельс. Президент «сострил»: «Слава Богу, что не Маркса!» Это он так пошутил, но у меня, некоммуниста, было такое чувство, будто мне плюнули в лицо. И кто!» (СР).

Как — кто? Он самый — умный, сильный, способный обучаться. Вот и хохмам обучился у Хазанова. И хохмит на всю страну, не соображая, что не только плюет в лицо миллионам, раскалывая народ вместо того, чтобы постараться объединить его, но еще и хвастается своей дуростью, что видят и коммунисты, и некоммунисты, и даже Починок.

Между прочим, кроме Маркса, известного во всем мире, был еще гитлеровский генерал Эрих Маркс, первый разработчик плана «Барбаросса». Вот когда была бы уместна радость Путина, что судьба уберегла его от встречи: «Слава богу, что не Маркс!»

Вернемся к газетным похвалам Зиновьеву. Особого внимания тут заслуживает комплимент его провидческому дару: «Ученый, известный своей объективностью и провидческой глубиной социального анализа... Многое было математически точно предсказано Зиновьевым в его трудах» (СР, 25.X11.03).Математически точно!

Но вот, например, в 2002 году он уверял читателей «Правды», что когда Горбачев в 1984 году еще до того, как стал генсеком, первый раз появился на Западе, в Англии, то не посетил могилу Маркса, как это было всегда принято у советских руководителей, и для меня, говорит, «уже мно-

гое стало ясно. Меня тогда просили прокомментировать это событие. Я сказал, что начинается эпоха великого исторического предательства».

Вскоре Горбачев возглавил партию и стал президентом, прошло четыре года его предательской перестройки. Что ж, сбывалось предсказание Зиновьева, если оно и впрямь было? Но, увы, пророк забыл, что в 1989 году, на пятом году горбачевщины говорил своему другу Амбарцумову: «Я приветствую все, что делается в Советском Союзе... Кем же я, в конце концов, был бы, если был бы против этого?» (Г, с. 59). А кем были мы, уже четыре года проклинавшие перестройку?

Мало того, пророк вел тогда речь «о тенденции горбачевского руководства к сталинизму: в целом Горбачев идет тем же путем». То есть Сталин шел путем укрепления страны, ее экономического подъема, культурного расцвета, роста международного веса, и вот Мишка Меченый представлен благородным продолжателем этого великого дела. Горбачев это Сталин сегодня!

И на пятом году предательства пророк в упор не видел в перестройке никакой угрозы стране и социализму. Он пребывал в состоянии блаженного умиления: дескать, под руководством Горбачева «общество сделало какой-то шаг вперед... Кризис будет преодолен в пять-шесть лет... Коммунистический строй победил и пути назад нет и не будет. Сейчас нет в мире силы, которая способна разрушить Советский Союз... (там же, с. 58). А Советскому Союзу оставалось жить всего один год... Вот его математическая точность, товарищ Чикин.

И с каким увлечением он пел свои математические псалмы: «Через пять-шесть лет страна будет сильнее, чем в брежневские годы. И в мире Советский Союз займет гораздо более сильное положение, чем сейчас» (там же, с. 57,59). Минуло 16 лет...

Так кто же перед нами — пророк, «точка роста России», ее спаситель или Солженицын наизнанку?

Тот, без конца пророчивший сквозь слезы гибель Запада под ударом Советского Союза, наконец, оказавшись в луже, замолчал. Видя, как трагически провалились и его радостные пророчества о возрождении России в пять-шесть лет, должен бы до конца дней своих замолчать и Зиновьев. Но не тут-то было! С той же резвостью и уверенностью, напором и неутомимостью он продолжает свои пророчества, но теперь — в противоположную сторону.

Вот их образчики: «США ведут войну за завоевание всей планеты. Сегодня Ирак, завтра Корея, Саудовская Аравия, Россия, Китай»... «Чтобы разгромить Россию, нужно не больше средств, чем для строительства аэродрома»... «В случае американо-натовской агрессии, российская армия не будет стрелять по ним»... «Если понадобится, американцы подадут сигнал, и в течение нескольких месяцев от России отпадут Чукотка, Приморье, Татарстан — все!»... «Неуместно говорить о том, что вот-вот произойдет какая-то катастрофа и Россия рухнет. Россия уже рухнула»... «Запад во главе с США одержит победу и над азиатским коммунизмом, конкретно — над Китаем»... «Американцам война против Китая обойдется в 30—50 миллионов русских»... и так далее до бесконечности.

И все это — невозмутимым тоном. Я, говорит, не политик, я, говорит, аналитик, я как ученый только констатирую факты. Но и аналитикам соображать надо. И не вернее ли задать вопрос: провокатор он или агент, имеющий цель деморализовать и подавить русскую волю? Или ворона с погоста, летающая по разным редакциям Москвы.

Я не хочу сказать, что считаю невозможной агрессию Запада и США против Кореи, Китая или нашей родины, но мне отвратительна рабская готовность к поражению и стремление внушить эту подлую готовность другим. И ведь как настойчиво, до чего спокойно он это долдонит! Как известный Кох в известном интервью израильскому радио: «У России

есть атомное оружие? Послать мотодивизию и забрать к чертовой матери!» Ясно, что Кох, деморализуя наш народ, работает как агент США. А на кого работает этот?

Нельзя не заметить, что особенно охотно предоставляют целые полосы для карканья вороны с погоста «Советская Россия» и «Правда», эти твердые ленинцы зюгановского закваса. Ничего удивительного. В свое время таким же карканьем на их страницах свободно занимался Владимир Максимов, парижанин. Так, в «Советской России» он напечатал статью «Поминки по России», а вскоре в «Правде», как полагается после поминок, — «Надгробие для России». Так что он нас и похоронил, и помянул, и памятник нам соорудил. Марксисты-зюгановцы этих газет убеждены: чем чаще долдонить народу, что Россия рухнула, что ее нет, тем резвее он вступит в борьбу за воскрешение покойницы. «Советская Россия» для пущего эффекту сопровождала такие статьи рисуночком роскошной красавицы, сраженной злодеем. Полюбуйтесь, мол: вот ваша мертвая родина.

И вдруг недавно, 5 июля, в связи с 75-летием со дня рождения Вадима Кожинова «Советская Россия» печатает его статью «Рано хоронить Россию». Проснулись благодетели... А тут и «Правда» устами нового председателя РУСО Виктора Шевелухи вдруг объявила: «Новая опасность! Александр Зиновьев и его книга «Идеология партии будущего». Да это не новая опасность, а уже давно известная. И «Правда» изо всех сил помогала ей утвердиться беспардонными публикациями зиновьевских размышлизмов.

Когда-то редколлегия «Правды» приняла небывалое в советской журналистике решение, запрещавшее редакторское вмешательство в любой текст В.Максимова. Но где ныне этот гробовщик? Десять лет, как преставился в Париже. Видно, приближение собственной смерти он принял за смерть родины. А где Россия? Тяжело больна, но дышит и пульс есть.

Я не первый воин, не последний.
Долго будет родина больна...
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, юная жена...

Поминать нас, павших за родину, будут не в газетах, а в храмах.

В День Победы хорошо сказал в «Труде» артист Олег Анофриев: «Сейчас Россия пока еще больной лев, но лев обязательно выздоровеет». А оплошка Максимова и его скорбная судьба утешают, когда думаешь о нынешних пророчествах старшего собрата. Тем более, мы уже знаем, что это за оракул с погоста.

«Правда России», 28 июля 2005

НЕ СОВСЕМ ТАК, ГОСПОДА...

Не так давно в «Литературной газете» были напечатаны стихи Анатолия Преловского. В одном из них он пишет:

Я помню, помню предвоенных лет
Унылый страх, натужное веселье,
Когда, как дуло револьвера вслед
Поглядывал сексот из каждой щели...

Будучи несколько старше Преловского, я, признаться, не помню ни страха, ни уныния, ни щелевых сексотов, ни натужного веселья тех лет. Совсем напротив, я и все мои сверстники безо всякой натуги, от души хохотали, например, слушая по радио рассказы Зощенко, которые читал бесподобный Игорь Ильинский, или когда смотрели фильмы «Веселые ребята», «Волга-Волга», спектакль «Принцесса Турандот» в Вахтанговском. Мало ли всего было!.. Да и дома причин для уныния и страха не было: все работали, все учились, все занимались спортом, читали в газетах сообщения о новых гидростанциях, заводах, железнодорожных магистралях, о перелетах наших летчиков через полюс в Америку. Впрочем, ну да, страшно было, что не спасут челюскинцев, но их спасли всех до единого. Страшно было за папанинцев, но никто из них не погиб. Страшно было за республиканскую Испанию, и, увы, фашисты ее задушили.

В жизни всегда есть место страху, но до войны страхи у нас с Преловским были разные. К тому же совершен-

но непонятно, каким образом он, дошкольник, мог видеть «в каждой щели» сексота. Они ж, сексоты-то, поди, хитрые, ловкие, изворотливые. Вот по каналу «Культура» была прекрасная передача о Гарольде Филби и его друзьях. Это наши сексоты в Англии и Америке. Ни одна разведка и контрразведка мира не может работать без своих секретных сотрудников. Боюсь, что ныне после слабоумного пьянчуги Ельцина и безмозглого либерала Бакатина у нас не осталось за границей ничего даже отдаленно похожего. Так вот, высокие умы разведок Англии и США не могли раскрыть Филби 25 лет! А дошкольник Толя Преловский в каждой щели без труда видел сексотов.

Признаться, я тоже видел кое-что интересное в ту пору, особенно в 1937-м, в 1940-м и 1941-м годах. Тогда по случаю знаменательных дат «из каждой щели» от моей 437-й школы Сталинского района Москвы до Колонного зала Дома союзов и Большого театра лезли юбилеи Пушкина, Маяковского и Лермонтова.

Но это не значит, конечно, что я отрицаю существование сексотов. Они, были, есть и будут. И вот вам доказательства.

Ныне частенько случается читать, в частности, и на страницах «Литературной газеты», как трудно приходилось иным писателям в Советское время: их не печатали, не пускали за границу, не принимали в Союз писателей или исключали из него да еще из партии... И все это, надо полагать, по доносам сексотов. Увы, бывало. Чтоб далеко не ходить и не представлять справки, скажу о себе: я тихо корпел в «Литгазете», нахваливал на ее страницах Евгения Винокурова, Владимира Богомолова, печатал пародии на Виктора Шкловского, но главному редактору С.С.Смирнову и его заместителю В.А.Косолапову, видимо, именно сексоты донесли, что есть в этом нечто подозрительное, вот они и выперли меня из прекрасного кабинета с кожаной мебелью и

посадили туда безупречного Феликса Кузнецова; потом наверняка те же агенты донесли главному редактору «Молодой гвардии» А.Никонову и его заму А.Рекемчуку, что я не оповестил родной коллектив ни о разводе, ни о новом браке и меня как морального разложенца выперли из журнала; позже из тайного доноса главному редактору «Дружбы народов» С.Баруздину и парторгу редакции В.Оскоцкому стало известно, что в «ЛГ» я сурово раскритиковал роман Б.Окуджавы «Бедный Авросимов», и меня эти свирепые почитатели романа тотчас выперли и из этого журнала, после чего всякие карьерные поползновения я оставил навсегда.

Но однажды по приглашению «Литгазеты» решил принять участие в свободном обсуждении на ее страницах выдвинутой на Государственную премию книги одного большого, ну, очень большого начальника и послал туда статью, суть которой состояла в том, что на сей раз можно обойтись без премии. И что же? Вместо того, чтобы статью напечатать и заплатить мне повышенный гонорар за смелость, сочинение мое прямехонько направили автору книги, ну, очень большому начальнику, в собственные руководящие руки. Кто это сделал? Конечно, сексот, работавший в редакции. Автор же, получив мою статью, подал на меня в суд и в качестве вещественного доказательства моей противоправной подрывной деятельности приложил к иску эту самую статью, полученную от сексота из «Литературки». Ничего себе развитой социализм, а? Откликаясь на любезный призыв писательской газеты, член писательского Союза хотел принять участие в вольной творческой дискуссии, а его волокут на скамью подсудимых, грозят срок дать... Пришлось отбиваться посредством встречного иска. Слава Богу, пронесло...

Но кроме того, восемь лет с 1979 года по 1987-й я не мог напечатать ни одной новой работы, а в 1989 году за то, что немножечко огорчил одного пишущего члена ЦК и Героя, хотели мне влепить по партийной линии строгача с за-

несением, да еще четыре Героя (С.М., Г.Г., М.Г., В.А.) и один юный лауреат (И.Ш.) обнародовали в «Московской правде» обо мне статью, немножечко поносную. Но хотя и на московском уровне (в «Московском литераторе»), и на российском (в «Литературной России»), и на всесоюзном (в «Литгазете») меня ославили — объявлено было, что влепили мне строгача, к счастью, влепить все-таки ничего не удалось. Однако на мою просьбу дать опровержение ни одна газета даже не ответила. Не до меня было: перестройка набирала обороты. Словом, как говорится, мне с сексотами скучно не было. И если это не ежовщина или не маккартизм, господа, то что же?

Но вот в «Литгазете» напечатана давняя беседа критика Алексея Георгиевского с Владимиром Солоухиным. Прекрасно. Однако во врезке критик пишет, что в конце 1984 года «Солоухин впал в немилость, в опалу у властей предержащих, и его собирались даже исключать из Союза писателей. Как оказалось — из-за рассуждений положительного характера в неопубликованной(!) рукописи о царской семье» («ЛГ» № 23'04). Судя по всему, и тут не обошлось без сексотов.

Владимир Солоухин мой однокашник по Литературному институту. Долгие годы и после мы пребывали в добрых дружеских отношениях. Он — не только очень талантливый, но и весьма многоуспешный писатель. Начал печататься еще студентом, тогда же вступил в партию, по поводу чего написал возвышенные стихи:

Я сейчас получаю партийный билет.
Коммунист умирает, но партия — нет!

А сразу после института — интересная и хлебная работа в «Огоньке», в самом популярном советском журнале, потом — в «Литгазете», куда, кстати сказать, именно он меня

и позвал работать. Много писал в стихах и прозе, переводил и обильно печатался, в том числе — за рубежом, имел «Избранное» в двух томах и собрание сочинений сперва в 4 томах, потом планировалось в 10и, получил Государственную премию и множество других, а также — ордена Трудового Красного Знамени, Знак Почета, «Дружбы народов», часто ездил за границу, бывал во Франции, Италии, США, где навестил Солженицына, который при прощании дал ему пирожков с грибами, чтоб держал язык за зубами. Сексоты это не пронюхали.

Как у всякого талантливого человека с выразительным лицом, были у него, конечно, и завистники, и недоброжелатели, и прямые недруги. Может быть, кто-то из них в душе и «собирался» исключить его из Союза писателей, но никаких конкретных шагов в этом направлении никогда никто не предпринимал. Солоухин был слишком крупной фигурой.

А было вот что. Из десятирублевой золотой монеты с изображением царя (империал) Володя сделал себе перстень и красовался с ним на людях. Разумеется, сексоты это засекли, донесли, и это не понравилось партийному начальству. Времена были не то, что ныне. Вот захожу я не так давно к писателю-коммунисту С.В., старому приятелю, глядь, на стенке в его кабинете, где раньше висел потрет Некрасова, теперь — художественное изображение Николая Второго; пригласила недавно в гости писательница-коммунистка И.Р, глядь, на стенке, где раньше висел портрет Михаила Светлова, теперь — художественное изображение патриарха Алексия Второго и т.д.

А тогда, натурально, вызвали Солоухина на партбюро. Он оправдывался тем, что монету, мол, любимая бабушка завещала, но его все равно, конечно, пропесочили. Тем дело и кончилось. И даже — никаких взысканий. Володя снял перстень и продолжал как заседать в президиумах, получать премии, ордена, так и совершать заграничные вояжи.

А незадолго до публикации о Солоухине в «Литературке» же Виктор Юровский, знаток творчества Б.Окуджавы, привел такой фрагмент из «Московской правды» за 1июня 2002 года: «30 лет назад, в 1972 г., на заседании парткома СП СССР поэт, писатель и бард Булат Окуджава был единогласно исключен из партии за отказ опубликовать письмо с осуждением выхода на Западе в эмигрантском издательстве «Посев» сборника его произведений...» («ЛГ» №12-13'04). Ну, тут сексот «М.П», работающий на Юровского, схалтурил.

Прежде всего, что такое «партком СП СССР»? Такой, как ныне говорят, структуры просто не существовало. Мне, например, лепил строгача партком Московского отделения СП СССР, где тогда заседали Людмила Щипахина и другие достойные люди. Он, партком МО, при желании должен был исключать и Окуджаву, но, к огорчению В.Юровского и «М.П», такое трагическое событие не имело места ни в 1972 году, ни раньше, ни позже. Окуджава умер в Париже с партийным билетом у сердца. Комиссаров в пыльных шлемах, увы, рядом не оказалось.

В самом деле, вот однотомный «Советский энциклопедический словарь» за 1986 год. Там на странице 924 напечатано: «Окуджава Булат Шалвович...Член КПСС с 1955 года». Допустим, сей словарь уж очень далек от Союза писателей. Но вот еще и биографический справочник «Писатели Москвы», вышедший в 1987 году. На странице 336 читаем: «Окуджава Булат Шалвович... Член КПСС с 1956 года». В первом источнике, видимо, принят во внимание и кандидатский стаж, отсюда и расхождение в год со вторым источником, что в данном случае нам безразлично. Сведения для этого справочника члены Союза давали по предложенной им анкете сами. Так неужели Булат забыл, что уже давным-давно у него отобрали партийный билет?

Еще? Раскройте биографический словарь «Русские писатели XX века», вышедший в 2000 году. Там — черным по бело-

му: «Окуджава являлся членом СП СССР и КПСС. В последние годы был вице-президентом Российского ПЕН-центра, членом совета общества «Мемориал», членом учредительного совета газеты «Моск. Новости», членом общественного совета ж. «Знамя», членом Комиссии при президенте по вопросу помилования, членом совета по культуре при президенте, членом Президиума комиссии по Гос. премиям при президенте. Награжден орд. Дружба народов, Почетной медалью Советского фонда мира, Государственной премией СССР(1991)» (стр. 514).

Всего Окуджава получил около дюжины премий и был членом около тридцати литературных опять же структур да еще и почетным гражданином Калуги, где вышла его первая книга, чего не удостоился даже Станислав Куняев, калужский уроженец. Мыслимое ли дело, чтобы все это свалилось на партийного изгоя!

Наконец, в новейшем словаре «Новая Россия: мир литературы» (2003) читаем: «За участие в защите Ю.М.Даниэля, А.Д.Синявского (1966) и А.И.Солженицына (1969), а также в связи с перепечаткой его произведений за границей О. грозило исключение из партии, но он остался в ней, опубликовав вынужденное заявление в «ЛГ» (18 ноября 1972)». Так что, по новейшим данным,— «грозило, но остался». А помянутое «заявление» не помешало Окуджаве обильно печататься как в советских издательствах вплоть до издательства «Правды», так и в зарубежных вплоть то того же антисоветского «Посева». Сексоты хлопали ушами.

Авторы, которые пишут об исключении хоть Солоухина из Союза писателей, хоть Окуджавы из партии, просто не понимают, что эти писатели были столь популярны, а исключение столь суровая кара, что она не могла бы остаться неизвестной всей литературной Москве да и не только ей. И как мог не знать об этом хотя бы я, состоявший с этими гипотетическими исключенцами в одной организации.

Но В.Юровский настаивает: «Продолжение истории с исключением Окуджавы из партии детально описано Е.Евтушенко в воспоминаниях». Надеяться составить себе достоверное представление о жизни по воспоминаниям тов. Евтушенко немножечко опасно. Он даже о собственной жизни, например, о том, как в кассе КГБ по студенческому билету и по доверенности получал деньги как бы за свою тещу (мать Беллы Ахмадулиной) рассказывает немножечко фантастично. Кто интересуется, может прочитать об этом в романе Евтушенко «Не умирай раньше смерти» (М., 1993) и в моей книге «Окаянные годы» (М.1997)

Мне лично ничего не известно и о том, где и как, устно или печатно Окуджава защищал Даниэля, Синявского и Солженицына, но если под защитой хотя бы последнего имеется в виду известное письмо в Президиум IV съезда писателей в мае 1967 года, содержавшее предложение дать Солжницыну слово на съезде, то ведь его подписали 80 человек, в частности, и я по просьбе Наума Коржавина (Слово пробивает себе дорогу. М.1998. С. 216—217). Все они были членами Союза писателей и многие —членами партии. И что же? Кто был исключен? Никто. Сексоты не шевелились.

Вот еще совсем уж свежий пример: очень интересная статья Павла Басинского «Чего же мы хотим?» («ЛГ» №52'05). Автор пишет: «Роман В.Кочетова «Чего же ты хочешь?» был бесконечно высмеян либеральной интеллигенцией. Чего стоит одна знаменитая пародия на него Зиновия Паперного, распространявшаяся в самиздате, за которую Паперного в 1970 году исключили из партии».

Зиновий Паперный, автор монографии «Мастерство Маяковского», знаменитой тем, как доносят сексоты, что в ее первом издании (1952) насчитывалось 67 цитат из Сталина, а во втором (1954) — ни одной, известный остроумец Зяма Паперный, с которым я опять же работал в «Литгазете», действительно был исключен, но не за любовь к жанру

пародий или нелюбовь к Кочетову, а за некоторые сопутствующие моменты. Помните, как в «Записках из мертвого дома» Баклушин уверял всех, что его сослали на каторгу за одну только чистую любовь? Автор-повествователь не верил: «Ну, за это все-таки сюда не пошлют». — «Правда,— вздохнув, добавлял Баклушин,— я при этом еще немца убил. Но посудите сами, можно ли за немца — на каторгу!» Так вот, у Паперного тогда тоже был свой «немец». Какой? Ну, это долго рассказывать и не интересно. Во всяком случае, Петр Васильевич Палиевский, человек недосягаемой правдивости, говорил мне, что позже, когда страсти улеглись, Паперному предлагали вновь вступить в партию, но он был человек гордый.

А однажды «ЛГ» посредством своего древнего парижского корреспондента Аркадия Ваксберга (1933, Новосибирск) предоставила свои страницы для плача Марины Влади о Владимире Высоцком. Его почитатели знают, что когда он умер, вдова написала о нем скорбную книгу «Владимир, или Прерванный полет». Позже она вышла замуж за Леона Шварценберга, говорят, одного из самых известных врачей Франции. Семь лет назад, увы, и он умер. Вдова и о нем написала скорбную книгу — «Человек в черном на пляже».

А вот недавно опять вспомнила о Высоцком: «Его задушили — он погиб в сорок два года, оплакиваемый своим народом... Его убивало непризнание — да, непризнание, хотя он был безмерно любим и неслыханно популярен». Позвольте, какое непризнание при такой любви и популярности? Чьего признания ему не хватало? Политбюро ЦК КПСС? Оказывается, вот что: «Ведь в то время писателем считался лишь тот, кого приняли в Союз писателей, а он как бы считался непричастным к литературе». Мадам, где вы набрались этого вздора? Например, мой замечательный товарищ Владимир Богомолов, о пронзительной повести которого «Иван» мне довелось в той же «Литгазете» первым ска-

зать доброе слово, всю жизнь принципиально не вступал в Союз писателей, но, разумеется, он был писателем в отличие, допустим, от А.В., который состоит в Союзе вот уже 35 лет, но все равно остается не столько писателем, сколько пишущим юристом. А в свое время Анна Ахматова и Михаил Зощенко были на несколько лет исключены из Союза, исключенный Борис Пастернак так и умер вне его рядов, — и что, с момента исключения их уже не считали писателями? Кто? Ну, разумеется, мир бесконечен в своем многообразии, есть и такие, для кого главное — бумажка с печатью. Так, о смерти Пастернака «Литературка» сообщила: «Умер член Литфонда...» И мадам хочет уверить нас, что Высоцкий был именно таким почитателем бумажек?

«Он жестоко страдал из-за невозможности пробиться через ватную стену и очень по-русски глушил эту боль и обиду в алкоголе...Владимир метался от отчаяния к надежде, — все это происходило у меня на глазах». Право, впервые в жизни слышу о таких страданиях из-за членского билета с профилем Ленина и подписью Георгия Маркова.

И ведь вот странно... Высоцкий — многогранная художественная фигура. Он был ведущим артистом популярного театра, играл там важнейшие роли вплоть до Гамлета. И, конечно, он по праву мог стать (или был) членом Союза театральных деятелей. К тому же, он работал в кино, снялся более чем в тридцати фильмах. И, конечно, по праву мог стать (или был) членом Союза кинематографистов. Наконец, он сочинил множество песен, которые обрели огромную популярность. И, конечно, по праву мог стать (или был) членом Союза композиторов. Нет, он хотел быть еще и членом Союза писателей!

Это было вполне возможно. Вон, допустим, Эльдар Рязанов или Эдуард Володарский — они члены и СП, и СК, а кто-то из них еще и лауреат премии КГБ. Но Союз писателей по определению это союз тех, кто не играет в театре или в кино, не поет песни, а пишет. И принимают туда тех,

у кого есть написанные ими книги. А у Высоцкого книг не было. Как же его принять? А он, что, подавал заявления, но ему отказывали? А кто давал рекомендации? Почему мадам их не назовет? Да потому, что ничего этого не было! Похоже, что вдова запамятовала, перепутала: если Высоцкий страдал, то скорей всего по той причине, что не мог издать книгу. Но это уже совсем другая проблема.

Так что, не все было столь ужасно в «заклепанной наглухо стране», как выражаются то ли Влади, то ли Ваксберг.

Из всех этих историй видно, что дальше без сексотов и справочников, без отдела проверки и телефонной книги жить нельзя.

«Литературная газета», № 32. 07

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТАЛАНТА

12 июня по случаю праздника Дня России президент В.Путин вручил Государственные премии за 2005 год группе ученых и деятелей культуры. Александр Проханов, находившийся в тот день в Ленинграде, поручил мне поздравить всех лауреатов и пожелать им доброго здравия и новых творческих свершений, что я с удовольствием и сделал.

По законам русского дружества и гостеприимства, обязательного для русской газеты, первыми надо поздравить создателей татарского балета «Юсуп», поставленного в Казанском театре им. Мусы Джалиля, — поэта Рената Халисова, композитора Леонида Лабовского и солиста балета Мирона Хамедова. При вручении премии Ренат Халисов прочитал свои прекрасные стихи о дружбе наших народов, кажется, написанные на русском языке. По этому случаю не могу не вспомнить моего старшего товарища поэта Михаила Львова, жившего в Москве и тоже писавшего на русском. В 1985 году его выдвинули на Государственную премию. После конкурсного отбора претендентов на премию по поэзии оказалось двое — он и К. В. 20 ноября я написал второму из них: «Остались вы со Львовым. Ему в будущем году будет 70. Он прошел всю войну, и притом потяжелее, чем мы с тобой: был ранен. Он — татарин, взятый в плен русским словом, и являет собой пример реальности дружбы между народами. А разве ты забыл, К., как в литинститутские годы, зная, что собеседнику они известны не хуже, чем тебе, мы, теребя его пуговицу, читали с восторгом эти строки:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Как стать железом, мало быть рудой,—
Ты должен переплавиться, разбиться
И, как руда, пожертвовать собой.

Ты на одиннадцать лет моложе. Он был нашим учителем.

Зачем тебе эта премия? Известности она тебе не прибавит, материальной необходимости в ней нет. Поэтому я тебя призываю во имя Литинститута, изображенного на конверте, чтобы показать, что фронтовое братство — не только слова из песни, чтобы все увидели, как мы чтим учителей, — отрекись от этой премии. Лучше всего это сделать на церемонии вручения, которая будет, вероятно, накануне Нового года, но —

Тут надо, чтоб душа была тверда,
Здесь страх не должен подавать совета...

Ты можешь не найти в себе таких сил. Тогда это можно сделать тихо, без шума, посредством отказного письма с обстоятельной мотивировкой в пользу Львова.

Какая бы это была пощечина всей премиально-наградной мерзости! А как бы выглядел Дементьев! Но главное-то, смысл не в этом даже, а в очистительности. После этого стали бы думать, как кого и чем награждать. Премии есть у сотен, у тысяч. А вот отказался бы ты один. И не просто отказался, а в пользу старшего товарища, учителя, татарина. Это был бы поступок. О нем рассказывали бы с восторгом, как ныне рассказывают о выходе Чехова и Короленко из Академии Наук во имя великого товарищества русских писателей.

Судьба дала тебе шанс. Не упусти его».

В ответ К.В. написал: «Твое письмо показалось мне, мягко говоря, несерьезным... Призывы к совестливости носят сугубо теоретический характер»...

Премию К.В. получил. Потом еще много надавали ему всяких букеров вплоть до ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

А Михаил Давыдович вскоре умер.

Так вот, татарские лауреаты, давайте будем считать, что вместе с вами премию все-таки получил и прекрасный поэт Михаил Львов. И когда будете в своем театре праздновать награждение, поднимите бокал и в его честь.

Лауреатом стал знаменитый советский химик Игорь Васильевич Горынин. В этом году ему восемьдесят. А в Академию Наук СССР его избрали еще в 1984 году. В тридцать семь лет он получил Ленинскую премию, в сорок восемь — Государственную премию СССР. Член КПСС с 1951 года, и свой партбилет он не сжигал, как сделал это в припадке безумия и страха за свои бесчисленные советские премии, ордена и должности режиссер Марк Захаров, и не зарыл на даче у тещи, как известный своей безвестностью Сысуев. Если заглянуть в партбилет Игоря Васильевича, то можно убедиться, что и партвзносы уплачены по июнь этого года включительно.

Я надеялся, что, получая награду, он скажет президенту: «Ваше степенство, спасибо за премию, но почему до сих пор на свободе Иоахим фон Греф? Это же преступный тип, агент иностранной державы: он публично заявил о намерении ликвидировать Академию Наук. И вот уже сокращено 80 процентов ее работников. Чиновничество выросло в четыре раза, а тут... Если он куда-то скрылся, то я готов отдать все пять миллионов премии на его поиски и поимку. И старушка моя, как истинная патриотка, не возразит. Нельзя медлить, ваше степенство! Улизнет, как Яковлев. И потом, как читал я в газетах, сейчас лезут в Академию Наук такие, например, как генерал-полковник Степашин, известный знаток марксизма в пожарном деле. Нельзя ли как-то пресечь

подобные поползновения на корню? Пусть они организуют пожарную Академию. Помогите, ради Бога!».

Увы, Игорь Васильевич этого публично на весь Кремль не сказал, но надеюсь, что когда пили шампанское, все-таки улучил момент.

Премию получил и блистательный советский физик Александр Николаевич Скринский. Ему в этом году семьдесят. В тридцать лет он получил Ленинскую премию. А в тридцать четыре стал академиком, самым молодым после знаменитого Героя Социалистического Труда, трижды Сталинского лауреата Сергея Львовича Соболева, математика и механика, избранного в Академию в 1939 году, когда ему было тридцать лет. Это вам не божьи одуванчики вроде Солженицына да того же Яковлева, которых неизвестно за что демократы в давно пенсионном возрасте лет внесли в Академию с черного входа, чтобы вскоре под свадебный марш Мендельсона вынести ногами вперед через парадный подъезд.

Я думал, что и Александр Николаевич скажет президенту примерно так: «Владимир Владимирович, как далеко вы продвинулись в своем развитии и начали кое-что соображать! Давно ли вы ужасно радовались тому, что наши ученые уезжают в другие страны. Вы видели в этом веское доказательство конкурентоспособности нашей науки, и ликовали, и гордились. А то, что на родине наука гибнет, вы как-то из-за кремлевской стены не замечали. Или взять другой вопрос. Сегодня один из лауреатов не назван по причине секретности его работы. Значит, вы доперли, ваше превосходительство, наконец, и до того, что у страны должны быть секреты. Значит, догадались, что есть и те, от кого секреты надо беречь. А ведь совсем недавно и Горбачев с Ельциным, и вы с Собчаком, и Явлинский с Немцовым, не говорю уж о полоумном Бакатине, твердили нам: теперь никаких врагов у России нет, кругом одни милейшие друзья, мечтающие нам

во всем помогать. От лица Академии Наук поздравляю вас с завоеванием новых интеллектуальных высот!» Увы, по неизвестной причине и это вслух сказано не было...

Впервые в этом году присудили премию за общественную деятельность. Тут выбор пал на патриарха Алексия. В своем выступлении он сказал, что перед обществом стоит задача помощи «бедным, одиноким, брошенным детям»... Глубоко верно, только следовала бы уточнить, что детей бросают не столько ожесточившиеся от расцвета демократии родители, сколько само демократическое государство, либеральное правительство, прогрессивные властители. Но как бы то ни было, а патриарх, пять лет тому назад став лауреатом премии писателя-коммуниста Шолохова, на сей раз поступил по-шолоховски, по-коммунистически: объявил, что денежную часть премии передаст детским приютам. Уж какое спасибо! Именно так поступал Михаил Александрович. Свою Сталинскую премию в 100 тысяч рублей в 1941 году он передал в Фонд обороны, на Ленинскую построил школу в станице Каргинской, где учился в детстве, на Государственную — больницу. Между прочим, обо всем этом в статье В.Литвинова, помещенной в биографическом словаре «Русские писатели XX века» (М., 2000), — ни слова. Словно сам он, критик, или редактор-составитель словаря П.Николаев проделывает такие пустяки ежегодно.

Стал лауреатом замечательный пианист и дирижер Михаил Васильевич Плетнев. О нем пишут: «Он входит в десятку известнейших музыкантов мира». А одно лишь создание им Русского национального оркестра в пору, когда культурой в стране заправляют швыдкие, заслуживает безмерной благодарности всего народа. Тем более что в короткое время оркестр стал известен во всем мире как один из лучших оркестров современности.

Но при всем уважении к прославленному музыканту должен признаться, что меня удивило то, что он сказал при

получении премии: «Настало время, когда в России стало возможно не выживать, а жить. И то, что я нахожусь сейчас в этом зале — свидетельство тому». То есть сослался на свою собственную судьбу.

Крайне странно. Во-первых, в подобных вопросах надо говорить о судьбе народа, а не только о своей собственной. Во-вторых, разве в советское время Михаил Плетнев не жил, а выживал? Родившись в далеком Архангельске, он получил прекрасное музыкальное образование в Москве и прославился уже в шестнадцать лет, получив «Гран-при» на молодежном конкурсе в Париже, куда послала его людоедка Фурцева. В двадцать лет — первая премия на Международном конкурсе им. Чайковского в Москве. Потом — преподавательская работа в столичной консерватории. В 1982 году — Государственная премия РСФСР. Разве все это не яркая, насыщенная, вдохновенная жизнь, а только выживание? А создание в годы швыдковщины Русского национального оркестра, успешное руководство им вот уже десять лет,— это просто чудо.

Но взгляните, Михаил Васильевич, на родной народ. В советское время он увеличивался в год на 800 тысяч душ, а ныне убывает на эти же 800 тысяч — это жизнь или выживание? «Правда» 9 июня сообщила, что рабочие Ясногорского машиностроительного завода Тульской области недавно многодневной голодовкой выбили у хозяина завода зарплату за 2004 год. А ведь уже середина 2006-го. И не похоже, что рабочие скоро получат свои кровные 25 миллионов рублей за последние полтора года. И 12 июня, в День России, когда вас под гром музыки и брызги шампанского чествовали в Кремле, эти несчастные люди вновь объявили голодовку. Они живут или выживают? Вот он, наглядный пример грабительской антинародной приватизации, о благодетельности которой не устает врать нам Чубайс и его племя.

Вы сказали, что Девятая симфония Бетховена с хором на текст оды Шиллера «К радости» ваше любимое произве-

дение, ибо это призыв к единению и братству всего человечества. Прекрасно! А решились бы вы поехать с этой симфонией к тем тульским рабочим? Как бы они, голодные отцы голодных детей, встретили призыв к братству и единению со своим хозяином?..

А что конкретно вы имели в виду, когда сказали: «Я вижу, что в России все больше и больше внимания уделяется культуре. Этот вопрос становится одним из главных». Где вы это видите? Не правильнее ли сказать, что в России все больше и больше неграмотных, беспризорных, все наглее и наглее на первый план лезет бездарность, все громче и громче вопит с телеэкранов, со сцен и эстрад пошлость. «А пошлость, — сказал недавно в «Правде» ваш знаменитый собрат Владимир Иванович Федосеев, руководитель и главный дирижер Большого симфонического оркестра им. Чайковского, — пошлость отравляет. Телевидение, единственный вне Москвы источник культуры, загажен. То, что несет он, заставляет вспомнить предостережение Л.Толстого, который сказал: «Что стало бы с нами, если бы музыка нас покинула».

Как странно! Два современника, два знаменитых, всемирно прославленных русских музыканта и так по-разному видят одно и то же у себя на родине... Неужели все дело в том, что Владимир Иванович старше на двадцать пять лет и в тридцать стал коммунистом?

И еще он сказал в «Правде»: «В других сферах жизни тоже творится нечто ужасное... Некоторые министры — просто враги своего народа и своей страны, — необразованные, непонимающие, нечитающие. И они сегодня командуют. Есть и запал такой — убить все национальное, все русское...»

Говорить много об Алексее Баталове излишне, — кто ж его не знает по фильмам «Летят журавли», «Мать», «Дело Румянцева», «Семья Журбиных» и множеству других пре-

красных советских фильмов. Свое выступление он закончил полными национального достоинства словами Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы я переменить Отечество или иметь другую историю наших предков, чем та, какой нам дал ее Бог». Отлично! Слова эти широко известны и многократно цитировались, но то, что они прозвучали ныне под кремлевскими сводами и были брошены в лицо сидящим в зале политикам вроде того же висельника Чубайса и историкам-хохмачам вроде Радзинского, — это дорогого стоит.

Досадно только, что историю сосем недалеких наших предков Алексей Владимирович представил крайне односторонне: свел ее, как это особенно старательно делают его коллеги в кино, к репрессиям. Точнее говоря, он принялся рассуждать о том времени, когда «из дома выгоняли Капицу, когда Ландау и т.д. и т.д. Я уж не говорю о Шостаковиче, у которого был сумбур вместо музыки... Ахматова, никогда не собиравшаяся уезжать из осажденного Петербурга...».

Выступая с такой высокой трибуны, надо взвешивать каждое слово. О каком Капице тут речь? Кого выселяли? Из какого дома? Когда говорят просто «Толстой», то хотя их в русской литературе было три, причем, два Алексея и два Николаевича, все понимают, что речь идет о Льве Толстом. Так и тут: когда говорят просто «Капица», тем более в такой день и в такой аудитории, то, естественно, все думают, что имеется в виду Петр Леонидович Капица (1894 — 1984), знаменитый ученый, дважды Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, Нобелевский лауреат. Хотя широко известен и его сын Сергей Петрович, член-корреспондент РАН, физик, ведущий телепрограммы «Очевидное — невероятное». Но Баталов, видимо, мимоходом и невнятно упомянул третьего Капицу, Петра Иосифовича, не очень известного ленинградского писателя. Его в этой аудитории едва ли кто знал, и, пожалуй, все подума-

ли о знаменитом ученом. А так как Петр Леонидович с 1921 по 1934 год жил в Англии, то кто-то, может, решил, что его-то и «выгоняли из дома». Таких спешу успокоить: это была длительная научная командировка.

А с писателем Капицей дело совершенно непонятное. В наше советское время никого не выселяли. А если его действительно выселили, то, разве что, по той причине, что он незаконно въехал в чужую квартиру. Такие дела случались. Почитайте в «Мемуарах» Эммы Герштейн, как в 1933 году Мандельштамы, даже не внеся паевой взнос в жилищный кооператив, захватывали квартиру в кооперативном доме в Фурманном переулке: «Энергия Мандельштамов преодолела все препятствия... По действовавшим тогда законам жильца нельзя было выселить, если на спорной жилплощади уже стоит его кровать. Надя прекрасно это знала, и как только был назначен день общего вселения, она с ночи дежурила у подъезда, поставив рядом с собой пружинный матрац. Утром, как только дверь подъезда открыли, она ринулась со своим матрацем на пятый этаж (дом без лифта) и первой ворвалась в квартиру. И вот врезан замок. Вселение совершилось. Квартирка казалась нам очаровательной» (с. 40)...

Я не раз бывал когда-то в этом большом доме в переулке у Чистых прудов в квартире 11 на первом этаже как войдешь направо: мы собирались здесь беззаветной литинститутской компашкой у нашей однокурсницы Люды Шлейман, дочери переводчика Павла Соломоновича Карабана, тихого славного старичка.

Тогда мы были молодыми
И чушь прекрасную несли...

Эмма Григорьевна ошибалась насчет всемогущества поставленной кровати — не было такого закона, но, тем не менее, Мандельштамов не выселили.

Но откуда же именно выселили писателя Капицу? Он жил в Ленинграде на Малой Посадской, дом 8, потом — на ул. Ленина, 34, на Кронверкской, 29, на ул. Скороходова, 30. А может, и еще где-то. То есть лет за двадцать сменил 4—5 квартир. Трудно допустить, что квартиры были все хуже и хуже, а не наоборот.

Баталов назвал еще Льва Ландау. А что было с ним? Этот академик в тридцать восемь лет, Герой Труда, трижды Сталинский лауреат да еще и Ленинский, и Нобелевский, — чем он пострадал, как его терзали? Человек экспансивный, неуемный, он однажды между двумя научными достижениями и двумя премиями вдруг вдарился в антисоветчину, сочинял какие-то антисоветские бумаги, — ну и однажды на рассвете к нему постучали в дверь, возможно, посидел недели две-три в скуповато освещенной комнате, и по просьбе того же Капицы был отпущен получать очередной орден или премию. Только и всего. Стоит ли вспоминать об этом спустя полвека да еще в праздничный день и в таком зале?

И Дмитрия Дмитриевича Шостаковича шестикратного лауреата Сталинской премии, Героя, председателя Союза композиторов РСФСР и депутата Верховного Совета, во избежание репутации демагога тоже не следует изображать жертвой «сталинских репрессий». Ведь Баталов сказал так, словно вся его музыка была объявлена сумбуром. На самом деле это относилось к его опере «Катерина Измайлова», которую четыре года безоглядно нахваливали, поставили и у нас и на Западе многие театры, а потом вот эта достопечальная статья в «Правде» — «Сумбур вместо музыки». Что тут удивительного? Шостакович — гений. Не один его собрат пережил нечто подобное. Даже Пушкин в последние годы жизни знал и поношение и ухмылки: «Исписался...»

И все многочисленные премии, ордена, высокие звания и должности, как из рога изобилия, посыпались на композитора именно вскоре после разноса этой оперы.

А главное, ведь Шостакович в конце концов сделал новую редакцию «Катерины Измайловой», т.е., значит, признал неудачность первой редакции. Однако Ростропович недавно поставил первый вариант, т.е., изображая себя другом великого композитора, начхал на его волю. Алексей Баталов, поставив Шостаковича в ряд страдальцев Советской эпохи, уподобился этому мнимому другу.

Единственным в «списке Баталова» действительно пострадавшим человеком была Анна Ахматова, но и о ней сказано странно: «Она никогда не собиралась уезжать из осажденного Петербурга».

Во-первых, Петербург никто не осаждал. Осаду пережил советский Ленинград. Так его в своих планах называли и немцы. И, кстати говоря, когда впервые начались разговоры о возвращении городу прежнего названия — а это было довольно давно, — Анна Андреевна, столько лет прожившая в Петербурге-Петрограде, решительно протестовала, и довод у нее был неотразимый, она говорила: «Самые героические и самые страшные дни своей истории город пережил как Ленинград, с этим именем он и должен остаться в веках».

Во-вторых, что значит «не собиралась уезжать»? Та же Герштейн пишет, что вся семья Н.Пунина, с которой Анна Андреевна жила на Фонтанке, эвакуировалась. Она осталась одна в пустой квартире и совершенно не могла переносить артиллерийские обстрелы. Ее приютили Томашевские, которых, в свою очередь, приютил живший будто бы в подвале дворник, вскоре погибший при обстреле. И тогда Ахматову вывезли из осажденного Ленинграда на самолете, говорят, по личному указанию Сталина. Так что, в насильственнном порядке? «Ничего удивительного, — пишет Герштейн,— что она прилетела в Москву в растерянном и подавленном состоянии... Вначале остановилась у Маршака, потом — в Кисловском переулке у сестры Ольги Берггольц». Вот Ольга

Берггольц не собиралась уезжать и не уехала, а всю блокаду работала на радио голосом Ленинграда, страстным и мужественным. Да, как напомнил Баталов, Ахматова написала несколько прекрасных стихотворений в годы войны:

Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...

Это — 23 февраля 1942 года в Ташкенте. К тому же, если точно, час мужества пробил несколько раньше — 22 июня 1941 года.

Разумеется, я не упрекаю, наоборот,— и за это великое спасибо: поэтессе шел уже шестой десяток, а Ольге Федоровне Берггольц было немного за тридцать. Но не надо разводить демагогию, тем более, — на кремлевском уроне. Не надо хотя бы во имя дружбы Ахматовой с Ниной Антоновной Ольшевской, матерью Баталова.

Было бы гораздо достойнее сказать с этой трибуны, что пора поставить в Ленинграде памятник Ахматовой, а не Собчаку, на открытие которого сразу после вручения премий помчался в сей праздничный день президент Путин. Других забот нет...

Говорят, соображений и проектов памятника было несколько. Одни предлагали присобачить винтами медное изваяние Анатолия Александровича за спиной Петра Алексеевича, там на крупе коня есть место. Другие говорили, что хорошо бы изваянием Собчака заменить змею, которую топчет копытами царский конь. Было и такое предложение: снять с коня фигуру Александра Третьего, посадить на его место Собчака, а на постаменте дать выдержку из его заявления о приеме в КПСС. Что в конце концов предпочли, я не знаю, потому что памятник почему-то по телевидению не показали. Интересно, кто автор? Может, это и есть тот неназванный секретный лауреат? Вполне...

А президент, открывая памятник своему учителю, сказал: «Он глубоко любил Россию... В сердцах граждан нашей страны он навсегда останется блестящим представителем того поколения политиков, которые боролись за создание в России нового демократического порядка».

Они боролись... Видим мы их «новый порядок»... Право, лучше поручили бы В.И. Федосееву произнести речь по этому случаю. Он мог бы повторить: «Не те люди занимались и занимаются руководством на разных направлениях и в разных городах, — необразованные, непонимающие, нечитающие, только пишущие... Просто враги своего народа...»

Пожалеете вы, товарищ Путин, когда-то об этом памятничке и о своей речи. Ох, пожалеете...

ТОРЖЕСТВА И РЕЧИ

Никому в жизни я не завидовал, кроме мало известного, к сожалению, Бориса Шишаева, стихотворца из рязанского города Касимова. Почему? А вот послушайте...

Знаете ли вы, читатель, что наша цветущая держава давно стала мировым лидером по числу премий, вручаемых энтузиастам и подвижникам в различных сферах деятельности. Известно ли вам, что, например, по данным справочника Сергея Чупринина «Новая Россия: мир литературы» (М., 2003), в означенный год выхода этого справочника одних литературных премий было у нас 324.

Аналогий этому ныне можно найти немало. Допустим, был в советское время один-единственный «Аэрофлот», и он, постоянно получая с наших заводов самолеты, все более совершенные и быстрые, дешево и надежно справлялся с важной для всей страны задачей. А теперь в РФ около 400 частных авиакомпаний, владеющих устаревшими самолетами, и, увы, иной раз случаются по две страшные катастрофы в один день, как было год тому назад с известными рейсами из Москвы в Ростов и в Иркутск. А цена на билеты такая, что лучше пешком идти с котомкой за плечами до того же Иркутска. Так и с премиями. Была когда-то одна-единственная Сталинская, и имела она огромный авторитет и хорошую финансовую надежность. Потом появились Ленинская, Государственная СССР, Государственные союзных и автономных республик, Ленинского комсомола,— и это еще

тоже было не плохо. Но вот теперь 324, и катастрофы стали неизбежны: например, у писателя Е.Л. еще четыре года тому назад было 26 премий (С.Чупринин, т. 1, с. 813). И, думаете, он один такой? А сколько, допустим, у Олега Чухонцева или Александра Кушнера? Подсчитайте сами.

Мне скажут: «Зато какой диапазон! Какой охват!» Действительно, диапазон огромный — от Государственной, которую вручает сам президент (5 миллионов рублей), до премии Ивана Петрова, которую он, Петров, рязанский дворник и стихотворец, учредил и сам вручает (200—250 рублей). В справочнике Чупринина назван только один лауреат премии имени Ивана Петрова — Борис Шишаев (с. 897). Вот ему-то я и завидую.

Согласитесь, не может быть ничего выше такой премии. Во-первых, у нее нет многолюдного жюри с его интригами, происками, борьбой самолюбий. Сам решил — сам дает. Во-вторых, наверняка же Петров знает, за что дает, он читал премируемую книгу. А вот вручал президент премию Б.Ахмадулиной, и разве кто-нибудь из присутствовавших в огромном зале знает хоть один ее стишок? Крайне сомнительно... Наконец, вокруг премии Петрова нет хапужества. Ведь вот что случается порой с другими-то премиями. Союз писателей Москвы в 1998 году учредил премию «Венец». Ах, до чего красиво! Но при первой же раздаче ее получили Римма Казакова, Первый секретарь этого Союза, и Леонид Жуховицкий, Председатель совета Международного института глобальной морали, высокоморальная проза которого переведена даже на малайский язык с целью поднятия морального уровня малайцев, а пьесы шли в 300 театрах на родине и в 50 за рубежом (Цит. соч., с. 891 и 501). Ну, сколько ему надо еще славы и колбасы!

Или взять Пушкинскую премию фонда А.Тепфера (30—40 тысяч немецких марок). Там Андрей Битов — член жюри, он же и лауреат, Олег Чухонцев — член жюри, он же и лауреат...

А как было с Шолоховской премией? Очень похожая картина: при первой же раздаче в 1995 году она вдруг оказалась в талантливых руках председателя жюри. А мне, например, это благодеяние затянулось на десять лет. Да потом еще и отнять хотели за непочтение к начальству, но я зубами вцепился — не отдал!

Так вот, между президентской премией и дворницкой раскинулись остальные 322 премии, в том числе — Солженицынская. 12 июня в День независимости России от науки и техники, от культуры и искусства в Георгиевском зале Кремля президент под гром бубен и литавр, обтянутых козлиной кожей, вручал, как и в прежние годы, Государственные премии как раз деятелям науки и техники, культуры и искусства. Зрелище грандиозное!

Отрадно было видеть знаменитую уже едва ли не во всем мире певицу Ольгу Бородину из ленинградской Мариинки и новую звезду Большого театра Светлану Захарову, надеюсь, не состоящую ни в каком родстве с известным пироманом Марком. И речи они сказали хорошие. Так, очаровательная Светлана подчеркнула: «Выступая на сценах других стран, я горжусь, что представляю великую школу русского балета».

Однако дальше не все обстояло гладко.

Награждены три сотрудника Госфильмофонда — Николай Бордачев, Ирина Васина и Владимир Дмитриев. Они с достоинством называют себя «чернорабочими кино».

И тут началось нашествие подлости, в которой эпоха библиофила Ельцина взрастила своих телевизионных цепных псов. Репортер Максим Бобров с придыханием заявил: «Разве думал деревенский пацан Бордачев, что получит такую премию!» То есть хотел представить это награждение чем-то небывалым, немыслимым в прежние времена. Дубина стоеросовая! А кем, как не «деревенскими пацанами», были когда-то великое множестве достойнейших советских людей,

получивших высочайшие государственные награды — хотя бы от Шолохова и Твардовского до Шукшина и Бондарева, от Курчатова и Королева до Гагарина, от Козловского и Лемешева до Людмилы Зыкиной...

Сам же Н.Бордачев сказал нечто совсем иное: «Без нашей работы по сохранению кинофильмов невозможно соединение прошлого и настоящего». Это было совершенно непонятно кое для кого в зале, ибо они озабочены связью не прошлого, не вчерашнего и настоящего, сегодняшнего, а совершенно чуждого народу и непонятного им самим позапрошлогоднего с трагикомическим настоящим.

Были награждены три знаменитых строителя атомного подводного флота страны — академики С.Н.Ковалев, И.Д.Спасский и Д.Г.Пашаев. Первому — под девяносто, второму — за восемьдесят, третьему — около семидесяти. Прекрасно. Как в Советское время: «Старикам везде у нас почет...» Так же было и предыдущий раз: награждали великих советских старцев. Увы, больше некого...

Свое выступление Сергей Никитович Ковалев к ужасу многих в зале начал не всхлипом «Дамы и господа!», а, как и принято у порядочных людей, словами «Уважаемые товарищи!» Тут мне послышался звук упавшей на пол человеческой туши. Видимо, это замертво грохнул на кремлевский исторический паркет господин Чубайс, третий год, наглец, держащий в застенке товарища Квачкова.

Раздосадовало некоторых выступление и Игоря Дмитриевича Спасского, сказавшего, что кое в чем «мы пока еще сохраняем лидерство». Пока! И это под гром литавр, обтянутых козлиной кожей!.. И непонятны были многим его слова о том, как начинали строить подводный флот: «Жили мы трудно, спали по двенадцать человек в комнате, но — горели на работе!» Кто видел горящего Кириенко или Грызлова? Мне трудно представить даже пылающую Слиску!

Между тем непристойность телевидения на сей раз в лице Дмитрия Титова продолжалась. Ведь академик Кова-

лев — дважды Герой Социалистического Труда, академик Спасский тоже Герой да еще лауреат Ленинской и Государственной премии СССР, и Пашаев, Герой России, Советской властью тоже взыскан щедро, ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, но Титов — ни слова об этом. Да и академики они еще советской поры. А какие ныне академики? Ну вот был Яковлев, большой друг ЦРУ, недавно прибранный Богом. Есть еще один...

Мало того, рассказывая о Д.Г.Пашаеве, этот Титов застенчиво промямлил: «В начале девяностых он спас завод, строящий подводные лодки». От чего спас — от землетрясения? от наводнения? от пожара? от нашествия врага? Молчит прислужник. Ведь подличать можно не только враньем, но и умолчанием. А спас академик Пашаев свой завод именно от вражеского нашествия тех, кто до сих пор сидит в почетных креслах, как сейчас в этом зале — от таких погромщиков России, как Гайдар да Чубайс и сорок тысяч их братьев.

И надо еще заметить, что все три академика к тому же коммунисты: один с 1962 года, другой — с 1967-го... Никуда вам, гражданин Путин, без коммунистов не деться. А что будете делать, когда они уйдут? На Яковлевых — какая надежда? Обманут, оберут, как липку, да еще за ваш же счет и выпивон с пляской устроят.

Но вот дошла очередь еще до одного академика — Солженицына. Совесть русского народа! Его супруга приняла из рук президента Государственную премию, которой удостоен ее живой классик «за выдающееся достижение в гуманитарной деятельности». За что же еще! Второго такого гуманитария поискать в мире. Но — странно... Ведь до сих пор Солженицын ото всего отказывался: в 1990 году — от Государственной премии РСФСР, в 1994-м — от восстановления в Союзе писателей и от премии Льва Толстого, в

1998-м от ордена Андрея Первозванного... Решительно ото всего, — кроме бывшего поместья не то Ягоды, не то Кагановича в Троице-Лыково, соизмеримого с его поместьем №1 в штате Вермонт. Доныне он предпочитал иностранные да международные маковые калачи — Нобелевская премия, медаль американского Национального клуба искусств, в Англии получил Темплтоновскую премию (больше Нобелевской), во Франции — премию Академии морально-политических наук, в Италии — премию Союза журналистов «Золотое кольцо»... и т.п. И вдруг — «Хочу получить звание русского лауреата и пять миллионов русских рублей!» Диво дивное... Впрочем, так ли уж это ныне неожиданно, если даже киргиз Швыдкой на ломанном русском языке начал внятно выговаривать слова «Россия», «русский мир», «русское искусство»...

Получая премию, супруга классика поведала миру: «Деля с Александром Исаевичем труды и дни, я могу свидетельствовать, что он всегда жил и живет с постоянной мыслью и молитвой о России». Ну, это не совсем так, мадам Светлова, — не всегда. «Труды и дни» это Гесиод, грозивший притеснителям крестьян гневом богов. А кому грозил ваш классик и кого поддерживал, о ком тревожился, например, в молитве, им самим зафиксированной, которую он истово возносил к небесам 20 марта 1975 года в Цюрихе: «Господи, просвети меня, как помочь Западу укрепиться. Он так явно и быстро рушится. Дай мне средство для этого!» Вроде бы, не о России эта его молитва, а совсем наоборот — о Западе, прежде всего об Америке,— как им укрепиться против Советского Союза, который-де вот-вот на них, беспомощных, обрушится. И получил он средство для спасения Запада и на пагубу своей родины — «Архипелаг ГУЛАГ». Но — разумеется, не от Бога, а совсем от другого владыки — с рожками.

И мысли его о России, мадам, не всегда были возвышенно-благостны. Вспомните, как он говорил о войне: «Ничего

не было бы страшного, если победили бы немцы: вешали мы портрет с усами — повесили бы с усиками, справляли елку на Новый год, стали бы — на Рождество». Всего и делов!

А как он не раз грозил родине: «Будет на вас Трумэн с атомной бомбой! Будет!..»

И с каким сочувствием рассказал он в своем «Круге» о предателе Володине, который в духе помянутой выше молитвы об укреплении Запада выдал наших разведчиков в Америке, занимавшихся проблемой атомной бомбы.

А ведь недавно ваш живой классик написал сценарий для фильма по этому сочинению, его показали по телевидению и вы, мадам, на обсуждении фильма пылко защищали образ гнусного предателя любимой вами с мужем России. Значит, вы оба и в старости как стояли, так и стоите в одном ряду с этим Володиным.

После процедуры в Георгиевском зале президент собственной персоной припожаловал в Ягодное, чтобы лично поздравить совесть русского народа и пожать его, увы, слабеющую длань. Мне хотелось плакать...

Тем более что помнилось, как за несколько дней до этого Н.Д.Светлова сама вручала премии супруга, произнесла при этом столь же возвышенную речь о трудах и днях, но в ответных выступлениях новых лауреатов-филологов меня кое-что сильно озадачило и даже огорчило.

Так, Сергей Бочаров, услышав по телевидению нечто весьма отрадное, заявил: «Если мы такое слышим, то что-то ведь изменилось?» Какое трогательное простодушие в человеке, которому за семьдесят! Мы то и дело слышим, что происходит необыкновенное и повсеместное духовно-нравственное возрождение страны. А что реально изменилось? Реально происходит деградация народа: бедность миллионов, небывалый разгул наркомании, порнографии, проституции, мракобесия, многотысячные убийства, самоубийства, пожары и наводнения, катастрофы самолетов и поез-

дов, — вы обо всем этом не знаете? А для просвещения в этом вопросе не обязательно читать «Завтра», все можно видеть по телевизору, слышать по радио. Вот на днях Федеральная служба статистики сообщила: в первом квартале нынешнего года, т.е. за 120 дней умерло 706 тысяч наших соотечественников (сколько среди них филологов, не указано), а родилось — 488 тысяч (СР.23 июня). Надеюсь, вы понимаете, что будет означать разность, если из первого числа вычесть второе.

Странно было слышать и о том, что из любви к филологии «Александр Исаевич Солженицын единственный раз обратился к верховной власти». Да с чего вы взяли, что единственный? Он всю жизнь обращался к властям самых разных уровней, вплоть до высшего, как и к отдельным людям, в том числе к самым высокопоставленным. Например, обратился к Юрию Завадскому, чтобы он взял его в театр «Моссовета». Не взял: актерский талант есть, но больно голос противный. Как рассказывала его первая жена, обратился он в юности к знакомому врачу А.Ежерец с просьбой дать справку о негодности к военной службе. Дал. И она ему отчасти помогла. Будучи хоть и поздно все-таки мобилизован, попросился направить его не на фронт, а «в артиллерию», говорит, на самом деле — в артиллерийское училище. Направили. В мае 1943 года оказавшись на фронте, попросил командование доставить ему из Ростова жену, не могу, дескать, без нее врага бить. Доставили. Прямо в персональный блиндаж. Когда за содействие в военное время фашистской пропаганде по подрыву авторитета командования Красной Армии, офицера Солженицына посадили, он вскоре обратился к генеральному прокурору Руденко с просьбой пересмотреть его дело. Отказали. Еще раз обратился. Опять отказали. Отбывая срок, он обращался к родственникам слать ему посылки. Слали. Притом регулярно и даже — шоколад «Золотой ярлык». Выйдя на свободу, обратился с просьбой к бывшей жене, у которой была уже другая семья, выгнать

нового мужа с двумя его детьми и снова принять его (с пропиской). Выгнала дуреха, приняла, прописала, чтобы потом на пороге старости он ее бросил. Сочинив первую повесть, обратился к своему другу Льву Копелеву с просьбой устроить так, чтобы рукопись попала прямо в руки главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского. Устроил, попала. Когда повесть готовилась к изданию отдельной книгой, попросил фотографа снять его так, чтобы на лице была видна Weltschmerz (мировая скорбь). Снял, Schmerz так и вопиет. Сочинив «Архипелаг ГУЛАГ», обратился к нынешней жене с просьбой пройтись карандашом, что-то поправить. Но тут случилось нечто загадочное. То ли изначально от самого автора, то ли после редактирования неряшливо образованным человеком в рукописи оказалось невообразимое количество невероятной экзотики — орфографической, географической, исторической, психологической, политической... Какая еще бывает? В таком виде книга и вышла во Франции в антисоветском издательстве YMKA-PRESS, которое возглавлял ученый дядя Струве (их, Струвей, много. Этот, кажется, Никита), за что и получил Государственную премию России — за то, что выставил живого классика на позорище. Экзотический облик сочинения и породил слухи, что к нему приложили руку филологи из ЦРУ. А кроме того, Солженицын писал еще письма Хрущеву через его помощника Лебедева, Суслову, Микояну, Косыгину, маршалу Жукову, Андропову, Щелокову... Но мало ему — каждому по отдельности, взбодрил еще и всем вместе — «Письмо вождям Советского Союза». И так всю жизнь — сплошные письма с просьбами, предложениями и требованиями... Только что Николаю Второму не писал. А вы — «единственный раз»! Биографию своего благодетеля, Сергей Георгиевич, надо знать.

Удивительно было услышать от вас и это: «Я начинал как филолог полвека назад, в эпоху, которую можно, пожалуй, назвать антифилологической». Что, филология была под

запретом? Филологам не платили зарплату, как ныне многим? Странно. Я по мере сил и сам занимался в ту пору не чем иным, как филологической работой и никакого «анти» не чувствовал. Да и вы в конце выступления назвали ту пору «временем интенсивной филологической жизни и работы нескольких великих филологов, имена которых известны всем». Ну, нет, не всем. Едва ли, например, Наталья Дмитриевна слышала даже об академике Виноградове или о Борисе Ивановиче Бурсове. Едва ли...

Но еще больше огорчил меня второй лауреат-филолог — Андрей Анатольевич Зализняк. С одной стороны, конечно, порадовало его гневное изобличение «лжецов и конъюнктурщиков, которые так долго навязывали нам свои заказные теории». Но, с другой, — кто именно эти лжецы, и что заставляло вас «так долго» принимать их какие-то «заказные теории», а теперь стенать в образе жертвы кем-то заказанных на вашу голову теорий?

Удивительно было также прочитать, что ученый филолог огорчен «второсортностью» нашей лингвистической науки, поскольку она «за столько времени не может поставить обоснованный диагноз лежащему перед нами тексту». Имеется в виду «Слово о полку Игореве». (Оказывается, его теперь обозначают СПИ. Значит, «Война и мир» — ВИМ, «Тихий Дон» — ТД и т.д.) Неужели ученому человеку неизвестно, что, например, в «первосортной» английской филологии до сих пор бьются над «диагнозом» пьес Шекспира? А уж чего наглядней — теорема Ферма! Автор сформулировал ее в 1621 году, но решил ее только лет пятнадцать тому назад первосортный английский математик Э.Уайлс. Правда, совсем недавно своим путем решил теорему и представитель второсортной русской науки Геннадий Максимович Соколов, профессор из Йошкар-Олы.

Позволю себе и такой пример. У нас лет сто твердили, что гнусный стишок «Прощай, немытая Россия... Быть мо-

жет, за хребтом Кавказа укроюсь...» написал Лермонтов, однако автор этих строк решительно отверг такой «диагноз» («Кубань» № 10'89 и 5'91, 9'91, а также «Слово» №10'89). Но ведь сто лет! Мой новый «диагноз», правда, без упоминания о моей дважды опубликованной работе, поддержал в «Литературной газете»(№38-39'04) известный филолог Н.Н.Скатов, тогда директор Пушкинского дома, а ныне — тоже почитатель и защитник антисоветчика № 1.

В связи с этим нельзя пройти мимо признания лауреата о том, что, дескать, «во мне есть некоторый патриотизм, но, скорее всего такого рода, который тем, кто много говорит о патриотизме, не очень понравится». К чему и тут умолчания? Кто имеется в виду? Вот Солженицын, Путин, Швыдкой последнее время много говорят о патриотизме. Что, им не понравится? И потом, скажите прямо, сколько в вас унций патриотизма.

Дальше: «Если книга по такому горячему вопросу, как происхождение «Слова о полку Игореве», пишется из патриотических побуждений, то ее выводы на настоящих весах уже по одной этой(!) причине весят меньше, чем хотелось бы». По одной этой... Значит, для вас патриотизм всегда нечто подозрительное и недоброкачественное. Но есть люди, которые всю жизнь и почти всегда работают, прежде всего, из патриотических побуждений. Из каких побуждений Пушкин написал «Клеветникам России» или «Полтаву»? А советские труженики — делали все, чтобы наша страна стала сверхдержавой? А Шостакович — написал Седьмую симфонию?.. Признаюсь, что и я обратился к помянутому стишку из патриотических побуждений: горько было, что такую мерзость будто бы написал великий русский поэт. Если желаете, взвесьте мою работу на ваших «настоящих весах».

Или вот, товарищ Зализняк, вы сказали: «Западная формула «Если ты умный, то почему же бедный?» была для нас свидетельством убогости такого типа мышления. Ныне нам приходится расставаться с этим советским идеализмом. За-

падная формула уже не кажется нам убогой». Вы ошибаетесь, ваше степенство: эта формула не просто убога — она лжива и лицемерна, цинична и жестока, это изощренно ловкая формула общества, в котором человек человеку — волк. Очень много умнейших, талантливейших и гениальных людей в многовековой истории Запада влачили жизнь в нищете. Вы, старый филолог, должны знать имена таких ученых, писателей, художников, артистов. А из русских гениев напомню хотя бы Достоевского, который почти всю жизнь бился в долгах. Вы еще спросили бы тень Тараса Шевченко: «Если ты такой талантливый, почему же был крепостным?» А то и Джордано Бруно: «Если ты был такой умный, чего ж попал на костер?»

После вашего расставания с «советским идеализмом» я уже не удивился, прочитав и такое: «Губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку гуманитарных наук на службу политической пропаганде». Да где вы видели эту «прямую установку на эту постановку», филолог? Именно власть этим и занималась? Чушь зеленая! Вот беру я с полки, допустим, давно подаренную мне С.М.Бонди его книгу о Пушкине (между прочим, с дарственной надписью, сделанной справа налево) — где тут хотя бы не прямая, а кривая установа-постановка? Беру недавно подаренную книгу П.В.Палиевского «Из выводов XX века» — где тут хотя бы рахитичная постанова-установка?.. Но, конечно, если взять подаренный же «Архипелаг» — тут сплошь оголтелая политическая пропаганда, поставленная на службу врагам России. Так надо же, ваше степенство, называть вещи своими именами, а не прятаться за намеки-экивоки.

Но главное в вашем выступлении, лауреат, вот что: «Эпоха была виновата в том, что у нас сложилось ясное сознание: вознесенные к официальной славе — все или почти все — получали ее кривыми путями и не по заслугам. Мы понимали так: если лауреат Сталинской премии, то почти наверное, угодливая бездарность; если академик, то нужны

какие-то совершенно исключительные свидетельства, чтобы поверить, что не дутая величина и не проходимец». Это сказано о молодости, о «дружеской компании, которая сложилась еще в школе», но — «в нас это сидело крепко и, в сущности, сидит до сих пор».

Тут много вопросов, маэстро. Во-первых, ныне-то вам сколько? Судя по фотографии, что-то около семидесяти. Не ошибся? И вот вы думаете так же, как в школьные годы. А ведь могли бы свое «ясное сознание» за полвека-то несколько усовершенствовать. Во-вторых, что вы оба лауреата все на эпоху валите, время вините? А сами-то вы — что, амебы? Позвольте по этому поводу привести несколько стихотворных строки собственного производства:

Да, все доступно, все возможно.
Не падай духом ни на миг.
Одно, любезный, безнадежно —
Рассчитывать на черновик.

И не рисуй свой путь превратно:
Меня, мол, время так вело.
Ты знал, что жизнь — единократна,
И все в ней — сразу набело.

Свою прежнюю жизнь вы считаете «черновиком». А вот теперь, как говорят вам ваши друзья, «уже все по-другому», и в частности, «есть возможность награждать достойных» — таких, как вы, живущий отныне набело. Сейчас есть возможность и памятники ставить достойным — царю Николаю, Колчаку, Окуджаве, Чижику-пыжику... На очереди памятники Деникину, Маннергейму, Власову...

Я думаю, что вы презрительно назвали только Сталинских лауреатов и академиков просто ради краткости. В самом деле, а Ленинские или Государственные лауреаты, или Герои Социалистического Труда — ведь все они удостаи-

вались почестей и званий ненавистной для вас Советской властью с ее «насквозь фальшивой официальной иерархией» в науке, искусстве и литературе. Нет сомнения, что их вы тоже презираете столь же искренно и пламенно. И тут рад вам сообщить, что ведь и ваш благодетель Александр Исаевич выдвигался на Ленинскую и уже вымыл шею, чтобы идти получать ее. Но — увы...

Но вот, полупочтеннейший, несколько прославленных и увенчанных высшими наградами родины академиков: А.Ф.Иоффе, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович... Все они Герои Социалистического Труда, двое последних — трижды. Вы должны соображать, что список я могу продолжить. Так скажите, кто из названных по вашему гамбургскому счету — «дутая величина»?

А вот писатели-лауреаты: Илья Эренбург, Михаил Светлов, Евгений Габрилович... Что, Эренбург дважды получил Сталинскую премию первой степени, а потом — Ленинскую «кривыми путями»? А Светлов Ленинскую — «не по заслугам»? А Гранин стал Героем — как «угодливая бездарность»?

Артисты: дважды Сталинская лауреатка Ф.Г.Раневская, трижды — М.И.Прудкин, Герой и Ленинский лауреат А.И. Райкин... Кого из них вы считаете «проходимцем»?

Композиторы: дважды Сталинский лауреат И.О.Дунаевский, лауреат и Герой Труда М.И.Блантер, лауреат М.Г.Фрадкин... Кто тут вам особенно отвратителен?

Назову еще кинорежиссеров: четырехкратный Сталинский лауреат М.С. Донской, пятикратный Сталинский лауреат М.И.Ромм, шестикратный Сталинский лауреат и Герой Ю.Я. Райзман... И все они прохиндеи?

Всякий неболван понимает, что в награждении, как и в любом деле, возможны ошибки, промахи, несправедливости, но я могу назвать еще сотни, тысячи достойных имен, а поскольку вы ни одного не назвали, то выходит, что, прикрываясь таинственно-трусливым «почти», клевещете на любого

награжденного Советской властью, на всех Сталинских и Ленинских лауреатов, орденоносцев и Героев. Словом, вы, господин Зализняк, шли на Одессу, а вышли к Херсону, как знаменитый матрос Железняк, по словам Михаила Голодного.

Очень зорко выбрал вас антисоветчик № 1 Солженицын для своей премии. Ничего более отрадного для него вы сказать не могли. Ведь сам-то он еще когда бесстыдно вдалбливал людям, что «звание Героя Советского Союза давали отличникам боевой и политической подготовки, пай-мальчикам». А вы развили его гнусную мысль и двинули дальше. Со спокойной душой может коротать он остаток дней, есть кому нести его победоносное знамя в XXI веке дальше и поносить таких пай-мальчиков, как Михаил Шолохов с его «Тихим Доном», Александр Покрышкин, сбивший 59 фашистских самолетов, Михаил Девятаев, удравший с друзьями из немецкого плена на немецком самолете...

А уж это — верх блаженства для живого классика: «Мы ощущали так: существуют гонимые художники, которые, конечно, лучше официальных, существует в самиздате настоящая литература, которая выше публикуемой, существуют не получающие никакого официального признания замечательные ученые».

И опять трусливая анонимщина! Ну назови хоть одного художника, который лучше Нестерова, Корина или Сергея Герасимова. Или — хоть парочку самиздатовских шедевров, которые выше, допустим, «Педагогической поэмы», «Угрюм-реки» или «Василия Теркина»... Может, имеете в виду нечто такое, как «Роковые яйца» или «Собачье сердце»? Да они же смастачены в расчете на кошачьи мозги.

Читатель мог заметить, что в длинном перечне Сталинских лауреатов, имея возможность назвать много лиц всех национальностей Советского Союза, я сознательно называл только еврейские имена. Почему? Ну, во-первых, хотелось внести свою лепту в сокровищницу «государственно-

го антисемитизма в СССР», где давно хранятся дары уже многих мыслителей — от покойной Галины Старовойтовой до благополучно здравствующего Александра Бушкова, да продлят небеса его дни.

Во-вторых, ведь выступление Зализняка не только прозвучало в каком-то зале, но и было напечатано, да не где-нибудь, не в бульварной «МК», например, а в «Литературной газете», которую возглавляют три русских богатыря, — они эту невежественную ложь, эту клевету, оскорбительную для советской науки и культуры, для всей Советской эпохи и прежде всего — для русского народа, и предали гласности. Я уверен, что ни один редактор «Литгазеты», коих я знал — Ольга Войтинская, Владимир Ермилов, Константин Симонов, Борис Рюриков, Сергей Смирнов, наконец, Чаковский — эту подлую речь не напечатал бы. Все они, русские и евреи, были патриотами и коммунистами. А на нынешних богатырей, у которых столь анемичен дух гражданственности и национального достоинства, надежды уже никакой. Вот пусть и ответит Зализняк за свою клевету хотя бы евреям. Они в таких делах серьезней этих русских.

НАКОНЕЦ-ТО!

«Дуэль», № 31, 31 июля 2007

ДОСТОЕВСКИЙ, БУЛГАКОВ И ВЛАДИМИР БОРТКО, ЧЛЕН КПСС

Перед самым Новым годом телевидение показало фильм Владимира Бортко «Мастер и Маргарита», поставленный по одноименному роману Михаила Булгакова.

Режиссер иронизировал в «Литературной газете»: «Нам предрекали провал». Батенька, так вы его и получили, причем, в полном объеме, с треском. Неужто не поняли? Так почитайте, что пишут о фильме в самых разных газетах от крайне левых до лавирующих и крайне правых. Лариса Ягункова в «Правде» припечатала: «Художественный свист». Это дорогого стоит в устах проницательного автора. Тут и Алена Карась в правительственной «Российской газете»: «Ни холоден, ни горяч». А Людмила Донец в «Литературке»? «Ну, не плохо». Однако тут же: «Некоторая пресность... Не удались ни Воланд (О.Басилашвили), ни Пилат (К.Лавров)... Воланд суетлив, в нем нет ничего ни таинственного, ни опасного, ни могущественного... Еще хуже обстоит дело с Пилатом. А ведь он, может быть, главный герой романа, в образе «нет никакого, даже завалящего душевного шевеления». Это почему же? А потому, говорит критик, что «Лавров прежде всего не в том возрасте для этой роли. В таком возрасте, как правило, уже не пересматривают мировоззрение». Воистину так!

А Кирилл Лавров, отметивший в прошлом году свое 80-летие, пересмотрел. Народный артист СССР, член КПСС с

1946 года, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, лауреат Ленинской и Государственной премий, художественный руководитель Большого драматического театра имени Горького, председатель Союза театральных деятелей СССР, член Идеологической комиссии ЦК, исполнитель роли В.И.Ленина и в кино и в театре, — человек забыл все это и пошел по той же дорожке, по которой лет пятнадцать трусят еще более увенчанный и прославленный Михаил Ульянов, тоже игравший Ленина, Олег Табаков, Юрий Соломин, Никита Михалков, тот же Басилашвили. И что? Да все очень просто и закономерно: Господь при всем бесконечном милосердии своем отобрал у оборотней талант, выданный им по доброте Его. Так что ни Воланд, ни Пилат и не могли получиться. Как и весь фильм.

Послушайте, что вещает еще и сам режиссер: «Жить стало лучше, жить стало веселее...» Это он глумится над известными словами Сталина, за которыми стояла правда советской жизни, — ныне без такого зубоскальства прогрессивному художнику путинской эпохи никак нельзя.

Дальше режиссер сообщает нам, что в советское время обстановочка была такая: колбасы в магазинах любимой родины не было и никогда быть не могло, а «хорошие книги можно было прочитать только в самиздате».

Господи, сколько этих возвышенных служителей муз все никак не могут забыть, что недожрали краковской, любительской, российской, докторской и даже ливерной советской колбасы. Можно представить, как жрут они теперь. Но лучше поговорим о книгах.

Маэстро уверяет, что «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Педагогическую поэму», «Угрюм-реку», Блока, Есенина, Ахматову, Светлова, Твардовского, Смелякова и других замечательных советских писателей он прочитал (если прочитал) в самиздате. И ведь это он объявил со страниц писательской «Литературки»! На самом деле Бортко мог прочитать в самиздате «Собачье сердце», предназначенное для

кошачьих умов, «Доктора Живаго», которого согласно отринули не только Федин, Симонов, Лавренев, но, например, и Владимир Набоков, ну, еще мог прочитать там «Архипелаг ГУЛАГ», где на одну страницу правды — пять страниц вранья, что показано в моей книге «Гений первого плевка» (М., Алгоритм. 2005).

Но Бортко продолжает клеймить наш вчерашний будто бы совершенно бесколбасный день: «Достоевский, как никто из великих писателей, был нелюбим советской властью...» Именно властью в лице Советов депутатов трудящихся? Надо полагать, именно так. «Причин негативно относиться к творчеству писателя /у власти/ хватало. Кроме отношения писателя к Богу, хватило бы одной его фразы о слезе ребенка, чтобы подвергнуть сомнению, так сказать, революционное дело... Но был еще и роман «Бесы». Достаточно вспомнить выражение Ленина «архискверный Достоевский».

Какая концентрация ума и эрудиции! Какая замшелая еще со времен раннего Солженицына чушь! Человек всю жизнь занимается искусством, и, во-первых, как видно, убежден, что все русские классики были атеистами, за это их и любила, и переиздавала советская власть, как, например, Льва Толстого, даже отлученного от церкви, а вот Достоевский один среди них был верующим и потому нелюбимым, неиздаваемым. Во-вторых, маэстро уверен, что в царские времена никаких слез русские люди не знали, а полились они лишь после революции. Пожалуй, нет ни одного нынешнего демократа хоть в политике, хоть в искусстве, который не мусолил бы эту фразу «о слезе ребенка». И никто не вспомнит хотя бы такие строки:

Слезы людские, о, слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,—

Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Это кто же, — Демьян Бедный о советском времени? Нет, так писал о царской России ее великий гражданин Федор Тютчев. Заучите наизусть, эрудит Бортко. Да еще наведите справки хотя бы о том, скольким миллионам беспризорных детей советская власть утерла слезы рукавом шинели Дзержинского.

Что же до «выражения» Ленина о Достоевском, то разве Владимир Ильич огласил его с броневика у Финляндского вокзала в Петрограде или с Лобного места в Москве во время демонстрации? И разве оно, как «Апрельские тезисы» или призыв «Все на борьбу с Деникиным!», тотчас было принято партией и властью к руководству? Не совсем так, ваше степенство. Это было в личном письме еще до революции, и никакого влияния на судьбу творческого наследия Достоевского не имело.

Например, в 1914 году было начато издание 23-томного собрания сочинений писателя. Что, после революции его немедленно пресекли? Представьте себе, ничего подобного, вышли все 23 томика. А вскоре было начато первое советское издание на научной основе в 13 томах. И оно вышло в 1926—1930 годы. А в 1921 году, еще при Ленине, был столетний юбилей Достоевского, и его должным образом отметили в Москве и Петрограде. Да уж не пересажали ли устроителей юбилея? Может, и перестреляли? Ваших родственников, сударь, среди расстрелянных не оказалось? А еще в 1918 году в Москве на Цветном бульваре установили писателю памятник работы не многорукого монархиста Клыкова, а знаменитого С.Д.Меркурова, члена ВКП(б). При Ленине же, в 1922 году, 1-й Мариинский переулок переименовали в часть писателя, а когда изверг уже умер, в 1928 году, на Божедомке, где писатель родился, открыли его музей, во двор которого перенесли памятник с Цветного. Кто в ту пору правил

в стране, — Александр Третий, Николай Второй? Нет, эти охотно ставили памятники своим августейшим родителям, а о памятниках, о музеях писателям радели не шибко, даже о музее Пушкина не позаботились. А правил тогда второй великий изверг — Иосиф Виссарионович Сталин. И сколько при нем было спектаклей по Достоевскому в лучших театрах страны, начиная с «Дядюшкиного сна» и «Обитателей села Степанчикова» во МХАТе. Да и после него, но в советское же время, в 1956—1958 годы — собрание сочинений в 10 томах, в 1972—1990 годы — в 30 томах. А тиражи-то какие были, хотя бы вот это последнее советское собрание — 200 тысяч! Вы понимаете, что это такое? А как обильна советская литература о Достоевском — от книг Л.П.Гроссмана до книг С.В.Белова!

А сколько потом вышло фильмов по его произведениям! «Белые ночи», «Идиот», «Братья Карамазовы» Ивана Пырьева, «Преступление и наказание» Льва Кулиджанова, «Игрок» Алексея Баталова, «Подросток» Евгения Ташкова, «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» Александра Зархи... И ведь все это, повторю, ваше благородие, в советское время. Неужели не видели вы ни один из этих фильмов? Или некогда было, все в очередях за ливерной колбасой стоял с авоськой? Не за такие ли взгляды, не за такие ли страдания недавно Бортко приняли в КПРФ? И как ликовал тов. Зюганов!

Особо следует сказать о помянутых «Бесах». В энциклопедии «Достоевский» (М., Алгоритм. 2003), составленной Н.Н.Наседкиным, сказано: «В XX веке революционеры всех мастей яростно боролись против этой книги». Да не только в XX, но и в XIX, и не только революционеры, но и реакционеры всех мастей. При появлении романа в 1871-1872 годах против него резко выступили многие газеты и журналы и самые разные авторы: «Сын Отечества», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Голос», «Новости», «Искра»

(не та!)... А когда в 1873 году Достоевский согласился редактировать журнал «Гражданин» известного реакционера кн. Мещерского, то популярный тогда Д.Минаев ударил по этому союзу эпиграммой:

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! Первый дописался до «Бесов»,
До чертиков второй договорился.

Дмитрий Минаев в Союзе советских писателей не состоял, лауреатом Сталинской премии не был.

Н.Наседкин продолжает: «А.М. Горький небезуспешно (?) выступал против постановки «Бесов» на сцене МХАТа в 1913 году». Но при этом следовало бы привести его заявление: «Горький не против Достоевского, а против того чтобы его романы ставились на сцене... И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее — значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря уже о всех нас... Не Ставрогиных надобно ей показывать, а что-то совсем другое. Необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии — к демократии, к народу, к общественности и науке. Довольно уже самооплевываний, заменяющих у нас самокритику...» Как сегодня сказано!

Нельзя не продолжить. В 1935 году роман «Бесы» вышел в издательстве Academia. Против этого со статьей «Литературная гниль» выступил в «Правде», где он работал тогда и много позже, очень деятельный журналист Давид Заславский. (Почти четверть века спустя, 26 октября 1958 года, он же там же обрушит на голову Б.Пастернака статью, в которой назовет большого художника «литературным сорняком»). Реакция Горького на статью Заславского была четкой: «Мое отношение к Достоевскому сложилось давно, изме-

ниться — не может, но в данном случае я решительно высказываюсь за издание «Академией» романа «Бесы»... Заславский хватил через край, говоря: «художественно слабое произведение». Это неверно. Роман «Бесы» написан гораздо более четко и менее неряшливо, чем другие книги Достоевского и, вместе с Карамазовыми, самый удачный роман его». 24 января 1935 года это было напечатано одновременно в «Правде» и «Литературной газете». Вот так советская власть защищала Достоевского.

Но можно вспомнить еще выступление Виктора Шкловского на Первом съезде советских писателей в 1934 году, где он сказал: «Я думаю, что мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить, как люди, которые судят изменника...» Федор Михайлович не пришел на суд Виктора Борисовича. А тот в 1957 году выпустил о Достоевском книгу «За и против», в которой ни о каком суде уже не было и помину.

Я знаю, маэстро, откуда у вас в левом полушарии эта чушь о «негативном отношении» Советов депутатов трудящихся к Достоевскому. Ее запустил туда ваш знакомый, которого вы величаете «мощнейшим национальным писателем нашего времени». Сорок с лишним лет тому назад он уверял, что в советское время Достоевского «делали недоступным для чтения». Я тогда писал, адресуясь к Мощнейшему, что всего после революции, по данным Книжной палаты на ноябрь 1981 года, к 160-летию со дня рождения, в нашей стране вышло 34 миллиона 408 тысяч книг писателя. Получается что-то около 540 тысяч ежегодно да еще, повторю, многочисленные инсценировки, экранизации. Вот так недоступный! А теперь, болезный, раздобудьте данные за последние 15 лет, когда вам жить стало лучше, жить стало веселей, и сопоставьте с советскими. Вот бы я на вас при этом посмотрел...

Но кое-что словно сквозь зубы товарищ Бортко все же признает: «Полностью зачеркивать гениального писателя,

стоящего в ряду самых крупных художников мира, просто не представлялось возможным». Очень хотелось советской власти зачеркнуть и вычеркнуть, но неудобно, дескать, перед цивилизованным человечеством. И что же? О, коварству советской власти не было границ! «Она нашла выход в трактовке героев Достоевского как неких условных персонажей... Некая условная Настасья Филипповна...» Да вы, сударь, понимаете ли, что лепечете? По указанию советской власти несравненная Юлия Борисова сыграла условную Настасью Филипповну, великий Грибов — условного Фому Фомича Опискина, бесподобный Марк Прудкин — условного дядюшку на сцене МХАТа и условного Федора Карамазова в фильме Ивана Пырьева...Да за такие слова надо отбирать диплом об окончании ВГИКа и сажать в карцер. Тем более, что ведь за этим стоит уверенность, будто лишь вам, только теперь при благоуханной демократии удалось создать не условные, а живые образы в «Идиоте», за которого Мощнейший отвалил вам премию в долларах США, в основном там, в США, и заработанных.

Так вот, сопоставьте, Бортко, два выпада Заславского и Шкловского против Достоевского со всем остальным, что было вокруг него в советское время: издания-переиздания, гигантские тиражи, юбилеи, памятник, музей, улица в его честь, инсценировки, косяки фильмов — сопоставьте и подумайте, как вы смотритесь на этом фоне. Не так ли, как старухи, которых выпустили вы в своем фильме из варьете голыми на Садово-Триумфальную?

Но все это — одна сторона дела. А есть и другая. Ну, допустим, так и было: «советская власть» только и мечтала, как бы по указанию Ленина зачеркнуть Достоевского и сбросить его с парохода современности, как мечтали еще до революции футуристы. Но вот большие художники, для которых это указание было не так уж обязательно: Некрасов, Тургенев, Чайковский, Горький, Бунин... Последний из них даже

лютый антисоветчик. И, представьте себе, все они, мягко выражаясь, отвергали не отдельный роман, скажем, «Бесы», а вообще Достоевского. Одни сочиняли на него злые и даже злобные эпиграммы и пародии, сравнивали с маркизом де Садом, другие находили его стиль неряшливым и, как Бунин, считали, что это нарочно из неуважения к читателю, а Чайковский, сразу после смерти Достоевского перечитав «Братья Карамазовы» (главная книга!) писал брату: «Достоевский гениальный, но антипатичный писатель. Чем больше читаю, тем больше он тяготит меня». Что же получается? Выходит, не в советское время, а в царское, когда городовые на перекрестках всем бесплатно раздавали колбасу, кое-кто не любил, а кто-то и поносил классика. Да ведь он и сам кое-кого поносил...

Но что там Чайковский! Взять хотя бы и вашего Мощнейшего. С каким раздражением он всегда говорит о Достоевском, как уличает его в желании «всегда разодрать и умилить», как глумится он, получавший в лагере посылки с плюшками и шоколадом, который поглощал, почитывая «Войну и мир», над кандальной каторгой Достоевского, не имевшего там никаких книг, кроме Библии, и писавшего: «Меня ужасало огромное количество тараканов во щах».

Как видим, Ленин-то был сосем не одинок в своем неприятии Достоевского. Совсем! Более того, если исключить Мощнейшего вместе с Заславским и Шкловским, то выходит, Владимир Ильич пребывал в весьма почтенной компании. Весьма!

Но вернемся к фильму Бортко и к статьям в «Литературке». Там Игорь Серков писал, что будто бы бесполезно спорить об отдельных образах: «Тут дело вкуса и собственных представлений о героях. Культурные люди говорят об общем художественном впечатлении». Кому же не хочется прослыть культурным! В надежде на это мы и объявляем свое общее впечатление от фильма: скука зеленая! И от нее

не спасают ни стадо голых старух на Садово-Триумфальной, ни полет, кажется, тоже голой Маргариты вдоль Арбата, ни учиненный ею погром в квартире критика Латунского (вот если бы Смелянского!), ни бал сатаны, растянутый на целую серию, ни всюду снующие страховидные чекисты, которых, как и голых старух, нет в романе, ни тупоумная речь их главы, как бы смахивающего на Берию, который вообще-то пребывал об эту пору в Грузии.

Без Берии и страхолюдных чекистов, без клеветы на Ленина или Сталина, на советскую власть или на КПСС сейчас не может выйти не только фильм, но и пятнадцатиминутный выпуск теленовостей. Есть на НТВ в программе «Сегодня» четверка (две леди и два джентльмена) особо выдающихся старателей на этом поприще. Вот в Архангельске в одном доме произошел умышленный взрыв газа и в результате пожара погибло 58 человек. Леди из этой «банды четырех», то ли Кацуева, то ли Грицацуева, начинает сообщение о трагедии игривой цитаткой из детского стишка: «А у нас в квартире газ. А у вас?..» Другой теледжентльмен, то ли Хряков, то ли Хрюков, когда израильский премьер Ариель Шарон лежал в коме, спросил корреспондента, находящегося в Тель-Авиве: «А как обстоит дело с его внутренними органами? Ведь говорят, он завещал их для трансплантации». И они начинают обсуждать проблему внутренних органов живого человека. Таков общий уровень этих человекообразных.

А вот пример их антисоветского подонства. 20 января отмечался столетний юбилей великого Игоря Моисеева. Всенародный праздник! Всеобщая радость! Торжество! А на НТВ думают, как изловчиться и метнуть горсть дерьма во всенародный праздник. И вот леди Белова изыскала и с ликующим видом объявила: «Игоря Моисеева 18 раз уговаривали вступить в партию, но он всегда отказывался». И не соображает, убогая, конечно, как при этом выглядит. Никаких 18 раз, разумеется, не было, ну, раза два-три могли пригла-

сить, а он отказался. И что? Председателю Союза писателей СССР Константину Федину, Первому секретарю Союза писателей России Леониду Соболеву тоже предлагали, и они отказались. И моей жене Татьяне, когда она была директором ВУЗФИЛЬМА тоже предлагали и тоже отказалась. Ну и что? А беспартийному начальнику Генштаба Красной Армии командарму первого ранга Б.М.Шапошникову предложили, и он вступил. Беспартийному генерал-лейтенанту Л.А. Говорову предложили — вступил. А Бортко, возможно, и не предлагали, сам пришел.

Вернемся, однако, еще раз к статье Людмилы Донец. В начале она восклицает: «Вообще Владимир Бортко — большой молодец!» Да, среди овец. А завершает статью так: «А напоследок я скажу нечто совсем несусветное». Что такое? А то, что сериал большого молодца слабее романа. Это и есть несусветное? Нет, оно дальше: «Но и отношение к самому роману, к самому Булгакову считаю завышенным. Да, Булгаков замечательный писатель. Но когда его называют великим и гениальным, мне кажется, что это интеллигентское преувеличение». Вот кто настоящий-то большой молодец — Людмила Донец!

Тут надо бы привести хоть один пример такого преувеличения. Тем более, что далеко ходить не пришлось бы. Да тот же Игорь Серков в той же «Литгазете» двумя номерами раньше уверял: «Роман является совершенным творением великого художника... Имеешь дело с грандиозным художественным творением... Успех большой... демонстрация фильма — событие».

Тут же и булгаковед Всеволод Сахаров со статьей «К 65-летию великого романа Михаила Булгакова». Он пишет, что этот великий роман еще и «приходится признать гениальным». Вроде бы, не хочет, но приходится. Странно.

В этой статье несколько озадачивает и такой пассаж: «Комментаторы(?) сообщают о книге Э.Ренана «Жизнь Иисуса» как об одном из источников романа. Все верно. Но

почему бы не прислушаться к мнению первой жены знаменитого немецкого археолога Г.Шлимана, простой, но очень неглупой русской купчихи: «Взгляд на Христа в этой книге совершенно противоположен взгляду нашей религии».

Да ведь все мы ныне обожаем русских купчих и никто не против прислушаться, только откуда же знать, что Шлиман был женат несколько раз, что первая его жена была столь неглупой да еще размышляла о книге Ренана — не в письме ли знакомой немецкой купчихе? Наконец, о какой религии она говорила? Став женой немца, не перешла ли она в католичество?

Но спасибо В.Сахарову, что признает: «Роман Булгакова постепенно оброс разного рода мифами». И главный из них — что это «гениальный роман», «самый великий русский роман XX века». Каково читать это, скажем, Евгению Евтушенко, уже давно объявившему самым великом русским романом XX века «Доктора Живаго». Подобными мифами обросли и «Собачье сердце», и «Роковые яйца». А ведь это всего лишь заурядные фельетоны. Но их извлекли из забытья в пору нарастания антисоветчины, придали антисоветскую направленность, что, в свою очередь, требовало провозглашения и их почти гениальными.

Но, развеяв застарелый миф, Людмила Донец на наших глазах творит новый: «При советской жизни в литературе был один гений. И это не Михаил Булгаков. Это Андрей Платонов». Ах, матушка... Что такое гений, никто не знает. Это понятие многоликое, неохватное, мерцающее. Оно требует осторожного обращения. Не следует превращать его в сияющий ярлык и наклеивать на лоб любимому художнику, отметая всех остальных. Платонов, как и Булгаков, прекрасный писатель. Но самыми знаменитыми русскими писателями XX века были, конечно, Горький и Шолохов, самыми знаменитыми поэтами — Маяковский и Есенин, самыми вельмигласными — Евтушенко и Вознесенский, самыми нажившимися — Солженицын и Аксенов...

Только что мы отметили столетний юбилей Игоря Моисеева. Он — гений! И всенародный праздник не смогли испортить ни какой-то секретаришка не то Лаптев, не то Обмоткин, не то Подметкин, которого президент прислал со своим поздравлением, в котором не оказалось ни одного живого слова, ни даже мерзкая свиная рожа, появившаяся с грамотой на сцене будто из повести Гоголя, уже в самом конце торжества. И когда занавес опускался, я прошептал:

Мы так вас любим, Игорь Моисеев.
Ваш гений это факел среди тьмы.
Простите, что льстецов и фарисеев
Еще не ликвидировали мы.

«Завтра», 23 января 2005

ДОКОЛЕ КОРШУНУ КРУЖИТЬ?

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит...

Александр Блок

Александр Солженицын, громко прославленный Нобелевской лауреат и тихий сосед Михаила Касьянова по поместью в Троице-Лыково на берегу Москвы, одолевая старческие немощи, на кои, увы, частенько жалуется, написал для телефильма сценарий по своему полувековой давности забытому роману «В круге первом» («ВКП») да еще и согласился читать за экраном авторский текст. Был слух (как любит он сам выражаться), что рвался еще и роль министра МВД Абакумова сыграть, но удержали, хотя и с трудом

1

А.Твардовский — А.Солженицыну:
— Ваша злобность...У вас нет ничего святого.

«Бодался теленок с дубом», с. 164

Бесстрашный Глеб Панфилов поставил фильм «В круге первом» не в десяти ли сериях. По всему городу расклеили портреты сценариста. Артист Евгений Миронов, исполнитель роли Нержина, во многом самого автора, ликует: «Это из области фантастики! А главное, Александр Исаевич живой и смотрит этот фильм, где я играю его самого!»

А «Литературная газета» начала рекламу фильма с возвышенных слов и с известной фотки, где сценарист запечатлен в рваной телогрейке аж с тремя арестантскими номерами — на груди, на шапке да еще и на одной коленке — и с каторжным лицом «озвенелого зэка». Вот, мол, каков он был там, в зоне! И невдомек просвещенной «Литературке», что начала кампанию с туфты. Это же маскарад. Когда Озвенелый (он же Бронированный) вышел на свободу, то вместо того, чтобы плясать от радости, бегать за красотками да слушать пташек, он первым делом запечатлел себя для истории вот в таком каторжном виде с тремя номерами. Фотографироваться — главная страсть его жизни. Все зафиксировал! Мой читатель из Ленинграда Борис Никитич К. заметил об этой фотке: «Кто хоть несколько может читать лицо и глаза другого, тот скажет, что это лицо человека с чертами выродка, а глаза — волка с природной родовой злобой...» Как жестоко! А ведь, казалось бы, должен если уж не симпатизировать, то хотя бы сочувствовать Солженицыну, ибо инвалид Отечественной, сам отсидел по той же 58-й статье да к тому же священник. Так нет! Никакого снисхождения. И нет у писателя морального права на обиду: это же не какой-то Ерофеев или Сорокин, а он был зачинателем у нас грязного буесловия. Как только не поносил он многих известнейших в стране да и в мире людей! Послушайте, дорогой Миронов: «жирный», «лысый», «вислоухий»... «лгун», «проходимец», «негодяй»... «прихлебатель», «халтурщик», «шпана»... «бездари», «плюгавцы», «наглецы»... «обормоты», «дармоеды», «плесняки»... Еще? Кушайте: «баран», «собака», «шакал»... «порочный волк», «отъевшаяся лиса»... «змея», «кабан», «скорпион»... И ведь это не в письмах, как мой священник, а в бесчисленных многотиражных писаниях, расползшихся по всему свету. Причем, даже о людях, которых видит первый раз. Например: «Идет какой-то сияющий, радостный, разъеденный (разъевшийся, конечно. — В.Б.) гад. Кто такой — не знаю». Так и признается, что не

знает человека, но все равно — гад. Может и так сказать о первом встречном: «Какой убийца!» А вот врач в лефортовском изоляторе, куда Бронированный угодил перед отправкой в ФРГ. Он ему опять-таки совершенно незнаком, мало того, еще и обследовал «очень бережно, внимательно». Какая благодарность? «Хорек... Достает мерзавец прибор для давления: разрешите?» И позже снова о том же враче («Полон заботы: как я себя чувствую?») и о медсестре, давшей ему лекарство: «А, звери!..» Ну, вот теперь, первопроходец, и ешь плоды посеянного тобой!

И при этом без устали твердит о своей религиозности. Много лет знавший его и по лагерю и на свободе Лев Копелев говорил: «Весь пафос христианства устремлен к таким нравственным качествам, как любовь к ближнему, прощение, терпимость. Это основы христианства, а они не прельстили Солженицына, объявившего себя святым «мечом Божьим». Его обращение к Богу наиграно и носит чисто прагматический характер».

А вот Владимир Лакшин, поначалу тоже долгие годы защищавший и прославлявший Солжницына на страницах «Нового мира»: «В христианство его я не верю, потому что нельзя быть христианином с такой мизантропической наклонностью ума и таким самообожанием». Это мягко сказано — «наклонность». На самом деле тут небывалая в мире концентрация всепоглощающей злобности.

Так спрашивается, есть ли слова, которые непозволительны для ответа ему на его оскорбления и угрозы? Вот и рвется даже с уст священника: «Своими злобными, лживыми и ядовитыми книгами он натравил на свою Родину-Великомученицу весь соблазненный им Запад. Именно по его книгам, обрадовавшись им, как христоубийственный Синедрион обрадовался лжесвидетелям (Матф. 26,59,60), вавилонский президент объявил нас, Русский народ и нашу Россию «империей зла». От этого сатанинского предательства Солженицын уже никуда не уйдет! Никакого оправдания ему не будет!»

Прочитав несколько статей и рецензий о фильме, я обнаружил много интересного. Так, Святослав Рыбас пишет в «Литературке»: «В 1949 году страна ненавидела своих вождей». С чего взял? Откуда? Не из писаний ли в той же «Литературке» Ципко или Лукина, этих докторов наук с барабанами? Ципко, восхищаясь делами зачинателя развала страны Хрущева, на первой странице объявляет Советскую власть, вскормившую консультанта ЦК Ципку, «самой чудовищной античеловеческой системой не только в истории России, но и в истории Европы». Его близнец на третьей странице этой же газеты просвещает нас: «Природа любой власти такова: она ничего не будет делать, кроме того, что ей нравится, выгодно и удобно». Он меряет любую власть на свой лукинский аршин. Да неужели Советской власти нравилось дать возможность этому омскому недорослю приехать в столицу и бесплатно окончить здесь пединститут им. Крупской? Неужели ей было выгодно, когда этот скрытый враг оказался завотделом МИДа? Неужели ей было удобно, когда сей пустопляс возглавил Комитет Верховного Совета по международным делам, откуда угодил послом в США?

Однако за что же именно, тов. Рыбас, народ возненавидел вождей в 1949 году? Уж не за то ли, что в августе была испытана атомная бомба, защитившая его от американской расправы, а за два года до этого первыми в Европе мы отменили продуктовые карточки?

Ну, вообще-то ненавистники, конечно, всегда и везде есть. Кто-то, может быть, и беспорочного товарища Рыбаса ненавидит с его высокими должностями, сияющими орденами, с дюжиной романов и повестей. Но говорить о всей стране, о всем народе?..

Тут же товарищ уверяет, что обретение Советским Союзом атомной бомбы, «как ни странно(!) сделало мир более безопасным». Почему для него это странно? Да потому, что ему внушили: ненавистные народу вожди, как говорится и

в фильме, получив бомбу, только и думали о том, как побыстрей бросить ее на Вашингтон. Кто внушил?

Не Леонид ли Жуховицкий, еще один известный эрудит «Литературки» и «Советской Чувашии». Не так давно он выступил со статьей, в которой пишет: «Чиновники отняли у народа свободу, достоинство, возможность выбиться из серого ряда». Вы думаете, это он о нынешнем времени, когда все действительно так и есть? Ничего подобного! Это он об истории России «за века», в том числе, разумеется, в первую очередь — о Советской эпохе, когда сам он как раз и «выбился из серого ряда». Ах, да какое там «выбился»! Всю жизнь шагал, как по ковровой дорожке: школа — комсомол — мимо армии в Литинститут — в Союз писателей — книжка за книжкой (всего более 40)... А в нынешнюю пору дошагал аж до должности президента Международного института глобальной морали.

И вот с высоты глобальной морали пишет: «Француз любит Францию за то, что она прекрасна, что Париж — мировая столица, что Наполеон — величайший полководец... Американец любит Штаты за то, что самая свободная и самая богатая страна, и конституция у них лучшая в мире... Даже мальтиец гордится своим крохотным островом...» Все гордятся и уважают свою родину, а вот нам «уважать собственное государство нет никакой возможности...»

Франция видится ему прекрасной, а Россия? Ну, совсем, совсем не такой! Париж — столица мира, а Москву он когда-то в повести «Я сын твой, Москва» тоже изображал столицей мира, но, увы, это было давно, еще до демократического прозрения. Наполеон — величайший полководец, а Кутузов, истребивший его великую разбойничью армию и вышвырнувший остатки из России, ему совершенно, абсолютно не интересен. В Америке прекрасная конституция, но то, что она не мешает Штатам быть мировым жандармом и бандитом, этого Жуховицкий и знать не хочет и словцо о том сказать не смеет.

Народный поэт Чувашии Валерии Тургай сказал моралисту-глобалисту: «Вы оскорбили миллионы россиян и меня лично, сына чувашского народа, россиянина, патриота России... Нет, не отнять вам у нас любовь к России и гордость за Россию!»

Жуховицкий и отворачивается от России и, естественно, врет о ней. В той же «ЛГ» уверяет, что XX съезд «снял заклятие с тех, кто вовсе не по собственной воле оказался в оккупации». И делает вид, будто ничего не слышал о том, что как раз в упомянутом 1949 году некий рядовой колхозник, бывший не один день в оккупации, приехал из Ставрополья в столицу, поступил на престижный юрфак Московского университета, возглавил там комсомольскую организацию, вступил в партию, а после окончания МГУ, стал первым секретарем Ставропольского крайкома комсомола, — и все это, как видим, задолго до состоявшегося в 1956 году XX съезда и хрущевского беснования о культе личности. И миллионы соотечественников из оккупированных во время войны районов страны не знали никаких преград и ограничений. Вот каково было заклятье на них! А ставропольский оккупанец аж до президента допер. Жуховицкий еще божится, что со свистопляски о «культе личности» на XX съезде в стране «начался процесс возрождения», вдохновляющие плоды коего мы нынче глотаем в виде то Беслана, то пожара в «Комсомолке», то краха Басманного рынка, то наглеца Чубайса и недотыки Кириенки на главных постах жизнеобеспечения страны.

Как ни странно, Рыбас, оказывается, знает, что еще в 1948 году американцы планировали обрушить атомные бомбы на нашу родину. Но, говорит, «удар не состоялся. Поэтому(!) звонок в фильме советского дипломата Володина в американское посольство (о наших атомных хлопотах в США) воспринимается как предательство». Что он хочет сказать? Если бы удар «состоялся», то звонок дипломата не был бы предательством? Да просто, безо всякой бомбы, выдать ино-

странному государству своих разведчиков это не предательство? Нет, говорит гуманист Рыбас, это благодеяние.

Наконец: советскому дипломату «содействовать атомной бомбардировке Москвы вряд ли(!!!) можно». Вы только подумайте: вряд ли можно!

И все это говорит человек, с двадцати пяти лет состоявший в КПСС, секретарь правления Союза писателей, главный редактор многих советских газет, журналов, издательств, автор романов о Столыпине, о генерале Самсонове, генерале Кутепове, даже извольте видеть, о Сократе, кавалер орденов Сергия Радонежского и Даниила Московского, наконец, просто русский вроде человек, которому идет седьмой десяток, а главное — муж прекрасной поэтессы Ларисы Таракановой, члена КПСС с 1975 года! Да хоть посоветовался бы с ней, уж если не с Сократом.

Откуда у него такие взгляды на свой народ, на родную страну, на советское правительство? Я думаю, Рыбас оказался в числе тех больших интеллектуалов, которым прежде всего именно Солженицын внушил свои взгляды, а уж потом кинулись помогать ему Ципко, Лукин, Жуховицкий, которые так негодуют по поводу той оценки, которую Ленин дал этой интеллигенции.

То же самое видим в рецензии Виктории Шохиной в «Независимой газете». Она охотно повторяет за великим учителем любой его вздор. Например: «Избежать лагерей в Стране Советов очень трудно». Тут ведь надо было непременно уточнить: «трудно для таких, как я, Александр Солженицын». Кто бы стал спорить!

Или: «Шарашки удобны государству. На воле нельзя собрать в одной группе больших ученых». Это же изречение олуха для олухов, но его тиражируют в кино и газетах!

А о том самом дипломате Шохина пишет: «Вроде бы, по логике Володин, решивший для себя: «Надчеловеческое оружие преступно допускать в руки шального режима», — должен вызывать сочувствие». Мадам согласна с дипломатом,

что «режим», только что спасший мир от фашистского порабощения, это презренный «шальной режим». Хотя, говорит, предателю «сочувствовать трудно», но она ему сочувствует. И дальше мы видим ее душевные трудности: «Предупредить об аресте — это понятно, это по совести». В представлении мадам всякий арест это всегда несправедливость и страшное зло. Ей и в голову не приходит, по какой «совести» живет человек, если предупреждает или хочет предупредить об аресте поджигателей Манежа или «Комсомолки», террористов Театрального центра на Дубровке или убийц детей Беслана, предателей родины Горбачева или Ельцина, которых ждут аресты.

Сергей Казначеев напечатал в «Литературке» дельную статью, но все же, все же... Читаем: «Сегодня мы не видим репрессивного аппарата, который карал бы людей за их взгляды и политические убеждения. ГУЛАГа нет, и невиновных не держат за решеткой».

Благорастворение воздухов... Однако, во-первых, цель аппарата, который здесь имеется в виду, не репрессии, а государственная безопасность. Это надо понимать. Во-вторых, если мы его не видим, это не значит, что его нет. Он был, есть и должен быть. В-третьих, за политические убеждения всегда карали, карают и будут карать. За что покарали смертью Льва Рохлина — он «Сибнефть» украл? За что бросили в лагерь нацболов — они в приемной президента на малахитовый стол накакали? За что пойдет по этапу Швыдкой — за то, что рожей мерзок? В-четвертых, как это нет ГУЛАГа? Куда ж он девался? Ведь это Главное управление лагерей. А лагеря есть и будут, значит, должен быть у них и руководящий орган, даже если его назовут Вторым филиалом Большого театра.

С репрессиями и ГУЛАГом не все ясно и Юрию Архипову. Он, желая заклеймить советскую власть, пишет в «ЛГ», что немецкий писатель Борхарт во время войны нелестно отозвался в частном письме с фронта о Гитлере и «получил

по суду 8 месяцев. А Солженицын — 180 месяцев заточения. Вдумайтесь в разницу». В разницу между советской властью и фашизмом. Сам-то он с ходу делает выбор в пользу фашизма, хотя в данном случае вдуматься очень трудно, ибо слишком много неизвестных. Солженицын был на фронте командиром, а кем Борхарт? Солженицыну было уже 27 лет и он имел высшее образование, а Борхарт? Солженицын написал много писем разным людям, понося Ленина и Сталина, а Борхарт? Солженицын возил с собой портрет Гитлера, а Борхарт возил портрет Сталина? И так далее.

Но все же в одно обстоятельство я вдумался и должен сообщить вам, арифметик Архипов, что 180 месяцев это 15 лет, а Солженицыну дали 8 лет. Значит, приврали вы без малого в два раза. Вот так у него и «Архипелаг» написан и все остальное. Но в то же время архипелагщик сам признает, что этот срок дали ему законно, справедливо. Действительно, если офицер во время войны на фронте подрывает авторитет Верховного Главнокомандующего и главы правительства своей страны, значит, он работает на врага, и его упекут в любой державе, в любой армии, в любую эпоху.

2

А.Твардовский — А.Солженицыну о романе «Раковый корпус»:

— Если бы печатание зависело от меня одного — я бы не напечатал.

«Бодался теленок с дубом», с.163

Но о чем же фильм Панфилова? Лариса Васильева выстроила в «ЛГ» «нескончаемый ряд мыльных опер», где смешались «Московская сага», «Дети Арбата», «Штрафбат», «Мастер и Маргарита», новый «Золотой теленок», передачи Сванидзе, Леонида Млечина. И присовокупила: «Теперь к ним прибавился фильм «В круге первом».

В большинстве этих творений преобладает одно и то же: колючая проволока, невинные и благородные страдальцы ГУЛАГа, звероподобные чекисты и, конечно, Сталин, которого хоть сей момент ставь огородным пугалом на даче Панфилова. Так вот о Сталине хотя бы.

Трудно поверить (ведь все-таки замглавного редактора «НГ»!), но вот что пишет В.Шохина: «Не зря(!) министр Абакумов в кабинете Сталина едва не падает в обморок». Мадам, сценарист и артист изобразили вам вздорную карикатуру, а вы и — «не зря!». Конечно, не зря — им за это хорошо заплатили. Да еще и дальше у вас: «Сталин в исполнении Кваши умен, значителен, харизматичен». Мадам, вы хоть «Капитанскую дочку» в свое время читали? Этот когда-то до ломоты в зубах правоверный Кваша много потрудился, создавая образы коммунистов. Еще в 1964 году сыграл в кино самого Маркса, чуть позже — Свердлова в спектакле по пьесе ныне беглого марксиста Шатрова, за что и получил звание заслуженного, наконец, в фильме «Под знаком скорпиона» играл и Сталина. И что ж вы думаете, мадам, ведь ни один из этих персонажей в его исполнении умом не блистал, хотя артиста уже сделали и народным. Право, жалко мне старика Квашу. Как он ходит на могилу отца-коммуниста? Как смотрит в глаза своим внукам-квашатам — Мише и Насте? Они же со временем непременно докопаются до правды.

Но самое главное в фильме не Сталин, а проблема патриотизма, точнее — антипатриотизма, государственного предательства. Тут лучше обратиться к «послесловию», которое нам преподнесли сразу после фильма, ибо в нем все было четко выражено в ясной словесной форме.

«Послесловие» это — собрались в кружок супруга писателя Н. Светлова, профессор С.П. Капица, тот же артист Миронов, человек президента по правам человека В.Лукин и под управлением Дмитрия Киселева принялись нахваливать Квашу и все остальное.

Ну, вначале-то ведущий роскошно подал самых участников этого хоровода единоверцев. И опять — сразу туфта!

Светлову объявил «женщиной-легендой» и «соратницей по борьбе». Надо бы уточнить: по борьбе со взрастившей их советской властью. Но стеснительный Киселев промолчал. А какие о Светловой легенды, кроме матримониальных? Ну, в давнюю пору, когда «моложе и лучше качеством была», отбила она у покойной ныне пенсионерки Натальи Алексеевны Решетовской прославленного мужа. Что еще? Остальное — семейно-супружеские обязанности. Что тут легендарного? Как известно, Софья Андреевна жизнь положила на бесконечную переписку бесчисленных рукописей Льва Николаевича и на возню с его не всегда гениальными затеями да еще десяток детей родила, но никто не называл ее ни женщиной-легендой, ни женой-сагой, ни соратницей по борьбе с царской властью, ни даже матерью-героиней.

Человека Лукина ведущий представил как «блестящего дипломата». Такой же блестящий министр американских дел Козырев в благодарность за то, что Лукин, будучи председателем Комитета по международным делам Верховного Совета России, извлек его из запасников в пыльных подвалах МИДа, и посадил в кресло министра, потом отправил этого губошлепа послом в США. Там он просидел года полтора, прочитал кое-что из писаний Черчилля и стал всюду восторженно цитировать его; еще выучил и тоже с видом эрудита пустил в оборот несколько афоризмов для идиотов уездного масштаба, вроде такого: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Очень характерно для такой публики: услышал где-то и понес, а сообразить, что ошибки и преступления могут быть просто несопоставимы по масштабу и последствиям, не в силах. Но фигурировать в образе мудреца так приятно...

Однако же какую дипломатическую битву выиграл мудрец, когда страну рвали на части? Может, хотя бы добился

возвращения России бесценного шельфа Берингова моря, отданного все еще не посаженным Горбачевым и не высланным из Европы Шеварднадзе американским друзьям? В какой хотя бы конференции участвовал? Ни в какой. Зато, говорят, он английский знает. Да кто ж его теперь из пустобрехов не знает? Даже Чубайс выучил. А вот Георгий Васильевич Чичерин, нарком-большевик, двенадцать языков знал... Что там еще в смысле туфты? Еще артист Миронов был преподнесен в качестве «кумира многих поколений». В насмешку, что ли?..

Бросалось в глаза, что главные создатели фильма, сценарист и режиссер, в «послесловии» не участвовали, возможно, чего-то опасались. У озвенело-бронированного нобелиата нюх на это отменный, не подвел его и на сей раз.

Писатель выслал вместо себя супругу, а режиссер — артиста Миронова. Со стороны Солженицына это было жестоко, уж лучше попросил бы молодого, здорового соседа по поместью Касьянова, он бы не отказал. А у Натальи Дмитриевны язык подвешен, конечно, отменно, но ведь это легенда-то уже как бы молью траченная, может быть, ревматическая, и Бог знает, что она несла перед камерой.

Например, страстно взывала: «Как хочется, чтобы мы снова обрели уверенность в себе!» Тут «снова» может означать только одно: как в советское время, когда действительно мы были уверены и в себе, и в стране, и в завтрашнем дне. Выходит, Бронированный послал соратницу прославлять советское время, что ли?

Но вдруг понесло ее совсем в другую сторону: «За эти восемьдесят лет мы привыкли к пассивности. Мы привыкли считать себя беспомощными». Во-первых, не надо все валить в одну кучу: из этих 80 лет уже 20 — та самая слабоумная демократия, для торжества которой, мадам, вы с супругом и здесь и за океаном столь славно потрудились, что Ельцин удостоил вас и сказочного поместья, и высшего ордена.

Во-вторых, кто это «мы»? Если народ, то ему пассивничать было некогда. Он внял словам своего вождя: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Либо мы пробежим это расстояние за десять лет, либо нас сомнут». И пробежали, помчались. Да как! В темпе стометровки. А потом гнали фашистов от Волги до Берлина и там продиктовали им акт безоговорочной капитуляции. И это пассивность?

А после войны уже и без Сталина? Вот лишь некоторые итоги пятой пятилетки 1951—1955 годов: построено пять тепловых электростанций, пять гидро- и первая в мире атомная — 11 электростанций за пять неполных лет! А всего за эти годы было создано 3200 крупных промышленных предприятий. Выходит, если брать в среднем, почти каждый день в строй вступали по два предприятия. И ведь какие среди них! Метрополитен в Ленинграде, Волго-Донской канал, Череповецкий металлургический комбинат... А вскоре после этого первыми в мире прорвались в космос, первыми послали свои аппараты и вымпелы с прекрасным советским гербом на Луну, на Венеру и Марс, первыми построили атомный ледокол... И вы, мадам Легенда, ничего об этом не слышали? Поистине легендарная глухота и безразличие к жизни своего народа. И оно буквально вопиет в фильме, герои которого словно обитают на другой планете.

«Мы живем, под собою не чуя страны...» Это о вас и о таких, как Сергей Иваненко да Владимир Соловьев. Они 17 февраля тоже шумели по НТВ в передаче «К барьеру!»: «Советская власть все разрушила, все уничтожила — науку, культуру, а царская Россия была мировым лидером! Вурдалаки! Людоеды!» Странно почему Панфилов не дал этим горлопанам роли в своем фильме.

Им подъелдыкивали, как всегда, четыре тщательно подобранных «секунданта», в том числе знаменитая переводчица с японского, сотрудница газеты «Асахи», сочинительница эстрадных песен Лариса Рубальская. Она рубила с плеча: «Защищать советское время — позор!» Был тут и еще

более знаменитый писатель Григорий Остер, автор замечательной книги «Задачник про любовь и поцелуи», а также 80 мультфильмов: «В советское время у нас в Одессе даже Чехова трудно было достать, а Пастернака народ узнал только в хрущевскую оттепель!»

Бедная Одесса! За что ее так обделили? Но пришел бы ко мне, я поводил бы его по московским магазинам и библиотекам, уж нашли бы мы или 12-томного Чехова, изданного еще в 1930—1933 годы, или 20-томного, что начал выходить еще в 1944-м как раз в ознаменование освобождения Одессы, или опять 12-томного 1960—1964-х годов, или, наконец, 30-томного, вышедшего в 70—80-х тиражом в 300 тысяч экземпляров. Да я мог бы и подарить Григорию Бенционовичу, допустим, парочку чеховских сборников, вышедших в серии «Классика и современность» издательства «Художественная литература» тиражом в 3 миллиона экземпляров. Вы понимаете, коллега, что такое 3 миллиона? Это двумя такими сборниками можно устлать всю дорогу от Москвы до Одессы-мамы или до Ростова-папы...

А с Пастернаком действительно было досадно, широкий читатель, пожалуй, его никогда не знал и не знает. И тут не помогла даже известная хвала ему на первом съезде писателей в 1934 году известного любимца партии Бухарина. Не помогло и участие поэта в Конгрессе писателей, состоявшемся в 1935 году в Париже. Но среди ценителей поэзии поклонников всегда было много, однако о них не верно ли сказал когда-то злоречивый пародист Архангельский:

О, если бы четверть его поклонников
Понимала треть написанного им!

А прогремело его имя по стране, увы, лишь в 1958 году, когда за границей вышел «Доктор Живаго», ставший в мире знаменем борьбы против нашей родины.

У Пастернака есть строки:

О женщина, твой вид и взгляд
Меня ничуть в тупик не ставят...

Так вернемся к женщине-легенде, которая то и дело ставит нас в тупик. Вот и опять: если в той приведенной фразе под словом «мы» она имеет в виду лишь себя с мужем, то и здесь ни о какой пассивности и беззащитности говорить невозможно. Бешеная активность! Начиналась она с доносов супруга на школьных друзей и товарищей по лагерю, а завершилась обретением двух поместий гектаров по десять-пятнадцать — в штате Вермонт и на берегу Москвы. По обе стороны океана! Не было в русский литературе да и во всей мировой более загребущего писателя. Всех превзошел!

Или вот еще мадам раскрыла ротик: «Советский режим уничтожал людей. Тогда существовала реальная опасность исчезновения народа». Матушка, нельзя же в пенсионном возрасте так доверчиво относиться к брехне супруга, хоть он и Нобелевский, надо иногда и самой мозгами шевелить. Так вот, сообщаю: за годы советской власти население страны выросло со 150 миллионов почти до 300. И это несмотря на два страшных голода и две кровопролитнейших войны на своей земле в общей сложность лет восемь да еще перед этим три года германской!

Конечно, Виктор Правдюк, тот что по указанию еще не забытой и не отправленной в Африку Беллы Курковой долго топтался на могиле Шолохова, вещает по телевидению: «А должно быть 600 миллионов!» Ну, этот праведный Правдюк еще не то лепечет. Например: во время войны, говорит, оккупанты ставили в захваченных городах памятники Пушкину. Так что, вломились-то к нам тогда не фашисты грабить и убивать, а пушкинисты, чтобы просвещать нас. А мы по серости своей вместо того, чтобы радовать-

ся, — принялись пушкинистов шерстить да истреблять. О, грехи наши тяжкие...

Вот вам, сударыня, домашнее задание: найдите в Европе еще хоть одну страну, население которой в это время росло бы так же стремительно.

Она еще и пылко взывала с экрана: «Пусть наши женщины рожают!» Замечательно! Но вот дополнить бы красивую декламацию живым делом: начинаю, мол, строить в московском поместье бесплатный родильный дом для неимущих матерей. Хотя бы мест на 50, а? Как было бы отрадно роженицам гулять по вашим зеленым гектарам, какой милый младенческий писк раздавался бы окрест и влетал в кабинет нобелиата. Строили же Чехов, Короленко, Шолохов больницы, школы, библиотеки, отдавал же Толстой гонорары духоборам. А ведь их достатки по сравнению с шалыми антисоветскими гонорарами Бронированного выглядят просто жалко.

Правда, учредил великий русский патриот американско-долларовую премию. Но это же скорее для своей рекламы, чем для других. Потому иной раз, как я уже упоминал, для большего охвата делит премию пополам, и даже — это ведь какая душевная дремучесть! — между живым и покойником, как было с Евгением Носовым и Константином Воробьевым, умершим в 1975 году.

На премии этой — как печать проклятия. В самом деле, получила ее поэтесса Инна Лиснянская — и вскоре умер ее муж Семен Липкин, получил культуролог Владимир Топоров — и через полтора года сам умер, получил Евгений Носов — и года не прожил, получил Валентин Распутин — погибла дочь, получил артист Миронов — и ведь умом тронулся. Действительно, захлебывается по телевидению: «Мне позвонил Александр Исаевич. Это же все равно как если бы позвонил Пушкин!» Ну, разве не полоумие?

А в этом «послесловии» Миронов рассказал, что его дед строил еще деревянный Мавзолей Ленина, и внук раньше

гордился этим. Поведал и о том, что у его тетки висели над кроватью икона с ликом Христа и портрет Ленина. И так, говорит, жила вся страна, а «Сталина любили миллионы». Но задуматься, почему так было, всмотреться пристально во вчерашний день родной страны, всего народа, в том числе и своих кровных близких родичей он уже не в состоянии. Один звонок Солженицына все выбил из ума и сердца. И теперь с ним, с тепленьким, можно делать что угодно. Он знает только одно: «Сталин и его время ломало судьбы людей, судьбы миллионов». Правильно. Например, Сталин сломал замечательную судьбу Гитлера. Кто такой Гитлер? Несчастная жертва культа личности. И насчет миллионов верно, и их прежняя жизнь была поломана: из тьмы невежества и забитости миллионы, десятки миллионов были подняты к свету осмысленной деятельной жизни, к вершинам науки, культуры, творчества. Нужны цифры и примеры? Поищи сам, сынок.

Это телепослесловие оказалось как бы еще одной серией фильма, притом самой показательной, поэтому есть смысл продолжить рассказ о его персонажах, которые лишь по оплошности Панфилова не попали на экран.

Вот еще и Владимир Лукин. Премию Солженицына пока не получил, но уже давно спятил. Полюбуйтесь хотя бы на это: «Все, что я слышал о Сталине — а я в жизни много слышал! (обратите внимание, какие у него уши. — *В.Б.*) — сводится к одному: он вызывал дикий ужас. Да, дикий ужас! Но в ужасе есть что-то завлекательное... Он внушал дикий ужас всем, в том числе всем этим маршалам...» Таким и показал его Кваша.

Но если всем — ужас, то назови хоть одно имя, приведи хоть один пример. Нет у него ничего за душой и не читал он воспоминания «этих маршалов», они ему неинтересны да и некогда: он всю жизнь в мыле карьеру делал.

Можно было бы вспомнить множество высказываний о Сталине людей самых разных сфер деятельности наших и иностранных, и, конечно, «этих маршалов», но чтобы раздавить вонючего клопа демократии, достаточно и одного примера хотя бы из воспоминаний маршала К.К.Рокоссовского.

Тот в тяжелую пору 1942 года был назначен командующим Брянским фронтом и вызван в Ставку. Он вспоминал: «В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах ознакомил меня с положением на воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня есть на примете дельные работники, то он поможет мне заполучить их для укомплектования штаба Брянского фронта. Я назвал... Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей и пожелал мне успеха на новой должности». Я вас спрашиваю, завлекательный клоп по правам человека, где здесь ужас?

Разумеется, Сталин, как и любой Главнокомандующий всех времен и армий, случалось, во время войны и распекал военачальников, как однажды даже маршала Василевского, и снимал с должности, как генерала Козлова и Мехлиса, и понижал в звании, как маршала Кулика и генерала Петрова, и отдавал под суд, как генерала Павлова. А как вы думали? Ведь это война, а не побрехушки в Госдуме с каким-нибудь велеречивым антисоветчиком Мидинским или шарнирным патриотом Исаевым.

Вот как было, например, с Василевским. Однажды рано утром в августе 1943 года, находясь на КП 46-й армии Юго-Западного фронта, он получил телеграмму:

«Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас как уполномоченно-

го Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. Но вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта. И.Сталин».

Приведя текст, Василевский пояснил: «Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получил ни одного даже мелкого замечания... На протяжении всей своей работы с И.В.Сталиным, особенно во время Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже сказал, чрезмерную заботу... Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки».

Да, маршал был потрясен. А вы думаете, что был бы рад американский генерал, получив подобную телеграмму от Эйзенхауэра, или английский — от Монтгомери, или немецкий — от Гитлера... А уж от Сталина-то! Кавалеристы рассказывали, что при виде его портретов или при звуке его голоса по радио даже кони ушами прядали.

А ныне другие времена, другие люди. Если, например, тот же Лукин получит телеграмму от Путина, что он бездельник и трепло, которому пора на завалинку, его душу это не потрясет, но охватит дикий ужас, и он кинется умолять, как гусекрад Паниковский: «Оставьте меня! Я хороший! Я буду защищать права человеков!»

3

А.Твардовский — А.Солженицыну:
— Если бы моя власть, я бы вас посадил...

«Бодался теленок с дубом», с. 95

Еще Лукин объявил, что академик П.Л.Капица, отец сидящего здесь профессора Сергея Капицы, из высших соображений всечеловеческого гуманизма в свое время отказался участвовать в работе над атомной бомбой. А вот, мол, Курчатов, Харитон, Сахаров, Зельдович и некоторые другие лишены были сих высших соображений и создали бомбу, получили по три Золотых Звезды, чем и покрыли свои имена несмываемым в веках позором, да?

Тут выскочила Светлова: «Украли бомбу! Это же факт! Украли! Я видела, как Курчатов засовывал ее за пазуху!..»

Мадам так негодовала и была возмущена, обижена за Америку, где у нее поместье, словно любимую державу оставили и без бомбы, и без штанов. Да не одну, а две бомбы украли, и первую сбросили на Хиросиму, вторую — на Нагасаки.

Профессор Капица мягко, но внятно осадил американскую помещицу:

— Не украли. Тут была другая сила...

А на слова губошлепа о будто бы имевшем место отказе отца участвовать в атомном проекте профессор и ухом не повел. Вместо этого рассказал об одном американском физике, поляке, который, поняв в 1944 году, что Германия уже на краю краха, и новое страшное оружие может быть применено против Советского Союза, действительно вышел из участия в американском атомном проекте. Светлова, американская Салтычиха, и Лукин, как увидим из дальнейшего, наверняка были изумлены: как? человек сочувствовал Советскому Союзу?

В США убит приемными родителями очередной ребенок из России, 14-й по счету. 2 марта, рассказывая об этом с места преступления, журналист Василий Арканов назвал чудовищную цифру: сейчас в США 57 тысяч вывезенных из России и усыновленных детей. Если бы они выросли дома, то это население районного города. Спасибо американцам, что они берут брошенных, обреченных на сиротство. Но до чего же надо довести своей народ, как надо ненавидеть его, какую жизнь для него создать, чтобы столько несчастных женщин отринули свое главное призвание в мире Божьем. А Путин, должно быть, радуется этому, как в свое время радовался отъезду из страны ученых: «Это свидетельствует о высокой конкурентоспособности нашей науки!»

А Солженицыны да Панфиловы льют слезы о мнимых страданиях мнимых жертв. А Светловы да Лукины пускают пузыри и аплодируют им, будто и не зная хотя бы об этих 57 тысячах своих юных соотечественников...

Нобелевский лауреат П.Л.Капица был подлинным патриотом своей родины. Еще с 1936 года он слал письма Сталину и Молотову, высказывая разного рода соображения о наших недостатках и возможных улучшениях. Так, в 1946 году он в припадке дикого лукинского ужаса послал Сталину рукопись книги Льва Гумилевского «Русские инженеры» и сопроводил письмом, где подчеркивал, что «один из главных отечественных недостатков — недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность — это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность». Он, тринадцать лет проработавший в Англии, знал, что говорил: «Для того чтобы закрепить победу (в Отечественной войне) и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности... Успешно мы можем это делать только когда будем верить в талант нашего инженера и ученого, когда, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего наро-

да не меньше, а даже больше других. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел поглотить».

Сталин ответил: «Тов. Капица! Спасибо за Ваше хорошее письмо, я был ему очень рад... Получил все Ваши письма. В письмах много поучительного. Что касается книги Л.Гумилевского «Русские инженеры», то она очень интересна и будет издана в скором времени». Через несколько месяцев книга вышла и получила Сталинскую премию. Все это, как вы понимаете, вызвало у Капицы новый приступ дикого ужаса.

А в ту пору, когда у нас шла работа над созданием атомной бомбы, академик Капица был занят своим крайне важным для обороны страны делом: был начальником Главного управления по кислороду при Совете народных комиссаров. И потому имел весьма веские причины отказаться от работы с Курчатовым, если его и впрямь приглашали. А коли Капица мог бы по времени и был нужен по своему научному профилю для такой работы, он бы, конечно, принял в ней участие.

Но вот что еще интересно. В 1943 году Капица получил вторую Сталинскую премию, в 1945-м — первую Золотую Звезду Героя. А ведь в это время уже шла работа над атомной бомбой. И кроме того,— шесть орденов Ленина. Это что ж, все за отказ работать над бомбой?

Значит, либо отказа и не было, либо наше руководство не придало ему никакого значения, что особенно бросается в глаза рядом с судьбой того американского поляка, нобелиата, о котором рассказал проф.Капица: его судьба как физика была сломана, и он вынужден был заняться прикладной медицинской физикой.

Ну, а рассказать о переписке отца со Сталиным, о ее замечательных результатах,— фи, как можно! Заплюют. На днях даже юбилей божественной Анны Герман, даже 100-летие замечательной детской писательницы Агнии Барто

ухитрились насквозь пронизать тупоумной антисоветчиной. А ведь какой благодатный для имиджа страны материал хотя бы эта полька, ставшая любимицей всей России. Ничего не секут тупые сытые рожи...

4

А.Твардовский — А Солженицыну:
— Ему ..ут в глаза, а он — «божья роса!»

«Бодался теленок с дубом», с. 139

Итак, что же сказали эти просвещенные господа о предательстве. Проф. Капица вопросил: «Кто Володин — предатель или герой? Нелегко ответить». Для его знаменитого отца тут трудности не существовало. Тотчас вылез мудрец Лукин: «Володин несомненно государственный преступник, он предал интересы государства...»

Было слышно, как при этих словах Светлова заскрежетала зубами и, казалось, была готова броситься на защитника прав человека и задушить его. Но он продолжил так: «С другой стороны, что если явно преступно само государство. Что с этим делать? Герой фильма решает, можно ли служить этому преступному государству, которое сажает одного виновного и миллионы невиновных». Это было сказано с дрожью в голосе, словно тем единственным невиновным был именно он, вонючий клоп демократии.

Светлова подскочила в кресле от восторга. Но фу, какая тотчас вонь пошла от клопа: ведь герой фильма решает совсем другой вопрос: не можно ли служить родине, а можно ли ее предать. Да и не видим мы его решающим, размышляющим: он просто идет и предает. Так бы поступил и Лукин. Какие сомнения! Он ставит на одну доску фашистскую Германию и свою родину. Там полковник Штауффенберг покушался на преступного руководителя преступного государства и потому герой, а тут Володин покушался на безопасность преступного государства и значит, блин, тоже герой!

Но Лукин почему-то привел только один пример преступности его родины — миллионы невиновных Солженицыных в неволе. А ведь мог бы указать множество примеров. Так, в 1918—1922 годы его родина разнесла в пух и вышвырнула припожаловавших к ней в гости с букетами хризантем войска прогрессивнейших держав мира — Франции, Англии, Америки, Японии...Разве это не преступление! Потом она преступно обогнала в экономическом развитии всю Европу. Позже дюжина деликатнейших свободолюбивых держав были повержены Гитлером и свободно лизали ему пятки, а родина довела Гитлера, Геббельса, Геринга до самоубийства, а их друзей — до суда и петли. Это преступление, как видно, особенно возмущает Лукина: он же правозащитник. Ах, как жаль, что не был на Нюрнбергском процессе. Уж он бы сказал словцо! А сколько еще за родиной преступлений...

Тут врубилась американская помещица: «Честный герой фильма и не мыслил допустить, чтобы атомная бомба попала в руки тирана, злодея, который может использовать ее, как захочет. Снабдить изверга таким оружием — вот она, черная жаба злодейства!»

Жаба околела? Но какова забывчивость этой Салтычихи! В дни всей той суеты, что изобразил ее супруг (конец декабря 1949 года) атомная бомба у нас уже была. Почти четыре года до своей смерти Сталин имел атомную бомбу. И что? А ничего. Лежала в погребе рядом с солеными огурцами. А американцы едва только смастачили парочку «малышей», как тут же помчались угостить мирных жителей Японии. И после Сталина вот уже более полувека наше ядерное оружие спит чутким мирным сном. И ваша Америка, мадам Черножабова, до сих пор остается единственной страной, прибегнувшей к этому адскому оружию. Что, не слышала? Или в глазах струя?

Но она еще и вот что лепечет: «Сейчас Володина не нашлось бы!» То есть теперь, мол, такая чудесная жизнь, что нет предателей родины. Мадам, ну что с вами делать...Да

разве не предали родину Горбачев с Ельциным и вся их вшивая свора? Разве не продолжает предавать ее на ниве словесности ваш мафусаил Нобелевской премии? Разве этот фильм не предательство?

Явленный нам хоровод-симпозиум хорошо бы дополнить еще одним персонажем, имеющим гораздо более прямое отношение к роману и фильму «ВКП», чем все остальные симпозианты, включая супругу Бронированного: роман был написан еще до того чудного мгновенья, когда на фоне сирой пенсионерки как божество и как легенда явилась она.

Тут придется сделать отступление. В начале 2000 года у меня дома раздался телефонный звонок из Нью-Йорка. Признаться, это случается не так часто: за последние шестьдесят лет то был первый звонок. Звонил незнакомый мне Сергей Николаевич Никифоров, российский гражданин, в 1992 году оказавшийся в Америке.

Как так? В чем дело? Зачем я ему понадобился? Оказывается, там, в США, каким-то неведомым путем Никифорову попал в руки московский журнал с моей статьей о Солженицыне. А он, Сергей-то Николаевич, представьте себе, отбывал срок вместе с ним в этой самой шарашке, о которой тот сочинил роман. Надо заметить, что ведь именно за этот умеренно, в чем-то, можно даже сказать, разумно антисоветский роман, вышедший на Западе в 1968 году, сочинитель и получил в 1970-м Нобелевскую премию, а не за опубликованный только в 1973 году уж вовсе оголтелый «Архипелаг», как думают многие.

Никифоров рассказал, что не только сидел вместе с нобелиатом по той же статье, но и послужил прообразом для одного персонажа его романа: из Никифорова писатель слепил Руську Доронина.

Сергей Николаевич поведал также, что написал воспоминания о том времени и хотел бы кое о чем посоветовать-

ся. Что ж, я был не против. Вскоре он приехал в Москву и вручил мне рукопись, озаглавленную строчкой из песни в фильме «Кубанские казаки» — «Каким он был, таким он и остался». Мне показалось это банальным, но автор настаивал: именно так.

Воспоминания были написаны на хорошем литературном уровне, что вовсе и не удивительно: автор — человек бывалый, у него высшее образование, да он уже и писал, и печатался в США. Во всяком случае, язык гораздо лучше, чем у Солженицына.

Ведь этот живой классик начисто лишен чутья к слову. Он рассказывает, как сконструировал себе язык: в лагере ежедневно, даже в строю, учил наизусть два-три страницы словаря Даля. Сей словарь великолепная вещь, но только для тех, кто чутье к русскому слову впитал с молоком матери. А с Бронированным этого почему-то не произошло, он глух, и словарь для него бесполезен. Потому нет-нет да случаются у него такие конфузы, что хоть святых выноси. Например, вместо «упасть навзничь» пишет «упасть ничком», т.е. прямо противоположное. Желая блеснуть простонародным речением «ехать охлюпкой» (верхом без седла), пишет «ехать охляблью». Есть идиома «ухом не вести» и «ни уха, ни рыла не знать, не понимать». Он их спарил и получил нечто новое, но совершенно несообразное: «не вести ни ухом, ни рылом». Хоть стой, хоть падай! А это? — «женщина в платьи», «Вячислав», «восспоминания», даже «анальное отверстие»... Путает анналы истории с задницей. И нет этому конца...Словом, истинный глухарь — породистый, с медалью лауреата.

Когда Сергей Николаевич уходил, я вышел на лестницу проводить его и, указав на дверь против моей, сказал:

— Здесь жил еще один прообраз — Лев Копелев, по роману — Лев Рубин.

— Неужели? — удивился гость.

— Как же, как же. У нас были милейшие отношения. Им с Раисой Орловой частенько приносили из американского посольства ящики, мешки, коробы с заморской пищей. Когда их не было дома, мне, коммунисту, приходилось принимать эти империалистические коробы с пропитанием для антисоветчиков на временную сохранность.

— А где он сейчас? Говорят, это он принес в «Новый мир» Твардовскому «Один день Ивана Денисовича»?

— Да, он, хотя в повести, с которой все и началось, не находил ничего особенного, что Солженицын язвительно поминал ему. Из этой квартиры он перебазировался в Германию, и там вслед за супругой года три назад умер. Но в 1993 году в парижском журнале «Синтаксис» успел напечатать письмо своему бывшему другу и протеже.

При следующей встрече я прочитал Никифорову несколько строк из письма Копелева создателю образа Рубина: «В том, что ты пишешь в последние годы, преобладают ненависть, высокомерие и несправедливость. Ты ненавидишь всех, мыслящих не по-твоему, будь то Радищев, Милюков или Бердяев» и т.д. Я был согласен с антисоветчиком.

А мои замечания по рукописи Никифорова не имели существенного значения и были приняты им лишь отчасти. После этого я позвонил Станиславу Куняеву, который к тому времени сумел уже одолеть солжницынскую мороку, и воспоминания появились в «Нашем современнике» № 11 за 2000 год. К сожалению, тираж журнала был тогда уже только 12 500 экземпляров.

История Никифорова такова. Он сын кулака. Поэтому или просто по молодой дурости в сентябре 1946 года, когда было 19 лет, они с приятелем сумели передать в американское посольство письмо. В обвинительном заключении говорилось, что это было «письмо злостного антисоветского содержания от имени якобы существующей подпольной партии». В нем возводилась клевета на И.В.Сталина и на положение в стране. Кроме того, указывалось, что их «партия

ставит задачу свержения Советской власти». Подпольщики-заговорщики посетили дачу американского посольства в Мытищах «с целью встретиться с американцами для получения указаний и практической помощи в борьбе против СССР». Как говорится, уж куда дальше. Тем более что «начиная с 1946 года Никифоров проводил среди своего окружения антисоветскую пропаганду». Однако, «допрошенный в качестве обвиняемого, Никифоров признал себя обвиняемым только в подлоге документа. Проведение антисоветской деятельности отрицает, но изобличается в этом показаниями свидетелей. Очными ставками и вещественными доказательствами». А намеченная встреча не состоялась, ибо 3-й секретарь посольства, поняв, что это за лохи, передал письмо прямехонько на Лубянку. И ребятишки загремели...

После отбытия срока Никифоров окончил институт, женился, работал на разных должностях в разных краях страны, и уже не считал себя невинной жертвой, хотя в 1992 году и уехал в США. «Оглядываясь в прошлое после многих лет проживания на Западе, в самой, так сказать, демократической стране, — пишет он,— события тех лет вижу сейчас в совершенно ином свете... В марте 1946 года Черчилль выступил в Фултоне со своей известной речью, с которой началась «холодная война». Зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР, принялись выпячивать трудные стороны нашей жизни и восхвалять западное. Это способствовало возникновению среди молодежи, особенно студенчества, разного рода неформальных организаций. Появилась «пятая колонна» в лице так называемых диссидентов. Кампания по «защите прав человека» явилась основным звеном в цепи «холодной войны» против СССР. И в итоге то, что не смогли сделать в 1918—1920 годах американцы с англичанами и Гитлер в 1941-м, сделали наши демократы и диссиденты с нобелевскими премиями. Народное достояние захватила кучка преступников». Как видим, несмотря на все пережитое, человек остался патриотом, горько скорбящим о судьбе родины.

И вот Руська-Никифоров в образе антисоветчика и сексота красуется перед нами в фильме Г.Панфилова. Для начала замечу, что в авторском тексте, который читает сам сценарист, говорится, что Руська по той же 58-й статье получил 25 лет и, разумеется, ни за что, ибо, как романист уверял еще в «Архипелаге», «по 58-й статье никогда не было выяснения истины, и первое подозрение, донос сексота или даже анонимный донос влекли за собой арест и немедленное обвинение. Сплошное ощущение, что все сидят ни за что». Так и в фильме — сидят сплошь «большие умы» (Светлова) и великие патриоты (Лукин). Правда, последний, как знаем, делает уступку: «Сажали одного виновного и миллионы невиновных».

Прежде чем привести ответ Никифорова на это, следует заметить, что он-то коротал свой срок по тяжкой норме: два раза рядовым зэком побывал в Воркуте, в тридцатиградусные морозы работал крепежником на шахте, «а после работы, когда доберешься до зоны, в столовой бушлат можно было ставить стоймя — он превращался в глыбу льда». А сосед Касьянова почти весь срок в благодатном подмосковном климате все кантовался то начальничком, то придурком: нормировщик, нарядчик, математик, завпроизводста, мастер смены, бригадир, библиотекарь... А то и вовсе ничего не делал. Ведь сам признается, что в этой шарашке, например, от него требовались две вещи: «12 часов сидеть за письменным столом и угождать начальству». То и другое он умел прекрасно. Правда, сидел он не двенадцать, а восемь часов и поскольку вдруг открылся великий писательский дар, то этой страсти, говорит, «я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть». Господи, прочитал бы это во глубине сибирских руд князь Волконский Сергей Григорьевич...

Н.Решетовская по письмам страдальца рисовала такую картину: «В обеденный перерыв Саня валяется во дворе на травке или спит в общежитии (на каторге мертвый час!). Ут-

ром и вечером гуляет под липами. А в выходные дни проводит на воздухе 3—4 часа, играет в волейбол». Боже милостивый, услышал бы об этом Достоевский, у которого за целый год было три «выходных дня» — Пасха, Рождество и день тезоименитства государя.

«До 12 часов Саня читал. А в пять минут первого надевал наушники, гасил свет и слушал музыку». Допустим, оперу Глюка «Орфей в аду». И знал бы об этом каторжанин Чернышевский...

В Вашингтоне Солженицына однажды пригласили на большое профсоюзное собрание. И представьте себе, он начал там свое выступление так: «Братья! Братья по труду!» И представился как истый троекратный пролетарий: «Я, проработавший в жизни много лет каменщиком, литейщиком, чернорабочим...»

И таким лжецом он оставался всегда. Да что лжецом!.. Однажды Твардовский написал о нем большое письмо Константину Федину как председателю Союза писателей и отправил его с курьером. Вдруг — письмо передают по Би-би-си. Твардовский, конечно, изумлен. И Солженицын изображает солидарное изумление, да еще и глумливо наводит на свой след:

«— Вот — как? Вы даже мне дали читать под арестом, вот тут в кабинете, без выноса!

— Не могли же вы переписать все семнадцать страниц!»

И тот, потирая ручки, ухмыляется про себя: «(Верно, я только четыре страницы переписал, экстракт)» (Бодался теленок с дубом, с.230). И по известным ему каналам сей экстракт уплыл в Лондон. То есть человек не только не стесняется своего подонства, не скрывает его, а публично хвастается им, гордится, наслаждается. Какой великолепный урок для Ерофеева, Сорокина, Сванидзе, Правдюка и других его адептов.

И Твардовский и Лакшин, преданные Солженицыным, долго не могли, как теперь вот Распутин и Бородин, облас-

канные им, и теперь не могут понять, что имеют дело с существом совершенно особой, невиданной ранее породы.

Так вот, кому же верить — этому невиданному существу, лагерному библиотекарю-каменщику, который, посасывая присланные женой шоколадки, почитывал книжечки или сам сочинял деревянные поэмы, или иззябшему и несытому воркутинскому шахтеру? А шахтер говорит: на самом деле ему дали не 25, а 10 лет и через 7 с половиной освободили.

Что касается «ареста по перовому доносу», то и это вранье, рассчитанное на блестяще твердолобых лукиных. «По первому доносу, — пишет Никифоров. — человек лишь попадал в поле зрения органов НКВД».

На русской земле более болтливого писателя, чем Бронированный, не было. Один мой читатель точно назвал его Громоздилой. Он столько о себе самом наговорил, написал, навещал, натараторил, нагромоздил, что многое уже и не помнит. Вот уверяет, что по 58-й статье никогда не было выяснения истины, а сам же в подробностях рассказал, как долго и настойчиво донимал его допросами следователь И.Езепов, стараясь докопаться до истины, как он перед ним юлил, хитрил, заискивал. Так и говорит: «Я сколько надо было, раскаивался, и, сколько надо было, прозревал от своих политических заблуждений». И даже благодарил, что арестовали теперь, в 45-м, а не в 50-м, когда он мог бы залезть в антисоветчину еще глубже.

Имея в виду дотошность солженицынского следствия, Никифоров пишет: «То же было и со мной. Восемь месяцев шло следствие. Были допрошены шесть свидетелей, проведено пять очных ставок, собрано множество вещественных доказательств. Следствие старалось доказать мою вину и доказало. Другое дело — я ни в чем не признавался. Я не стремился произвести хорошее впечатление на следователя, как Солженицын».

А как велось само следствие? Он божится: «сжимали череп железным кольцом», «опускали человека в ванну с кислотой», «загоняли раскаленный шомпол в аннальное отверстие»... Повторив это, Никифоров восклицает: «Хватит, не могу больше. Ко мне, как и к Солженицыну, не применяли ничего недозволенного. Правда, меня один раз посадили в карцер на пять суток. Но это за то, что пошутил над следователем, обманным путем получил 50 рублей». Между прочим, на эти 50 рэ Никифоров накормил до отвала всю камеру из четырех человек.

И дальше: «Солженицын просидел почти двадцать лет в лесу штата Вермонт за высоким забором и не знает многого в жизни самого демократического в мире государства. Попробуй, пошути с полицией в Нью-Йорке. Попробуй, не останови машину по ее требованию, сославшись потом на любовь к шутке. Сразу наденут наручники, отвезут в участок, отберут машину. А будешь выступать — бока намнут. Посидишь несколько дней, а машину отдадут, когда уплатишь 500—600 долларов».

Что же касается миллионов невиновных в неволе, роящихся в голове блестящего мыслителя по правам человека, то Никифоров отвечает ему так: «За восемь лет заключения я невиновных не встречал. При знакомстве все говорят, и я говорил, что посажены ни за что. А познакомишься поближе, узнаешь: или служил в немецкой армии, или учился в немецкой школе разведки, или был дезертиром». Ну, невиновные, конечно, были, как есть они у нас и сейчас, как есть и во всех тюрьмах и лагерях мира, но вот человек за такой срок не встречал их. Разве это не говорит по-своему о том, сколько их сидело?

Материал для размышления об этом дает живущий в Смоленской области Э.Г.Репин. Он напоминает, что разные кликуши демократии называют разные цифры жертв политических репрессий: Яковлев — 30 миллионов, Солженицын — 60 млн., Хакамада — 90, Новодворская — 100, теперь

вот и Лукин — «миллионы и миллионы на одного виновного». А на днях вылез еще Иваненко — 32 миллиона. Это нечто новое. До него врали уж больно кругло, с нулем на конце, а этот будто бы высчитал с точностью до единицы. Уже один этот разнобой в десятки миллионов свидетельствует о том, что перед нами орава лжецов. Но тов. Репин человек вежливый, он пишет: «В конце 90-х годов А.Н.Яковлев, долгие годы возглавлявший Комиссию по реабилитации, отвечая на вопрос дотошного корреспондента о количестве реабилитированных жертв политических репрессий, выдавил цифру: около 1,5 млн. человек.

Но тогда встает колоссальный вопрос о судьбе остальных жертв —

по Яковлеву 30 — 1,5 = 28,5 млн.

по Солженицыну 60 — 1,5 = 58,5 млн.,

по Хакамаде 90 — 1,5 = 88,5 млн.,

по Новодворской 100 — 1,5 = 98,5 млн. человек.

Ответов может быть только два:

1.Или десятки миллионов осуждены за контрреволюционные антигосударственные преступления правильно и реабилитации не подлежат;

2. Или цифры жертв являются плодом полоумной фантазии и бешеной ненависти к нашему прошлому названных лиц».

Но первый ответ ни одна кликуша демократии за двадцать лет своего камлания ничем подтвердить не смогла. Увы, приходится признать единственно верным ответ второй.

Впрочем, нет, особенно бесстыжие находят доводы. Солженицын, например: «Намеченный к аресту по случайным обстоятельствам, вроде доноса соседа, человек легко заменялся другим соседом». И вот, мол, конкретный факт: «В 1937 году в приемную Новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленым грудным ребенком арестованной соседки. А ее взяли и отвели в камеру: надо было

срочно заполнить число, но арестованных не хватало, а эта уже была здесь». Никифоров едва не хохочет: «И я должен верить этому анекдоту!» Но представьте себе, и женщина-легенда, и блестящий дипломат, и кумир поколений верят же с ходу! Да почитали бы хоть самого Солженицына. Он стольких друзей устно и письменно оклеветал, а их даже не подвергли допросу!

В прессе сообщалось, что 2 ноября 2000 года президент Путин беседовал с Яковлевым о политических репрессиях в годы советской власти и о причине крайне медленных темпов реабилитации: действительно, сколько лет прошло, а из 30 — 100 миллионов только полтора! Яковлев тогда сказал, что принято решение создать новую Межведомственную комиссию, которая должна будет разобраться. Но вот идет уже шестой год, а никаких вестей, как видно, сказать нечего. Да тут еще и главному специалисту Яковлеву удалось улизнуть от ответственности. Возможно, удастся улизнуть и Солженицыну. Но уж остальные-то, включая Лукина, пусть не надеются.

С бронированным Громоздилой порвали все, кто знал его близко. Одни просто молча отвернулись, другие выступили с разоблачением, третьи прокляли, ибо он их всех оскорбил, оклеветал, предал, — всех, начиная с друзей юности. Притом в отношении их проделал это дважды. Первый раз еще в 45-м году. Тогда на допросах представил своими единомышленниками школьных и институтских друзей Николая Виткевича, Кирилла Симоняна, его жену Лидию Ежерец (она у нас в Литинституте преподавала иностранную литературу) и Наталью Решетовскую, собственную жену. Прихватил еще и случайного знакомого Леонида Власова.

Виткевич, по одному делу с ним по его доносу и получивший 10 лет (сам-то Бронированный — 8) и отбывавший срок на Колыме, дважды читал доносы своего друга на себя, как на активного антисоветчика: во время следствия (его

арестовали позже) и уже при реабилитации. Он вспоминал: «Я не верил своим глазам. Это было жестоко. Но факты остаются фактами. Мне хорошо были знакомы его подпись, которая стояла на каждом листе, его характерный почерк — он своей рукой вносил в протоколы исправления и дополнения. И — представьте себе! — в них содержались доносы и на жену Наталью, и на нашу подругу Лидию Ежерец».

А в 1952 году, когда Солженицын заканчивал срок, Симоняна пригласил следователь и предложил ему прочитать увесистую тетрадочку, исписанную тоже хорошо знакомым ему почерком школьного друга. 52 страницы — это так похоже на Громоздилу с его словесным недержанием! «Силы небесные! — воскликнул Симонян, изучив сей фолиантик. — Здесь описывалась история моей семьи, нашей дружбы в школе и позднее. При этом на каждой странице доказывалось, что якобы с детства я был настроен антисоветски, духовно и политически разлагая своих друзей и особенно его, Саню Солженицына подстрекал к антисоветской деятельности».

Его прокляли и школьные друзья Виткевич и Симонян, и те, с кем он сидел в лагере — Копелев и Никифоров, и те, кто его поначалу приветствовал и печатал, защищал — популяризировал — Твардовский, Симонов и Лакшин. Уж как обожал его «Современник», целый год печатавший «Красное колесо», но, в конце концов, и Станислав Куняев напечатал убийственную подборку читательских писем. Вот несколько выдержек.

А.А.Сидоров: «Это общечеловек горбачевского типа. Я был бы совершенно безразличен к нему, если бы он в угоду русофобам не организовал клевету на Шолохова». С.И.Анисимов: «Этого «художника и мыслителя» можно с полным правом назвать одним из самых заслуженных могильщиков страны. Никаких чувств, кроме ненависти, я к нему не испытываю». Софья Авакян: «Он враг моей Родины. Он употребил все свои силы, весь свой холодный расчетливый фана-

тизм на ее уничтожение, и потому он мой личный враг на самом сокровенном уровне моей души, как Чубайс, Гайдар, Ростропович. И я ненавижу его. Я испытываю почти физическую боль, когда его пытаются хоть каким-то краешком прислонить к Толстому».

Пока по телевидению шел фильм, Никофоров дважды звонил мне из Нью-Йорка. Ах, как жаль, что он не был в Москве! Какая досада, что не мог принять участие в «послесловии»! Когда я рассказал ему о судьбе «солженицынских лауреатов» — Инне Лиснянской, Владимире Топорове, Евгении Носове и назвал новых — Валентина Распутина, Леонида Бородина, Игоря Золотусского, он заметил: «Неужели им не страшно?» Помолчал и добавил: «Спаси, сохрани и помилуй их вместе с Панфиловым, Господи!»

КАРНАВАЛЬНАЯ ДИЧЬ

Первого января, проспавшись после встречи Нового года, я часов в 11 утра включил телевизор. И сразу вляпался в шарагу дюжих мужиков, которые, дергаясь и тряся всеми уже не молодыми членами, метались по сцене и осатанело наяривали частушки самого убогого и похабного свойства. О чем была одна из них я все-таки помню: вот, мол, какой хороший мальчик Петя, в отличие от товарищей пьет не так уж много, и потому получает хорошие отметки. Публика хохочет. Над ней издеваются, над народной бедой насажденной эпидемии алкоголизма сытые рожи глумятся, а ей весело. Приучили. И киргиз Швыдкий, поди, ручки потирал: вот оно русское народное искусство — частушки! водка!

А вечером показали по той же первой программе новый трехчасовой фильм знаменитейшего Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь — два», поставленный в ознаменование юбилея памятной «Ночи» 1956 года и по ее как бы модернизированной сюжетной канве. Что ж, почему не поставить! Тем паче, что в фильме высмеиваются халтура и бездарность, убожество и бесстыдство, подобные тому, что я видел утром. Да еще — о взяточничестве и продажности в искусстве, о подхалимстве, о наглом силовом захвате народной собственности. Молодец Рязанов, молодец!

Но чем дальше я смотрел фильм, тем острее вставал вопрос: сударь мой, а кто был зачинщиком всего этого? Кто, например, устраивал пропагандистско-благостные душевные

телебеседы с кремлевским боровом? Именно вы-с и устраивали, Эльдар Александрович. Или до сих пор думаете, что сей хрюкающий ложкарь не имеет никакого отношения ко всему тому, что творится у нас ныне, к торжеству цинизма, бесстыдства, а в частности, и к разгрому искусства? Признавайте или нет, а вы с ним заодно.

Впрочем, нет, вы были в деле насаждения цинизма, глумления над народом даже впереди барвихинского хряка! Что он делал в ноябре 1987 года? Еще произносил пылкие речи о своей верности по гроб коммунизму. А вы тогда устроили свой грандиозный юбилей на телевидении. И там всему народу с торжествующей усмешечкой баловня судьбы рассказали, как в свое время у вас «не состоялась встреча с военкоматом», то есть как вы, молодой и здоровый, улизнули от службы в армии. А как? Да очень просто: повестки приходили, а вы плевали на них, на свой первейший гражданский долг. Ваш рассказ был не просто бессовестным, это явилось тогда нечто невиданное на Руси — принародное хвастовство своим цинизмом, тем «болезненным бесстыдством», которое Шолохов заклеймил у Солженицына. Все можно! Ничему нет предела! С этого вы и начинали. Ну, если точно, то начинал-то в наше время, конечно, помянутый Солженицын, но он в писаниях, которые многие и не читали, а на телевидении, с таким размахом — вы первый.

Тогда ваш наглый рассказик возмутил многих. Тем более что ведь вас слушали и те, кому завтра предстояло идти в армию. Герои Советского Союза генерал-лейтенант Т.Самойлович в «Правде» и майор Н.Кравченко в «Красной звезде» выразили юбиляру свое офицерское и мужское презрение.

Но вам — все Божья роса! И в те же дни в «Аргументах и фактах» №50 вы продолжали глумиться над армией и даже — над коллегами по профессии, над военными кинодокументалистами, в частности, над создателями фильма «Разгром немецких войск под Москвой».

Вы заявили тогда, что фильм не понравился Сталину из-за того, что там мелькнул только один наш самолет, и он приказал переснять. Тогда, дескать, подняли тучу самолетов, засняли их, и вот только после этой кинофальшивки фильм был принят. Все-то вы знаете, учитель. Не был на войне, увернулся от армии, а говорил с уверенностью очевидца, которого под Волоколамском ранило в грудь навылет, чудом выжил, а потом на геройской груди засветилась медаль «За оборону Москвы», три ордена Славы и много других наград.

А ведь если бы в фильме действительно мелькнул только один наш самолет (верить-то вам и тут оснований нет), то это было большой ошибкой, такой фильм и впрямь следовало доработать, ибо он искажал бы историческую правду: к началу контрнаступления под Москвой мы имели здесь около 1000 самолетов, и они оказались единственным видом оружия, в котором Красная Армия в этой битве превосходили немцев: у них было около 650 машин.

И наши самолеты мы видели в этом фильме не потому, что Сталин приказал, а благодаря героической работе режиссеров Л.В.Варламова, И.П.Копалина и шестнадцати операторов — И.И.Белякова, Г.М.Боброва, Т.З.Бунимовича, П.Д.Касаткина, Р.Л.Кармена, А.А.Крылова, А.А. Лебедева, Б.К.Макасеева, Б.Р.Небылицкого, В.А.Штатланда, С.Я.Шера, А.Г.Щекутьева, А.П.Эльберта, М.И.Сухова, В.В.Соловьева, М.А.Шнейдерова.

Фильм был отмечен Сталинской премией, но увы, не все могли этому порадоваться: С.Я.Шер и А.П.Эльберт погибли... Вот до чего вы дошли в своей неуемной антисоветской игривости, Эльдар Александрович. И когда еще!

А ваши последователи дошли теперь до того, что и саму победу под Москвой объявили фальшивкой. Например, был такой журнальчик «Столица». Там часто печатались две литературные дамы — известная неукротимой страстью к

правде Наталья Иванова и Людмила Сараскина, неутомимая сподвижница Солженицына в борьбе за ту же правду, а в кресле главного редактора сидел некий Андрей Мальгин. Так вот, этот Мальгин обнародовал в журнале статью «Разгром советских войск под Москвой», которую приволок ему спятивший А.М.Портнов. Да еще в майском номере! А журнал-то был органом Моссовета. Старания литературного малышки, разумеется, тут же были замечены. После такой публикации он пошел в гору: избрали депутатом Моссовета, приняли в Союз российских писателей (не путать с Союзом писателей России!), а вскоре, как при Советской власти, т.е. задарма еще и выдали роскошную квартиру в одном подъезде с широко известной в узких кругах Беллой Ахмадулиной, ныне по милости Путина поэтессой-миллионершей.

Правда, журнальчик вскоре откинул копыта, сдох. Было несколько порывов реанимировать его. Еще бы! Такие статьи, такие авторы, столько антисоветского вранья... Но — дохлых с погоста не носят.

А сам Мальгин стал издавать футбольный журнал «Матч». Нашел себя! Странно, если он там не напечатал статью о знаменитом «Матче смерти» 22 июня 42-го года в Киеве, который тамошние динамовцы со счетом 3:2 выиграли у оккупантов в лице команды «Люфтваффе», за что четверо из них поплатились головой. А ведь как эффектно можно было бы озаглавить — «Матч дружбы. 4:0!» Но, видно, не успел: и этот журнальчик тоже испустил дух. Тогда неугомонный Мальгин вздул еще одно дело — журнал «Вояж». И тут можно бы отличиться, например, — дать статью «Форвертс-вояж немецкой армии в Подмосковье и цурюк-вояж в Подберлинье». Не знаю, может, дал.

Но и ложь о победе под Москвой для стервецов не предал. О всей войне, о самой Победе пишут статьи «Тень победы» и печатают 9 Мая.

Так вы, товарищ Рязанов, не чувствуете своего родства с этой публикой? Не кажется ли вам, что дорогу им пролагали именно вы помянутыми выше деяниями? Ну, конечно, в одной артели с Солженицыным, Сванидзе и подобными.

Надо упомянуть еще и о том, что тогда на юбилейных торжествах выдвинули вы, Рязанов Эльдар, великую идею: «Работников искусства не надо награждать, потому что наградой для них является признательность зрителей и читателей». А уже полученные награды и звания «надо попросту отменить». Прекрасно!.. Среди тех, кого я знаю лично, есть писатели, которые отказывались от почестей. Например, Анатолий Калинин — от литературной премии, Юрий Бондарев — от ордена, да я и сам, извините за нескромность, не пожелал стать действительным членом Академии русской словесности. А вы, товарищ Рязанов? Казалось бы, после такого миллионнотиражного заявления должен бы начать с себя, показать личный пример. Вот, получил я два ордена Трудового Красного Знамени. Мерси. Возвращаю. Дали мне две литературные премии — РСФСР и СССР. Пардон, возвращаю обе целиком, до копейки вместе с процентами. И так далее.

Но, странное дело, ничего подобного не произошло. Мало того, как хватал, так и продолжает хватать что премии, что ордена, а то и почетные грамоты. Не отказывается и от журнальных премий («Огонек», 1999), не побрезговал даже газетным дипломом («Вечерний клуб», 1997). Взял с благодарностью еще и третьестепенный орден «За заслуги перед Отечеством», премию «Золотой Остап», и, представьте себе, аж во Францию протянул длань за орденом «Почетного легиона»...Как же так можно? Гаркнул на всю державу «Надо отменить!» — а сам все гребет и гребет! Что же это опять как не бесстыдство и цинизм, сударь мой?

Так вот, Эльдар Тартюфович, такого рода ваше лицемерие всесоюзного размаха способствовало торжеству того,

что ныне вы решили пожурить. А ведь это не последнее усердие ваше на пути постыдном.

В юбилейном зрелище вы к тому же угостили зрителей пламенным самодельным стишком холодного копчения, где говорилось, что вот прожил я, страдалец, шестьдесят советских годков, скоро на покой, и только теперь, с приходом Горбачева и Ельцина, обрел свободу. А до этого был невольником, да? Ну, это сопоставимо разве только с известным заявлением вашего коллеги Эдуарда Володарского. Как писал «Московский комсомолец», вышло более 50 фильмов по его сценариям, а сколько книг, пьес! Журналист Владимир Нузов уточнил перед беседой с писателем в Интернете: «70 фильмов и пьес». По собственным словам Эдуарда Эльдаровича, бывало так, что в московских театрах шли одновременно шесть его пьес. Одновременно! В столице! А сколько по стране! И однако же в беседе с помянутым Нузовым он заявил: «Цензура душила меня!» Аж язык посинел и вывалился... А кто помнит из этого засилья хоть одну пьесу?

Сколько сейчас на счету Рязанова фильмов, сценариев и книг, подсчитать трудно, а тогда, к 60-летию уже было 17 фильмов, поставленных в советской неволе, и едва ли меньше сценариев и книг, созданных в коммунистическом рабстве.

Но вернемся к нынешнему фильму. Вот характернейший сюжетец там. Омоновцы по приказу какого-то бандюги ворвались с целью захвата в роскошный Дворец культуры, в котором идет новогодний концерт художественной самодеятельности трудящихся. Это вполне правдоподобно по сути, хотя никаких заводских или районных Дворцов почти уже нет. Но что ныне мифический ДК! Таким же путем расхватали огромные заводы, морские порты, целые отрасли народного хозяйства. Люди объявляли голодовки, устраивали митинги, оказывали физическое сопротивление — ничто не помогло против железного ОМОНа или наемни-

ков в масках. Да и не забыто еще, как омоновцы избивали на московских улицах ветеранов Отечественной войны в День Красной Армии, что учинили однажды в день годовщины начала войны, какую кровавую роль сыграли они в 93-м году в Останкине и у Дома Советов и многое другое. А что мы увидели в фильме? Прослушав две-три чувствительные песенки со сцены Дворца культуры, видимо, на слова члена Союза писателей Рязанова, омоновцы решительно заявили, что проклинают своего шефа и переходят на сторону защитников ДК, на сторону трудового народа! Да еще и тут же с ходу включились в концерт художественной самодеятельности: их командир пропел песенку о том, как тяжела участь омоновцев, какие ужасные душевные муки переживают они, как терзаются, когда на митингах и демонстрациях колошматят студентов, дубасят пенсионеров, мордуют старушек, когда вышвыривают из квартир многодетных обнищавших неплательщиков. Оказывается, при этом у омоновцев сердце кровью обливается... Сюжетец сей, пожалуй, абсолютный рекорд художественного холуйства перед режимом. Это уже не «Карнавальная ночь — два», а «Карнавальная дичь — один». Непонятно, почему Путин дал Рязанову орден только 3-й степени? Разве не видно было, кто перед ним, и на что этот homo sapiens способен?

И ведь это не все! В концерте выступил еще хор мальчиков (на побегушках): Басилашвили (1939), Лазарев (1938), Державин (1936) и Кваша (1933). Они язвительно и беспощадно обличали секретных сотрудников КГБ, сексотов. Спохватились мальчики по первому снегу за грибами! Да ведь и кого обличаете-то? Они ж из вашей нежной художественной среды и вербовались. Солженицын, например, и кличку сам себе придумал — «Ветров». До чего красиво! Он и тут был эстет. Потом в зарубежной печати, позже и в нашей были опубликованы рукописные труды сексота Ветрова. Вот бы их в виде предисловия к выходящему ныне 30-томному со-

бранию его сочинений! И Галина Вишневская поведала, как тайно посещала специальный кабинет в «Метрополе» («второй этаж, направо») и делилась там впечатлениями о своих сослуживцах по Большому театру. А Басилашвили...

Впрочем, вот недоуменный вопрос. Если от сексотов просто невозможно было продохнуть, они шастали всюду, проникали даже под одеяло любовного ложа, как поет хор мальчиков, то как же Рязанову удалось улизнуть от армии? Где ж были сексоты? Ведь беззаконие творилось средь бела дня и не в Елабуге, а в столице. А они ушами хлопали? Невероятно! Неужели, чтобы тебя заметили, обязательно надо, как Солженицын, в военное время на фронте написать по многим адресам порочащие письма о Верховном Главнокомандующем и главе правительства? Право, закрадывается подозрение, что в данном случае сработала корпоративная солидарность. Интересно, а из хора мальчиков кто тянул солдатскую лямку? Неужели и Кваша не тянул? Ведь он играл в кино не только Карла Маркса, Свердлова, но и Генералиссимуса Сталина.

Однако, хорошо, допустим, ныне сексотов нет. А в стране каждый день пожары. И какие! На объектах не только столичного, но и государственного масштаба, где бдительность — прежде всего: в подводном крейсере «Курск», в Останкинской башне, в московском Манеже, на складах боеприпасов в центральной России и на Дальнем Востоке, а совсем недавно, 9 декабря в Московской наркологической больнице №17 заживо сгорели 45 пациенток... А ведь есть основание думать, что своевременные сигналы властям о подозрительных прохожих, о нерадивости и безответственности тех или иных начальников, о странном или опасном поведении кого-то, о явном вредительстве могли бы предотвратить хоть часть этих бед. Или вы, Рязанов, верите властям, что причина всех этих пожаров — «короткое замыкание»?

Но ведь та же власть в лице ее высшего представителя объявила однажды, что «против России ведется полномасштабная война». Так если война, то восстанови структуры надзора и контроля, что были ликвидированы реформаторами в первую очередь: народный контроль, ОБХСС, а также смертную казнь. «Ах, как можно! — слышим мы из Кремля. — Это такое коммунистическое ретроградство!» Да вон же в вашей драгоценной Америке никаким коммунизмом и не пахнет, а там не дремлют ни ЦРУ, ни ФБР, и казнят они не только у себя дома, но непослушных им — и в другом полушарии.

Хорошо, говорю, допустим, сексотов нет. А в стране ежегодно — десятки тысяч убийств и исчезновений людей. Слышали хотя бы о трупах пяти подростков, обнаруженных в водопроводном коллекторе Красноярска? Секретные сотрудники могли и тут быть полезны.

Между прочим, знаете ли вы, Эльдар Рязанов, сколько в стране было убийств в том, памятном для вас 1987 году вашего 60-летия? Не знаете, конечно. Сынов киношного Эльдорадо подобные факты никогда не интересовали. Так вот: около 9200. Ужасная цифра! А знаете, какой эта цифра будет в нынешнем году вашего 80-летия? Скорее всего, под 40 тысяч, ибо еще несколько лет тому назад она уже была около 35 тысяч.

Вам еще о сексотах? Что ж, допустим, их нет. А народ вымирает по миллиону ежегодно. Но ведь эти сотрудники могли своевременно указать властям, кто именно в этом виноват. Между прочим, помянутый высший представитель власти сказал, что ему нравится его работа. Вы подумайте: ему нравится быть главой вымирающей страны! Ему интересно регулярно получать сводки о ходе вымирания...

Вопрос о сексотах еще раз с убийственной полнотой и ясностью живописует нам тупоумие и невежество демократов. Они били по нашему прошлому разного рода непривле-

кательного характера делами и обстоятельствами, изображая их присущими только нам и больше нигде в мире абсолютно немыслимым. Помните, как истошно они вопили: «Беломоро-Балтийский канал построили рабским трудом заключенных. Какое зверство!» Поскольку они не читали ни «Записки из мертвого дома», ни «Остров Сахалин», ни даже «Граф Монте-Кристо», то мы им разъяснили, что заключенные всегда трудились и трудятся во всех странах мира. Египетские пирамиды, которыми они ездят любоваться, возвели рабы, а они были бесправнее заключенных. В России, которую они потеряли и до сих пор рыдают о ней, Николаевскую железную дорогу проложили крепостные крестьяне, тоже, в сущности, рабы, которых в отличие от заключенных можно было продать или обменять на породистую собаку, а крепостных крестьянок заставляли и щенков выкармливать грудью. Выслушав это, иные демократы заткнулись.

Но другие продолжали вопить: «От нас скрывали. Оказывается, Советская власть торговала оружием. Какой стыд!» Им и это разъяснили: оружием торгуют множество стран мира, но главные торговцы этим товаром их драгоценные Америка и Израиль. Опять кое-кто заткнулся.

Но живы Рязанов и Басилашвили: «В стране существовали секретные сотрудники КГБ. Какой позор!» И закатывают антисексотские частушки. Приходится опять разъяснять: «Лапочки, такие сотрудники были, есть и будут во всех разведках и органах безопасности мира. Без них невозможна эффективная работа. И они еще какими бывают! Слышали об английском короле Карле Втором (1630—1685)? Так вот он был платным сексотом Людовика XIV, короля враждебной Франции.

Но зачем лезть в такую даль времени, в чужую историю. Американцы на нашей земле в наше время наплодили кучу таких карликов: Горбачев и Ельцин, Яковлев и Шеварднадзе, Козырев и Швыдкой... Кто они как не сексоты? Чего стоит

один звонок из Беловежской Пущи карлика Ельцина американскому президенту: «Ваше превосходительство, задание выполнено: Советский Союз задушен!» Чего стоит одна телепередача гнома Швыдкого «Русский фашизм хуже немецкого». Сукин сын Карл английский по сравнению с этой бандой предателей младенец. Не развалил же он Британию на Англию, Шотландию, Уэльс, Ирландию, остров Мэн и Нормандские острова, не отдал же он английскую экономику за бесценок в руки французов, не позволял вражеской армии устаивать маневры на своей земле... Уж лучше бы вы, Рязанов, поставили хвалебный фильм о Карле Втором, чем на телевидении лизать пятки нашему карлику второму.

Тут вдруг возникла в фильме какая-то дама с телевидения и новый антисоветский вопеж: «Какие жуткие были времена! Явишься на студию с репортажем, а цензура вырезает самый драгоценный кадр. Как только мы выжили! Да здравствует свобода!»

Вы только подумайте: двадцать лет тому назад у этой бабы рязанской вырезали кадрик и она бьется в истерике! А нынешний режим кроваво и бескровно вырезает по миллиону в год ее соотечественников — и ни слова! Что это? Это ваша трусость и подлость, кавалер «Почетного легиона».

Но с другой стороны, в царской России цензура была зверской. Самого Толстого всю жизнь, начиная с первых публикаций и вплоть до «Воскресения», когда его имя гремело во всем мире, потрошили беспощадно. Ну что, казалось бы, можно найти крамольного в «Детстве»? Нашли! А «Воскресение», которое потом было переведено на множество языков, вышло в таком виде, что автор стыдился его. Да, цензура зверствовала, а литература была. И какая! Шаг за шагом «в художественном развитии человечества».

Идя навстречу Рязанову и Володарскому, скажем для нормализации их пищеварения, что и в Советское время

цензура зверствовала. А искусство было. И какое! Достоевский говорил, что один «Дон Кихот» Сервантеса оправдывает все существование человечества. А кто-то из писателей Запада сказал, что если бы в мире исчезло все, но остались бы только чудные советские мультики, то и по ним люди будущего могли бы понять, как прекрасна была Советская страна.

Так вот, теперь цензура не зверствует, ее затащили и Госдуму и там под лестницей придушили. Никто не вырезает даже фекально-оральые сюжеты Сорокина, даже разрешают Борису Моисееву на сцене снимать штаны и трясти обветшалым прибором, никто не решился из трехчасовой лакейской тягомотины Рязанова вырезать хотя бы пять метров. Все так, свобода без берегов! А искусства нет. Куда ж оно девалось, Эльдар Эльдорадович?

В середине пятидесятых годов, когда бравый Эльдар, не засеченный сексотами, уже не укрывался от призыва, я много писал в московских газетах и журналах о кино. Однажды прекрасный журнал «Работница» предложил мне написать статью о четырех только что появившихся молодых киноактрисах — Ольге Бган, Изольде Извицкой, Татьяне Конюховой и Людмиле Гурченко. Я разыскал Ольгу, Изольду, Татьяну, побеседовал с ними, как говорится, собрал материал для статьи. У Ольги в старом ветхом доме где-то по Ленинградскому проспекту (она называла это место «Вороньей слободкой») в веселой компании даже бражничал по случаю масленицы. Но Людмилу никак не мог поймать. Когда же, наконец, я нагрянул в общежитие ГИТИСа, то мне показали ее кровать, заваленную грудой писем читателей. Я взял несколько писем, и мне их вполне хватило для статьи.

Да, популярность Гурченко и песен, которые она пела в фильме, была невероятной. А кто запомнил артистку, которая ныне как бы шла по следу Гурченко, во всяком случае,

тоже пела, танцевала, изображала влюбленность, Получит ли она хоть дюжину писем от зрителей?

Но вот, перенесшая несколько вивисекций, сузивших ее глазки до замочной скважины сейфа в канцелярии Мосфильма, Гурченко появилась в конце «Карнавальной дичи». Людмила Марковна, зачем вам эта дичь? Александра Александровна Яблочкина, без вивисекций дожившая до 98 лет и до последнего дня игравшая на сцене Малого, едва ли одобрила бы ваш выход. Оставайтесь легендой советской «Ночи». А эти...

И сказок о них не расскажут,
И песен о них не споют.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Мой давний товарищ М., зная, что я написал книгу об А.Солженицыне («Гений первого плевка». Алгоритм, 2003, 2005 и 2006), прислал мне статью известного писателя Григория Бакланова «Кумир», напечатанную в «Международной еврейской газете». В статье речь идет о Солженицыне. А у меня на столе в это время как раз лежали подаренные в «Алгоритме» только что вышедшие там две книги неизвестного мне Якова Рабиновича — «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну» (700 стр.) и «Россия еврейская» (382 стр.). И в них тоже о моем персонаже: это как бы ответы еврея на его двухтомник «Двести лет вместе», посвященный русско-еврейским взаимоотношениям.

Понятно, что статья и книги сразу заинтересовали меня уже одним присутствием в них моего героя, но по мере чтения обнаружилось, что все в них на сей счет мне давно и хорошо известно, кое в чем даже лучше, чем им, однако у обоих авторов оказалось немало увлекательного и помимо темы Солженицына. Судите сами.

Кто написал «Архипелаг»?

Г.Бакланова уже не первый раз замечает: «Литература опасный род занятий: пишешь про кого-то, а сам ты виден на просвет». Правильно. И дальше: «Солженицын, проявляя поразительное невежество, пишет...» Да, невежество нобелевского лауреата столь поразительно, так изумляет и

ошарашивает, что закрадывается сомнение: да он ли, русский человек, имеющий за плечами Ростовский университет и два или три курса знаменитого Московского института философии, литературы и истории, сам ли писал, допустим, «Архипелаг ГУЛаг»? Ведь там чего стоит одно лишь уверение, что «из-за болот и лесов Наполеон не нашел Москвы» (Архипелаг ГУЛАГ. YMCA-PRESS, Париж.1973. Т. 1. С. 387). Какой русский хотя бы с семилетним образованием в шестидесятых годах прошлого века мог написать такое? А там — вороха подобных сведений! Уж не говорю о ворохах орфографических нелепостей. Как тут не прислушаться к голосам, уверяющим в иностранном происхождении «Архипелага». Например, я уже не раз в книгах Н.Федя «Литература мятежного века» (М., 2003), А.Огнева «Контрреволюция и литература» (Тверь, 2007), в других публикациях встречал как строки из мемуаров американского посла в СССР Джеймса Бима вот это: «Когда мои сотрудники в Москве принесли мне ворох листов за подписью Солженицына, я сначала не знал, что с ними делать. Когда же засадил за редактирование и доработку этих материалов своих редакторов, то получил «Архипелаг ГУЛАГ». Проведенная по всему миру реклама этой книги нанесла мощный удар по СССР» (Н. Федь, с. 512; А. Огнев. с. 145; Правда, 25.2.1997). А сей Бим вот как упоминается в секретной записке председателя КГБ Ю.В.Андропова от 10 апреля 1972 года в ЦК КПСС: «По полученным данным, РОСТРОПОВИЧ, на даче которого продолжает проживать СОЛЖЕНИЦЫН, 27 марта посетил посла США Бима и беседовал с ним в течение двух часов. А 9 апреля он посетил посольство ФРГ» (Кремлевский самосуд. М. 1994. С. 221). Конечно, среди американских «редакторов» могли найтись такие, что не ведали о Наполеоне в Москве и могли насовать в книгу таких вот красот: ВячИслав, КЕрилл, КишЕнев. воССпоминания, каРРикатура, в ПоволжьИ и т.д. Да, дремучесть жуткая.

Но Бакланов-то, воспитанник Литературного института, державный лауреат и многократный орденоносец тоже, знаете ли... Конечно, слово «невежество» тяжеловесно, если я приложу его к Григорию Яковлевичу, то немедленно буду объявлен антисемитом. А вот его коллега и собрат Я.Рабинович изобрел и навешивает на противников весьма деликатное украшение — «забавные детали антинаучности». И, следуя его примеру, смело можно сказать, что в статье «Кумир» немало таких забавных деталей. Причем они разбросаны по самым разным сферам человеческой деятельности и знаний, по разным эпохам — от древнейших времен до наших дней. Есть, к сожалению, и не очень забавные.

Писатель Бакланов по дороге в Рим

Г.Бакланов писатель в основном военный, и военная тема интересует его всегда, а в этой статье он упоминает даже об Иудейской войне первого века нашей эры. Казалось бы, за давностью времен нам тут можно молча пройти мимо, но есть в этом упоминании одна уж очень характерная деталька антинаучности: «2000 лет назад римляне победили не покорившихся им иудеев и по дороге от Иерусалима до Рима распяли на крестах воинов-иудеев». Никто, разумеется, не намерен оправдывать свирепость римлян, но из сказанного видно, что писатель-воин просто не представляет себе, где Рим, а где Иерусалим, и как могла пролегать между ними та кровавая дорога.

Во-первых, сплошь сухопутной дороги не было и нет. И не были римляне такими кровавыми показушниками, чтобы чуть не весь тогдашний мир опоясывать крестами с распятыми. Да и в плен они захватили всего несколько тысяч воинов. Как ими разукрасить такую длинную дорогу?

Видимо, писатель спутал Иудейскую войну (66 — 73 годы) с восстанием гладиаторов и рабов под руководством Спартака (74—71 годы до н.э.). Тогда, с великим трудом по-

давив восстание, римляне действительно утыкали одну дорогу крестами с распятыми, но она была всего в несколько десятков километров — от Капуи, где в школе гладиаторов зародилось восстание, до Рима. Пожалуй, сей пассаж с превращением такой дороги в тысячекилометровый крестный путь еврейских воинов стоит солженицынского Наполеона, который заблудился в русском лесу и чуть не утонул в русских болотах. Метаморфозы, подобные многократному преувеличению крестного пути евреев-воинов, не есть ли одна из причин того, что кое-кто сомневается в достоверности цифрового выражения холокоста?

Звонок из инстанций

Игнорирование реальных обстоятельств, простой и здравой житейской логики весьма характерно для Г.Бакланова. Вот пример совсем из другой области. Он писал, что в 1973 году, когда вышел солженицынский «Архипелаг», некие высокие инстанции очень упорно добивались его подписи под осуждающим книгу заявлением и без конца названивали по телефону, а он вскоре перестал отвечать. Но однажды, говорит, телефон трещал 21 минуту, и только на 22-й я снял трубку. Очень увлекательная деталька! Но, во-первых, никак не доказано, что это звонили именно некие «инстанции» и именно по данному поводу. Во-вторых, невозможно представить, чтобы на том конце провода кто-то столько времени ждал ответа. В-третьих, ну как поверить, что и сам Бакланов по часам следил, сколько минут длится звонок. В-четвертых, да выдержит ли аппарат такой трезвон, не захлебнется ли? И наконец, так ли уж нужен был инстанциям непременно Бакланов, когда и без него хватало писателей, которых возмутил «Архипелаг» и они откровенно объявляли об этом в статьях и коллективных заявлениях. Так что, дотошные подробности вплоть до 21 минуты работают против автора и рождают сомнение.

Черта оседлости и крепостное право

Из невоенных суждений Бакланова можно отметить его замечание о том, что-де в отличие от украинцев и грузин, башкир или калмыков «евреи в состав России не просились, их присоединили». Что значит не просились? Они же не имели своего «состава», а являлись без всякого спроса и все. Их присутствие на Руси отмечено еще во времена князя Владимира. «...их присоединили. И тут же прочертили черту, за которую им и ногой ступить не разрешалось». Черту оседлости установили в 1791 году, и охватывала она 15 губерний — целое государство, и большое! — внутри этих губерний евреи могли жить и перемещаться как угодно. А вот русские крестьяне еще за триста лет до этого на своей родной земле по царским указам и по Судебнику 1494 года стали крепостными, т.е. бесправными рабами помещиков, их можно было и продать, и обменять на что угодно, например, на породистую собаку (см. хотя бы сцену охоты в «Войне и мире» Толстого). Евреям в черте оседлости ничто подобное не грозило. Не слышно, чтобы Иванов продал Петрову Абрамовича или Сидоров обменял Рабиновича на бульдога.

Это различие полезно бы помнить. Тем более, что Бакланов тут же признает: «Никогда никакая черта не сдерживала расселение народов. Не помешала и черта оседлости». Видимо, тут он прав: не помешала.

Дорога на Хельсинки и в Москву

Возвращаясь к военной теме, перенесемся через столетия к Финской войне. И здесь мы обнаружим у писателя явно антинаучные детальки, правда, отнюдь не забавные: он обзывает эту войну «позорной» для нас.

С какой же стати? Ее целью было вполне естественное желание в условиях начавшейся мировой войны по возможности обезопасить вторую столицу государства, которая на-

ходилась всего в 32-х километрах от госграницы. И это советское руководство намеревалось осуществить мирным путем: в обмен на Карельский перешеек, откуда дальнобойные орудия могли обстреливать Ленинград, оно предложило финнам территорию в два раза большую. Может ли Бакланов привести второй подобный пример в мировой истории? Уж не предлагали ли, например, США соседке Мексике взамен оттяпанной у нее половины территории хотя бы один из 24 Гавайских островов?.. Финны, за спиной которых стояли Германия, Франция и Англия, отказались от добрососедского обмена. А в результате через три с половиной месяца не мы явились в Хельсинки просить мира, а финны после прорыва линии Маннергейма, открывшего дорогу к их столице, примчались в Москву и подписали мир на наших условиях. В итоге мы добились всех целей, которые ставили: отодвинули границу, получили военную базу на полуострове Ханко (Гангут) и т.д. Вот так позор!.. И вскоре, когда Финляндия вместе с Германией, несмотря на договоры с нами, подло напали на Советский Союз, все, достигнутое в той войне, нам очень пригодилось. Вспомним хотя бы 160-дневную оборону Ханко в тылу агрессора, в ходе которой было отбито 36 яростных штурмов, а затем эвакуировано в Ленинград свыше 22 тысяч солдат и матросов с оружием и техникой.

Позорные войны, о коих не слышал военный писатель

А позорной, Григорий Яковлевич, была для нас война с Японией в 1904—1905 годах, в которой мы потеряли 270 тысяч солдат и офицеров, почти весь Тихоокеанский флот, а по унизительному Портсмутскому договору — половину Сахалина, Порт-Артур и часть КВЖД. Но, слава Богу, в 1945 году Красная Армия смыла этот позор и все вернула.

Позорным был и разгром франко-английских и бельгийско-голландских войск в мае — июне 1940 года. Тем более

позорным, что это было не внезапное нападение, как японцев на нас в 1904 году или немцев в 1941-м при договоре о дружбе, а удар на девятом месяце войны, когда войска союзников были давно отмобилизованы, вооружены и занимали надежные оборонительные позиции, включая линию Мажино. Тем более позорным, что силы союзников превосходили немецкие: 147 дивизий против 136. Тем более, что для полного разгрома немцам потребовалось всего четыре недели. И тем более, наконец, что французы не смыли этот позор: их родину после наших сокрушительных ударов освободили американцы, англичане да канадцы.

Позорной была и война США против Вьетнама. Тем более позорной, что эта небольшая страна находится не под боком у американцев, как Финляндия у нас, а за тысячи миль на другой стороне земли и не могла представлять для них никакой опасности. Тем более позорной, что ведь агрессор действовал при поддержке войск 15 союзников по НАТО. Тем более, что война длилась 16 лет, и за такой срок американцы ничего не добились, не образумились, а потеряв около 60 тысяч солдат и офицеров убитыми, более 150 тысяч ранеными, наконец убрались восвояси. Так же позорны бандитские войны США против Югославии, Афганистана, Ирака. Надеюсь, Григорий Яковлевич, сами понимаете, почему.

По стопам ненавистного Солженицына

Но вот началась Вторая мировая. Франция разбита и оккупирована. Что дальше? Бакланов пишет: «Гитлер готовил высадку в Англии». Участнику войны да еще и военному писателю надо бы знать: немцы жестоко бомбили Англию, но никакую высадку всерьез не готовили, а уже с октября 1940 года лишь создавали видимость ее подготовки с целью дезинформации Советского Союза, на который вскоре и напали.

Что пишет Бакланов о Великой Отечественной? Ну, как у них заведено, первый удар по Сталину: «На десятый день войны перетрусивший Сталин обратился к народу: «Братья и сестры!».

Не на десятый, Григорий Яковлевич, а даже на двенадцатый. А известно ли вам, что Гитлер, у которого было все расписано по плану и все в руках, выступил перед народом только в октябре, объявив, что «Враг разбит и никогда уже не поднимется». Т.е. лишь тогда, когда пришел к выводу, что дело сделано, победа в кармане. А 22 июня он отделался меморандумом, который Риббентроп зачитал на пресс-конференции журналистам. Надо же соображать, сколь грандиозное событие произошло 22 июня 1941 года, а слово Сталина в стране и во всем мире было так весомо, что суетиться с поспешными заявлениями он просто не имел права, надо было составить хотя бы предварительное представление о масштабе и характере событий. Тем более, что в первый же день выступил по радио не кто-нибудь, а его первый заместитель в правительстве, нарком иностранных дел и член Политбюро В.М.Молотов. Маниакально твердя о позорных, мол, «десяти днях» Сталина, кто из вашей дружной артели интересовался, выступали ли с речами главы правительств или министры иностранных дел Польши, Франции, Англии да и самой Германии в первых числах сентября 1939 года, когда последняя напала на первую? Выступил ли Рузвельт 7 декабря 1941 года после удара японцев по Пирл-Харбору?.. А 22 июня выступил по радио только Черчилль. И как не понять: это же был счастливейший день его жизни.

И потом, когда немцы были всего в нескольких десятках верст от Москвы, Сталин произнес мужественные речи 6 ноября на заседании Моссовета и 7-го на Красной площади во время устроенного по его приказу военного парада. А где был и чем занимался Гитлер, когда Красная Армия была на таком же расстоянии от Берлина? Он метался по бункеру и визжал: «Где армия Венка?! Предатели! Трусы!

Почему молчит Венк?..» А потом затеял предсмертное венчание с Евой Браун. Что еще оставалось?.. Об этом у вас, коллега, — ни слова.

А «перетрусивший Сталин» это не что иное, как плагиат у ненавистного вам Солженицына. Тот писал в «Архипелаге», лживость которого вы до сих пор не раскусили и умиляетесь им, что речь 3 июля произнес «полуплачущий Сталин», а какие-то рязанские мужики, слушая его, потешались над ним. И было это, говорит, у кузни, где висел репродуктор. Да кто ж его именно там, где вечный грохот и звон, приспособил? Находили более подходящие места — сельсовет, клуб, библиотека.

Вдова, презирающая слабаков, бросается на помощь

Недавно у Бакланова с Солженицыным объявилась в этом вопросе лихая единомышленница — семидесятилетняя Ольга Мирошниченко, знаменитая вдова Георгия Березко, Юрия Трифонова и, кажется, Зиновия Гердта. Она сочинила сногсшибательный роман о Надежде Аллилуевой, по которому мадам Тодоровская поставила ошеломительный фильм, недавно показанный по телевидению. А потом вдову надоумило еще и дать интервью для «Эхо Москвы». Там она сказала о Сталине: «Не мог он себя взять в руки выступить перед страной, когда началась война, ну не мог...Он был слабак, понимаете? Как личность он был слабак. Понимаете? Он испугался войны. Понимаете?»

Да как же не понять! Не только он испугался. Взять хотя бы одного из мужей Мирошниченко. В биографическом словаре писателей XX века (М.2000) о нем сказано: «Когда началась война, он уехал в Среднюю Азию...» (с. 693). А ему предстояло скоро идти в армию. И просидел он в Средней Азии, вероятней всего, в урючном Ташкенте, аж до 1944 года, когда Красная Армия уже изгнала захватчиков. И в армию он ухитрился так и не попасть, что, впрочем, не помешало

ему вскоре после войны получить Сталинскую премию хоть и третьей степени, но все же...

А Сталин в первые же дни войны не иначе, как с испугу, нахватал важнейших и ответственейших должностей: оставаясь Генсеком и Предсовмина, стал еще наркомом обороны, председателем Ставки и Верховным Главнокомандующим. Вот уж слабак так слабак!

Бакланов заканчивает заявление о речи Сталина гневно: «А потом этих братьев и сестер — в лагеря за свой позор». Опять никакого соображения! Как так «этих»? Совсем не «этих». Со словами «братья и сестры», как правильно сказано в начале цитаты, Сталин обратился ко всему народу, а в лагерях никогда не бывало больше 1-2 процентов его, в большинстве своем — уголовников. А это народ?

Наконец, о каком «позоре» Сталина, руководителя страны, партии и армии, идет речь после разгрома фашистской Германии, спасения родины и всей Европы? Как видно, Бакланов не только Финскую, но и Великую Отечественную считает позорной. Увы, в этом возрасте еще и не то случается...

Солженицын добровольцем не был. А Бакланов?

Но вернемся к началу войны. Бакланов пишет: «Десятки тысяч шли на фронт добровольно». Правильно. Даже не десятки, а сотни тысяч, было народное ополчение, были добровольческие дивизии, корпуса. Но иногда встречаются здесь неточности. Например, в помянутом «Словаре» говорится: «Осенью 1941 года Бакланов ушел добровольцем в армию. Был самым молодым солдатом в полку» (с.63). Так писала недавно в «Международной еврейской газете» и критик Белая. Но сам Бакаланов сообщает вот что: «Когда осенью сорок первого года немцы подходили к нашему городу, мы эвакуировались» (Пядь земли. Кишинев. 1983. С. 537). Куда выковыривались? На какую-то станцию «далеко за Пермь» (там же, с.538). Так по какому же направлению двинулся юный

патриот — на запад или на восток, на фронт или во глубину уральских руд? А жил Бакланов в Воронеже. Но осенью сорок первого, даже в самом конце октября немцы еще не «подходили» к Воронежу, а находились километров за 400 от него, на их пути к нему лежали Рыльск, Льгов, Курск, Щигры, Косторное. Они вторглись в Воронеж только в июле сорок второго. Так что картина получается весьма загадочной. Когда же из-за Перми автор прибыл на фронт и, как сказано в справочнике «Кто есть кто в России» (М.,1997), «начал войну в пехоте»? Не совсем понятно. Но как бы то ни было, в самом начале осени, в первых числах сентября 1941 года Бакланову исполнилось 18 лет — призывной возраст! Пора стричься наголо. Какой же это доброволец?

Удивителен рассказ Бакланова и о том, как он оказался в армии: «На ту станцию, куда мы эвакуировались (он ее почему-то не называет.— *В.Б.*) прибыл вырвавшийся из окружения артполк». Прибыл, разумеется, для пополнения и переформирования. Но — не куда-нибудь, а именно «далеко за Пермь» в предгорье Урала? Ну, допустим. И вот молодой человек является прямо в штаб к командиру и просит взять его в армию, зачислить в полк. Странно. Так поступали мальчишки и подростки, становясь «сынами полка», а тут парень, которому идет девятнадцатый год, призывник. Да почему же не через военкомат, как все ровесники?

Происходит столь же странный разговор. Комполка спрашивает: «Вы буссоль знаете? А стереотрубу? А телефонный аппарат?» Что за чушь! Какая буссоль? Перед ним вчерашний школьник, он, конечно, ничего этого не знает. Никаких экзаменов призывникам никто никогда не устраивал, а только — медосмотр, о котором здесь — ни слова. «Я понял,— пишет автор, — что меня не возьмут (Как будто брали только тех, кто знал буссоль! — В.Б.). И тогда сказал, что на фронте погиб мой брат, и я хочу на фронт». А брат погиб «на подступах к Москве», т.е. в октябре-ноябре или даже в декабре сорок первого. Вот после той поры, выходит, Бак-

ланов и попал в армию. Ему было хорошо за 18. Поэтому странно и то, что он говорит: в феврале 1942 года «я был самым молодым в полку». Почему? Восемнадцатилетних было множество. И я в том же сорок втором оказался на фронте в 18 лет.

Среди первых фронтовых впечатлений Бакланова тоже кое-что удивительно. Он пишет, что 34 армию, куда он попал, не снабжали питанием: «Нам говорили, что все (!) продукты отсылают в другую армию», т. к. она выполняет более важную боевую задачу. Кто говорил, какая это была армия, по обыкновению умалчивает. А позже я узнал, говорит, что и ту неназванную армию не снабжали, уверяя и ее солдат, что «все (!) продукты отсылают нам, в 34-ю армию, потому что основные бои идут у нас» (там же, с.536). В состав 34-й армии входили пять дивизий — три стрелковые и две кавалерийские — а также ряд отдельных частей. Это тысяч 50 человек, а то и больше. В той, неназванной, надо полагать, примерно столько же. Так вот, две армии, более 100 тысяч человек вели упорные бои, но их не кормили, морили голодом, куда-то девая все продукты, предназначенные им, уверяет писатель-фронтовик. Таковы, дескать, были порядки в Красной Армии, такие ворюги были снабженцы... На каких идиотов, Гриша, ты рассчитывал?

Все в жизни у него по плану

Но вернемся к Солженицыну. Бакланов корит его тем, что он не пошел на фронт добровольцем. Так ведь огромное большинство шли на фронт по повесткам. Тут возникает другой вопрос: не хотел ли Солженицын вообще улизнуть от армии?

Александр Островский в книге «Солженицын. Прощание с мифом» (М., «Яуза». 2004) пишет: «Очень странно, что Солженицына призвали в армию только через четыре месяца после начала войны. (По Указу Президиума Верховного

Совета 22 июня 1941 года его возраст призывался в первую очередь. — *В.Б.*). И почти невероятно, что его, окончившего физико-математический факультет университета с отличием, в условиях нехватки офицерских кадров, направили в обоз» (с. 29). Сам Солженицын в автобиографии для Нобелевского комитета писал, что оказался в обозе «из-за ограничений по здоровью». Его первая жена Н.Решетовская писала: «Саня был ограниченно годен к военной службе, виной была его нервная система». «Все, что до сих пор известно о нем, — резонно замечает А.Островский,— свидетельствует: его «нервной системе» можно только позавидовать» (там же). Воистину так!

Однажды Твардовский и Владимир Лакшин уговаривали его вести себя сдержанно и разумно, не выходить из себя, не взрываться на предстоявшем заседании Секретариата СП, на котором будут обсуждаться его дела. И он пишет в «Теленке»: «Открою вам тайну, — сказал я им. — Я никогда не выйду из себя. Я взорвусь только по плану, если мы договоримся взорваться, на девятнадцатой минуте или — сколько раз в заседании. А нет — пожалуйста, нет» (с. 181). Или вот ведет важный разговор и признается: «Я из роли — ни на волосок» (с. 331). Т.е. из роли, которую заранее себе назначил и спланировал.

Но можно говорить не только о железных нервах. В студенческие годы он предпринимает с приятелем длительные путешествия на велосипедах по Украине, по Кавказу, на лодке — по Волге, потом — почти два года на фронте, восемь лет лагерей, перенес болезнь, операцию, вышел на свободу и опять бесконечные путешествия, в том числе, как в молодости, и на велосипеде, наконец, дожил почти до 90 годов. Какие же ограничения по здоровью? Какие нервы? Все тут было в полном и поистине завидном порядке.

А правда состоит, как видно, в том, что справку об ограниченной годности Солженицыну еще до войны помог получить отец его школьной подруги Лиды Ежерец, кото-

рый был врачом,— так Островскому рассказала Решетовская. Между прочим, мы с Баклановым знали Ежерец как Лидию Александровну Симонян. Она в Литинституте читала нам курс современной западной литературы.

Должно быть, эта справка помогла и отсрочить призыв на четыре месяца, и попасть в обоз. Но потом, видимо, все-таки нависла угроза отправки на фронт, несмотря на справку. И вот тогда, писал Солженицын в той же биографии, «сверхсильным напором я добился перевода в артиллерию». Ну, не в артиллерию, а в артиллерийское училище. Он попал туда в апреле 1942 года и прокантовался там до февраля 1943 года. А что это был за «сверхсильный напор» рядового обозника, остается только гадать. Несомненно одно: действительно ограниченно годного в офицерское училище не приняли бы. Это я знаю по себе: в том же 1942 году именно по здоровью меня не приняли в офицерское училище и направили в Гороховецкие лагеря, а оттуда — прямехонько на фронт.

Солженицын отдает на съедение КГБ детей. Чьих?

Удивительно, что многократно уличая Солженицына во лжи и притворстве, в демагогии и лицемерии, Бакланов пишет: «Возможно, во имя цели он действительно готов был пожертвовать даже своими детьми: его выслали из страны, а трое сынов его маленьких остались здесь вроде бы в заложниках, и он писал: «Тут решение принято сверхчеловеческое: наши дети не дороже памяти замученных миллионов, той Книги («Архипелага») мы с женой не оставим ни за что». Книга с заглавной буквы. Так пишут о (!) Библии. Цель и самооценка — грандиозные».

Вот уж поистине, на всякого мудреца довольно грандиозной простоты! Да ведь свою Книгу Солженицын беспрепятственно закончил, а его жена Светлова отредактировала и сфотокопировала ее со всеми дикими нелепостями, вклю-

чая Наполеона-Железняка, в мае 1968 года, а в июне того же года они столь же беспрепятственно переправили Книгу во Францию в надежное антисоветское издательство IMKA-PRESS. Все, дело было сделано (там же, с. 212). А первый сын Ермолай родился у них уже после этого — в феврале 1970 года, Степан — в сентябре 1972-го, Игнат — в конце 1973-го. А в декабре 1973-го «Архипелаг» и вышел беспрепятственно. Так что, когда принималось «сверхчеловеческое» решение, детей у Солженицына просто еще не было. А был у жены шестилетний сын Дима от прежнего брака. Выходит, пасынком Солженицын и готов был пожертвовать. Это полностью в его духе. К слову сказать, вскоре Дима и умер.

А главное, ведь это же сам Солженицын, как всегда, «видел за них такие пути: взятие заложников, моих детей». И только Бакланову мерещатся тут кровавые кошмары. А у «них» того и в мыслях не было. В сообщении ТАСС о высылке писателя-антисоветчика, опубликованном в «Известиях» 14 февраля 1974 года, говорилось: «Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым». Через год она и выехала.

Явленная здесь доверчивость Бакланова не единственная в своем роде. Вот так же всей душой поверил он рассказу уже в дни демократии покойного академика Лихачева, что однажды в Соловках его хотели расстрелять, у охраны, видите ли, патроны были лишние, но он ловко спрятался за кучкой дров и его не нашли, и только благодаря этому дожил он почти до ста лет. Интересно, а верит ли Бакланов рассказу Лихачева, что по мере необходимости он с разрешения начальства ездил из Соловков в Ленинград поработать несколько дней в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Правда, это он рассказывал по телевидению еще в советское время. Неужто заставили старика так врать под угрозой расстрела?

Немало у Бакланова и других антинаучных деталей, относящихся к Солженицыну. Так, он уверяет, что «весь про-

пагандистский аппарат второй сверхдержавы(!) был брошен на то, чтобы растоптать повесть «Один день Ивана Денисовича».

Гриша, что с тобой? Ведь повесть была напечатана по решению самого Хрущева и с предисловием Твардовского. И тотчас хлынули хвалебные статьи о ней известных писателей и критиков в самых-самых ответственных газетах: в «Известиях» — Константина Симонова, в «Правде» — Владимира Ермилова, в «Литгазете» — твоя... И не было им числа. А вскоре — ведь сам же пишешь — «вслед за журналом повесть срочно выпустили книгой, а еще — в «Роман-газете» тиражом в несколько миллионов». Где ж свирепая сверхдержава с армиями, флотами и ракетами?

Тайные антисемиты в родном журнале

Так через Солженицына мы вступаем в баклановский литературный мир. Тут все хорошо знакомо, привычно: «Всеволод Кочетов, известный мракобес»... «Проханов, главный редактор одной из самых мракобесных газет»... «Великий поэт Пастернак»... и т.д.

Но есть и новости. Приведем хотя бы парочку. Так, автор уверяет, что Василий Гроссман принес свой роман «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя», а главный редактор Вадим Кожевников прочитал его и помчался с ним в КГБ. Откуда такие сведения? Неизвестно. Возможно, из телепередачи Сванидзе. Но покойный Анатолий Бочаров писал все в том же «Словаре», что роман редакция направила в ЦК (с.215). А это обычное дело: чтобы посоветоваться и подстраховаться, редакции нередко так поступали со сложными рукописями. Вон же и Твардовский послал «Один день» не в КГБ, а в ЦК. Помню, когда я предложил журналу «Москва» рукопись о Солженицыне, жившем тогда в США, Михаил Алексеев разговаривал о ней даже с Андроповым, бывшим тогда уже генсеком. Тот ответил: «Солженицын? Это

дохлая собака». Увы, он ошибся. Собака вскоре прибежала из-за океана и начала скулить с новой силой...

А вот еще и такое: «У моей первой повести о войне было посвящение: «Памяти братьев моих — Юрия Фридмана и Юрия Зелкинда, павших смертью храбрых в Великой Отечественной войне». Прекрасное, благородное дело! И что же? А вот, говорит: «Как же на меня давили в журнале, как вымогали, чтобы я снял посвящение... Я не снял. Но уже в сверке, которую автору читать не давали, его вымарали... Прошли года, и я восстановил посвящение». Достойный поступок.

Но странно, что не названы ни повесть, ни журнал, ни антисемиты, которые давили и вымогали. А главное, почему давили-то, с какой целью? Да как же, говорит, ведь из посвящения «получалось, что евреи воевали». А раньше никто не знал об этом? Скрывали? Государственной тайной было? Да как же евреи-фронтовики смели ордена носить? Не грозило ли это им репрессиями? Вспоминаю, как праздновали День Победы в ЦДЛ. Перед началом — построение в вестибюле, им командует Генрих Гофман, перекличку проводит Алик Коган, в ресторанном зале за командным столом сидят генерал Драгунский, тот же Гофман, Марк Галлай — кто тут не еврей?

Но вот что еще интересно! У меня есть стихотворение «Алтарь победы». Оно тоже имеет посвящение: «Памяти Игоря Зайцева, Володи Семенова, Фридриха Бука, Лени Гиндина — всех моих одноклассников, не вернувшихся с войны». Последний в этом списке — еврей, а, может, и предпоследний. Но стихотворение было беспрепятственно напечатано в «Правде», никто не требовал, чтобы я вычеркнул Гиндина или Бука. А уж не «Правда» ли цитадель антисемитизма?

Однако что же все-таки это за повесть? Где печаталась? Оказывается, «Южнее главного удара». Напечатана в 1957 году в том самом журнале «Знамя», где позже Бакланов де-

сять лет был главным редактором и получал на издание субсидии от Сороса. И вот там-то в самый-то разгар «оттепели» он натолкнулся на такой тупой антисемитизм? Странно...И почему не сказано, кто именно давил? Ведь прошло 50 лет, уж теперь-то чего скрывать?

Отгадку сей недоговоренности, видимо, дают вот эти строки из воспоминаний Станислава Куняева, как раз в те годы работавшего в «Знамени»: «Писатель-юморист Виктор Ардов заходил в нашу комнату и однажды, остановив взор на мне, незнакомом ему новом сотруднике, спросил: «А вы, милейший, не полужидок?» И смотрел на меня с подозрением: как это нееврей может работать в таком престижном журнале?! Вот отделом критики заведует «полужидок» Самуил Дмитриев, его помощник — Лев Аннинский, тоже полукровка, в отделе публицистики — Александр Кривицкий, Миша Рощин (Гибельман) и Нина Каданер, в отделе прозы — Софья Разумовская, жена Даниила Данина, секретарь редакции — Фаня Левина, заместитель главного — Людмила Скорино, украинка, жена еврея Виктора Важдаева — все наши! И вдруг какой-то русский!» (Поэзия. Судьба. Россия. Т. 1. С. 111). И оказался он тут только потому, что привел его Борис Слуцкий.

Понятно, что при столь густом составе редакции Бакланов не пожелал никого называть по именам, а предпочел полную анонимность, позволяющую подозревать того же Кожевникова. Склоняя голову перед памятью его погибших братьев, нельзя не сказать однако: не следует, Гриша, спекулировать тенями мертвых, тем более, если это тени близких родственников.

Супер или квази?

Как читатель, очевидно, уже догадался, главное в статье Бакланова — национальный вопрос преимущественно в его еврейском варианте. Он пишет, что национальностью

«никогда не интересовался.... Даже во взводе у себя меньше всего интересовало, кто — кто». До того он суперинтернационалист. А мне это читать странно. Меня, наоборот, очень интересовало. В самом деле, кого, кроме русских, я знал до войны? Пожалуй, только украинцев, евреев да татар. А на фронте, кроме названных, я впервые встретил казаха Райса Капина, грузина Вано Бердзенишвили, молдаванина Юрескула, удмурта Афанасия Адаева, мордвина Модунова, цыгана Лешку Казанина, узбека Абдуллаева, литовца, фамилию которого уже не помню... И как это многообразие могло быть неинтересно мне, восемнадцатилетнему! Я любовался им! И ведь о чем говорили мы, когда была возможность? Да главным образом о том, кто откуда, как у кого хлеб пекут, как свадьбы играют. Другое дело, что никаких трений, распрей на национальной почве не было.

Бакланов лукавит, когда говорит, что национальность его никогда не интересовала, что «не делил людей по составу крови. Этим занимались фашисты». А кто же в статье размышляет о «составе крови» сыновей Солженицына: то ли наполовину, то ли на четверть они евреи — Розенберг?

Если не интересовался, то чем объяснить все эти подсчеты и выкладки: сколько евреев было на фронте, сколько погибло, сколько из них стали Героями Советского Союза и т.д. Причем в этих выкладках Бакланов нередко расходится с коллегами, а кое-что у него и довольно сомнительно.

Сбивчивая бухгалтерия

Так, он пишет, что евреев на фронте было 434 тысячи, а Рабинович — 501 тысяча. И оба уверяют, что это — «по данным Центрального архива Министерства обороны». Кому верить? У Бакланова «погибло 205 тысяч, т.е. почти 50%». А у Рабиновича — «142,5 тысячи, что составляет 28,5%» (Россия еврейская, с. 187). Кому верить? Хочу поверить Бакланову как фронтовику и моему однокашнику, но это же крайне

затруднительно: если погибло 205 тысяч, то ведь наверняка было, как водится в больших войнах, раза в три больше раненых, но оставшихся живыми, т.е. еще тысяч 600. Выходит, на фронте было уже около 800 тысяч евреев — почти в два раза больше, чем 434 тысячи объявленных раньше. А ведь еще многие были и не убиты и не ранены. Это сколько ж всего получается? Да, пожалуй, миллиона полтора. Куда же двать 434?

Или вот Бакланов доверчиво цитирует статью В.Каджая в Интернете: «Среди погибших воинов-евреев 77,6% составляли рядовые солдаты и сержанты и 22,4 — младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты». Но ведь 77,6 + 22,4 = 100%. То есть подсчитаны все погибшие евреи. Из этого следует одно из двух: или выше по званию, чем старший лейтенант, евреев на фронте не было,что крайне странно, или каким-то чудесным образом ни один еврейского происхождения капитан, майор, подполковник и выше за всю войну не погиб, предоставляя эту возможность младшим по званию. Как в песне: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Как после этого безоговорочно принять на веру, что «абсолютное большинство евреев Героев Советского Союза — пехотинцы»? Тем более, что Рабинович пишет, что пехотинцев из 108 Героев-евреев было только 34 (там же, с.198), т.е. меньше трети. В свете сказанного можно посоветовать Бакланову не повторять больше и то, будто «половина евреев звание Героя получили посмертно». Тем более, что к сказанному можно добавить такое соображение. В 1987—1988 годах в Воениздате вышел биографический словарь «Герои Советского Союза». В нем почти 13 тысяч имен. Возьмем несколько особенно распространенных у нас русских фамилий. Больше всего Героев по фамилии Иванов — 84 человека, почти все они русские. Из них посмертно получили звание 19 человек, это около 22%. Среди тоже почти поголовно русских Кузнецовых — 69 Героев, из них посмертных 12, т.е. примерно 17%. Смирновых — 41 Герой, из коих

получили звание посмертно 11, что составляет около 25%. В среднем это около 20%. Ну почему же, Бакланов, у евреев в два с половиной раза больше? Что, они шли на несравненно более опасные, почти наверняка смертельные подвиги, чем другие? И тут впереди всех? Подумай, Гриша...

Бриллиант, изрекающий правду

Наконец, если Бакланова никогда не интересовала национальность человека, то чем объяснить его настойчивые поиски евреев там, где их никогда не было или — то ли были, то ли нет? И желание найти так велико, что бесстрашно залезает в глубь времен.

Впрочем, в этом деле гораздо энергичней промышляет его младший собрат Яков Рабинович, с него, пожалуй, и надо начать эту тему.

Яков Иосифович обожает свою нацию. Что ж, прекрасно! Никто не против. И я люблю свой народ. Но он еще и убежден в том, что «евреи — это бриллиант в короне Всевышнего». Вот так о своем народе я говорить не стал бы и не только потому, что у Всевышнего нет и не было никакой короны. А Израиль, говорит, «по своему интеллектуальному потенциалу примерно равен всей Западной Европе». Слава Богу, мы живем в Восточной.

«Без евреев,— читаем и такое, — Россия никогда не смогла бы достичь тех высот, которых достигла». Да что Россия! «Без евреев немыслим весь процесс мирового развития в целом». Ну, это мы слышали неоднократно. В частности, покойный поэт Семен Липкин еще в далекие советские годы напечатал одновременно в журнале «Москва» и в альманахе «День поэзии» бриллиантовый стишок «Союз И». Он заканчивался так:

Без союзов язык онемеет.
И я знаю: сойдет с колеи,

Человечество быть не сумеет
Без союза по имени И.

Кроме того, Рабинович еще убеждает, что «евреи всегда славились склонностью изрекать правду, и тут одна из причин, почему их так ненавидели... Долг еврея — говорить правду, как он ее понимает». И как же охотно он предается склонности изрекать! И сколько же у него изречений этой правды, по-своему понимаемой, обо всем, в том числе о доселе неведомых нам евреях, которых он приобщает к бриллиантовому братству! Глаза разбегаются, не знаешь с чего начать... Тут и знаменитые писатели, и ученые, и военные, и артисты...Но прежде надо заметить, что товарищ Рабинович не слишком обременил себя познаниями даже в тех областях, где все открыто и, как говорится, лежит на поверхности.

Например, он не знает, какова была численность населения в СССР перед войной. Да что там наше население! Путается даже в основополагающих фактах истории родного еврейства: то говорит, что его соплеменники обретаются в рассеянии по всему свету две тысячи лет (с. 343), а то — целых четыре! (с. 355). А почему не шесть?

Уверяет, что в Советском Союзе «евреям жилось не сладко» (с. 369). Все, дескать, мед ели, а они — только крапиву. В другом месте уточняет: мы жили как в концлагере (с. 74). Но и в концлагере не как все там, а еще и в кандалах (с. 329). Словом, это был «кромешный ад» (с. 351). Но мало того, еще и в большинстве советских фильмов и спектаклей, если появлялся еврей, его изображали смешными, жалким (с. 331). Короче говоря, глумились. Оставим это пока без комментариев, хотя очень хотелось бы узнать хоть один такой фильм, поскольку очень многие фильмы ставили как раз режиссеры евреи. Уж не «Ленин» ли «в восемнадцатом году»? Как раз его поставил еврей Ромм по

сценарию еврея Каплера и есть там еврейка Каплан, стреляющая в Ленина. Она действительно показана жалкой негодяйкой, которую едва не растерзывает толпа. Рабинович негодует: «Это же несправедливо! Это антисемитизм!» Ведь Фани Ефимовна промахнулась! (с.75). Просто глазам своим не веришь: человек не знает, что террористка всадила две отравленные пули, так и оставшиеся в теле, чем, конечно, сократила жизнь Ленина.

Но особенно много самодельных антинаучных деталей в познаниях Рабиновича о войне. Во-первых, он объявляет, что «в приграничных сражениях почти вся Красная Армия попала в окружение» (с. 426). Интересно. А что же в таком случае помешало немцам захватить Москву и Ленинград? Кто их защитил? Вот подумал бы!

Хотя почти вся армия оказалась в окружении, однако «еврейское сопротивление» агрессору в эту начальную пору войны было отчаянным: «В первый год, когда боевых наград удостаивали редко, были награждены 303 солдата-еврея». А офицеры? Ведь их, как уверяет в другом месте, было по одному на каждых двух солдат-евреев. Офицеров почему-то не награждали. «Из 303 солдат ордена Красного Знамени и Красной Звезды получили 185 человек, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 113» (с. 197). Представляете? Орденами награждено едва ли не в два раза больше, чем медалями! Вот ведь сам ставит своих соплеменников в неловкое положение, а обвиняет других. Поймите, бриллиантовый, так не бывает: в больших военных делах подобно тому, как раненых гораздо больше, чем убитых, так и награжденных медалями всегда больше, чем орденами. Ведь это так естественно и понятно: чем выше награда, тем меньше награжденных и наоборот! Например, орденом Красного Знамени за войну было свыше 580 тысяч награждений, а орденом Красной Звезды — 2 миллиона 860 тысяч. В пять раз больше. Но если Рабинович настаивает на своем, то выходит, что

евреям кто-то содействовал получать орденов больше, чем медалей. И антисемиты могут подумать: не Лев ли Захарович Мехлис, который как раз в первый год войны занимал высокие посты начальника Главного Политуправления и заместителя наркома обороны.

Но внимайте дальше о евреях: «Уже в 1941 году было присвоено звание Героя Советского Союза стрелку-радисту Н.В. Стратиевскому, совершившему 292 боевых вылета...» Во-первых, не Н.В., а Н.Б(орисович); во-вторых, не 292, а 232 боевых вылета; в-третьих, получил Героя не в 1941 году, не в начале войны, а в самом конце — 23 февраля 1945-го.

Еще? Извольте... «Сталин издал приказ по Южному фронту «Ни шагу назад!», что означало расстрел». Во-первых, не по Южному фронту, а по всей Красной Армии. Во-вторых, приказ был издан 28 июля 1942 года, а отступление на Сталинградском направлении продолжалось еще больше месяца. И что, всех отступивших расстреляли? Думать надо, дядя, а не лясы точить. «Когда враг дошел до Сталинграда, был создан Сталинградский фронт, командующим которого назначили К.Рокоссовского». Во-первых, Сталинградский фронт был создан 12 июля 1942 года — гораздо раньше, чем немцы подошли к Сталинграду, — это произошло в начале сентября. 3 числа Сталин направил находившемуся там Жукову директиву: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь... Недопустимо никакое промедление». Во-вторых, Рокоссовский не был командующим Сталинградским фронтов, им последовательно командовали маршал Тимошенко, генералы Гордов и Еременко.

«В разгроме гитлеровских войск под Сталинградом решающую (!) роль сыграл 48-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Я.Г.Крейзер». Во-первых, в сра-

жении такого масштаба, как Сталинградское, один стрелковый корпус не может сыграть решающую роль. В-вторых, 48ск в Сталинградской битве вообще не принимал участия. Понимаете? Не при-ни-мал... Но Рабинович не может успокоиться: «Высоко ценил военное искусство Я.Г.Крейзера маршал А.Василевский: «Армия, которой командовал Крейзер, разгромила группу Манштейна под Сталинградом». Тут пример особого искусства, ибо указаны страницы, где, мол, это в книге Василевского «Дело моей жизни» (надо — «всей жизни»), а там Крейзер и не упоминается, т.е. автор протаскивает ложь под прикрытием великого авторитета маршала. С другой стороны, прославляет своего соплеменника за счет другого: командующим 2-й гвардейской армии, разгромившей Манштейна, был Р.Я Малиновский, а Крейзер, будучи его заместителем, командовал вспомогательной группой войск. Наконец, опять же в какое дурацкое положение ставит автор достойного генерала армии Крейзера, Героя Советского Союза!

А маршал Рокоссовский, конечно, заслуживает самых высоких похвал, но не надо писать так: «После непродолжительных кровопролитных боев советские войска под командованием генерала Рокоссовского перешли в контрнаступление, и немецкая операция «Цитадель» была сорвана». Во-первых, Рокоссовский был там не один. Он командовал Центральным фронтом, а кроме того, в этой битве принимали участие фронты Воронежский (Н.Ф. Ватутин), Степной (И.С. Конев), Брянский (М.М. Попов), Западный (В.Д. Соколовский) и частично Юго-Западный (Р.Я. Малиновский). И все они перешли в наступление. Во-вторых, наши войска не просто «сорвали операцию «Цитадель», а отбросили немцев сотни на полторы километров, освободив Орел, Белгород, Харьков и создав условия для выхода к Днепру.

Конечно, не умолчал Рабинович и о власовцах: «Сотни тысяч русских предателей, служивших немцам в РОА!» Да

почему же сотни тысяч? Бенедикт Сарнов считал, что миллионы! Пришлось мне однажды в Малеевке разъяснить ему, что вся власовская РОА это две дивизии, первой командовал С.К. Буняченко, второй — Г.А. Зверев. А это никак не больше 25—30 тысяч. Но молчит Рабинович о евреях, воевавших вместе с немцами. Ведь только в плену у нас их оказалось 10 173 человека (ВИЖ № 9' 90, с. 46). А сколько убито? Сколько избежали плена?.. Пожалуй, как раз власовская армия и будет.

Шибко убивается Рабинович по поводу судьбы «еврейских полководцев». Вот, говорит, во время войны в Красной Армии «высшие воинские звания имели 227 человек». Что за высшие звания — генеральские, что ли? Видимо, так, ибо дальше пишет: «За 8 лет при Сталине было уволено 93 генерала-еврея, а если учесть умерших, то их число сократилось вдвое. После смерти Сталина кампания очистки армии от еврейских полководцев продолжалась». Болезный, а сколько русских генералов было тогда уволено? Это его не интересует. И не соображает он, что шла демобилизация огромной 10-миллионной армии военного времени, и прежнее количество генералов было просто ненужно. К тому же время шло, люди, независимо от национальности, старились и даже, как сам пишет, тоже совершенно независимо умирали.

А со словом «полководец» у нас не все в порядке. Называют полководцами Гражданской войны, например, Чапаева и Щорса. А они командовали всего лишь дивизиями. Это для высокого понятия «полководец» маловато.

Полководцем едва ли можно назвать и командующего армией. Вот командующий фронтом это, несомненно, полководец. Из евреев разве что только Я.Г. Крейзер, который начал войну полковником, командиром дивизии, потом командовал армиями и был заместителем командующего фронтами, стал генерал-полковником, может быть назван полководцем, но не еврейским, конечно, а советским.

Думаю, что предложенное ему Рабиновичем звание «еврейский полководец» он, член коммунистической партии с двадцати лет, со смехом или негодованием отверг бы.

Вездесущность и энергия автора в стремлении сказать хоть какую-то гадость о Советском времени и его людях просто изумляет. Вот уже о послевоенных делах: «Маршалы Конев, Соколовский, Тимошенко выгнаны на пенсию...» Это вас, Яков Иосифович, судя по всему, за невежество и трепливость вышибли с работы под зад коленкой, и вы до сих пор не можете опомниться и злобствуете на Советскую власть, а названные маршалы — Герои Советского Союза, кавалеры высших военных орденов, когда им перевалило за 60, с почетом были переведены на работу Генеральными инспекторами Министерства обороны, на которой и оставались почти до самой смерти на восьмом десятке.

Господи, а что плетет о Сталине! Например, вкладывает ему в уста такое: «Евреи плохие солдаты». Где, когда, кому он сказал это — может, Радзинскому? О Сталине, конечно, Рабинович особенно охотно режет замызганную правдуматку такого пошиба: «Он уничтожил половину России». Странно, почему в эту половину не угодил и Яков Иосифович, такой махровый антисоветчик... Или: «Сталин призывал вести страну по пути изоляционизма». Кого призывал, если он сам вел страну? Видимо, подслеповатый автор спутал Сталина с американским президентом Джеймсом Монро (1817—1825). Этот действительно объявил принцип изоляционизма: «Америка для американцев!» После Октябрьской революции немало политиков стремились изолировать СССР ото всего мира, те же американцы устами Рузвельта признали нас только в 1933 году. А мы с самого начала, еще с Генуэзской конференции 1922 года стремились расширять международные связи во всех формах: и в политике, и в торговле, и в культуре, и в спорте... Но при этом да, существовало то, что рабиновичи всех калибров и мас-

тей именуют «железным занавесом». А на самом деле это был прекрасный фильтр, который свободно пропускал, допустим, Ромен Роллана, Поля Робсона, Рокуэлла Кента, но сквозь него не прошли бы нынешние мерзости поп-культуры (культуры поп) и книги, подобные тому сочинению, о котором здесь идет речь. Иначе говоря, этот фильтр работал в интересах сбережения нравственного здоровья народа. Увы, ныне его уничтожили. Сказать, кто? Да вы же их знаете гораздо лучше меня.

Ну, и напоследок: какой, говорит, конфуз случился в мае 1960 года! Что такое? Да как же! «Американский самолет У-2 беспрепятственно долетел до Урала и был сбит только четырнадцатой ракетой». Неужели четырнадцатой? Откуда такие точные сведения? Не от Сванидзе? А сколько полагается? Надо непременно первой же ракетой? Так он же летел на высоте 20 или 30 километров. Нет, дружок мой брильянтовый, великую конфузию огребли тут не мы, а ваши американцы. Во-первых, У-2 все время был в поле зрения советской службы слежения. Во-вторых, ведь сбили же и, между прочим, именно с первой ракеты. В-третьих, мы одурачили америкашек, не сообщив о судьбе летчика Пауэрса. Они решили, что он погиб и, пользуясь этим, стали врать о невинном характере его полета. А он оказался жив, и их туфта лопнула. Наконец, этого горемыку мы обменяли на нашего мужественного разведчика. И это конфуз?

Больше евреев хороших и разных!

И вот с такой-то оснащенностью ума и памяти товарищ Рабинович занялся самодельным изготовлением евреев из подручного материала.

Ну, начнем с писателей. Пушкин у него хоть и не еврей, но и не русский, а «полуэфиоп», Достоевский тоже не русский — «полулитовец». Как? Каким образом? По отцу? По матери? Неизвестно, молчит. Для него, как видим, глав-

ное порой даже не в том, чтобы талантливого русского человека объявить евреем, а отнять у русских этот талант. Тут мне вспоминается невольно, как однажды в Коктебеле писатель Леонид Аронович Жуховицкий, ныне член редколлегии «Еврейской газеты», представлял мне не только себя полуполяком, но и меня — полунемцем. Это как национальная болезнь или хобби.

Не объясняя, почему Пушкин и Достоевский — «полу», Рабинович зато хорошо знает, почему полуеврей Фет: живи он сегодня, говорит, «имел бы право как сын еврея стать гражданином бриллиантового Израиля». То-то радость была бы для Афанасия Афанасьевича... Но позвольте, полумудрец, ведь хорошо известно, что отец поэта — богатый орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин. И если уж вы не знаете, кто его русский отец, то бесполезно спрашивать вас об иностранке матери, если захотите поправиться: «Ах, нет, не по отцу, а по матери он еврей!» Так и быть, сообщаю: мать его Каролина Шарлотта была католичка, а еврейка или нет, копайтесь сами, мне это неинтересно. Замечу только, что брак с католичкой в России не признали, и Фет всю жизнь добивался фамилии отца, а когда все-таки в старости добился, то Тургенев посмеялся в письме к нему: «У вас было имя — Фет, а теперь вы получили фамилию — Шеншин».

Уже по этим первым примерам видно, сколь печальна степень осведомленности автора и в любимом им деле изготовления евреев. А что дальше?

Очень возмущают Рабиновича русские писатели, которых он милостиво зачислил в евреи, а они от этой великой чести отказываются. Тут целая шеренга от князя Петра Андреевича Вяземского, старшего друга Пушкина, до Алексея Николаевича Толстого. Между прочим, сохранилось 74 письма Пушкина к Вяземскому. И Рабинович мог бы гордо воскликнуть: «Вот какая большая дружба связывала великого полуэфиопа с истинным евреем!» А как отрадно ему созна-

вать, что знаменитые книги «Хождение по мукам», «Петр Первый», «Гиперболоид инженера Гарина» и другие написаны талантливой рукой его соплеменника.

Еще больше добытчик бриллиантов негодует на таких, как Антон Рубинштейн. Когда случалось кто-то ему напоминал о его еврейском происхождении, говорят, он спесиво отвечал: «Я православный русский дворянин!» Рабинович кривится: «Ну и Бог с ним, с русским дворянином! Обойдется еврейство и без него!» Еще легче оно обошлось бы без Рабиновича.

Неутомимо ведутся розыски замаскированных евреев и за пределами нашего отечества. Например, представьте себе, уверяет, что евреи и Рихард Вагнер, любимый композитор Гитлера, в честь которого в нацистской Германии утраивались празднества да фестивали, и генерал Франко, которым, оказывается, некоторые евреи гордятся, и немецкий канцлер Гельмут Шмидт, и даже какой-то не названный по имени — и так, мол, все знают — шведский король, а еще и таинственный «бас Большого театра» — все евреи. Бас — то не Марк ли Осипович Рейзен, дважды Георгиевский кавалер и трижды лауреат Сталинской премии?

Служил Гаврила и евреем...

Но особенно много сознательно скрытых советской властью евреев Рабинович обнаружил среди участников Великой Отечественной войны, руководителей промышленности и конструкторов. Например, генералы Глазунов Георгий Захарович, Ласкин Иван Андреевич, Стельмах Григорий Давыдович, адмирал Анатолий Галицкий, полковники А. Кривулин, С. Карагодский, танкостроитель Котин Жозеф Яковлевич, авиаконструктор Жезлов Михаил Сергеевич, конструктор огнестрельного оружия Шпитальный Борис Гаврилович, разведчик Лев Медведев, которому-де из-за его еврейской национальности не дали вторую Звезду Героя и т.д.

Прекрасно! Однако как всему этому верить, если в иных случаях автор не знает или скрывает отчество, дает только имя или — один инициал, а то даже путает имена и фамилии. Например, Котин у него Костин, а Иван Ласкин — Юрий Ласкин. И почему этот Иван должен быть евреем? А фамилии Кривулин, Медведев шибко еврейские? Среди Героев Советского Союза 13 Медведевых, и все русские. А Рабиновичу для превращения человека в сияющий бриллиант достаточно того, что он Лев. Да это же международное имя. Его имеют и многие евреи, и многие русские, и люди других национальностей. Одних пап римских по имени Лев было больше дюжины. Вспомните хотя бы Льва XIII, восседавшего в Ватикане с 1878 года до смерти в 1903-м. Ну, была в истории папства одна папесса, но еврея — ни одного. Кстати, Льва Медведева среди Героев нет. Откуда взял?

И Гаврила, отец Шпитального, тоже еврей? Помните?

Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булку испекал.

Так он в свободное время еще и евреем служил у Рабиновича?

А с чего решил автор, что генерал Стельмах еврей? Был известный писатель Михаил Афанасьевич Стельмах, академик, Герой Социалистического Труда, Ленинский лауреат, депутат Верховного Совета СССР — истинный украинец!

Тут не столько ошибки, сколько печальные детали тупой антинаучности. Как только Рабинович встречает фамилию с окончаниями не на «ов» и не на «ин», наиболее распространенными среди русских, так немедленно цапает и тащит в бриллиантовое царство.

Или вот объявлен евреем адмирал Анатолий Галицкий. Какие доказательства? И почему скрыл отчество? А оно не Иванович? Был генерал армии Кузьма Никитович Галицкий

и генерал-лейтенант инженерных войск Галицкий И.П., оба кавалеры многих орденов, в том числе — Суворова и Кутузова — тоже евреи? В Литературном институте помню профессора Галицкого Льва Николаевича — и он? С какой стати зачислен в евреи член Медицинской академии наук Владимир Федорович Зеленин?

Цезарь Куников и Михаил Ромм

«Коммунистическая пропаганда и цензура делали многое, чтобы скрыть или приуменьшить подлинные факты участия евреев в войне», или, как пишет Рабинович в другом месте, «в еврейском сопротивлении». И вот какую демагогию громоздит для доказательства этого вокруг славного имени Цезаря Львовича Куникова: «На протяжении многих лет длилась позорная история с национальностью майора Куникова. Фронтовое начальство умышленно(!) внесло в наградной лист на представление еврея к званию Героя национальность «русский», чтобы избежать отклонения ходатайства (о наградах не ходатайствуют, к ним представляют. — *В.Б.*) вышестоящими начальниками-антисемитами».

Откуда ему это известно? Такие вещи надо доказывать с наградным листом и другими документами, с фамилиями начальства в руках, а без этого кто поверит человеку, считающему евреем любимого композитора Гитлера? Хоть объяснил бы, откуда взял, что «вышестоящее начальство» — антисемиты, а «фронтовое начальство» — вовсе нет. Ведь сам же пишет, что такой представитель самого высокого начальства, как министр обороны маршал А.А. Гречко в своих воспоминаниях, «перечисляя национальности героев битвы за Кавказ, назвал Куникова евреем». Вот именно — «перечисляя национальности». А обычно в литературе о войне национальность просто не указывается. Нет, Рабинович с этим решительно не согласен, он требует, чтобы всегда и везде евреев, выделяя изо всех, называть евреями. В Азове

поставлен памятник. Что, и на нем надо было выбить: «Герой Советского Союза еврей Ц.Л. Куников»?

«Много лет в книгах и открытках воспроизводили «русскую» национальность Куникова». Вот, например, книга П. Межирицкого «Товарищ майор». Поинтересуйтесь, что там на сей счет. Но из множества, по его уверению, публикаций Рабинович привел лишь один случай: в 1-м томе биографического словаря «Герои Советского Союза» Куников действительно назван русским. Да, ошибка. И она там не единственная в этом роде. Например, Абрамов Ш.С. назван татарином, а он тат; Ачмизов А.А. назван черкесом, а он адыг, вот и Куников. И все эти обычные в издательском деле ошибки исправлены во 2-м томе. Чего тебе еще? Таты и адыги не шумят, не визжат, а Рабиновичу за издательской ошибкой видится коварный антисемитский заговор, не иначе: «Каждому ясно, что это не опечатка, а юдофобская выходка». Каждому, кто спятил.

В справочнике, говорит, еще нескольким евреям приписана иная национальность. Трудно поверить, уж он бы не упустил шанс, вволю потоптался бы на каждом факте, разоблачая антисемитов.

Если поверить, что в наградном листе Куников действительно назван русским, то ведь этому есть гораздо более правдоподобное объяснение, чем зверский антисемитизм. Его имя и отчество не имеют никаких национальных признаков, они интернациональны, а фамилия вполне русская по форме, вполне возможно, что когда-то она была, допустим, Кун, но он сам придал ей русскую форму, считая себя, русским, как, например цитируемый в книге «Быть евреем в России» кинорежиссер Михаил Ромм: «Я родился в Иркутске, вырос в Москве, говорю только по-русски и чувствовал себя всегда русским, полноценным советским человеком» (с. 442). Почему же Куникову отказывать в том, чем был наделен Ромм? Да разве он один! К тому же ведь Куни-

ков был представлен к званию Героя уже посмертно, спросить было невозможно, а документы могли при штурме не сохраниться. Понимает ли Рабинович, что такое захватить плацдарм на другом берегу? Вот это и проделал штурмовой отряд Куникова в ночь на 4 февраля 1943 года в районе села Мысхако и поселка Станичка южнее Новороссийска. Тут не до национальности, не говоря уж о документах.

Скорбя о погибшем, надо радоваться, что и Героя присвоили ему быстро, без волокиты, и навечно зачислили в списки части, и памятник поставили в Азове, а мемориальные доски — в Ростове, где он родился, и в Москве, где работал, его именем названы танкер, а также школы и улицы в Ростове, в Новороссийске, Туапсе, Азове, поселок Станичка переименован в Куниковку, и в самой столице в его память переименована площадь Земляной Вал да еще и во множестве не только военных справочников имеются статьи о нем, и книги написаны. Что еще вам не хватает — оперы? Назовите второго Героя, памяти который было бы оказано столько внимания. Радоваться бы надо, говорю, а он грязную склоку заводит из-за одной издательской ошибки, к тому же исправленной. А потом еще и вопли: «Вот почему нас всегда ненавидели — за правдивость!» Да, за такую правдивость могут возненавидеть везде и всегда.

По цинизму вранье о Куникове можно сравнить, разве что с враньем о Владимире Высоцком: «Его долго и упорно преследуют, не давая возможности публиковаться», поскольку-де кто-то в его роду еврей. Для артиста публиковаться это играть на сцене или сниматься в кино. Так вот, Высоцкий был ведущим артистом одного из самых популярных театров и там играл важнейшие роли вплоть до Гамлета и снялся в 30 фильмах, а песни его слушала вся страна. Что же до текстов его песен, но на бумаге они сильно проигрывают по сравнению с его живым исполнением. В самом деле, ну что такое?

Где мои семнадцать лет?
На Большом Каретном!
Где мой черный пистолет?
На Большой Каретном!
Где меня сегодня нет?
На Большом Каретном!

Чушь! А когда он пел, публика неистовствовала.

А преследовали его так упорно, что он вынужден был жениться на француженке, чтобы прятаться за ее импортную спину.

Вот еще прелестный эпизод: «Не везло в советской печати одному из руководителей обороны Брестской крепости Ефиму Моисеевичу Фомину... Почти никогда не указывали ни его национальности, ни его отчества. Проявляя к его памяти неуважение, граничащее с оскорблением, намеренно опускали его еврейскую национальность». Если это почти оскорбление, то как охотно занимается этим в своих книгах Рабинович.

Ну, а отчество, как мы видели, он и сам то и дело не указывает (Анатолий...Галицкий, Борис... Шпитальный, Лев... Медведев и т.д.). Но что такое отчество? Был в царской армии крупный генерал Николай Иудович Иванов (1851—1919). Командовал Киевским военным округом, во время войны — Юго-Западным фронтом. Откуда ему досталось еврейское отчество, вернее, его отцу — имя? Оно есть в святцах, вот по ним и дали. А что такое имя? Оно тоже берется из святцев или просто с потолка, по вкусу. На соседней странице Рабинович упоминает Тараса Фисановича. Имя чисто украинское, а он — щирый еврей. Скорее всего, именно так дали имя и отцу Фомина, и ему самому. А вот фамилия гораздо более коренная вещь, чем имя или отчество, она уходит в глубь веков. И сколько среди русских Ефимовых да Моисеевых!

В поисках бриллиантов Рабинович забрался даже в позапрошлый век и привел оттуда в свой стан еще и знаменитого адмирала П.С. Нахимова. И тут нам пора вернуться к Г. Бакланову.

Провокатор Азеф и адмирал Нахимов

Бакланов пишет, что дед адмирала Нахимова «был местечковый сапожник Нухим, а отец — кантонист, которого крестили: был Самуил, стал Степан. Потомки Нахимова живы, носят его славную фамилию: это(?) от его невенчанной жены Рахили, которая отказалась креститься, и ее изгнали с детьми из их поместья в Курской губернии, когда адмирал умер».

Я готов поверить, но сразу сомнение вызывает уже одно то, что автор скрыл источник. Где он все эти сведения раздобыл? Естественно, приходит на ум, что родничок-то уж больно недоброкачественный. И почему лет полтораста такие дотошные, как Бакланов и Рабинович, не раскопали это? А если давно раскопали и все знали, но при кровавом «тоталитарном режиме» не смели заикнуться, страшась четвертования или посажения на кол, то почему, допустим, Эммануил Бройтман в своей книге «Знаменитые евреи», вышедшей у нас в 2000 году уже при полном разгуле демократии третьим изданием, среди 180 евреев, в числе которых и такие, как провокатор Евно Азеф, террористка Фанни Каплан или чемпион по фехтованию Марк Мидлер, и вытащенные из глубины веков историк Иосиф Флавий, философ Спиноза и петровский дипломат Шафиров — почему при всем этом автор не нашел в книге места для знаменитого адмирала, гордости Российского флота, который мог бы стать и гордостью евреев? Как и имена Вагнера, генерала Франко, Алексея Толстого и многих других, упоминавшихся выше.

А откуда родом, где жили дед и отец адмирала? И кто их жены? Если Нахимов был с женой невенчан, значит, он

православный. Надо полагать, и дети адмирала крещеные. А умер он в 1855 году от полученного ранения, вся Россия плакала и скорбела о герое Синопа и Севастополя, и вот именно тогда его жену и детей выгнали из дома? Кто посмел? Да ведь это не коммуналка, из которой, впрочем, в советское время тоже не выселяли на улицу, а адмиральское поместье. И что, только потому выгнали, что вышеназванная Рахиль не захотела креститься? Невозможно поверить! Не было закона, который обязывал евреев креститься. Словом, запоздалая новость Бакланова вызывает слишком много вопросов и сомнений. И здесь полезно бросит беглый взгляд на самого писателя.

Бакланов и Сарнов, антифашисты

Его литературная и гражданская судьба — завидней не придумаешь! Множество романов и повестей, пьес и киносценариев, изданий-переизданий, собрания сочинений, высокие должности вплоть до секретаря, сопредседателя правления СП СССР и главного редактора журнала «Знамя», а также заграничные поездки аж до Америки включительно да еще, конечно, куча премий и орденов. А после 1991 года, когда вышел из партии и под ракитовым кустом зарыл партбилет, к советским орденам и премиям прибавились антисоветские да еще президентская пенсия и членство в Русском ПЕН-центре, в правлении Фонда Сороса, в Совете по культуре при президенте и т.д.

Как читатель мог уже заметить, Бакланов склонен героизировать и мифологизировать свою биографию. Так, на последнем курсе Литинститута (Господи, почти шестьдесят лет тому назад!) отмочил героическую выходку, о которой до сих пор не стыдится рассказывать да еще и обставляет страдальческим антуражем. Однажды я об этом писал, но так как поток лжи с годами не убывает, а наоборот, стано-

вится все шире и мощнее, то, извиняюсь, но вынужден вернуться к старому делу.

В 1992 году Бакланов рассказал об этом на страницах «Знамени» так: «Бывшего комсорга института Бушина я публично назвал фашистом» (№9, с. 22). Смотрите, мол, какой я храбрец: публично! Подробности этого дела я, говорю, уже поведал в статье, напечатанной в «Нашем современнике» в 1994 году и вошедшей в книгу «Окаянные годы» (М. 1997), поэтому повторяться не буду. Добавлю только, что критик Бенедикт Сарнов, другой однокашничек мой того же извода в книге «Скуки не было» (М., 2004. С. 693) назвал меня антисемитом, в доказательство чего привел два факта. Первый: «Я видел по телевизору, как Бушин на коммунистическом митинге красовался рядом с Анпиловым» (с. 451). Второй: «Не зря же еще в студенческие годы Гриша Бакланов сгоряча обозвал его однажды фашистом. Дело было громкое, и Бакланову тогда крепко досталось» (с. 454).

Ну, если «сгоряча», то почему же «не зря»? Именно зря. Но, конечно, все равно можно привлечь балбеса к суду. Да ведь жалко времени, к тому же у него, поди, уже и внуки взрослые. Как они посмотрят на дряхлого, но родного трепача? А главное-то, не могут сообразить эти недотыки, что их орда так все извратила, что сейчас «фашист» звучит как «патриот», а «антисемит» в стране, в ограблении которой евреи сыграли такую выдающуюся роль, это все равно, что орден Дружбы народов.

Но за что же Бакланов-то назвал меня фашистом? Молчит. Чем в его глазах Бушин показал себя фашистом? Неизвестно. Тогда я и Виктора Анпилова не знал. Выходит, оскорбил только за то, что Бушин был комсоргом, вернее, секретарем комитета комсомола. Совершенно как полоумный подлец Сванидзе, обозвавший комсомол гитлерюгендом.

Дальше в один голос с Сарновым: «Разразилось громкое партийное дело, меня исключили из партии, потом обошлось строгим выговором». Лютое вранье, ни единого сло-

ва правды. Есть люди, которые могут это подтвердить: не было ни громкого дела, ни исключения, ни выговора. Состоялось всего лишь собрание курсовой партгруппы из 6—7 человек, почти все они благополучно здравствуют. Бакланов сразу взял свои слова назад, но пытался доказать, что все-таки Бушин «несоветский человек», в доказательство чего привел убийственный довод: «У него нелады с женой». Это была правда, с женой мы вскоре разошлись. И разве это не изобличает антисоветскую сущность человека?

Но однокурсники сказали: «Гриша, заткнись. Попроси извинения, и пошли в бар № 4 отметим примирение». Но он не в силах был тут же извиниться. И вы только подумайте, меня, и доныне защищающего советскую историю, обвинял в несоветскости будущий столп антисоветского режима, завтрашний прихлебатель Сороса...

Но на другой день он не только позвонил, но и примчался ко мне со своими извинениями к черту на кулички — в Измайлово. Я сразу прервал: «Брось. Тут ведь рядом парк. Пойдем я свожу тебя в «комнату смеха». Этим все и кончилось. А потом он дарил мне свои книги, я давал ему читать свои статьи, которые не мог напечатать и т.п. Чуть не дружбанами стали, право. Но вот настала эпоха демократии, и он опять в своем журнале «Знамя» тиражом в 200 тысяч вылез с этим «фашистом» столетней давности. На что расчет? А вот на эти самые 200 тысяч. У меня же нет таких тиражей для его изобличения.

Григорий Яковлевич в шортах на меху

Не избежал баклановской экзекуции даже Константин Симонов. Однажды в 1965 году в Праге, рассказывает экзекутор, жил я в одной гостинице с Эренбургом. Тому с какой-то стати «требовалось выговориться, возможно, в чем-то оправдаться перед самим собой и не только перед собой», но еще, оказывается, и перед Гришей. Странно. Ведь толь-

ко что закончил воспоминания в трех томах, в семи книгах «Люди, годы, жизнь», где вроде бы вволю выговорился, во всем оправдался. «Так вот, рассказывал мне Эренбург,— читаем мы,— как после разгрома в печати повести Симонова «Дым отечества» поехал он к нему на дачу в Переделкино подбодрить». В это трудно поверить. Эренбург на 25 лет старше, друзьями они не были. И зачем ехать старику в такую даль, когда можно позвонить по телефону? Гораздо более правдоподобно то, что пишет Борис Панкин в книге «Четыре «Я» Константина Симонова» (М., 1999): «В первый же день (как появилась разгромная статья Н.Маслина в газете «Культура и жизнь») позвонили с дач Федин и Эренбург» (с. 142). Незадолго до этого они высоко отозвались о повести на обсуждении в Союзе писателей.

А уж дальше — хоть стой, хоть падай: «В шортах, загорелый, лежал Симонов в гамаке...» Да неужели тридцатилетний Симонов встретил почти шестидесятилетнего классика в гамаке? Впрочем, какой гамак, какие шорты! Повесть была напечатана в одиннадцатом, т.е. ноябрьском номере «Нового мира» за 1947 год, а помянутая статья «Правде жизни вопреки» появилась в декабре. На дворе стояла зима, крещенские морозы. Это ты, Гриша, пишешь, лежа в гамаке и в зимних шортах на меху.

И наконец: «Жизнь кончена,— сказал Симонов. После этого он написал «Русский вопрос». Мне запомнились эти фразы, — подчеркивает Бакланов. — «Жизнь кончена».

Что ж получается? Эренбург в Переделкино не гонял, Симонов в гамаке не вальяжничал. А эпизод, между тем, нарисован как образец вопиющей беспринципности покойного Симонова. Вот, мол, написал правдивую, в чем-то критическую повесть, она не понравилась руководству, ее раскритиковали и он тут же быстренько смастачил нечто весьма угодное начальству — пьесу «Русский вопрос». Она, пишет Бакланов, «разоблачала США и сразу, разумеется, пошла на

многих сценах». Ну, разоблачала не больше, чем книга самого Бакланова «Темп вечной погони. Месяц в Америке». Но в данном случае не это главное, а то, что пьеса написана была раньше повести «Дым отечества». Раньше! И это рушит все лживое построение Бакланова о раскаянии, лицемерии и беспринципности ненавистного ему писателя.

К вранью Бакланова мы уже привыкли, но тут он врет чужими устами, вовлекая в свои проделки другого, так же, как Рабинович врал о Крейзере будто бы устами маршала Василевского, — вот что особенно возмутительно.

Между прочим, в числе бесчисленных премий получил Бакланов и премию им. Константина Симонова. Опять напрашивается параллель: это можно поставить в один ряд с желанием ненавистного ему и уличаемого им в лицемерии Солженицына получить Ленинскую премию, на которую его в свое время выдвинули, но — сорвалось. Почему в один ряд? А потому, что как Солженицын ненавидит Ленина, так и Бакланов — Симонова. «Он служил Сталину!» — гневно восклицает Григорий Яковлевич. А это в его устах самое страшное обвинение, равное проклятью.

Но Симонов это все же крупная фигура, и его расположение, похвала, конечно, лестны. И вот Бакаланов рассказывает, как на третьем курсе института, т.е. в 1948—1949 годах, он напечатал в «Литгазете» первый в жизни очерк, после которого «был приглашен к Симонову, главному редактору, был поощрен и обласкан». Больше того, Симонов будто бы проявил трогательную заботу о молодом таланте: предложил после окончания института придти к нему и он примет его на работу. Прекрасно! Только главным редактором был тогда не Симонов, а Владимир Ермилов. Опять вранье!.. Вот теперь и подумаешь, если этот человек врет, не боясь, что его тут же уличат в этом, если он неказистого Ермилова, в шортах никогда не ходившего, лихо превращает в статного красавца Симонова, может, и ходившего, то что ему стоит хоть русского, хоть перса превратить в еврея.

Как генералы Доватор, Катуков и маршал Малиновский попали плен

Но царского адмирала XIX века Бакланову показалось маловато. Он захотел приобщить и советского генерала да еще и маршала. И приобщил знаменитого кавалериста Льва Доватора, Героя Советского Союза, погибшего в боях под Москвой, и столь же знаменитого танкиста Михаила Катукова, дважды Героя. Он умер в 1976 году. О первом писатель и рассуждать не стал, заметив мимоходом, будто и школьники знают, что он еврей. (Больно интересно это школьникам). А второго представил цитатой из воспоминаний Гудериана, битого им, и заключил: «Катуков, если не ошибаюсь (проверить ему лень! А то, что стыдно не знать это военному писателю, и в голову не приходит. — *В.Б.*) маршал бронетанковых войск, дважды Герой — еврей. Я этого не знал до последнего времени, и у нас по известным причинам это не афишировалось». Рабинович добавляет: еще не афишировалось, что и маршал Малиновский, министр обороны, тоже еврей

Какое, дескать, безобразие.

Но ведь у нас не афишировалось и то, что евреи, допустим, Л. Каганович, М.Ботвинник, Д.Ойстрах, Ю.Харитон, А.Райкин, М.Ромм, Э.Быстрицкая и множество других известных евреев в самых разных областях жизни. Видно, Бакланов хочет, чтобы во время войны сводки Совинформбюро в иных случаях были примерно такими: «Вчера танковая бригада, которой командует еврей Драгунский, вела ожесточенные бои на Харьковском направлении». А после войны хорошо, если были бы такие афиши: «12 апреля в Большом зале консерватории состоится концерт Народного артиста СССР скрипача Давида Ойстраха, еврея». Или сообщение в газетах: «После двадцать девятой партии в матче между рус-

ским чемпионом мира Анатолием Карповым и гениальным полуевреем Гарри Каспаровым (Ванштейном) счет стал 5:0 в пользу бездарного русского». Вот это была бы жизнь!

К Бакланову босиком по снегу

Так, значит, о Доваторе все знают, ничего доказывать не надо. А как с Катуковым? Представьте себе, на сей раз Бакланов указывает источник. Но какой! Оказывается, лет пять тому назад в Вене кто-то неназванный организовал поместившуюся в одной комнате выставку. Там были портреты Героев Советского Союза-евреев, и среди них — маршала М.Е. Катукова. Потом об этом была заметка в газете «Труд».

Я, конечно, всегда знал, что Доватор — белорус, Катуков — русский, так о них сказано и в двухтомнике «Герои Советского Союза», и в других источниках, и нет их, конечно, в помянутой книге Э.Бройтмана. Но я вдруг вспомнил, что Бакланов ссылается в своих захватнических устремлениях на потомков адмирала Нахимова, которые-де живы и гордятся своим великим предком. Однако ни имен потомков, ни чего-либо еще о них писатель не сообщает. Я подумал: если живы потомки человека, умершего так давно, то очень вероятно, что живы и родственники тех героев Великой Отечественной, кого Бакланов рекрутирует ныне в самодельное еврейство. Надо найти!

И нашел! Позвонил одному весьма высокопоставленному офицеру, и через два дня он сообщил нужные мне данные о всех родственниках заинтересовавших меня покойных героев.

К первой в конце февраля я обратился к Екатерине Сергеевне Катуковой, вдове маршала. Не знаю, почему. Уж не потому ли подсознательно, что когда не так давно в Косово танковый полк генерала Заварзина совершил дерзкий бросок в Приштину, я напечатал в «Завтра» стихотворение, начинавшееся словами:

Никто не ожидал такого!
Так в сорок первом в грозный час
Бросок бригады Катукова,
Что, может быть, Москву и спас...

Екатерина Сергеевна была достойной спутницей мужа. Еще до войны пришлось ей отведать лиха: первый муж был репрессирован, и сама познала тюремные нары. А с Михаилом Ефимовичем прошла путь длиною в 38 лет, в их числе — и грозные годы войны. Сейчас Екатерине Сергеевне идет 94-й, но она не опускает руки, у нее ясный ум, прекрасная память. Да что там! Еще в прошлом году ходила босиком по снегу. А вскоре после смерти мужа она создала его музей, который открыт для всех. Когда я прочитал ей приведенные выше стихотворные строки, он сказала: «Здесь два слова лишних — «может быть».

Выслушав новость о том, что писатель Бакланов и «Международная еврейская газета» зачислили ее мужа в свои соплеменники, она долго молчала, а потом спросила:

— Вы знаете адрес этого Бакланова?

— Ну, есть у меня справочник с адресами и телефонами писателей. А зачем вам?

—Как зачем? Несмотря на свои девяносто с лишним, я бы сбегала к нему...

— Босиком по снегу?

— Да хоть по битому стеклу. И я поговорила бы с ним по душам.

—Да ведь он тоже старый. Может, и соображает уже плохо.

— Ну, тогда в газету пойду. Кто там редактор?..

Она помолчала и вдруг воскликнула:

— Мой Миша еврей!.. Мой Миша иудей!.. Мой Миша друг царя Соломона!.. Да он родился в крестьянской семье в деревне Большое Уварово тогда Коломенского уезда, а сейчас Озер-

ского района Московской области. И мать и отец — из перерусских русские крестьяне. Эти писаки, что — спятили?

— Как видно, сочли бесспорным доказательством его отчество — Ефимович, которым они заменяют Хаимович: Фанни Хаимовна (Ефимовна) Каплан, Борис Хаимович (Ефимович) Немцов, Михаил Хаимович (Ефимович) Швыдкой...

— Да это самое русское, даже деревенское имя. Мою мать звали Анна Ефимовна! — вскликнула Екатерина Сергеевна. — Что, еще и она, и я — еврейки? Нет, дайте мне его адрес! Главное-то не в том, что зачисляют в евреи, а в том, что лишают человека национальности его предков, его народа и присваивают его жизнь, его подвиги. Если им мало подлинных, пусть берут себе еще Бориса Моисеева, но Игоря Моисеева я им ни за что не отдам. А еврейскую газетку вы мне подарите. Я ее в музее повешу рядом с геббельсовской листовкой.

Я обещал прислать, но адрес на всякий случай все-таки не дал боевой подруге маршала. У нее ведь и у самой множество наград за бесстрашие и решительность.

Следующий разговор был у меня с Натальей Родионовной Малиновской, дочерью маршала и министра. Она рассмеялась и спросила:

— А на что господин Рабинович ссылается? Есть у него какие-то документы или свидетели?

— Никаких! Но плетет очень обстоятельно и уверенно: отец маршала, говорит, был от рождения Янкель — стал Яков, сам маршал был Рувимом — стал Родионом.

— Отец написал в свое время большую автобиографическую книгу «Солдаты России», она вышла еще в 1969 году. Там свою жизнь он описал с самого начала. Вот пусть почитают ее. Он украинец. Везде и всегда писал: украинец. И я украинка по рождению, но — человек русской культуры.

—У меня есть книга вашего отца. А в фантастическом рассказе Рабиновича о биографии маршала о ней — ни слова, ибо она от его выдумки не оставляет камня на камне.

Я рассказал Наталье Родионовне, что в «Военно-историческом журнале» нашел автобиографию Малиновского, написанную в 1938 году. Там сказано: «Родился в 1898 году 23 ноября в Одессе. Отца своего не знаю, в моей метрике было написано «незаконнорожденный». В памяти отложился лишь период 1903 года, когда моя мать Варвара Николаевна Малиновская жила у своей сестры Елены на станции Слободка Юго-Западной железной дороги, где муж ее служил весовщиком» (ВИЖ №4'90, с. 14).

—Да, да, все так, я знаю эту автобиографию — подтвердила Наталья Родионовна. — Пусть почитают хотя бы ее.

— Ведь им и одной Одессы вполне достаточно, а тут еще и незаконнорожденный. Кем мог быть отец незаконнорожденного, которого они хотят сделать своим бриллиантом? Да непременно родственником Рабиновича. Правда, в другом месте Малиновский изображен трусом — человеком, который даже в очень важных государственных вопросах «умел помалкивать», опасаясь быть уволенным на «голую пенсию в 2500 рублей» (с.407).Уж как объяснить это противоречие, не знаю.

Четыре «еврейских премьера» в России. И все мало!

Последняя беседа был у меня с Маргаритой Львовной Доватор, дочерью легендарного генерала. Она моложе Екатерины Сергеевны и постарше Натальи Родионовны, но, понятно, и она в годах.

— Господи, ну когда они угомонятся! Ведь сколько лет уже... Мало им Буси Гольдштейна, мало Чубайса и Немцова, дай им и Доватора!..

Оказывается, еще при Брежневе родственники покойного генерала не выдержали и обратились в ЦК с письмом,

где требовали прекратить в печати принудительную евреизацию их мужа, отца, брата. Им прислали извинение, а в «Вечерней Москве», где главным редактором был тогда известный Семен Исаакович Индурский, впоследствии тесть краткосрочного министра культуры Евгения Сидорова, была напечатана большая статья о Доваторе, в которой, конечно, не говорилось, что он не еврей, но ненавязчиво подчеркивалось, что белорус.

— И женат он был на белоруске,— сказала Маргарита Львовна,— и меня они родили белоруской. Передайте это Бакланову. Его же никто никуда не зачисляет насильно, не отрывают ни от Моисея, ни от Шендеровича. Дайте мне его телефон, я сама ему скажу пару слов.

— Ну... — замялся я.

— Ах, не хотите... Так это ж не проблема — в Москве найти телефон известного человека. Я ему скажу словцо, скажу...

Позже, сама прочитав в Интернете статью Бакланова, Маргарита Львовна позвонила незадачливому автору. Представилась и спросила:

— Откуда вы взяли, что мой отец еврей?

Бакланов тотчас бросил трубку. Что он мог ответить?

Но дочь героя не из тех, кто позволяет так обращаться с собой даже великим писателям. Он снова набрала номер и сказала:

— Что ж вы увиливаете? Ответьте, по какому праву лишили моего отца его национальности.

— Да какая разница, кто какой национальности! — воскликнул интернационалист.

— Если никакой разницы, то зачем же вы перетаскиваете человека из одной нации в другую? Да еще человека, давно погибшего за родину.

Великий писатель опять положил трубку...

Мне вспомнилось, что Рабинович пишет: «Три президента Израиля и четыре премьер-министра — «русского происхождения», т.е. родом из России. Ах, какая радость! Но он не упоминает о том, что и у нас четыре ельцинско-путинских премьер-министра — еврейского происхождения, причем безо всяких кавычек. Разве это «перекрестное опыление» может не радовать Бакланова и Рабиновича? Евреи бывали главами правительств и в других странах: в Англии — Дизраэли, во Франции — Леон Блюм, в Австрии — Бруно Крайский... Но чтобы в короткий срок четыре подряд, такого не бывало никогда и нигде, кроме Израиля. А им и этого мало! А они все об антисемитизме! И ведь, Бог даст, догоним Израиль не только по премьерам, но и по президентам. Имеется прекрасный шанс! Несколько раз на президентских выборах уже фигурировали кандидатами и Жириновский, и Явлинский. Кого ждать в будущем году?

«Дуэль», № 17—19, апрель — май 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Урок Вадима Кожинова 5
В мире пламенных цидулек 49
Последний любимец Лили Брик 58
Открытое письмо в закрытую для нас газету «Патриот» 69
Грозы, позы и метаморфозы литературной сороконожки 79
Что сказал бы Шолохов, Юра? 113
Виноват, ваше превосходительство... 129
Полдюжины живых классиков в одном вагоне 165
Как из поэта делали чучело 184
Разгадка Лили Брик 210
Вороне бог послал уменье каркать 216
Не совсем так, господа... 248
Ответственность таланта 259
Торжества и речи 272
Достоевский, Булгаков и Владимир Бортко, член КПСС 288
Доколе коршуну кружить? 301
Карнавальная дичь 337
Изготовление евреев 350

Владимир Сергеевич Бушин

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ КЛАССИКИ

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *П. Г. Ильин*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

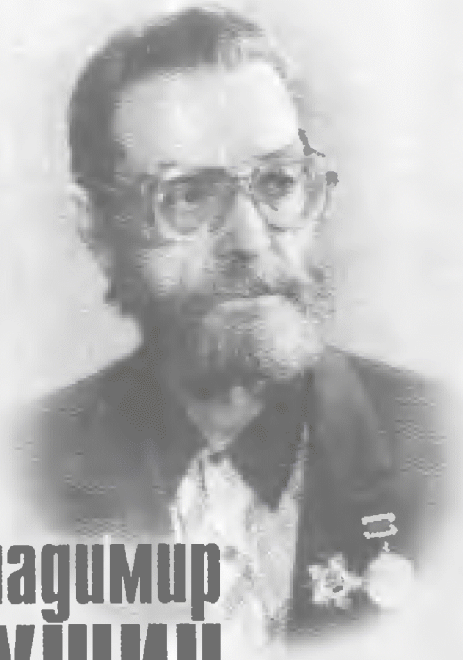
ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Подписано в печать 16.11.2007.
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 4 000 экз. Заказ 5739.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15



Владимир БУШИН

Владимир Сергеевич **БУШИН** родился в 1924 году в селе Глухово Богородского (Ногинского) района Московской области. Школу В. Бушин окончил в Москве за несколько дней до начала войны. С 1942 года – на фронте. В составе 54-й армии прошел от Калуги до Кенигсберга, затем была Маньчжурия, война с японцами... Окончил Литературный институт им. Горького и Московский юридический институт экстерном.

Печататься начал еще в годы войны, в последующее время широко публиковался и публикуется в периодике, издал много книг.

С начала 90-х – активнейший автор газет «День» и «Завтра», «Советская Россия», «Правда», «Патриот» и других патриотических изданий.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ КЛАССИКИ

В своей новой книге Владимир Сергеевич Бушин прошелся своим острым пером по творчеству классиков советской и постсоветской литературы. Звание «мэтров» не уберегло Александра Солженицына и Булата Окуджаву, Александра Проханова и Эльдара Рязанова, Вадима Кожинова и Григория Бакланова от критики «в стиле Бушина», беспощадной и остроумной, от которой, по выражению Сергея Михалкова, никакие «адвокаты не спасут».

ISBN 978-5-9265-0479-5
9 785926 504795 >